

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

ФИЧАДЦ

Длинные Руки —
Грандирини

Длинные Руки —
Грандирини

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ричард Длинные Руки
Ричард Длинные Руки — великий Господь
Ричард Длинные Руки — наследник Господа
Ричард Длинные Руки — сенатор
Ричард де Амальфи
Ричард Длинные Руки — властелин трех замков
Ричард Длинные Руки — виконт
Ричард Длинные Руки — барон
Ричард Длинные Руки — герцог
Ричард Длинные Руки — граф
Ричард Длинные Руки — бургграф
Ричард Длинные Руки — ландграф
Ричард Длинные Руки — пфальцграф
Ричард Длинные Руки — оберграф
Ричард Длинные Руки — коннетабль
Ричард Длинные Руки — маркграф
Ричард Длинные Руки — пруссграф
Ричард Длинные Руки — лорд-протектор
Ричард Длинные Руки — майордом
Ричард Длинные Руки — маркиграф
Ричард Длинные Руки — шаупраф
Ричард Длинные Руки — фрейграф
Ричард Длинные Руки — вильдграф
Ричард Длинные Руки — унграф
Ричард Длинные Руки — конунг
Ричард Длинные Руки — герцог
Ричард Длинные Руки — эрцгерцог
Ричард Длинные Руки — фюрст
Ричард Длинные Руки — курфюрст
Ричард Длинные Руки — пруссфорст
Ричард Длинные Руки — ландесфорст
Ричард Длинные Руки — гранд
Ричард Длинные Руки — князь
Ричард Длинные Руки — эрцбюрост
Ричард Длинные Руки — рейхсбюрост
Ричард Длинные Руки — принц
Ричард Длинные Руки — принц-консорт
Ричард Длинные Руки — вице-принц
Ричард Длинные Руки — эрц принц
Ричард Длинные Руки — курпринц
Ричард Длинные Руки — эрбпринц
Ричард Длинные Руки — принц короны

Ричард Длинные Руки —
гранд принц

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

ФиЧ@РУ

Длинные Руки —
Грандиозный

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован
рисунок *B. Коробейникова*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — грандпринц : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-65132-0

И враги, и друзья пытались остановить его на пути к Храму Истины. Снежные демоны вызвали небывалую бурю, а колдуны и волшебники расставили ловушки. Даже ангелы Тьмы и ангелы Света оказались на одной стороне...

...но разве что-то может остановить доблестного паладина принца Ричарда, когда он мчится к цели на верном арбогастре и в сопровождении Адского Пса?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Орловский Г. Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65132-0

Часть первая

Глава 1

Однажды с вечера ветер стихает, но эту ночь он осаждал дворец, словно упорный неприятель, старающийся взять измором, мощно и терпеливо сыпал в закрытые ставни мелким колючим снегом, отступал на шагок и снова наваливался с шумом и скрежетом.

Иногда порывы бури почти сотрясают замок, вой доносится не только из каминной трубы, но из всяких щелей, о существовании которых летом и не догадываешься.

Утром в покоях настолько светло, что я невольно поиском взглядел зажженные свечи, еще раз посмотрел на сияющий потолок, не сразу догадался спросонья насчет отсвета от свежевыпавшего снега, наверняка засыпало весь двор и перекрыло входы-выходы.

Я зевнул, подгреб к себе поближе теплое тело, оно сладко спит, повернувшись ко мне спиной и согнувшись калачиком, и снова заснул с великим удовольствием и спокойствием лесного зверя, которому в такой снегопад выходить нельзя, а надо спать и хранить накопленный жирок.

Второй раз проснулся, когда со стороны двора через окно донеслись бодрые голоса. Быстро выпрыгнул из постели, наступив на тол-

стую, как полено, лапу Бобика, он даже ухом не повел, а Джоанна сонно зевнула, не открывая глаз, подгребла к себе поплотнее подушку и заснула с нею в обнимку.

Через амбразуру окна видно: по двору уже прочищены дорожки ко всем сарайям и амбарам, слуги широкими лопатами грузят снег на подводы и увозят прочь, где сбросят с обрыва.

Я охнул, разом вспомнив вчерашний разговор с Тертуллианом. Тот предупредил о долгом и трудном пути, дескать, если выеду сегодня, то прибуду на место через неделю-две.

Он не знает, что, если по прямой, как ворона летит, хотя по прямой не умеют только бабочки, мне понадобится намного меньше. Как бы далеко ни располагался Храм, но проптеродактилю туда за несколько часов. Ну, пусть даже за сутки-двоे, а за выкроенное время могу привести дела в порядок здесь.

Коронование, к чему я всегда относился с иронией, сейчас впервые кажется жизненно важным. Если приму корону кронпринца, моя армия получает статус дружественной, а не оккупационной, а то, что на трон возвращается Леопольд, нас особо не задевает. Я и не воевал против местной власти, просто резиденция ближайшая к нам Мунтвига, как мы слышали, располагалась в Сакранте, но у каждого правителя их несколько в разных землях, как и личных замков. Генгаузгурская была просто последней или самой близкой к нам, но Мунтвига здесь и следов нет, а где он сейчас, не знает даже все видящий Норберт.

Быстро собравшись, я перебрался в кабинет, за мной тащился и широко зевал Бобик, как же что-то произойдет без него, непорядок, и почти сразу в коридоре послышались шаги, вошел Альбрехт, радостный, даже сияющий, в дорогих вестготских доспехах, с плеч

ниспадает ярко-голубой плащ с огромным вздыбленным львом, вышитым золотом.

Бобик посмотрел на него в изумлении, Альбрехт поклонился с порога, а я спросил в том же состоянии, что и Бобик:

— Граф, что случилось?.. Идем на войну?

Он заявил возвыщенно:

— Лед тронулся, ваше высочество!

— Вы сами тронулись, — сказал я сварливо. — Зима только началась!.. До ледохода, как мне до отдыха...

Он сказал обидчиво:

— Это же ваше выражение, ваше высочество! Означает, что события начали поворачиваться к нам лицом, а не лягальным задом.

— А у лица какого размера зубы? — спросил я с подозрением. — Рога есть? Клыки?

— Прибыли два отряда, — объяснил он ликующим голосом. — Один из Эстии, другой из Аганда.

— Аганда помню, — сказал я, поймал взгляд Альбрехта, нахмурился. — Что вам, граф? Как-то да, в вечнозеленом... тьфу, вечночерном. Ничего так, своеобразно. На любителя, правда. Есть такие, есть. Что угодно любить будут, только бы не как все... А что в Эстии?

— Это небольшое королевство, — ответил он, — ничем не примечательное, разве что залежи медной руды большие, но добывать ее тяжко. За Эстийей лежат Сизия и Меция. Их короли более расторопные, послы уже торчат у нас, выговаривая дружеские условия...

Я отмахнулся.

— Послы — понятно. А что за отряды?

— Сидите спокойно, — сказал он со вкусом, — ваше высочество! Не дергайтесь, а то выбрякнетесь из кресла... Хоть у вас и ковер, но какой-то потертый. Первый отряд возглавляет принц Ингельдас, что оз-

начает «очень стоящий», то есть принц должен быть высок, красив и дороден, а прибыло нечто мелкое и крайне избалованное. Он наследник короля Агилольфа Третьего. Это в королевстве Аганд, если не забыли, но вообще-то вам пора все эти земли уже записывать в отдельную книжечку...

Я отмахнулся.

— Граф, вам весело, хотя я не понял, с какого перепугу. Что пили? Какими грибами закусывали?

— Вторым отрядом командует Бергавулбас, — сказал он тем же бравурным голосом, — это сын короля Антониуса Йоханнеса Геесинка...

— Который гигант, — сказал я, — и никем никогда не бывал побежден в рукопашных схватках?

— И который первым победил островных великанов, — согласился он. — А что он король, хотя для вас это пустяки, вы уже знаете...

Он смотрел так победно, что я спросил невольно:

— Они шли на помощь Мунтвигу или...

— Или, — сказал он ликующее. — Должен отдать королям Геесинку и Агилольфу должное. Оба среагировали на ваш победный марш моментально. Быстро все рассчитав и взвесив, послали эти символические отряды в ваше войско, тем самым заверив вас в поддержке и полной лояльности!

Я пробормотал ошарашенно:

— Еще бы, отдать сыновей в заложники... Потому и доспехи?

Он кивнул.

— Да, полагалось по этикету. Еще и султанчик коню на лоб, это уже необязательно, но я же вежливый... Кстати, первым прислал заложника король Вендовера, отдав принца Сандорина!

— Да-да, политики...

— Прекрасный ход, — сказал он одобрительно, — тем самым застраховались от того, что ваша армия вторгнется на их земли.

— Я и не планировал, — буркнул я. — Что за дикость?

Он спросил с изумлением:

— Правда? Почему? Что случилось?.. А куда, сразу в Ругенд, Ясти Депр?.. Неужто доспехи снимать? Как надолго?

Я сказал с досадой:

— Граф, не дурите. Там одна мелочь. А приобретения... чисто количественные. Всякие там бедные северные королевства... Наша главная цель — архипелаг островов в необъятном южном океане. Но об этом пока никому, тут шпион на шпионе и шпионом погоняет. Вот вы чей шпион? На кого работаете?

Он хитро улыбнулся, дескать, не признаюсь, хотя я смотрел взглядом младшего помощника инквизитора, который помогает палачу растягивать обвиняемых на дыбе и показывает, как это делать правильно.

— Острова Рейнольдса? — спросил он. — Это те, что император Герман Третий, властелин Солнечной империи, пожаловал вам во владения вместе с титулом эрцгерцога?

— У вас прекрасная память, — похвалил я. — Жаль только, что избирательная.

— Ну, такое забыть, — сказал он с восторгом, — преступление. Судя по тому, что острова были пожалованы вам сразу же после Гандерсгейма, они где-то сравнительно недалеко от берега... И еще мы тогда решили, что на островах что-то очень важное, из-за чего император для захвата этих островов вручил вам сперва Гандерсгейм, а потом подталкивал в море...

— Вот видите, граф, — сказал я бодро. — Тогда было слишком рано, а сейчас в самый раз.

Он сказал задумчиво:

— Ну а тогда бы вы таскали каштаны из огня для императора, а теперь все присвоите... И все те сокровища, что там в недрах и пещерах.

Судя по его довольно лицу и блестевшим глазам, насчет островов поверил. Вот и хорошо. Пусть для широкой рыцарской общественности моей главной целью будут острова. В Южном океане, что немаловажно, а то этот север с его зимой уже не только у меня в печенках, многие мечтают вернуться, пусть даже здесь и добыча.

— Послы явно пользуются голубиной почтой, — сказал он знающе. — И отправили сообщения сразу, как только мы захватили город.

— Быстро среагировали и послы, — определил я, — и сами короли... Те и другие правильно и быстро оценили обстановку. Что ж, приятно иметь дело с умными людьми.

— Но с такими надо держаться настороже, — предупредил он. — Не упустят случая урвать кусок.

— Да уж...

Он добавил бодро:

— Только не из ваших львиных лап, ваше высочество!.. Короля встречать поедете?

— А что, он уже близко?

— Гонцы носятся взад-вперед, наши дипломаты согласовывают мелочи северного и южного этикета.

Я кивнул, вильдграф Вильдан Зальм-Грумбах, лорд земель Ирмии и Нирда, развил бурную деятельность, подготавливая церемонию возведения меня в принцы короны и преемники трона. Маркграф Джонатан Берген и барон Герберт Оберштайн помогают ему и в этом, а уж по Гангера Хельфенштейну, советнику короля Лепольда, можно сказать с уверенностью, что это он все

задумал и умело провернул, и теперь его величество король возвращает себе трон лишь его усилиями.

Даже Раймонд Меммингем, когда-то бывший казначеем королевства и лордом-хранителем большой печати, откровенно радуется то ли как патриот королевства, то ли потому, что теперь может вернуться на свое место, а то и занять повыше. От короля в изгнании откололись и отказались многие из его ранее якобы верных и преданных, так что есть свободные места для себя и многочисленной родни.

Правда, Леопольд может и не поверить, что они пошли служить мне только для того, чтобы вернуть его на трон, но королям часто приходится делать вид, что верят, иначе останутся в пустом дворце и даже в пустом королевстве.

Еще со вчерашнего дня герольды читают по городам и весям манифест, возвещающий, что принц Ричард прибыл в королевство Сакрант для борьбы с императором Мунтвигом и поддержки короля Леопольда, который на время военных действий покинул столицу, но теперь возвращается на свой трон и в свой дворец.

В двери заглянул Зигфрид, быстро оглядел кабинет, не спрятался ли кто за портьерой.

— Ваше высочество, завтрак...

— Иду, — сказал я.

В коридоре на треногах на уровне человеческого роста полыхает в чашах огонь. Хорошее решение, одновременно дает тепло и освещает, хотя, наверное, это весьма неэкономично, но короли могут себе это позволить.

Зигфрид распахнул передо мной дверь соседней с кабинетом комнаты.

Небольшая, уютная, хотя не люблю полумрак, я бы зажег эти гигантские толстые свечи в массивных подсвечниках, похожих на колонны. Оба стоят рядом на

столе, но места для блюд хватает. В соседнем с королевским креслом уже сидит Аскланделла, полная спеси и надменности, с башней чернющих волос, перевитых багровыми лентами и украшенных рубинами. Сегодня у нее и платье золотистого цвета с множеством драгоценных камешков, и выглядит царственнее, чем обычно, хотя это и казалось невозможным.

У стены с подносом в руках застыл маркграф Джонатан Берген, который лорд земель Изенбурга и Бирштайна, а также и какого-то Хорна. В трех шагах от него Рионелла, поднос держит точно так же, смотрит перед собой, не только страшится шевельнуться, но и будто вовсе не дышит.

Оба они с маркграфом обязаны прислуживать сюзерену за завтраком, это честь, так считается, иначе я бы их уже заменил простыми слугами.

Сам маркграф в том же камзоле, только золотая цепь с другими камнями, в плечах все так же необъятен, массивен, а голова громадная, как пивной котел, и потому широкий поднос в его лапицах выглядит тарелочкой.

Рионелла тонкая, изящная в поясе, а все ниже упранто в расширяющемся книзу платье, не угадать какого размера... бедра, поднос держит красиво и с гордостью.

Аскланделла чуть-чуть улыбнулась мне, но холодновато и высокомерно, всего лишь этикет, я поклонился, стискивая челюсти, и опустился в кресло. Не знаю, почему лорд должен и даже обязан завтракать с женой или самой знатной дамой, но ладно, терпеть недолго.

— Ваше высочество...

— Принц Ричард, — ответила она.

— Надеюсь, — сказал я любезно, — вас не мучили кошмары?

— Уверена, — произнесла она чистым хрустальным голосом, — ваш сон был тоже мирным. Или мирное — для вас кошмары?

А ведь знает же, подумал я мстительно, кто спал в моей постели, точнее, в чьей спал я, но вслух ответил вежливо:

— Даже очень мирным. Я вообще сплю сном младенца.

— Возможно, — обронила она, — просто не знаете, что ночью задержали еще троих, что пытались прорваться во дворец, пряча под плащами ножи.

— Ого, — сказал я, — они что, хотят моей смерти?

Она посмотрела, как я с удовольствием пожираю мелко нарезанное холодное мясо, покачала головой.

— Нет-нет, ваше высочество, что вы.. Как вы могли такое подумать? Их желания куда проще...

Я сказал подбадривающе:

— Ну-ну?

— Им важно, — сообщила она, — чтобы вашего высочества не было среди живых.

— А-а, — сказал я с облегчением, — прям гора с плеч, сразу от сердца отлегло. Всего-то... Попробуйте эту вот птичку. Хорошо прожарена, мягкое мясо. Молоденькая была, еще вчера летала и пела, бедняжка...

— Вы очень любезны, ваше высочество, — произнесла она с холодком. — Как мне кажется, вы стали слишком заметной фигурой...

Она положила нож и ложку на блюдо с остатками мяса бедняжки-птички. Старший распорядитель сделал шаг к Рионелле, шепнул ей только одно слово, и та тут же приблизилась к нашему столу бесшумно, красиво и грациозно поставила перед Аскланделлой широкое блюдо с горячим мясом и жареными яйцами.

Я сказал довольно:

— Ваше высочество, я прекрасно знаю, что красавец и умница, но приличные люди завидуют молча. А эти вот...

Она чуть изогнула губы.

— Вы стали вообще заметным, ваше высочество. Потому у вас противников прибавляется с каждым днем.

— Ну прям с каждым!

— Нет, — уточнила она, — с каждым вашим усилием и каждым шагом к королевскому креслу.

— То-то так не хочу в него всаживаться, — сказал я. — У меня здоровые инстинкты, их вложил в Адама сам Всевышний, слышали о таком? Он назвал их красиво так это и возвыщенно душой. Потому мы и тянемся к красивому и возвышенному. Ну, я не о вас, конечно...

Она промолчала, еще не придумав, как реагировать. Распорядитель неслышно шагнул к маркграфу, тоже одно слово ему вполголоса, тот приблизился к столу и поставил блюдо передо мной. То есть самцы прислуживают альфа-самцам, а самки — альфа-самкам, как постоянное напоминание о рангах.

Маркграф поклонился и отступил, я коротко кивнул в ответ, как бы полублагодарность, ибо благодарить по протоколу в таких случаях не положено.

Аскланделла, разделывая ножом мясо, поинтересовалась холодно:

— Вы поедете встречать короля Леопольда?

Я взглянул в ее удивительно светлые глаза, напоминающие лед на вершине гор. Густые черные брови грозно смыкаются над переносицей, пытаясь бросить тень вниз и окоричневить глаза, но те остаются не просто светлыми, а предельно светлыми.

— А нужно?

Она наклонила голову, не отрывая взгляда от блюда.

— Да.

— Тогда не поеду, — ответил я, — а что, он дорогу сюда не помнит? Здесь и встречу.

— Лучше здесь встречу я, — предложила она. — Вы же мужчина, вам надлежит быть на коне... К тому же у вас такой красивый конь! Какая грива...

Я покосился на ее пышно взбитые волосы, роскошные, перевитые багровыми лентами, символизирующими, на мой взгляд, не чистоту и невинность, а пламя в аду. У моего коня и то, наверное, не такая масса этой прелести.

— Все знают, — заметил я мирно, — что мне делать, как поступать и где быть. И почему только сами не короли?

Аскланделла заметила ровным голосом:

— Когда слишком, это будет ад...

Я время от времени замолкал, сосредотачивался, вид в это время у меня, думаю, глуповатый или вдумчивый, и на блюде Аскланделлы возникали экзотичные лакомства, которые она точно раньше не пробовала и даже не предполагала, что такие существуют.

Молодец, принимает без тени удивления, царственно, ест спокойно, как будто у нее еще в детстве вырезали любые чувства, способные бросить тень на ее безукоризненность.

После кальмаров размером с наперсток, приготовленных в чем-то особо дразнящем, я создал на ее блюде пирожные, легкие и воздушные, одна видимость, закончил совсем уж сладостями, но она взглянула на меня вопросительно, и я, сосредоточившись, сотворил безумно изящную расписную чашку работы китайских мастеров, а в ней лучший кофе со сливками, который только можно предложить женщине.

Она приняла благосклонно, поблагодарив микроскопическим наклонением головы и легким взмахом длинных ресниц с загнутыми кончиками.

Дождавшись, пока допьет, я поднялся, коротко поклонился.

— Благодарю весьма зело, ваше высочество! Было весьма как бы и даже очень! Спасибо!

Она ответила безмятежно:

— Я знала, что вам понравится.

Глава 2

Если взглянуть с лестницы вниз, то кажется, будто кто-то варит цветной борщ, помешивая гигантской по-варешкой, настолько все ярко и цветисто. Собрались знатнейшие лорды Сакранта, не говоря уже о том, что отдельно кучкуются мои полководцы в ожидании появления сюзерена.

Впервые за все наше пребывание в этом самом гигантском зале дворца такое столпотворение. Все знатнейшие лорды королевства поспешили явиться, расхаживают с несвойственной торопливостью, заново налаживая связи и укрепляя знакомства.

Я спустился бодро и весело, благосклонно ответил на поклоны сакранцев, после коронации они как бы и по закону будут моими подданными, поприветствовал своих воинским приветствием в виде вскинутого кулака.

Альбрехт сказал вкрадчиво:

— Ваше высочество, придется расстаться с королевским кабинетом! Сердце не стонет?

Я фыркнул:

— А что в том кабинете особенного?

— Все-таки, — сказал он значительно.

Клемент прорычал:

— Еще одно королевство!

— А сейчас как будто отступаем, — добавил Сулливан.

Я взглянул на Мидля, тот ответил уклончиво:

— Да, но... это больше похоже на подачку с нашего стола.

Я кивнул, повернулся к Альбрехту.

— Вообще-то, граф, у нас была всего лишь короткая карательная экспедиция на север! А вы что, собирались здесь жить?

Он испуганно перекрестился.

— Упаси Господи! С тех пор как побывал с вами по ту сторону Большого Хребта и увидел цветущие земли на берегу южного океана, меня даже в родную Армландию не тянет.

Он запнулся, словно прикусил язык, путь в Сен-Мари нам практически заказан из-за избрания королем Кейдана, а я смолчал, что дело еще хуже, чем он знает. Слабого Кейдана на днях сместил умелый и решительный полководец Вирланд Зальский, а у этого вырвать что-то из рук будет труднее. Недаром только он в своем замке Аманье сохранил независимость от оккупантов.

Барон Герберт Оберштайн отделился от группы сакрантицев, учтиво поклонился.

— Ваше высочество, я не могу выразить словами, как я счастлив!

— В самом деле? — спросил я.

Он воскликнул предельно искренним тоном:

— Я всегда восхищался вами! А теперь вы не враг, достойный уважения и всяческого почтения, а законный наследник нашего трона!

— Еще нет, — ответил я. — Как его величество? Какие новости?

— Его отряд, судя по сообщениям гонцов, успешно продвигается к Генгаузгизу. Дороги занесло, двигаются медленнее, чем ожидалось. Но как только прибудут... мы надеемся приветствовать вас уже не как благородного и учтивого завоевателя, а нашего будущего короля!

— Подождем его величество, — ответил я.

Гонцы прибывали с интервалом в полчаса, но все до-кладывают, что свита его величества короля Леопольда Кронекера все же продвигается к городу, мужественно и терпеливо преодолевая снежные заносы.

Альбрехт с Климентом и Сулливаном комментировали с иронией, дескать, Леопольд спешит, пока сэр Ричард не передумал, у него ветер в голове, все об этом наслышаны...

Я отправился в крыло для гостей, где для меня уже подобрали покой ничуть не меньше королевских, хотя я вполне мог бы довольствоваться и более скромными, но это недопустимо, ибо зело умаляет мой престиж.

Зигфрид, уже переместившийся туда вместе с охраной, заглянул в комнату, быстро оглядел ее на всякий случай, как будто уже не перерыл все-все и не обнюхал каждый уголок

— Ваше высочество! К вам этот... который алхимик.

— Впусти, — сказал я.

Через порог переступил скромно одетый придворный низшего ранга, так он выглядит теперь, хорошая маскировка, а то эти халаты с хвостатыми звездами и шляпы так и кричат, что нужно хватать и сразу на костер.

Он поклонился и застыл со склоненной головой у порога. Я сказал раздраженно:

— Хреймдар, мы не на приеме!.. Давайте без церемоний.

Он сказал нравоучительно:

— Церемонии возникли не от дурости, ваше высочество, и не от того, что нечем было заняться.

Я отмахнулся.

— Да знаю, ничего зря не возникает. Что-то у вас лицо похоронное.

Он кисло усмехнулся.

— В старину гонцов с плохими вестями вешали.

— Брехня, — сказал я категорично, — кто бы тогда их доставлял?

— А их в запечатанном конверте, — пояснил он.

— Все равно гонцы прочли бы в дороге, — возразил я, — когда дело идет о своей шкуре, не до соблюдения тайн личной переписки. Тем более что гонцы всегда из простого звания, какие уж там соблюдения честности... А что у вас за плохие вести? В городе вроде бы тихо...

Он увидел мое посеревшее лицо, медленно кивнул.

— Вы правы. Зеркало Борменгауса.

— Говорите, — велел я, — про мятеж в Сен-Мари уже знаю. До сих пор не могу свыкнуться... Что еще?

Он сказал осторожно:

— По некоторым отрывочным сведениям, ваше высочество, мы предполагаем, только это не полная уверенность, а только предположение, основанное на урывочных данных...

— Все понял, — сказал я нетерпеливо, — я и без зеркала всю жизнь так живу. Что увидели?

— Увидели многое, — ответил он, — но практически все из увиденного обычный мусор... Но если собрать некоторые данные, то можно предположить, что королева Мезины Ротильда Дрогонская решилась разорвать с вами брак. Кроме того, всячески переманивает на королевскую службу ваши войска, расположенные в ее королевстве, обещая военачальникам золотые горы...

Я стиснул челюсти, на миг в глазах стало темно, но перевел дыхание и произнес почти своим голосом:

— Я и ожидал чего-то примерно такого. Она умная, сильная и решительная. Королевством правила и при муже, что знал только охоту да бесконечные пиры... Конечно же, хотя я у нее и был всего лишь консортом, но она понимала, что, пока я там числюсь, ей не видать полной свободы управления.

Он сказал с поклоном:

— Ваше высочество, я счастлив, что вы приняли эту новость достаточно спокойно. Хотя, конечно, потерять такую женщину...

— Что женщину, — сказал я с тоской, — разве я из тех, кто тоскует по женщине?.. Ладно, ладно, из тех, но только чуточку, да и не навечно такое... А вот то, что потеряно королевство Мезина... Что ж, пусть это будет горшней из моих потерь, но не последней каплей горя.

Он пробормотал:

— Чеканные слова... Кто-то из древних?

Я сказал уязвленно:

— А что, я так не могу?

— Можете, — ответил он уклончиво, — но из присущей вам глубоко внутри скромности никогда не говорите. Что ж, тогда еще новость... ваш друг король Барбаросса ввел свои войска в Ламбертинию, это тоже не должно огорчить...

Я подпрыгнул в кресле, опомнился, сжал с силой подлокотники.

— Что? Барбаросса? В Ламбертинию?

— Увы, — ответил он осторожно, — однако, как ваш друг, он, наверное, не хотел огорчать вас...

У меня вырвалось яростное:

— Он всегда мечтал захватить Ламбертинию!.. Еще с будущим тестем говаривался вторгнуться с двух сторон, Ламбертиния как раз между ними... Для того и женился на дочери короля Джона Большие Сапоги, только я неожиданно помешал, успев вторгнуться туда весьма нечаянно раньше... Как я такое не предусмотрел? Почему поверил... понимал же умом, что дружбы между королями не бывает, а только договора, да и те нарушаются... Что еще?

Он сказал осторожно:

— Нечто неладное в Варт Генце... Мы видели, как лорд Хенгест бросился с обнаженным мечом на Леофрига, за каждым из них уже стояли стеной их люди с оружием в руках... Но времени проверить нет, ваше высочество! Зеркало Борменгауса нельзя вынести из королевской сокровищницы. Разве что выломить вместе с ним всю стену, но король, как я слышал, прибывает сегодня?

Я пробормотал с трудом:

— Спасибо, Хреймдар. Зеркало пока оставь в покое. Оно не наше.

Когда он осторожно удалился, деликатно отказавшись от вина и кофе, я опустил голову на столешницу, подложив кулаки. Свершилось то, чего инстинктивно страшился. И даже не инстинктивно, говорил же себе, слишком много и быстро халаю. Вот и сработали исторические процессы расплоззания...

Центробежные, как принято называть вежливо. И ничего не поделаешь, любая новость идет месяцами, гонцы добираются тоже за несколько недель, почтовая служба была в древности у неких римлян, затем рухнула и она. Люди живут в деревнях и годами не знают, что делается в соседней.

Я бродил по дворцу, не в силах заставить себя что-то делать. Тертуллиану пообещал отправиться немедленно, но сперва коронация, ради нее пока стоит забыть даже о полном провале создания единого экономического пространства...

Разогреввшись у камина, выбрел на балкон, поздно заметил стоящую там спиной ко мне Аскланделлу. В теплой шубе с меховым воротником, она не смотрит вдаль, как мне почему-то ожидается, тем более не смо-

трит во двор, а в задумчивости водит пальцем по заснеженным перилам, вырисовывая причудливые фигурки.

Я хотел отступить, но ощутил по каким-то неуловимым признакам, что она меня учудила, и попытаться сейчас — как бы признаться в трусости.

Она молча ждала, когда я, загребая снег, нанесенный за ночь на балкон, прошел к ней и остановился рядом. Я молчал, а она задержала палец, вырисовывая некую завитушку, посмотрела искоса.

— Принц?

— Ваше высочество, — сказал я. — Не простудитесь. Мы отвечаем за вас перед вашими родителями. Не хотелось бы, чтобы император объявил нам войну из-за такой ерунды, как вы... простите, я имел в виду простуду.

Она даже не улыбнулась, продолжала всматриваться в мое лицо.

— Вам часто говорят, что плохо скрываете свои мысли?

— Все реже, — ответил я. — В последнее время уж почти никогда.

— Зря, — сказала она. — Или вам просто не хотят говорить неприятные вещи.

Я пробормотал:

— А в чем я прокололся? Просветите невежду.

Она кивком указала на свои каракули на снегу.

— Это знакомо?

Я покачал головой.

— Нет, конечно.

— Но у вас было такое лицо, — сказала она уличающе, — что узнали. Разве не так?

Я поморщился.

— Некоторые похожи на те, которые приходилось изучать в раннем детстве...

— Что это?

— Просто математика, — объяснил я. — вон тот знак похож на интеграл, а это радикал или, как говорят в народе, корень... Это смахивает на факториал, хотя и слишком косой, это бинарности... разумеется, если напрячь воображение. Вы наверняка знаете, в облаках тоже можно увидеть и дворцы, и замки, и снежных великанов... Или у вас было безрадостное детство?

Она кивнула.

— Скорее да, чем нет. Я должна была усвоить слишком много для ребенка.

— Даже ненужные знания, — сказал я ободряюще, — развивают мышление и в какой-то мере мозг. Каким бы хламом ни забивали вашу голову, это все лучше, чем пустая. Развитая память — хорошее подспорье в народном хозяйстве и подъеме валового дохода. Только не спрашивайте, что такое валовый доход, я сам не знаю.

— А зачем говорите?

Я пожал плечами.

— Да кто не говорит так?.. Есть такие слова, их называют общими. Хотя вроде бы все слова общие, но эти особенно общие.

Она не сводила с меня пристального взгляда.

— Сэр Ричард, не уводите в сторону. Известно, это магические формулы, очень сильные, могут перевернуть мир... но никто их не в силах разгадать. Однако вы узнали сразу!

Я сказал с неловкостью:

— Кто сказал, что это магия? Разве что иносказательно. Дескать, магия цифр, магия слов, магия улыбки...

Она сунула руку в широкий карман, я молча ждал, она медленно извлекла небольшой шарик и протянула мне на раскрытой ладони.

— Что это? — спросил я.

— Посмотрите, — предложила она.

Шарик размером с лесной орех, очень легкий, словно под тонкой скорлупой пусто, слегка шероховатый, приятный на ощупь...

— И что?

— Сдавите, — посоветовала она.

Я придавил шарик большим пальцем, он тут же зашевелился. Я осторожно раскрыл ладонь шире, он чуть приподнялся, зависнув в воздухе. Я тихонько толкнул его мизинцем, однако он остался в той же точке пространства.

Надавил сильнее, однако это все равно, что попытался бы сдвинуть гору.

Она смотрела испытующе то на странный камешек, то на меня, я сказал раздраженно:

— Ладно, днем так-сяк, а ночью кто-то наткнется — лоб расшибет.

— Да, — согласилась она, — на ночь его оставлять здесь рискованно.

Я смотрел, как протянула руку ладонью вверх, и шарик послушно опустился, словно бабочка на капельку меда. Когда она сжала пальцы в кулак, между ними внезапно коротко и опасно заблистал мертвенно-синий свет.

Через мгновение, когда свет погас, она разжала кулак. На ладони не осталось даже следа странного камешка.

— И что это было? — спросил я. — Не жалко? Должно быть, дорогой...

— Завтра смогу вызвать его снова, — сообщила она. — А вот что это такое... Думала, вы мне это скажете.

— Я?

— Вы, — ответила она, повернулась ко мне лицом и спросила требовательно: — Кто вы, сэр Ричард?

— Э-э, — сказал я, — в каком смысле? Что я прынц, знаете. Зовут меня Ричардом... что еще? Двуногая птица

без перьев, как определил великий Платон, а после того как Диоген принес ему ощипанного петуха и сказал его ученикам: «вот человек Платона», тот уточнил: «и с плоскими ногтями». Мыслящий тростник, как считал кто-то еще очень мудрый, но мне больше нравится определение как царя природы и венца творения... Я частенько христианин так себе, если говорить мягко, но в этом наш Создатель сказал, по-моему, правильно...

— Царь природы, — произнесла она с интересом, — император всего на свете...

— Я так не говорил, — запротестовал я. — Я привел в пример философское определение человека высшими мыслителями. Чего вам еще, принцесса?

Она чуть изогнула в улыбке губы.

— Я спросила, кто таков именно сэр Ричард. Почему он так отличается даже от соратников?.. Что за особая магия вам доступна, таинственный сэр Ричард?

— Таинственный? — переспросил я с великим изумлением. — Вот уж нет более открытого для общения человека, чем я!

— Я это заметила, — сообщила она. — А на самом деле?

Я поинтересовался с подчеркнутым безразличием:

— Да кому это интересно?

— Мне, — ответила она просто, улыбнулась, добавила: — Думаю, не только мне, но других сейчас можно не считать. Из какого вы королевства, сэр Ричард?

Я вздохнул, помолчал, сосредотачиваясь, Асклан-делла молча ждала каких-то признаний, однако я создал два фужера из тончайшего стекла, стенки не толще, чем у яркого мыльного пузыря, тоже играют и переливаются, наполнил горячим пуншем и один протянул ей.

Она взяла молча, но все равно смотрит требовательно, я понял, что увильнуть не удастся.

— Помню с детства, — проговорил я, — их вроде бы называли Срединными... Срединные королевства. Но где они, сказать не могу, так как мой народ... или это было племя?.. покинули те места давно, долго скитались, за это время я подрос. Потом уже самостоятельно добрался через ряд королевств до Зорра. Там получил золотые шпоры рыцаря, так что Зорр можно считать местом моего рождения.

Она сделала осторожный глоток, прислушалась к ощущениям, на лице ничего не отразилось, но после паузы отхлебнула снова и подняла на меня взгляд ясных глаз.

— Но прибыли, — проговорила медленно, — в Зорр уже... сформировавшимся, если можно так сказать. Золотые шпоры не получают простолюдины. А если получают, то лишь за великие подвиги. Хотя, глядя на вас, верю, что вы могли совершить нечто особое... Это вот прекрасное вино у вас все могут делать?

Я запнулся на краткий миг, но от Аскланделлы ничего не ускользнет, смотрит спокойно, однако видит насквозь.

— Ваше высочество, — произнес я, — а не лучше ли скротать время у камина? Там так уютно потрескивают березовые дрова... Это вы северянка, а я человек нежный, слабый, привык к теплу.

Она скрупульно улыбнулась, я провел ее в свой новый кабинет и усадил в кресло у камина, где в самом деле тепло, уютно и защищенно. Аскланделла все так же не выпускает из ладони фужер, я видел, как откровенно любуется изяществом, даже не пытаясь скрыть удовольствие от такой красоты в руках.

Я молча создал блюдо с горкой пирожных, заварных и шоколадных, поставил на каменную полку над очагом.

— Это вам понравится, — сказал я. — Стыдно сказать, но я это вот просто обожаю...

— Стыдно?

— Мужчины не должны любить сладкое, — пояснил я шепотом, — а только мясо с кровью. А я как раз его на дух не переношу.

Она улыбнулась.

— Хорошо, никому не расскажу.

— Спасибо, ваше высочество.

— Вы можете обращаться ко мне по имени, — напомнила она, — когда мы наедине, разумеется.

— Когда наедине, — пробормотал я, — а можно что-то и еще?

Она взглянула на меня поверх края фужера в упор.

— А вы рискнете?

Я посмотрел в ее ясные глаза, она смотрит вроде бы просто и бесхитростно, но от такой откровенности я лишь уронил взгляд и долго не мог оторвать его от пола, чувствуя, что она все еще внимательно рассматривает меня.

— Сматря что, — пробормотал я наконец. — Но вообще-то, честно говоря, я с вами ни на что не решусь... рискнуть. Вы куда большая загадка, принцесса.

— Со мной все проще, — возразила она. — По крайней мере мою жизнь можно проследить с момента рождения. Известно все о моих родителях, моем окружении, моих воспитателях и наставниках... А вы, сэр Ричард?

— Герцог Готфрид Валленштейн, — ответил я, — признал во мне своего сына. Правда, от простой крестьянки. Так что ношу фамильное имя Валленштейнов, очень древний род, давший королевству Сен-Мари многих великих деятелей. А сам сэр Готфрид в молодости по странствовал по очень многим местам и дальним королевствам, имена которых вряд ли даже вспомнят...

Обязательно попробуйте вот эти хитрые трубочки. Они не только красивые, но внутри изумительный крем...

Она кивнула, взяла пирожное, по-прежнему не сводя с меня взгляда, а я торопливо сделал еще парочку.

— И все-таки, — сказала она, — это не объясняет ни ваши ошеломительные успехи на полях битв, ни ваше странное стремление нарушать все принятые обычаи.

— Не все, — возразил я и добавил с трудом: — Аскленделла.

Она чуть улыбнулась, сделала еще глоток, взяла двумя пальцами заварное пирожное с кремом и осторожно откусила.

— Но слишком многие, — ответила она. — К примеру, вы везде стараетесь появиться без своих лордов. А это вызывает их недовольство.

— Не слишком, — пояснил я. — Мои лорды понимают, у меня очень быстрый конь, а у них просто улитки.

— Где вы такого приобрели?

Я ухмыльнулся.

— Идя по стопам своего отца, герцога Готфрида, я тоже немало постравствовал. Что-то терял, что-то находил. Просто находок оказалось больше, чем потерь.

— Расскажете?

— А поверите?

Она улыбнулась.

— Вам? Поверю.

— Это потому что я такой замечательный?

— Нет, просто вы и так окружены тайнами. И что-то в вас необыкновенное... Нет, не вещи. Необычность внутри вас, сэр Ричард!

Я покачал головой.

— Мои лорды так не считают.

Она презрительно фыркнула.

— А им нужно ломать головы? Вы с ними пируете, первым бросаетесь в бой, щедро раздаете захваченные земли, награждаете титулами... Что им еще надо?

— Хотите сказать, что при неудаче припомнят все мои странности?

Она прямо посмотрела мне в глаза и сказала отчего-либо:

— А разве вы сами так не думаете?

— Я постараюсь не потерпеть поражений, — ответил я, вспомнил о потере Сен-Мари, Мезины и Ламбертинии, добавил тяжело: — По крайней мере, сокрушающих.

Она произнесла тем же ясным голосом:

— А какова настоящая цель, сэр Ричард?

— В смысле?

Она покачала головой.

— Будь вы завоевателем, как вас называют, вы бы не остановились на Сакранте. Дальше просторы Эстии, долины Сизии, гористая Меция, Аганд... а эти королевства, на мой взгляд, слабее Сакранта.

— Знаю, — ответил я. — Неслучайно их послы развили здесь такую бурную деятельность. А короли Агильольф и Гесинк прислали всех воинов, которых смогли насобрать, в мою армию, поставив во главе наследников трона.

— И что вы?

Я посмотрел на нее с интересом.

— Аскланделла... а поймете?

— Попробуйте.

Я сказал чуточку виновато, сообразив, что перехватил:

— Вы слишком... прекрасны. Но говорят же, что...

Она произнесла с некоторой надменностью, перебив меня на полуслове:

— Простите, я знаю, что говорят.

— Хорошо, — сказал я, чувствуя, как медленно нарастает раздражение, не люблю, когда меня переигрывают, — а известно ли вам, принцесса, что Господь творил не Землю, а намного больше — вселенную, отыскав в себе крохотнейший уголок, а в той вселенной в самом дальнем уголке есть... назовем его королевством «Галактика», где опять же в дальнем уголке наша Земля... что вовсе не огромная, а песчинка в просторах космоса... и не плоская, а круглая, как яйцо черепахи...

Она поинтересовалась:

— А что такое черепаха?

Я запнулся, сбившись, что-то я слишком издалека зашел, сказал уже без прежнего жара:

— Возможно, всемирная магия, оставшаяся от древних времен, как-то отличает меня, знающего устройство мира, от остальных, незнающих? И в какой-то мере готова исполнять мои приказы... несколько охотнее, чем даже занимающихся магией всю жизнь, но людей диких и невежественных?

Она произнесла спокойно и не меняя выражения лица:

— А вы уверены, что мир именно таков... а земля круглая?

— Уверен, — ответил я, — хотя что это меняет? Для меня, как и для всех, солнце встает на востоке, перемещается по небосводу на запад, а затем опускается к краю плоской земли, за который и прячется. А утром на востоке поднимается то ли новое, то ли это старое проволокли за ночь с запада на восток под днищем и используют повторно, пока ресурс позволяет. Так что я не собираюсь кого-то переубеждать и доказывать то, что мне для моей деятельности завоевателя и захватывателя вовсе не нужно.

— Но что-то же вам нужно?

Я пожал плечами.

— Вам это интересно?

Она покачала головой.

— У меня просто любопытство, но есть люди, которые задают тот же вопрос... А их может двигать не только любопытство.

Я настороженно поинтересовался:

— Вы знаете таких людей?

— Знаю, — ответила она. — И это, увы, очень могущественные люди.

Глава 3

Я подобрался, чувствуя холодок опасности, голос ее звучит серьезно, а еще в нем отчетливо слышны предостерегающие нотки.

— И что... они?

— Пока задают вопросы, — ответила она, — и собирают все о вас, что удается собрать. Но я уже слышала разговоры, что вы — человек крайне скрытный и опасный. Это, сэр Ричард, не те люди, которые подсыпали к вам убийц. Эти... гораздо серьезнее.

Двери распахнулись, словно в них ударили падающий с горы валун, ворвался Бобик, в коридоре мелькнуло виноватое лицо Зигфрида: створкой тяжелой двери могло так шарахнуть, что мозги вылетят.

Аскланделла застыла, Бобик взглянул на нее мрачно, покрутился между нами и бухнулся на ковер, с наслаждением вытянув лапы.

— Обчистил кухню, — определил я. — Теперь будет дрыхнуть весь день. Аскланделла, это я скрытный? Да у меня душа нараспашку, сердце на рукаве!

Она наклонилась, почесала Бобика за ухом, он довольно хрюкнул и вытянул шею, предлагая поскрести еще и загривок.

— У вас это показное, — определила она. — Нет-нет, это не мои слова. Так говорят. Вы не простодушный и верный Бобик.

— Это где говорят? — спросил я с подозрением. — У вас в заокеанской... тьфу, загорной империи?

— У нас в империи, — согласилась она. — Но если думаете, что только там, вы наивны...

— Еще как, — подтвердил я. — Все еще доверяю этому порождению крокодилов. Ну что ж, пусть собирают.

Она чуть прищурила глаза.

— Думаете, не насобирают?

— Если и насобирают, — ответил я, — то глазам своим не поверят. Как и ушам.

Она сказала с расстановкой:

— Значит, я не ошиблась, и ваша тайна... просто... просто...

— Неподъемная? — подсказал я.

— Да, — согласилась она. — Очень. И невероятная.

— Пусть так и думают, — сказал я. — Пусть вокруг меня будет ореол загадочности. Так я и сам поверю, что я не самый обычный серенький человек с простейшими интересами и запросами, а нечто заслуживающее уважения... или хотя бы внимания.

Она покачала головой, а я, выказывая внимание, взял из ее руки фужер, тот сразу растворился в воздухе, и дал вместо него другой, с длинной ножкой.

Аскленделла с интересом смотрела, как он наполняется странным вином золотистого цвета, где со дна отрываются блестящие, как живое серебро, пузырьки и вереницами устремляются к поверхности.

— Так... кто же... вы, — произнесла она задумчиво, — сэр Ричард? И почему только вы владеете этой странной магией?

Я поинтересовался:

— Полагаете, вот возьму и скажу?
— Нет, — ответила она, — вот так прямо нет, конечно, не скажете...

— И непрямо тоже, — заверил я. — Принцесса, я не встречал более совершенной женщины, чем вы, честно. Но такое совершенство вгоняет меня в оторопь. Мне бы что-нибудь попроще, а совершенство я предпочитаю в математике... ну, это такое, что совсем не такое, что понятно женщине. И к вам у меня такое же отношение, как к той же высшей математике, которую уважаю и чту, но... что еще?

— Я знаю, — произнесла она ровным голосом, — что такое математика. И, думаю, смогу с вами потягаться в ее знании. Хотите?

Я усмехнулся.

— Проиграете, принцесса.

— Бойтесь?

— Как хотите, — ответил я. — Каковы условия пари?

— Выиграю я, — произнесла она хрустальным голосом, — вы рассказываете все о себе без утайки. Проиграю, чего явно не случится, раскрываю все тайны я.

— Идет, — сказал я.

— Даете слово?

— Даю, — сказал я. — Слово чести.

Она высокомерно усмехнулась.

— Приступим. Первый вопрос, знакомы вы с... умножением?

— В двадцати вариантах, — ответил я. — Умножение капитала, скорости, в эксле, на ноль, десятичных и простых дробей, корней, мнимых чисел... Вам какое?

Она поморщилась.

— Сколько непонятных слов, чтобы спрятать свое незнание... Просто умножьте, скажем, семьдесят пять на сто восемьдесят!

Я пожал плечами.

— Да ради бога!

Я быстро умножил в столбик для наглядности, она с непониманием смотрела на странную цифру.

— Что... что?

— Результат, — ответил я, — а вы что имели в виду?..
Ах да, простите, как-то не подумал. Как все дикари, вы все еще умножаете с помощью римских букв?..

Она ответила настороженно:

— Разумеется. А вы знаете иной путь?

— Все ленивые люди, — объяснил я, — предпочитают дороги покороче и полегче. Вот смотрите...

Я объяснял, абсолютно не надеясь, что поймет хоть что-то, однако она ухватила не просто быстро, а настораживающе быстро, хотя я чувствовал, что арабские цифры видит впервые.

Еще с полчаса проверяла новый метод, складывая, отнимая и умножая с помощью арабских цифр, затем проделывала то же самое с римскими, к моему изумлению ни разу не ошиблась, наконец отодвинулась от стола и сказала с неохотой:

— Проиграла. А что вы говорили насчет умножения дробей, корней...

— Не берите в голову, — посоветовал я. — Это сложновато даже для меня... временами, а вы слишком красивая. Итак, я готов выслушивать ваши тайны.

Она слегка сдвинула брови.

— Если я расскажу какие-то банальности, вы все равно не сможете обвинить меня, что я что-то укрываю. Как вы сами сказали, красивая женщина не может быть умной.

Бобик всхрапнул, попытался перевернуться на другой бок, но уперся передними лапами в роскошное платье Аскланделлы. Она взглянула с некоторым испугом, то ли за себя, то ли за платье, а он приоткрыл глаз и

посмотрел на нее в великом недоумении: а ты здесь откуда?

Она почесала у него под нижней челюстью, похожей на нечто чудовищное, разве что у тираннозавров были такие, он довольно потянулся и снова заснул уже так, кверхулапо.

— Я не говорил, — возразил я, — что красивая женщина должна быть обязательно дурой, хотя, конечно, это приятно, когда сразу два достоинства в одном человеке. Просто это устоявшееся мнение, которое я с огромным удовольствием, как и все мужчины со здоровыми вкусами, разделяю. Но, как я осторожно полагаю, вы не станете скрывать нечто сенсационное?

— Полагаетесь, — спросила она с интересом, — на мою честность?

— Вы меня оскорбляете, — сказал я с достоинством. — Полагаю, что вы уже на законном основании, как проигравшая, похвастаетесь своей уникальностью.

Она взглянула настороженно.

— Вы... догадались?

— Еще бы, — ответил я, не моргнув и глазом. — Это же очевидно. Разумеется, для тех, кто понимает и бдит.

Она покачала головой.

— Не думаю, что здесь есть кто-то еще... из бдящих. И что вы поняли обо мне?

Я понимающее улыбнулся.

— Аскленделла... Кто проиграл спор: я или вы?

Она кивнула.

— Хорошо. Тем более что вы почти догадались. Хотя не так и не о том, но все же... Да, я и есть империя.

— Вот как, — произнес я, стараясь оставаться тем же благодушным и покровительственным и не выказывать, насколько это меня шарахнуло, даже селезенка как-то болезненно скжалась, а может, это и не селезенка. —

Что-то подобное я и подозревал, хотя и не знал, как это оформить в слова... Значит, империя?

Она кивнула, лицо спокойное, но теперь я рассмотрел на нем и налет легкой грусти, дочь императора не может позволить себе выражать сильные чувства.

— Я сама не знала очень долго, — сказала она, — хотя в детстве чувствовала нечто... а потом эти странные сны о предначертании... но когда маги пришли во дворец и долго общались с моим отцом, а потом с моими наставниками...

— Вы поняли больше, — сказал я.

— Даже больше, чем... больше.

— Мне тоже трудно бывает объяснить свое, — сказал я.

В коридоре послышались шаги, голос Зигфрида, наконец распахнулась дверь, быстро вошли Альбрехт, а за ним осторожно Клемент и Сулливан с Мидлем.

Все четверо малость ошалели, увидев нас в креслах у камина и с фужерами вина в руках, словно ожидали застать драку. Альбрехт тут же зыркнул на блюдо с крошками от пирожных, поклонился и сказал не своим голосом:

— Ваше высочество, мы пришли по важному делу. Но вообще-то можем и в другой раз. Вообще-то да, это разумная мысль...

Клемент сказал поспешно басом, это прозвучало комично, будто слон пытался держаться мышью:

— Да-да, мы лучше попозже...

Я ответил небрежно:

— Ничего, мы тоже как раз обсуждаем с принцессой внутриполитические проблемы региона и глобальные последствия социальных сдвигов в сознании простого благородного сословия.

Клемент и Сулливан переглянулись, оба ничего не поняли, но на Аскленделлу посмотрели с уважением и

даже опаской. Бобик тоже приоткрыл глаз, посмотрел на них, потом на Аскланделлу.

Она помолчала, мне показалось, что на меня взглянула с немым укором.

— Да, — проговорила она с неохотой, — именно сдвиги...

— Серьезные, — сказал я. — И весьма неожиданные.

Лорды смотрели то на нее, то на меня.

— Но значительные, — согласилась она.

— Хотя и медленные, — уточнил я.

— Зато осторожные, — добавила она. — Уверена, ваши лорды такого же мнения.

Альбрехт сказал поспешно:

— Конечно же, такого! Попробовали бы не такого!

Его высочество бывает тяжеловат на руку в гневе. Вы еще не заметили?

Она посмотрела на меня вроде бы с опаской.

— Еще нет...

— Значит, у вас еще все впереди, — пообещал Альбрехт.

Она сказала вежливо:

— Тогда лучше покину вас, пусть его высочество отдохнет от серьезных разговоров, а то у него глаза какие-то... уже почти как у человека.

Они все склонились в почтительнейших поклонах и замерли, пока она неспешно, дочери императоров и даже королей все обязаны делать неспешно, шествовала к выходу.

Бобик посмотрел вслед, даже сделал движение приподняться и хотя бы проводить, но герцог Мидль уже забежал вперед и распахнул перед нею обе створки, поклонился еще раз, уже спине, и вернулся довольный и сияющий, как же, услужил даме, это так важно, так важно в наше рыцарско-галантейное время.

Альбрехт повернулся ко мне, лицо серьезное, сказал неприятным тоном:

— Ваше высочество, у нас сложилось впечатление, что мы с этой коронацией что-то слишком торопимся.

— Это не вы торопитесь, — ответил я. — Это я тороплюсь. Садитесь, дорогие друзья, объясню... Да садитесь же, я говорю не из вежливости, а чтобы не попадали и не поломали мне тут мебель, что уже и не моя, а короля Леопольда, оказывается! И откуда он взялся...

Они сели, я хотел было угостить их вином, но решил, что это слишком, только что старался перед Аскленделлой, но там обошлось пирожными, а эти целого быка сожрут.

Они устроились в креслах, не вальяжно, но и не на самых кончиках сидений, помнят о своем достоинстве и высоких титулах, обратили на меня вопрошающие взоры.

Альбрехт сказал вопросительным тоном:

— Ваше высочество?

Я окинул их монаршим взором, помолчал чуть для значительности того, что будет сказано, заговорил медленно и непререкаемо:

— Я вскоре должен буду покинуть город и даже Сакрант. Такова Божья воля, которую я исполняю паче всего! Сейчас зима, войны не будет до лета... а короля Леопольда теперь можно не опасаться.

Они все четверо застыли, мое сообщение как гром с ясного неба Альбрехт снова нашелся первым, кашлянул, прочищая горло, спросил неприятным голосом:

— Что может быть важнее нашего дела?

— Я Зашитник Веры, — напомнил я строго. — Воин Господа, это важнее. Граф, у человека могут быть обязанности и поважнее, чем драться с себе подобными.

Он помолчал, посмотрел на соратников, но никто не проронил ни слова. Пока иду от победы к победе и

веду их от добычи к добыче, мои поступки остаются за-
ведомо верными.

Альбрехт чуть наклонился вперед в кресле, взгляд
его не оставлял моего лица.

— Ваше высочество...

— Граф?

— Это надолго?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но, думаю, ни-
когда в жизни у меня не было такого трудного... такой
трудной... в общем, на этот раз мне придется в самом
деле нелегко.

— Наша помощь, — поинтересовался он, — пона-
добится?

Я скользнул взглядом по напряженным и засты-
вшим, словно в легенде о спящем королевстве, лицам.

— Спасибо, но... не хотелось говорить, уж и не знаю
почему, но скажу. Мне велено срочно ехать в Храм Ис-
тины.

Все задвигались, словно принц поцеловал спящую
красавицу, и все проснулись.

Клемент громыхнул в недоумении:

— Но разве это не... легенда?

— Легенда, — поддержал и Мидль. — Красивая ле-
генда. Дескать, где-то есть справедливость, где-то пра-
ведность...

— Я поеду в эту легенду, — ответил я. — Потому как
только король прибудет, немедленно проведем корона-
цию, это и в его интересах, и тут же я умчусь.

Суллиган сказал недовольно:

— Не нравится мне это... Король, видя такую
спешку, решит, что это нам очень надо. Начнет что-то
выторговывать.

Клемент выпятил губы.

— Пошлем его к графу. У нашего Альбрехта сам дья-
вол ничего не выторгует, а то еще и свой хвост потеряет.

— И рога, — добавил Мидль.

— Нет, рога ему пусть сэр Ричард сбивает. Это ему по рангу. Но все-таки, может быть, с коронацией все же не торопиться?

Альбрехт покачал головой.

— Надо. Я получил ясный и недвусмысленный приказ сверху. Не просто сверху, а в самом деле Сверху.

Альбрехт покачал головой и поднял указательный палец, указывая в потолок.

— Оттуда?

Клемент прогудел довольно:

— А откуда еще наш лорд может получать приказы?

Только напрямую от Лорда!..

— Даже без посредников? — спросил Мидль с сомнением.

— Только, — ответил Клемент непреклонно, — если подтвердят свои полномочия! Хотя зачем они? Создатель может говорить, как объяснил сэр Ричард, с каждым напрямую. Значит, в Храм Истины...

— Надо успеть, — сказал я настойчиво. — С королем поговорю сам, объясню, что мне надо отбыть, потому если не будет коронации немедленно, то он останется в оккупированной стране! И, скорее всего, снова вынужден будет скрываться.

Альбрехт сказал, морщась:

— Коронация нужна и нам. Армия перестанет считаться захватчиками, если вы станете наследником Лепольда. Думаю, Его величество тоже не склонен оттягивать такое мероприятие. А то вдруг передумаете, вы же получаете указания, как оказалось, свыше, нам не угадать...

Он поднялся, поклонился. За ним встали и остальные. Мидль сказал вежливо:

— Ваше высочество, спасибо, что внесли ясность.

— Мы почти терялись в догадках, — пояснил Альбрехт. — Всяких, разных... ну, вы же понимаете, какие приходят в первую очередь.

— Храм Истины, — проговорил Сулливан задумчиво, — да, понимаю. Надо. Такого, думаю, даже у вас еще не было.

Я проводил их до дверей лишь взглядом, в голове вихрем носятся мысли насчет этого экзотического со-вмещения человека и народа, как случилось с Аскланделлой, такое существовало, как мне казалось, только в наидревнейшие времена у каких-то там ацтеков или инков.

Там король всегда был красив и здоров, так как от него зависело, каким будет народ и страна, а когда старел и слабел, его убивали и заменяли молодым здоровым красавцем.

Не знаю, как здесь, но у слишком многих народов здоровье и внешность правителя служат как бы вывеской, витриной всей страны. Потому короли почти всегда — могучие здоровяки, что сами водят войска в битву, первыми вступают в бой и последними выходят из сечи...

Однако то, что Аскланделла как-то олицетворяет собой империю Вильгельма Блистательного... это вообще как обухом по голове. Надо узнать подробности. Похоже, здесь не только олицетворение, а что-то более серьезное.

Глава 4

После обеда мы с Аскланделлой, сидя на тронах, принимали всяких просителей, а я все старался понять, как это получилось, что мы вот сидим рядом и решаем

их вопросы, пусть даже решают я, а она помалкивает, но у нее такой вид, что вне этого зала решает она.

Похоже, я по своему обыкновению отнесся слишком легкомысленно к ритуалам. Увидел два кресла с высокими спинками, в одно сел сам, в другое пригласил Аскланделлу, дескать, пусть рядом красивая женщина, в Сен-Мари всегда оттуда одаряла всех улыбкой королева турнира, а эта и поярче любой королевы турнира, да еще и настоящая императорская дочка...

Но я все еще простак, а здесь умеют из малейшего промаха извлекать выгоду и наращивать преимущество: Аскланделла цветет на троне и одаряет всех улыбкой, в самом деле настолько блестательна, красива и величественна, что затмит любую королеву турнира, однако же помимо улыбаемости еще и раздает вполголоса оценки собравшимся, очень точные, что злит еще больше.

Пару раз даже подсказала более верное решение, словно она коренная сакрантка и знает все реалии, а я с Луны упал, и хотя подсказала шепотом, я все равно накалился и ждал конца приема, чтобы взорваться или же ее разорвать на части.

Наконец Альбрехт, ориентируясь по истончившемуся потоку просителей, провозгласил:

— Прием окончен! Его высочество принц Ричард и ее высочество принцесса Аскланделла удаляются на отдых.

Я стиснул челюсти, что он несет, это я удаляюсь, нечего мне пристегивать еще кого-то, это же умаление моего достоинства и, главное, моей власти, плюс неясный намек, что мы с нею будем как-то отдыхать вместе, ага, каждый в зале это понимает не просто по-своему, а как раз все одинаково...

Мы прошли через короткий узкий зал, больше похожий на коридор, я смотрел на приближающуюся дверь апартаментов, которые я занял по праву силы, и

считал секунды, когда она закроется за нами, и я дам волю своему гневу.

За мной вдвинулись помимо Аскланделлы мои лорды, я открыл было рот, набирая в грудь воздуха и раздуваясь от гнева, но Аскланделла произнесла чистым ангельским голоском, хотя и с неким брезгливым интересом:

— Неужели ваша трусость, принц Ричард, настолько велика, что и на этот раз откажетесь от королевской короны?

Альбрехт, Клемент и Суллиган довольно закивали, дескать, как точно принцесса выразила их мнение, только они помалкивают, мужчины, это женщину я не ударю...

Я поперхнулся заготовленными словами, засопел, сжал мышцы и кое-как удержал рвущийся наружу гнев.

— Что значит, — поинтересовался я злым голосом, — и на этот раз? На что вы намекиваете... ваше высочество?

— Вам ее уже предлагали, — пояснила она. — Неднократно. Разве не так?

Суллиган прогудел мощно:

— Даже при мне!

— А при мне раз десять, — сказал Альбрехт и тоже, как и Суллиган с Клементом, посмотрел на Аскланделлу как на предводительницу их небольшого кружка заговорщиков. — Да, было, было...

Я проигнорировал друзей, они только подвякивают, инициатор разговора сейчас она, посмотрел на нее уничтожающе, на что Аскланделла ответила прямым и чистым взглядом невинного ангела.

— Ваше высочество, — произнес я настолько скромно, что прозвучало, как предельное высокомерие и чванство, — у меня среди титулов есть нечто повыше!

Она спросила с живейшим интересом:

— Что же это? Неужто император Священной империи?

— Дефендер Веры, — отчеканил я, — а это повыше любых королевских и даже, уж простите, императорских!

Лорды переглянулись, Аскланделла сказала с лицем сочувствием:

— Да-да, понимаю.

— В самом деле? — спросил я с недоверием.

Она вздохнула.

— Когда в светской жизни или мирской, как говорят церковники, возвыситься не удается, многие убогие ищут утешения в служении Господу. Там промахи не так заметны.

Лорды посмотрели на нее с укором, а я, чувствуя, как они уже не столь рьяно поддерживают ее натиск, сделал вид, что глубоко уязвлен ее словами, просто смертельно ранен в самое сердце. Лорды, видя мои страдания, сердито засопели.

— Не удается? — переспросил я. — Что же мне мешает? Танцевать вроде бы умею. Хоть и плохо. Зато хорошо.

— Обыкновенная трусость, — сказала она безжалостно. — Боязнь отвечать за нечто большее, чем у вас есть.

Я подумал и сказал, глядя ей в глаза:

— Ваше высочество, вы абсолютно правы. Если предельно честно, что вообще-то не в моих правилах, я в самом деле не чувствую себя вполне готовым отвечать за... слишком многое. И так ломаю иногда слишком много всего и всякого.

Лорды смолчали, даже Альбрехт опустил взгляд, Аскланделла вроде бы чуть смутилась, я должен был спорить и возражать, но вот смиренно согласился, и она явно ощутила, что я ответил искренне.

После долгой паузы она произнесла:

— Зато у вашего высочества хватает мудрости это понять. И не браться решать задачи, которые провалите с треском.

Но в ее голосе все равно прозвучало ехидство, хотя на этот раз пыталась то ли скрыть, то ли смягчить, и я, сразу ощетинившись, ответил с нужной долей галантности:

— Потому даже и не пытаюсь понравиться вашему высочеству.

Она промолчала, словно впервые не нашлась, что сказать, потом произнесла медленно:

— И, как кронпринц, вы, естественно, будете желать его Величеству королю Леопольду долгих лет жизни?

Лорды насторожились, я перехватил острый взгляд Альбрехта.

— Вы догадливы, ваше высочество, — сказал я, — для женщины, естественно.

— Это нетрудно, — ответила она безмятежно, — учитывая ваш панический страх перед королевской короной. Вам что, предсказали, что она вас удавит?.. А не кажется вам, Леопольд предложил вам титул кронпринца именно потому же?

Я спросил сумрачно:

— Хотите сказать, мой страх перед королевской короной известен всем?

— Всем и не нужно, — ответила она. — А вот заинтересованным...

Вид у нее был, как всегда, покровительственно-победный. Я поклонился и промолчал. Короли всегда ожидают предательства и удара в спину со стороны наследников, так что моя репутация в этот раз мне поможет.

Она произнесла, обращаясь больше к лордам, чем ко мне:

— Давайте продумаем коронацию принца Ричарда, чтобы она проходила в наших интересах больше, чем в интересах короля Леопольда.

Они поклонились ей, признавая ее правоту и мудрость, а я снова ощущал, что она меня переиграла еще и тем, что сказала очень значимые слова «в наших интересах».

— Садитесь все, — сказал я вынужденно, — хотя, на мой взгляд, это довольно простая церемония, усложнять ее не нужно.

— Но есть церемониал, — сказал герцог Мидль с достоинством, — от которого отступить нельзя...

— Но сократить можно, — возразил я.

Он сказал с сомнением:

— Освященное веками...

— Подлежит модернизации, — заметил я веско. — Иначе погибнет! Это я стою на страже вечных ценностей!.. Их надо переодевать в новые одежды, чтобы они не переставали быть ценностями. Впрочем, мне почему-то кажется, король Леопольд тоже не будет против сокращения некоторых не совсем обязательных формальностей. Еще как не будет!

В коридоре послышался топот бегущих ног, строгий голос Зигфрида, затем дверь распахнулась и вбежал один из сотников Норберта.

— Ваше высочество! — прокричал он с порога. — Только что сообщили, король Леопольд со своей свитой уже в десяти милях от города! Как и было договорено, с небольшим отрядомдвигается к городу!

— Прекрасно, — ответил я. — Сколько ему еще?

— Через три-пять часов будет у ворот, — сообщил он быстро и уставился в мое лицо преданными глазами. — Какие будут указания?

— Встречайте, — велел я, — как союзника. Я сам выеду навстречу, как и положено... наверное. А сюда прибудем вместе... если ничего не случится.

Он поклонился.

— Все сделаем!

Я повернулся к лордам.

— Не забудьте нацепить на себя все регалии. Здесь королевство еще дикое, внешнему виду придают слишком большое значение.

Они смущенно переглядывались, внешнему виду везде придают значение, это только я вне правил, да и то лишь некоторых.

Аскленделла произнесла ясным голосом:

— Я встречу его величество с моими фрейлинами, а его дочерьми, в главном зале. Или даже в холле.

Альбрехт ответил за лордов:

— Мы выедем через час, ваше высочество!

— А то за вами не успеть, — буркнул Сулливан. —

Всю рыбу распутаете.

Они выходили один за другим, соблюдая достоинство и строго следя за тем, чтобы какой-нибудь граф не проскочил в дверь раньше герцога, я следил за ними, как мне показалось, с самым непроницаемым лицом, однако все замечающая Аскленделла остановилась, дождалась, когда все уйдут, а когда за последним захлопнулась дверь, спросила тихонько:

— Ваше высочество?

— Принцесса? — ответил я.

— У вас какие-то неприятности, — сказала она, — но вы не решаетесь сказать своим лордам.

Я отмахнулся с фальшивым возмущением:

— Что за ерунда!

— Ваше высочество, — произнесла она с укором.

Я вздохнул, взял ее под руку и усадил в кресло. Аскланделла не выказывает сочувствия или соболезнования, это было бы оскорбительно в отношении такого героя, понимает, не совсем дура, хотя все равно дура, на лице внимание и только внимание. Лишь в глубине глаз вроде бы что-то еще, но кто разберет, что у женщины в глазах на самом деле.

— Вообще-то пустячок, — сказал я бодро. — За время моего отсутствия моя жена разорвала со мной брак.

На ее лице ничего не изменилось, даже голос произвучал абсолютно выверенно и ровно:

— Вы женаты?

— Даже дважды, — сказал я хвастливо. — На королеве Ротильде, есть такое королевство Медина, а также на дочери короля Шателлена, это тоже очень далеко отсюда.

— И какая из ваших жен разорвала брак? — спросила она. — Вообще-то я не думала, что это возможно вот так легко и просто...

— Королева Медины, — ответил я. — Легко ей было потому, что это она женилась на мне... если можно так сказать. Я — принц-конsort, прав у меня было немного, потому могла как вступить в брак, так и разорвать по своей воле.

Она сказала с едва заметной насмешкой:

— Сочувствую вашему горю.

— Я потерял королевство, — отрезал я сердито, — а вам хи-хи? Потому и не знаю, как сказать лордам. Они привыкли, что у меня одни победы!

— Принц-конsort, — повторила она задумчиво. — Это не совсем настоящий брак, я думаю. А вот потеря королевства, да, понимаю. А второй ваш брак?

Я отмахнулся.

— У нас одна жена на двоих. С герцогом Мидлем, вы его видели. Так получилось, эта политика — сложная штука... Герцог Мидль оказался предельно корректным, не захотел оставаться с женой в мое отсутствие, это неблагородно, как он сказал, и тоже отправился в поход, хотя это и не в его натуре.

Она посмотрела на меня с интересом.

— Одна жена на двоих?

Я сказал с неудовольствием:

— Не понимаю, почему это вызывает такой нездровый интерес! Это одна из норм здорового демократического общества: существование разных видов брака, в том числе и простейшей полиандрии. Хотя, конечно, полигамия интереснее.

Она сказала поспешно:

— Нет-нет, я о другом. В королевстве Бранденшир, насколько можно верить слухам, у королевы Юрги Великой четыре принца-консорта. И церковь не особо против, так как королевство процветает, а церковь кроме десятины получает еще и щедрые подарки

— Видимо, — пробормотал я, — ее мужья... члены Тайного Совета?

Она кивнула.

— Вы очень проницательны, ваше высочество. Именно потому она все еще на троне. А с этой половинной женой у вас... в порядке?

— Да, — ответил я. — По крайней мере, так было, когда отправлялся в поход.

Она подумала, сказала рассудительно:

— Ваше высочество, даже этот половинный ваш брак дает право на трон королевства Шателлен. Потому пусть остается в силе.

Я пробормотал в неловкости:

— Но это не совсем... как бы... этично... Когда смотрю на герцога Мидля, что из-за излишней щепетиль-

ности отправился в этот поход, хотя человек он очень не воинственный, а больше домоседный...

Она нахмурилась.

— Вы простолюдин?

— А что, заметно? — спросил я чуть задиристо.

Она покачала головой.

— Как раз у вас та особая простота, которая больше присуща настолько знатным и высокорожденным, что для них почти нет разницы между землепашцем, рыцарем или герцогом.

— Ого, — сказал я. — Вы таких знаете?

Она покачала головой.

— Таких вообще нет. Я говорю о том впечатлении, которое вы производите. Люди, не очень уверенные в себе, везде и всячески подчеркивают свою знатность, титул, древность рода, выставляют напоказ драгоценности... Это везде и со всеми! Только вы...

— Белая ворона, — сказал я. — Это хорошо.

— Что хорошего, — возразила она. — Белую ворону остальные дружно клюют...

— Но потеряв в цвете, — напомнил я, — ворона обретает что-то взамен! Либо острые когти, либо мощный клюв, либо стальные мускулы или непробиваемые перья...

Она сказала настойчиво:

— Какой бы особой вороной вы ни были, но у правителей другая этика, намного более строгая, чем у простолюдинов! Интересы государства вы должны ставить выше своих мелких...

— Мелких?

— Они всегда мельче, — ответила она твердо. — И если ваш брак с половинной женой велит посещать определенное число дней в год или в месяц постель до-чери короля Шателлена, то обязаны это делать в интересах всех жителей королевства!

— И даже под наблюдением? — уточнил я язвительно.

Она ответила предельно серьезно:

— Что делать, у государей больше обязанностей, чем у простолюдинов. Иногда и перед свидетелями они должны доказывать, что выполняют супружеские обязанности. А отчеты уходят в Ватикан папе.

— Вот почему короли завидуют пастухам, — сказал я с досадой.

— Они не завидуют, — заверила она. — А говорить... можно всякое.

— Вряд ли, — буркнул я, — даже половинной жене понравятся наблюдатели.

— Жене может и не понравиться, — согласилась она, — но супруга... супруга мыслит другими категориями. Муж и жена — одно, супруг и супруга — другое. Государи — почти всегда супруги. У них даже детей нет...

— Как это?

— Одни наследники, — пояснила она. — Разной степени.

Я осекся, вдруг показалось, что произнесла эти вроде бы простые слова несколько невесело.

— Принцесса, — сказал я, — простите...

— За что?

— Не знаю, — ответил я. — Вдруг захотелось извиниться перед вами... и сделать вам что-нибудь приятное. Хотите мороженого?

Она взглянула искоса.

— Это то сладкое пирожное, что как снег, только сладкое и... нежнее?

— Да, принцесса.

Она подумала и ответила осторожно:

— Если только это вас совершенно не затруднит. Говоря откровенно, мне вовсе не хочется быть у вас в долгу даже в самой крохотной степени.

— Принцесса, — сказал я обиженно, — это я у вас в долгу!

Она спросила настороженно:

— Каким образом?

— Ну, ваше обаяние...

Она поморщилась.

— Перестаньте, принц. Вы меня терпеть не можете. Да и я, честно говоря, от вас не в восторге, если говорить очень мягко.

— Очень?

— Да, — подтвердила она, — очень. Так что банальности лучше оставим другим...

Я молча придвинул ей широкую хрустальную вазу на высокой ножке, там высится чудесный замок из сливочного мороженого, первый этаж отделан темным шоколадом, расчерченным на крохотные плитки, второй — белым, а еще там высокие башенки, эти поблескивают глазурью из чего-то вкусно пахнущего мармеладом, зубчики вырезаны из орешков, крыши празднично красные...

— Как вы это делаете? — спросила она. — Хотя нет, не нужно. Пусть это будет чудо.

— А это и есть чудо, — ответил я. — Всевышний сотворил мир, и больше никаких чудес, но возможность улучшать его дал людям.

Она сказала с сарказмом:

— Конечно, избранным.

— К счастью, — возразил я с достоинством, — у нас нет избранных вообще...

Она взорвалась в удивлении.

— Принц?

— В отличие от вашего мира, — пояснил я, — быть избранным — это унижение. Это позор для мужчины. Приходят к тебе и говорят, ты избранный, потому что родился от внебрачной связи короля с пастушкой, в

тебе кровь короля, потому ты избран на трон. Или еще хуже, ты избран, говорят, потому что твой прадед был великим чародеем, в тебе пробудятся его умения, и хотя ты сам полное ничтожество и годен только свиней пасти...

Она возразила недовольно:

— Так никогда не говорят!

— Но подразумевают, — сказал я. — Разве не так?..

Нет уж, избранным быть — позор и унижение. Хотя да, дураки этого не понимают. Они сами никогда ничего добиться не могут, потому для них так важна удача, выигрыш, подарок судьбы... потому все мечтают оказаться этими избранными.

Она смотрела с интересом, глаза загадочно поблескивают, как и серебряная ложечка, которую облизывает всякий раз, отправляя в сочный алый рот порцию мороженого.

— Народ должен мечтать, — сообщила она, — и верить в лучшую жизнь, которая наступит вот-вот. Иначе взбунтуется. Вы в народе очень популярны, принц.

— Спасибо, — сказал я польщено.

— Правда-правда, — заверила она. — Даже здесь, в Сакранте.

— С какой стати здесь?

— Я же не сказала, — уточнила она, — что только здесь. Вообще популярны, даже здесь. Все наслушаны, что вы сами вышли из простых рыцарей, ваши полководцы тоже недавно были безбаннерными, вы раздаете несметные богатства своим людям, назначаете их правителями целых королевств...

— Это преувеличение, — пробормотал я, — хотя да, около сотни королевств я раздал... вон Максу даже вроде бы парочку, но он даже не посмотрел на них.

Глава 5

Она продолжала орудовать ложечкой в замке, как умелый завоеватель, что пробил ворота и теперь расширяет проход для вторжения. От холодного мороженого на щеках проступил нежнейший румянец, алые губы покраснели еще больше.

— Вы рассказываете сказки, — произнесла она, не глядя на меня, — но так умело, что я не могу почувствовать лжи...

— А вообще-то можете?

Она снова даже не повела взглядом в мою сторону.

— Как и вы.

— Вы это знаете?

— Ощутила, — ответила она сдержанно. — Но меня этому обучали долго. Как было с вами... не представляю. Может, вы все-таки избранный?

— Когда бьют по голове, — пробормотал я, — учишься быстро. Это вас там только пряниками.

Она сказала негромко:

— Наставники у дочерей императора всегда строже, чем у дочерей королей.

— А у дочерей королей, — сказал я, — строже, чем у дочерей герцогов?.. Так в идеале, ваше высочество, но не в реальности.

— У нас так было и в реальности, — сказала она с достоинством. — Потому во мне ничего не осталось от того существа, каким я появилась на свет.

Она произнесла настолько спокойно и ровно, что даже слишком, чтобы поверило и самое недоверчивое существо, но я вот самое-самое и даже самейшее.

— Вам повезло, — заметил я, — а то, знаете ли, среди полных идиотов, частичных и просто дураков все еще в ходу их дурацкий лозунг «Принимайте меня таким, какой я есть!».

Она произнесла с недоверием:

— Такое невозможно даже для дураков. Мало кто признается, что полностью неспособен к обучению и воспитанию!

— Ха, — сказал я, — таких не много, а весьма ого! Как только в подурневшем обществе признали, что дураки тоже люди и пользуются всеми правами... да-да, я сам бы в такое не поверил!.. то дураки своей дурости стесняться перестали, чесс слово!.. А умные старались не морщиться, когда приходилось общаться с дураками, чтобы не выглядеть грубыми, как вот я.

— Это у вас такие шуточки? — спросила она с недобрением. — Я не могу себе представить такое общество.

— Мир велик, — я ощутил, что изрекаю банальность, а тем самым становлюсь похожим на всех ее предыдущих кавалеров, все мы одинаковы. — В нем всему есть место.

— Но люди должны избегать таких мест, — произнесла она холодно. — По крайней мере, достойные люди. Легкие дороги... почему-то не самые лучшие.

Я посмотрел на нее с удивлением.

— Откуда вы это знаете, ваше высочество?.. Вы еще так молоды... Я бы даже сказал, юны...

— У меня были старые наставники, — ответила она ясно, — и мудрые.

— Гм, — произнес я в смущении, ее ответ чем-то похож на мое «старые книги читал», — ваше высочество продолжает меня поражать в самое сердце. Нет, даже в голову. Нет, все-таки в сердце и голову, но пока никуда больше.

Она пробормотала:

— Постараюсь печень оставить в покое.

— Я пытаюсь, — сказал я, — идти по правильной дороге, хотя жизнь постоянно старается столкнуть меня на легкую.

— Всех старается, — ответила она, — а вас как именно?.. Женщины, вино, охота, подвиги, завоевания...

Я помотал головой.

— Нет, от этого я сумел найти способы, но тогда мне подбросили на дороге соблазны помоющее.

— Ваше высочество?

— Всякие вещички древних, — пояснил я.

Она посмотрела с интересом.

— И что?

— Я уже поднялся, — объяснил я с достоинством, — или решил, что поднялся, что почти одно и то же, на более высокую ступень, стратегическую. А вещички в виде зачарованных мечей предлагают мне совершать личные подвиги, спасая принцесс из лап драконов или злых колдунов, творить изысканные лакомства и предаваться обжорству и пьянству, а еще и угощать друзей, бахвались... Это шаг вниз!

Она смотрела с еще большим интересом.

— И как вы поступили?

Я сказал нехотя:

— Иногда бахвалюсь по мелочи, как вот сейчас, угощая вас пирожными, которых вы даже никогда не видели, но по большей части все спрятал и даже не смотрю в ту сторону. Мне нужно улучшить жизнь моих подданных! А что может сделать для этого меч, которым могу убить тысячу человек? Только полные идиоты мечтают найти такие мечи...

Ее губы дрогнули в улыбке, но показалась она мне чуточку невеселой.

— Ваше высочество, о таких мечах мечтают все мужчины.

— Что делать, — буркнул я, — в мужской семье не без урода. Не без уродов.

Она произнесла задумчиво:

— Это потому, что вы уже правитель. Настоящий.

Я посмотрел на нее искоса, подозревая где-то упрятанное острейшее жало.

— Ну спасибо.

— За что? — спросила она.

— Что не вдарили, — пояснил я.

Она улыбнулась чуть живее.

— Да, случай подворачивался не один. Но вы так подставлялись, что с моей стороны было бы нечестно воспользоваться. Пусть у женщин нет рыцарского благородства, но принцессы — не женщины. Другое дело, когда заносились и баxвались.

Я вскрикнул обиженно:

— Заносился?

— И часто, — ответила она. — Но неужели вам не попадались вещи, что могли бы помочь жить, а не убивать?

Я добросовестно подумал, покачал головой.

— В основном это мечи, топоры... был молот, есть лук, арбалет, кастет, всякие штуки наподобие Небесных Игл и Костяных Решеток... В сокровищнице короля Леопольда отыскалось немало древних штук, маги их уже выгребли и вряд ли вернут... что делать, издержки войны, еще у горных эльфов я нагло спер целый ворох всяких вещичек...

Она пробормотала с холодком:

— Воровать нехорошо, вас этому не учили?

— Меня держали там в плену, — возразил я. —

И приставили служить на кухне!

— А, — сказала она с облегчением, — тогда можно.

Это не ворованное, а трофеи. И что за штуки?

— Могу показать, — предложил я, дернулся, сообразив, что никому еще не показывал свои сокровища, но поздно, воробей вылетел, добавил нехотя, — если, конечно, вам возжелается тратить время на такую недостойную дочери великого императора ерунду.

— Возжелается, — ответила она ясным голосом и посмотрела мне в глаза. — Сейчас?

— Если вам это будет угодно, — ответил я кисло, — но не сейчас вот сразу. И руками не дам трогать.

Она холодно улыбнулась.

— Вы предусмотрительны, однако недостаточно.

— Ваше высочество?

Она произнесла так же холодно:

— Есть вещи, к которым не обязательно притрагиваться. Достаточно посмотреть и произнести заклятие для этой вещи.

— Завязать вам глаза, — сказал я с сомнением, — и связать руки? Нет, лучше заткнуть кляпом рот. А глаза развязать. В смысле, убрать повязку, но держать перед ними кулак... Ладно, пойдемте. Сто бед — один ответ. Что оттягивать конец...

Она поинтересовалась:

— А связать ноги?

— Обойдется, — сказал я мстительно. — Мне и так все вспоминают, как я вас нес на руках!.. Никто не вспомнит, что там грязи было по колено, я спасал не вас, а ваше роскошное платье с подолом в шесть ярдов, но все, гады, помнят, что я вас нес!.. Еще и комментируют, сволочи, подробности придумывают, чего не было!

Она поинтересовалась:

— А что придумывают?

Я бросил на нее взгляд и сказал нехотя:

— Что вы всю дорогу меня жарко целовали, а я отбивался.

Она выпрямилась, глаза грозно сверкнули.

— Бесстыдство!

— Север, — сказал я лицемерно, — что с этих дикарей взять. Сюда, ваше высочество, теперь сюда... Здесь лестница крутая, я могу вас и понести, если только пообещаете не приставать...

Она сердито сверкнула глазами, но даже не среагировала на глупую шуточку.

Еще до выхода на лестницу я услышал говор множества голосов, нечто среднее между жужжанием и монотонным гулом набегающих на берег волн, а когда миновали коридор, внизу открылся заполненный благородным людом зал, сегодня здесь народу впятеро больше вчерашнего, как же, грядут перемены...

Придворные торопливо расступаются перед нами еще издали, кланяются, но я всю дорогу слышал за спиной приглушенные, но очень возбужденные голоса, как же, впервые нас видят не на официальном приеме или обеде, а вот так, в частной прогулке.

Аскланделла не повела и бровью. Конечно, она тоже заметила повышенную реакцию, однако не произнесла ни слова. Да и двигаемся без церемоний, она не опирается на мою выставленную наотмашь руку, а я не вышагиваю церемонно, как журавль, гордо и прямо глядящий в будущее.

Еще два зала, а затем лестница, ведущая вниз, в полуподвал, а там небольшой коридор, где у дальней двери бдят двое часовых из числа разведчиков Норберта.

Оба выпрямили спины, я ощущил не только их взгляды, но и нечто большее, какие-то мурашки под кожей, ай да Норберт, снабдил их амулетами да еще и подобрал таких, что умеют ими пользоваться.

— Свои, — сказал я добродушно. — А это принцесса Аскланделла, а не ее двойник, хотя сейчас и я начинаю

сомневаться, что это именно она... Еще не вдарила, не укусила, не поцарапала...

Аскланделла лишь высокомерно приподняла нос, а часовые, изо всех сил стараясь держаться ровно и безучастно, отступили от двери.

Я сунул ключ в скважину, здесь дверь настолько толстая, что замок сумели вставить вовнутрь, трижды повернул, прислушиваясь к металлическим щелчкам тяжелого засова.

Дверь от толчка начала медленно отодвигаться. Из вежливости я пропустил вперед Аскланделлу, хотя сердце и екнуло: вдруг узнает что-то знакомое, ухватит и тут же исчезнет, а то и вовсе подаст команду голосом спалить все и разрушить.

Аскланделла вошла неспешно, внутри моментально вспыхнули два факела по обе стороны двери.

Я торопливо шагнул следом, она остановилась в двух шагах от порога, холодная и равнодушная. Под стенами с обеих сторон старинные сундуки, окованные где медными полосами, где бронзовыми, а есть и целиком из металла, пара столов с манускриптами, чернильницами на обоих и пучками перьев, а дальше все утопает в темноте.

Я прошел быстро вперед, взмахом руки зажег факелы, а когда увидел напольные массивные подсвечники с белыми огарками свечей, там по моему жесту вспыхнули трепетные желтые огоньки.

Нехитрый трюк, не требующий усилий, но заклинание для него довольно сложное, я подсмотрел многое в книге Уэстфорда, однако только некоторые начинают удаваться по мере моего врастания в этот мир и возмущивания в нем.

Это не комната, а длинный вытянутый зал с низким потолком, что характерно для подвалов, три ряда толстых колонн поддерживают свод, а между ними в

беспорядке или кажущемся беспорядке все сокровища Леопольда и его предшественников: сундуки, скрыни, шкатулки, ларцы, статуи и прочее-прочее...

Больше всего, на мой взгляд, черепов, почти все похожие от древности на вылепленные из глины и засохшие на солнце, некоторые целые, но у большинства недостает либо нижней челюсти, либо височной кости, хотя некоторые сохранили даже все зубы. У двух на месте жевательных такие же резцы, а клыки далеко неrudиментарные, словно их хозяева глотали куски мяса целиком...

На втором месте по количеству экземпляров толстые фолианты и манускрипты, от простых, что всего лишь с деревянным переплетом, обтянутым кожей, и до огромных и массивных, где обе металлические обложки запираются на сложные замки. Багровый свет факелов бросает двигающиеся блики на потемневший металл, я узнал только медь и бронзу, но остальные книги выглядят еще внушительнее...

Я вернулся к Аскланделле. Она стоит неподвижно, щадит мою грусть на ее счет, сказал с облегчением:

— Это сокровищница Леопольда.

Она произнесла со значением:

— Настоящая?

— Не настоящая, — ответил я, — а в самом деле настоящая. Та, что с золотом и драгоценностями, уже как бы законно и с песнями реквизирована на скромные нужды победителей, ибо война обязана кормить себя.

— А народ, — добавила она понимающе, — который не смог прокормить свою армию, сейчас кормит вашу?

Я сказал с достоинством:

— И сквозь зубы радуется, что ему еще повезло!

Шкуру пока не сняли, хотя присматриваемся. А что, где-то иначе?

Она оставалась неподвижной, пока я не отыскал и не придинул ей кресло.

— Ваше высочество, — сказал я с раскаянием, — прошу сесть. Простите за неуместные шуточки насчет... ну, вы знаете. Вон то все, что накопил Леопольд и его предки... оставшееся после частичной экспроприации, а эта горстка на моем столе — то, что я нагло спер у горных эльфов.

— На вашем столе?

Я пояснил вежливо:

— Будучи человеком высокой культуры, я полагаю все созданное людьми общим достоянием, следовательно, и моим тоже. А так как Господь вручил мне власти больше, то имею и божественное право захапать больше без стыда и совести, ибо это эволюционно и повышает конкурентоспособность и выживаемость всего вида.

Она посматривала со снисходительной усмешкой, словно в самом деле понимает, когда я сам не разумею, что несу, хотя кто знает, у женщин спинной мозг зачастую оказывается куда мудрее, чем головной.

— Однако, — сказал я со значением, — я бескорыстен и благороден по самое немогу! Выбрал только то, что меня интересует, остальное оставляю королю и народу. Это вот, что от эльфов, я сейчас в свой мешочек тоже...

Она произнесла нейтрально:

— Немного же вы ему оставили.

— Как это немного? — переспросил я в великой обиде. — Все остальное!

— Все остальное, — заметила она, — просто хлам.

— Зато как смотрится, — воскликнул я. — Пусть и руины, но какие!.. Освященные временем, потому, надо думать, очень дорогие. Полагаете, народ понимает что руины — всегда руины? Нет, он уверен, что руины

дворца короля, жившего тысячу лет назад, в тысячу раз дороже тех, что я оставил за собой в Эбберте! Древность освящает любое... любую вещь.

Она нахмурилась, но теперь уже повела взглядом по залу, ухитряясь даже не двигать головой.

— Многое мне знакомо.

Я изумился:

— Вы здесь бывали?

— Все сокровищницы одинаковы, — произнесла она свысока. — У отца тоже много подобных вещей из древних времен. Такие же книги, черепа, мечи, щиты, кинжалы, в которых его маги тщетно пытаются отыскать нечто волшебное.

— И что, не встречаются?

— Попадается, — ответила она почти равнодушно, — но это крупицы из груды мусора. Правда, никто не знает, мусор это или же просто вещи, к которым еще не подобрали заклятие?

— На методе проб и ошибок, — пробормотал я, — далеко не уедешь.

— А как иначе? — возразила она. — Слишком велик разрыв в знаниях.

Я посмотрел на нее с уважением.

— Вы это... усекаете? Вы правы, ваше высочество. Но тут фуксом и на удаче не пройти и даже не проехать. Хотя пролететь можно... Разрыв нужно заполнять шаг за шагом.

Она посмотрела на меня с сомнением, в котором я усмотрел и некоторое презрение к существу в штанах и с мечом в руке: как же, берется умничать, поверило, что царь природы и венец творения.

— Как заполнять?

— Шаг за шагом, — повторил я. — Даже шажок за шажком. Но уже без отступлений! А маги начинают всякий раз заново. Все, что маг сумеет наработать, те-

ряется с его смертью. Мне все это знакомо, у нас было свое подобие магов, их называли йогами. Тоже, чего бы ни добились, умирало с ними... А вот алхимия... она нарабатывает знания! И каждое поколение учеников начинает не сначала, как нынешние маги, а с того момента, до которого добралось предыдущее поколение ученых-алхимиков.

Она задумалась, я с удивлением чувствовал, что в самом деле понимает разницу. И хотя я называл ее красивой, что значит дурой, даже сказал, что очень красивая, а это значит — полнейшая дура, но у нее другая красота, высокая, я бы сказал. Не возвышенная, это другое, пресное и неинтересное, а высокая, что ну никак не позволяет восхищением превосходства «прелесть, что за дурочка!».

На столе, мимо которого проходим, одна из вещиц, размером и даже формой с большой палец, развернулась, как стрелка компаса, и указала на меня.

Я сделал шаг в сторону, она сдвинулась, продолжая упорно указывать на меня, а когда сделал еще шагок, тут же переменила положение, будто еще и кричит в не слышимом для меня диапазоне: вот он, вор, насильник и святотатец!

Аскленделла спросила шепотом:

— Только сейчас?.. А в прошлые разы?

Я ответил тоже тихохонько:

— Я тут вообще почти в первый раз.

— Почему?

— Своим алхимикам доверяю, а они уже взяли отсюда все, что их заинтересовало. Кроме моих личных вещей.

Она наблюдала, как я походил взад-вперед вдоль стола, провоцируя вещицу, наконец осторожно взял ее на ладонь. Тепла нет, вес обычный для сухой дерे-

вяшки, поверхность выглажена так, словно еще и покрыта лаком, но никакого лака.

Аскленделла посмотрела на меня с интересом.

— Вы точно таких не видели?

— Точно, — ответил я.

— Говорят, — произнесла она задумчиво, — древние вещи узнают людей своих эпох и подчиняются только им.

Я возразил:

— А как же колдуны?

Она пояснила нехотя:

— Колдуны находят к таким вещам не ключи, а отмычки. Таким древние вещи служат тоже, но служат плохо и быстро выходят из строя. Да и то отмычки удаётся подобрать к самым простым. Из подземелий достали немало удивительных вещиц, что принадлежали наверняка самым знатным людям. Пока еще никто не заставил их работать. Видимо, там недостает такого, как вы, ваше высочество.

Я сделал вид, что намек не понял, или это не было намеком, напыжился и сказал гордо:

— Вы же видите, ваше высочество, я уникален! А какой красавец?

Она ответила с холодком:

— Что красавец, это верно.

— Кстати о птичках, — сказал я и посмотрел ей глаза. — А где империя вашего отца?

Глава 6

Ее лицо чуть дрогнуло, но взгляд не отвел, глаза стали строже, на меня посмотрела с некоторым сомнением. Я почти залюбовался, но когда она заговорила, в ее голосе ощущался непонятный холод:

— Вы так часто пытались об этом спросить... Но решились только сейчас?

— Это естественный интерес, — ответил я. — Просто я человек любознательный. Вы же знаете, наша миссия по защите своих земель завершена успешно, уже начинаем возвращаться в родные королевства. Или не родные, но туда, где жить интереснее.

Она обвела взглядом зал.

— Вы все здесь показали?

— Остальное вам знакомо, — ответил я. — Впрочем, вам все знакомо, что вам ни покажи... Даже и не знаю, что вам такое... гм... явить...

— Тогда пойдемте отсюда, — сказала она. — Меня почему-то гнетут низкие своды.

— Как скажете, ваше высочество, — сказал я с облегчением. — На какие только жертвы я не иду для вас!.. Позвольте поддержу, тут ступеньки щербатые... Хотя нет, а то вдруг в самом деле оступитесь, нести придется...

За дверью кроме стражи еще и Зигфрид, сразу впрыгнул в принцессу подозрительный взгляд, будто она водила меня в подвал насиливать, я спросил встревоженно:

— Что-то стряслось?

Он помотал головой.

— Нет, там все под контролем. Арбалетчики даже на крышах. Просто Скарлет намекнула, что в тайных сокровищницах бывают очень опасные вещи, а в этой они точно есть, она чует...

Я сказал быстро:

— Приведи ее, пускать укажет, мы их тоже экспроприируем на благо народа в моем лице.

Он поклонился, а мы прошли по коридору, а затем наверх по лестнице, где стражи то и дело распахивают перед нами двери и плотно захлопывают за спинами.

Я поглядывал на Аскленделлу, но помалкивал, оба иногда отвечаем на поклоны милостивым наклонением головы, а когда миновали залы и перешли в зону частных покоев, она произнесла с тем же холодком:

— Империя Вильгельма Блистательного, если вам это интересно, не увеличивается вот уж почти тысячу лет. Но и не уменьшается.

— Феномен, — сказал я заинтригованно. — Что за волшебные силы ее берегут?

— Никаких волшебных сил, — заверила она. — Никаких.

— Военное мастерство? — спросил я. — Но какой правитель устоит перед соблазном расширять свои владения?

Поднявшись на третий этаж, мы остановились, ее покой — направо, а мои, как и положено мужчинам, налево.

Я спросил осторожно:

— К вам или ко мне?

Она чуть улыбнулась.

— У меня там ждут три принцессы. Вряд ли вам захочется сейчас слушать их милое щебетанье...

Я осторожно придержал ее локоть двумя пальцами.

— Тогда ко мне. Позвольте...

Часовые впереди вытягиваются, смотрят вроде бы мимо. Я заметил, что стало их вдвое больше, теперь все в тяжелых доспехах, Альбрехт осторожничает, да и Клемент явно требует увеличить осторожность ввиду прибытия короля.

В моих покоях словно бы стало светлее, когда Аскленделла переступила порог. Я суетливо придвинул для нее кресло к столу, перед женщиной суетиться не зазорно, даже как бы напротив. Она царственно села, расправив платье так, что оно заняло место по ярду справа и слева.

Торопливо сотворив фужер со свежайшим виноградным соком, я сунул его Аскланделе прямо в руку.

— Это вам понравится...

Она сделала глоток, подняла на меня внимательный взгляд.

— Но сейчас зима...

— Тем вкуснее, — ответил я бодро. — Итак?

Она отпила еще, улыбнулась.

— Чудесно... В общем, так уж получилось, что с двух сторон империю окружают неприступные горы, а с третьей нас от соседей отсекает ущелье шириной почти в милю. В древности на территории империи были разные племена, постоянно воевали, потом образовались королевства, тоже воевали, пока одно из них не покорило остальные, а ее король не провозгласил себя императором.

— И что, с одной стороны можно?

— Тоже нельзя, — ответила она победно. — Там тоже горы, хотя и не сплошные. Есть только один хороший проход в наши земли, но еще наши пращуры выстроили там высокий забор из бревен, перегородив от стены ущелья до противоположной стены. Потом укрепляли, сделали впятеро толще и выше, наконец заменили дерево на камни... И какие бы ворота ни были в той стене широкие, но это только ворота, сэр Ричард! Они распахиваются лишь с одной стороны.

Я не стал ждать, когда она опустошит фужер с виноградным соком, сделал еще с полдюжины: с черничным, апельсиновым, ананасовым, гранатовым и яблочным.

У нее при всей невозмутимости расширились глаза, а ноздри затрепетали, улавливая нежные ароматы свежевыжатых фруктов.

— Здорово, — сказал я озадаченно. — Это единственный проход?

— Есть еще пара опасных троп, — сообщила она, — идут над пропастью, снегопады открывают их только на месяц в году. Не только армия, даже малый отряд не пройдет в империю!.. Но нам такая жизнь нравится, потому что нужно следить только за тем, чтобы не поднимали мятежи местные князья и принцы.

Я понаблюдал, как она с удовольствием пробует неизвестные соки, вряд ли апельсины, ананасы или гранаты растут в этих широтах, сказал с облегчением:

— Тогда все в порядке.

Она поинтересовалась, облизывая губы:

— Что вы имеете в виду?

— Что столкновения, — объяснил я, — с императором Вильгельмом не будет.

— И вы не разочарованы? — спросила она настойчиво.

— Чем?

— Что не удастся захватить и наши земли...

Я едва не перекрестился, настолько дикой показалась эта идея, и Аскленделла, судя по ее лицу, это поняла.

— Ваше высочество, — сказал я, — мне удалось проникнуть на ту сторону Большого Хребта... не знаю, слышали вы о нем или нет, это далеко на юге. Там обнаружил богатейшее и роскошнейшее королевство на берегу южного океана, что не знало войн, как и ваше... Там не бывает зимы, не видели снега, мне удалось захватить те земли, я наслаждался там жизнью, начал строить огромный флот из больших кораблей, вы даже не представляете, насколько великанских, выходил в море и обнаружил удивительные сказочные острова... и вы полагаете, что променяю это на ваши засыпанные снегом и промерзшие земли?

Она помолчала, поглядывая на меня пытливо, наконец произнесла тихо:

— Вы можете рассказать... подробнее?

— А стоит ли? — спросил я жестко. — Ваш уютный мирок может... пусть не разлететься вдребезги, но хотя бы потускнеть.

— Я рискну, — пообещала она.

Я создал еще пирожных, сладкого вина, а себе большую чашку кофе и начал рассказывать о великолепном Геннегау, о Тараконе и его замечательной бухте, где строится мой флот, о кораблях, что очень даже крупнее лодок, о Гандерсгейме с его сотнями королевств, о теплом море, далеких островах, пиратах, загадочных землях по ту сторону океана...

Она слушала внимательно и бесстрастно, однако румянец все же начал проступать на щеках, глаза за блестели, так что я молодец, сумел растормошить ее застывший мир...

— Кстати, — сказал я, — я уж перебрался в гостевые покой...

Она кивнула.

— Мне его величество предложил любезно через посредничество Раймонда Меммингема занимать покой королевы и далее, по крайней мере до тех пор, пока его супруга не прибудет из дальнего монастыря, куда он ее отправил для защиты. Или же пока ее супруг не пришел за ней надлежащий эскорт.

— Значит, — сказал я, — будем видеться реже.

Она посмотрела с иронией.

— И не надейтесь.

— Ваше высочество?

— Я очень любезно поблагодарила, — пояснила она, — и отказалась, что естественно. Негоже мне занимать покой королевы, не будучи супругой короля Леопольда! Однако я охотно перейду в покой для гостей.

Я сказал кисло:

— Мы теперь два бедных зайчика, лишившиеся своих норок, так что можем найти убежище где-то на юге...

Она сдержанно улыбнулась.

— Вы сами отдали эти норки. И, конечно, очень правильно и своевременно.

— Считаете?

— Вижу, — ответила она.

— Ого!

Она покачала головой.

— Не надо быть провидицей, чтобы понять.

— А я вот не понимаю, — пробормотал я.

— Чего, ваше высочество?

— Почему вы... не дура?

Она в насмешке вскинула брови.

— А я должна?

— Еще бы, — заверил я. — Вы же красивы!.. Исключительно красивы. Просто с ног сшибающе. Хотя вообще-то да, у вас красота какая-то не дурная, а пугающая. Как у снежной королевы... нет, снежной богини! Даже меня вот трясет, а что с остальными?

Она оглядела меня скептически.

— В самом деле трясет?

— Где-то внутри, — заверил я. — Глубоко.

— Ну, разве что очень глубоко, — заметила она. — Не думаю, что замечаете такие глубокости. Человек вы...

— ...неглубокий?

— Не замечать глубины, — ответила она, — не так уж плохо. Кораблю, что идет по морю, неважно, сто ярдов до дна или тысяча.

— Вы знаете, — заметил я, — что такое корабли?

А чего же я тогда распинаюсь?

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Вам это нравится, вот и распинаетесь. Разве не так? А мне жить на берегу моря и не знать, что такое корабли?

— Гм, — сказал я, — разве дальше не весь мир покрыт льдом? Даже летом... И если есть там море под толщей снега в десяток ярдов...

Она изогнула губы в презрительной усмешке.

— Хотела бы я показать вам наше море, чтобы сбить это глупую спесь!

— Договорились, — сказал я. — Я покажу вам наше южное море, вы покажете северное. И мы сравним, где корабли крупнее. Но это будет потом, а сейчас вашему высочеству предстоит сидеть рядом с его величеством королем!

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Что у вас за дикарские представления?.. У его величества есть жена, которую он отослал еще в начале войны в безопасное место. Это ее кресло.

— Как же тогда? — воскликнул я.

— Как и вы, — ответила она просто. — Мне будет уютно и в тех покоях, которые отвел мне его величество король Леопольд.

Я посмотрел в ее равнодушно-прекрасное лицо с настолько безукоризненными чертами, словно она и не человек вовсе.

— Ловлю на слове, — сказал я зловеще. — Будете рядом, наплачетесь... Впрочем, это я наплачусь от вас... наверное.

Она произнесла безмятежно:

— Какой-то вы человек крайностей, принц Ричард.

— От вас у меня только одна крайность, — буркнул я.

Она вскинула брови и посмотрела с немым укором.

— Ваше высочество?

— Предельный восторг и обожание, — ответил я, не особенно и маскируя сарказм.

Глава 7

Сакрантские лорды выехали встречать короля еще с утра, мои полководцы и военачальники через час, как и обещали, а я еще помедлил во дворце, но не придумал, чем себя занять, и, кликнув Бобика, велел подать моего черного коня к подъезду.

Яркий солнечный день, белые просторы слепят глаза, даже небо настолько светлое, что выглядит за-снеженной пустыней, дальний лес почти скрыт под тяжестью пригнувшего ветви снега.

Я догнал пышную группу всадников, вся наша знать двигается тесной группой, радостно взвинченные. Чуть в сторонке еще больше празднично разодетого народа, у всех шубы распахнуты, чтобы открыть на груди золотые цепи разной конфигурации, размера и у кого с драгоценными камнями, у кого с массивными бляхами из золота с выдавленными там знаками и гербами.

Альбрехт оглянулся, заслышав грохот копыт арбогастра, под которыми мерзлая земля не просто трещит, но и разламывается, как молодой лед.

— Ваше высочество!.. Не слишком ли одеты легко?

— У меня кровь пока еще горяча, — ответил я, но напомнил себе, что можно было бы одеться и теплее, а то как белая ворона, хотя для многих эти толстые шубы — признак важности, носят для спеси, ибо чем человек шире и крупнее, тем он как бы могущественнее и значительнее, в смысле, альфасамцовее. — Все в порядке, мы же не надолго?

— Это как получится, — ответил он. — Все ли в наших руках?

— Все, — ответил я. — А что, еще не то возьмем.

— За горло, — добавил он задумчиво, — встряхнем и спросим... а что спросим?

Я отмахнулся.

— Неважно. Что-нибудь красивое или многозначительное. Пусть даже и не в тему.

— Главное, — согласился он, — стиснуть пальцы на горле.

Под конскими копытами плотно утоптанный снег проламывается со смачным хрустом, хотя полозьями саней укатали вроде бы до твердости камня, морозный воздух пока еще приятно обжигает кожу.

Идя на рысях, догнали отряд копейщиков. Те настолько бодро и слаженно идут по дороге, что почти маршируют, хотя пока что это понятие здесь незнакомо, однако умелое и быстрое перестроение знакомо издавна, хотя потом забывались и достижения македонской фаланги, и умелые маневры римских легионов, снова и снова все начиналось сначала. И эти вот рыцарские дружины, не подчиняющиеся никакой дисциплине — это начало... уже на новом уровне.

Обгоняя копейщиков, пронесся отряд тяжеловооруженных всадников, их не отличить от рыцарей, разве что шпоры не золотые, да кони поневоле попроще.

Альбрехт проворчал ревниво:

— Стоит ли так стараться для встречи побежденного короля?

— Уважение выказываем, — пояснил я. — Такое и корове приятно.

— Уважение уничтожает остальные чувства, — заметил он.

— Так то подлинное, — пояснил я. — А мы только выказываем! Вежливые мы, понятно, граф?

— Что, правда? — спросил он озадаченно.

Со стороны леса показалась группа конных, мне даже почудилось, что из самого леса, хотя это немыслимо даже для охотников, снега слишком глубоки.

Впереди маркграф Джонатан Берген, рядом всадник с короной на голове поверх легкой шапочки с ме-

хом, облегающей голову и закрывающей уши. Корона, как я рассмотрел, королевская, так что это может быть только сам король Леопольд Кронекер, сюзерен королевства Сакрант, невольный, так утверждают, союзник Мунтвига.

Мои лорды живо переговариваются, все держатся приподнято, мы же победители, на короля смотрят без всяких церемоний. Да, король, но это побежденный король.

Сам Леопольд невысок ростом, с короткой русой бородкой, где седина не так уж и заметна, сухощав, хотя одежд на нем не сосчитать, а сверху еще и роскошный меховой плащ, расшитый золотыми розами и украшенный драгоценными камешками.

Когда приблизился, я рассмотрел интеллигентное лицо, умные усталые глаза, мешки под ними, слегка запавшие щеки, но чуточку выдвинутую нижнюю челюсть, что говорит о присутствии характера и наличии воли.

На меня взглянул с некоторой робостью, как человек смотрит на большую собаку с оскаленными клыками. Кто знает, что у нее на уме, может, не укусит, а может, и укусит.

Я ощутил не то что неловкость, но даже некоторый стыд, неужели в самом деле выгляжу диким варваром, которому только бы кровавые сражения, лязг мечей и крики мертвцев?

— Ваше величество, — произнес я со всей теплотой, на какую способен по отношению к другому мужчине, — приветствуя в вашем прекрасном Генгауззе, сохраненном нами в целости и сохранности для сегодняшнего победного возвращения вашего величества в ваш дворец и на ваш трон государя и повелителя!

Он улыбнулся одними глазами, но я видел, что напряжение все же медленно покидает его застывшее лицо и тело.

— Я рад за свой город, — произнес он хорошо контролируемым голосом, — и за свое королевство.

Когда разговор идет на высоком уровне, будь это в тронном зале или в частной беседе, каждое слово исполнено смысла, потому «свой город» и «свое королевство» хоть и звучат обыденно, однако несут и особый подтекст.

Я тоже улыбался, не во весь рот, конечно, государи так не улыбаются даже среди узкого круга самых близких, но достаточно тепло и почти дружественно.

— Ваши дочери, — сообщил я, — пребывают в своих покоях, куда им доставляли еду. Увы, они не решались участвовать в наших застольях, к великому сожалению наших лордов! Однако недавно дочь императора Вильгельма, принцесса Аскланделла, взяла их фрейлинами...

У него вырвалось:

— Ох, спасибо!

— Это спасибо Аскланделле, — ответил я вежливо, — она, как вы уже знаете от маркграфа Бергена, что выехал встречать вас, с нами. Ваши дочери сопровождают ее всюду, вызывая восторг моих и ваших вельмож красотой и утонченным обаянием.

Он сказал с чувством:

— Ваше высочество, вы сняли последний камень с моей души. Близость к ее высочеству, дочери великого императора... это честь для нас!

— Гм, — сказал я. — Ваше величество, позвольте сопровождать вас в столицу, где горожане, без сомнения, уже торчат на всех городских стенах и даже на деревьях?

Он не ответил, что очень рад или хотя бы просто рад, король не может радоваться, что его сопровождает

принц, это принц должен радоваться обществу короля, потому ответил мягко:

— Вы очень любезны, ваше высочество.

— Стараюсь, — сообщил я, — хотя я, как видите, человек войны и больше привык к грохоту топоров по головам и крикам мертвцевов, чем к изысканным речам...

Краем глаза видел, как ехидно улыбнулся Альбрехт, он вроде бы пока единственный усекающий насчет криков мертвцевов, остальные смотрят гордо и надменно, дескать, мы такие же.

Леопольд послал коня ближе к моему арбогастру, и хотя так он выглядит значительно ниже, а я могу посматривать свысока, но он мудро не обращает внимания на такие важные для других мелочи.

Я поглядывал с ожиданием, он сказал совсем негромко:

— Ваше высочество...

— Ваше величество? — ответил я.

Он вздохнул, лицо омрачилось, но произнес твердым голосом:

— Хочу, чтобы некоторые вопросы были ясны как для меня, так и для вас. Для нас обоих. Я отдаю себе отчет, что моя жизнь и жизни моих людей находятся в ваших руках... однако бывают ситуации, что жизни — ничто, когда речь заходит о подлинных ценностях.

Я ответил с настороженностью:

— Ваше величество?

— В ваших руках армия, — произнес он ровным голосом, — но вы должны обращаться ко мне «ваше величество» и кланяться согласно протоколу дворцовых правил. Ваши люди должны вести себя тоже соответственно... Естественно, на людях.

Конь его продолжал идти тем же ровным шагом, но король прервал речь и покосился в мою сторону.

— Согласен, — ответил я. — Что-то еще?

— Вы и ваши люди, — продолжил он голосом, в котором появились более жесткие нотки, — не должны позволять себе выпадов в сторону нашей святой апостольской церкви!.. Как вы понимаете, это наша святыня, задевать ее или порочить в нашем присутствии — это больше, чем даже задеть нашу фамильную честь!

Я наклонил голову.

— Ваше величество... можете не сомневаться, я приложу все силы, чтобы этого не случалось... или случалось как можно реже. Скажу откровенно, я и не сбирался предпринимать никаких репрессий... Да вы и сами видите, мы сожгли только несколько колдунов, которые вообще хулили Создателя и наводили порчу на скот... Я настолько уверен в преимуществах римской церкви, что просто разрешил вашей и нашей сосуществовать рядом, а там пусть победит сильнейший...

Он нахмурился, взглянул с неприязнью. Сама мысль, что апостольская может оказаться не сильнейшей, глубоко оскорбительна, но мудрость победила, и он сказал сдержанно:

— Что ж, это неприятно... но справедливо. Хотя тупой народ не всегда может выбрать правильно.

У меня вертелось на языке, что как раз обряды апостольской более красочны и понятны простому народу, в то время как католические обряды строже, как и сами священники смотрятся приличнее, а в церквях нет великолепно расписанных икон или сделанных из сусального золота образов, но заставил себя смолчать, религиозный спор может очень быстро нарушить все договоренности и привести к новой войне, вместо этого заставил себя улыбнуться и сказать совсем мирно:

— Ваше величество... разве такие вопросы не обсуждаются заранее, не составляются договоры с подписями?

На его лице тоже проступила улыбка. Он взглянул коротко в мою сторону живыми карими глазами.

— Мне уже доложили о вашей манере решать вопросы.

Я хмыкнул.

— Ваше величество рискует.

— Да, — ответил он, — но мне почему-то кажется, что ваше высочество слово не нарушит. А затягивать дальше было опасно.

Он не сказал, в чем опасность, но я и так догадывался, что от Короля убегают последние его сторонники. Он и так уже с горсткой верных ему, да и то это по большей части слуги, а лорды уже заперлись в замках и крепостях и готовятся начать борьбу за власть, как только захватчики уведут армию.

Ворота Генгаузгуда приближаются, уже широко распахнутые, дорога дальше идет расчищенная широко, четверо всадников проедут стремя в стремя, на стенах и башнях полно народу, все размахивают руками, подбрасывают в воздух шапки и ликующе орут.

Я кивнул на радостные лица горожан.

— Вас обожают, Ваше величество!

Он коротко усмехнулся.

— Не завидуйте. Еще больше они бы ликовали, видя, как меня везут на казнь. Это же народ! Им подавай зрелица.

— Вы несправедливы, — сказал я мягко, — с вашим приходом возвращается прежняя власть. Народ консервативен, новое пугает.

— Народу нужна стабильность, — согласился он, — и крепкая власть. Потому принц Ричард Завоеватель в качестве преемника престола их устроит больше, чем любой из местных лордов.

Я кивнул, понятно, но спросил:

— Почему?

— У того, кто займет трон после меня, — ответил он со вздохом, — другие наверняка смогут общими усилиями вырвать из рук власть...

Альбрехт сказал с другой стороны:

— Ваше величество абсолютно правы! А потом будут делять ее в кровавой распре.

Леопольд взглянул на него с вопросом в глазах, достаточно ли этот человек высокого ранга, чтобы вмешиваться в разговор, и почему я не осажу нахала, но принял реалии и только продолжил сдержанно:

— А из львиных лап принца Ричарда не рискнут даже и пытаться.

— Вы поступаете мудро, — ответил я. — Ненависть... или, скажем мягче, неприязнь к чужаку не мешает вам смотреть реально на мир и вещи.

Он изогнул губы в горькой усмешке.

— Неприязни, тем более ненависти, как раз и нет, вы должны это понимать. Ненавидим соседа, а не того, кто далек... С момента восхождения на трон я сдерживаю попытки герцогов Фирнебурга и Сайна усилиться, расширить влияние, вытребовать себе больше прав... и так уже тридцать лет!.. А граф Бич-Лихтенберг, фактически отделивший свои владения от королевства? А барон Зарганс, что вот уже семь лет не отсылает ко двору собранную в его землях королевскую долю податей? Мне есть кого страшиться больше, чем принца Ричарда! И страху этому много лет, ваше высочество...

На стенах города черным-черно от высыпавшего встречать короля народу, просто давка, если бы все разом вышли в тот первый день на улицы, нам бы город захватить не удалось, но мирное население на то и мирное, стаду овец не остановить даже одного волка.

Когда подъехали к воротам, на снег полетели со стен цветные платки, нарезанные из красной ткани сердечки, лепестки, фигурки. Король улыбался и оте-

чески помовал рукой, и всякий раз это вызывало взрыв восторга и дикого энтузиазма.

Под копыта коней со стены и верха ворот продолжают падать платки и шапки вместо букетов цветов и лепестков роз, как было бы летом, народ визжит от радости, а на улицах города стражи оттесняют людей к стенам домом, освобождая нам проезд.

— Любят вас, — сказал я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ревности. — Значит, правили умело...

— Как мог, — ответил он просто и добавил с той же извиняющейся улыбкой интеллигентного человека: — Но я старался.

Придворные, облачившись в шубы, встречают короля еще по эту сторону ограды, для него не только распахнуты ворота, но, похоже, готовы были снести и часть забора.

Около сотни вельмож выстроились, дрожа от холода, явно долго ждут, по обе стороны дороги от ворот сада и до здания, там уже все разукрашено, все машут руками и шляпами, а за их спинами размахивают королевскими флагами.

Мы с Леопольдомдвигаемся в некотором вакууме, никто не смеет подойти ближе двух шагов, таков придворный этикет, но когда слуги распахнули перед нами парадные двери, я остановился и вежливо улыбнулся королю.

— После вас, Ваше величество.

Он возразил:

— После вас!

— Нет, — сказал я, — после вас.

Он с неловкостью улыбнулся, шагнул через порог не как его величество король, а как человек, который торопится пройти, чтобы не задерживать того, кто сзади.

Мои лорды тихонько забурчали, не понимают, что, когда все козыри на руках, ничего не стоит быть пре-

дельно вежливым, тем более что король в целом нравится как внешностью, так и манерами. А дорогу могу уступить просто как младший старшему.

В холле только слуги с влюбленными лицами и радостными глазами, а едва подошли к распахнутым дверям главного зала, прозвучали фанфары.

Церемониймейстер прокричал громовым голосом:
— Его Величество король!

Рев труб стал еще радостнее, просто ликующий. Я наконец-то ощутил укол ревности. За мной идут радостно и охотно, но это все-таки не любовь, а вера в силы и умение своего лидера всех победить, нагнуть, ограбить, привезти домой богатую добычу и трофеи.

В зале не просто горят, а полыхают все свечи, я даже не замечал, что здесь столько люстр и всевозможных светильников, как напольных, так и настенных, светло и ярко, как солнечным летним днем.

С балконов свисают красные и оранжевые полотнища, все с королевскими гербами, под ноги королю бросили букет цветов, потом еще и еще, явно срезали все, что заботливо выращивают всю зиму в горшках.

В этом зале уже самая высшая знать королевства, видно по спеси и важности. Я этих морд ни разу не видел, прибыли только для встречи Леопольда, выражая сюзерену преданность и поддержку.

Фанфары прозвучали снова, я уловил новые ноты, хотя мне медведь не только на оба уха наступил, но и с удовольствием по ним еще и потоптался.

Глава 8

Все повернули головы. Я услышал сдержанный «ах», проследил за их взглядами. По широкой лестнице со второго этажа сходит красиво, величественно, однако в

то же время и грациозно, принцесса Аскланделла в великолепнейшем голубом платье с золотым шитьем. За нею, как три смиренные овечки за пастухом, идут умытые и сияющие дочери короля.

Альбрехт шепнул у меня за спиной:

— Вроде бы ей не по рангу...

— А как надо? — ответил я шепотом.

— Не знаю. Случай слишком редкий.

— Есть повод, — пробормотал я, едва шевеля губами. — Обеспокоенному за дочерей королю можно сразу показать, что все три живы, здоровы и счастливы...

Я ощутил смутную благодарность, хотя, конечно, этим она зарабатывает очки себе, но и мне малость перепадает, ибо, как мудро сказал Меммингем, все, что делает Аскланделла в моем окружении, несет на себе и мою печать, ибо это вот можно истолковать либо как дозволенности, либо разрешения, а то и вовсе как прямое указание моего высочества именно так делать, а не иначе, а дочерей пригреть и заботиться...

— Или же она подхватила у вас дурную манеру, — сказал Альбрехт так же тихонько, — пренебрегать правилами...

Аскланделла сошла с лестницы, остановилась, величественным и одновременно дружественным жестом отправила принцесс навстречу отцу. Все три заулыбались, но сдержанно, я смотрел с некоторым удивлением, как шагнули к родителю, а затем синхронно, начиная со старшей, опустились так, что я даже не рассмотрел за массой платьев, одетых одно на другое, то ли просто присели, то ли встали на колени.

Он подошел, нет, приблизился, величественный и благосклонный, подал Джоанне руку.

Она смиленно поцеловала тыльную сторону кисти и сказала тихим голоском:

— Ваше величество...

Глаз она не поднимала, оставаясь в той же позе полной покорности, а Леопольд подал руку Рианелле, затем Хайдилле. Те точно так же поцеловали ему руку и замерли в той же позе, смиренно опустив глазки долу.

Наконец он подал руку Джоанне уже несколько другим движением, та приняла с милой улыбкой и грациозно поднялась, глядя на него сияющими глазами. Точно так же он подавал руку и поднимал ее сестер, а по их лицам и улыбкам я видел, что они бросаются друг другу в объятия, однако только мысленно, ибо жизнь королей подчинена строжайшему протоколу.

Он повернулся к Аскланделле, дочь императора ожидает с милостивой улыбкой. Леопольд приблизился медленно и торжественно, я смотрел с любопытством, есть ли такое в протоколе, когда король встречает дочь императора на своей земле, но в присутствии завоевателя, обладающего реальной властью.

Леопольд поклонился, ухитрившись в одном жесте совместить разнообразнейшие оттенки, от величественности короля, принимающего знатных гостей, дружественности и покровительства старшего по возрасту младшему, но еще и чисто мужское удовольствие от встречи с красивейшей женщиной, которой может поцеловать руку.

Аскланделла неизменно на высоте, в данном случае она и дочь императора, принимающая короля, и дочь соседа, и старшая подруга, приютившая его дочерей и оказывающая им покровительство дочь самого Вильгельма Блистательного.

— Ваше высочество, — произнес он со всем почтением и в то же время великой радостью, — я безмерно счастлив, что вы заметили моих дочерей и защитили...

Она прервала небрежным голосом:

— Ваше величество, никакой благодарности! Им здесь ничего не грозило, это они мне помогли коротать дни.

— Ваше высочество!

— У вас замечательные дочери, — сказала она.

Он поклонился и сказал растроганно:

— Ваша похвала бесценна, ваше императорское высочество...

— Вы прекрасно их воспитали, — произнесла она таким непререкаемым тоном, словно ей самой лет сто, не меньше. — В самом деле... весьма.

Все три ее фрейлины с сияющими лицами вернулись к ней и встали рядом, но на полшага сзади, как надлежит вышколенным и благовоспитанным.

Я сказал громко:

— Дивное зрелище! Меня аж скучая и весьма горючая мужская прошибла. Никак не отойду, щас зареву... Как видим, есть радость и щасте в этом мире, есть! Приглашайте нас в свой королевский дворец, ваше величество!..

Леопольд кротко зыркнул в мою сторону, но я серьезен, никаких злых шуточек, в самом деле нужно поскорее закончить здесь, меня, и не только меня, ждут на Юге, так здесь называют земли, лежащие в той стороне... да я сам недавно так их называл!

Слуги забегают вперед и распахивают двери, всегда обе створки, и явно жалеют, что не могут раздвинуть стены. Мы прем большой и радостно галдящей толпой, сразу заполняя своей пестротой все пространство сзади и по сторонам, мои лорды и сакрантские еще не перемешались, однако, вижу, до этого уже недалеко.

Сказать, что я не исследовал дворец в первый же день, — это сказать неправду, но я абсолютно не обращал внимания на красоты, только места, где мог затаиться враг, где ловушки, где чувствуется опасность, где

слишком подозрительно освещенные места с такими, где хоть глаз выколи, но сейчас, медленно шествуя рядом с королем, я замечал красоту длинного, но широкого коридора, настолько широкого, что и не коридор, а как бы огромный зал, уходящий вдаль, только через каждые три статуи в нишах стен имеется массивная дверь, иногда уже распахнутая, в этих случаях оттуда доносятся голоса, иногда даже музыка.

Пол в красно-серых плитках, стены с колоннами и полуколоннами, потолок настолько высоко, что так и не обратил внимания, что на нем нарисовано.

Даже на лестницу посмотрел иначе, сейчас это не приспособление, чтобы взбегать наверх, а произведение архитектуры, если не все искусства: посреди мраморных ступеней пролегает красная дорожка, перила широкие, тоже мраморные, балюсины вычурно резные, на каждом пролете массивные вазы из темной меди.

— Ваше величество, — произнес я громко, — ваш дворец, ваш город, ваше королевство!.. Вам нужно отдохнуть с дороги, а я пока удаляюсь. Слуги уже подготовили мне комнаты, не беспокойтесь.

Аскланделла тоже проводила его взглядом, повернулась ко мне, в глазах проступило что-то вроде насмешки, перемешанной со странным сочувствием.

— Что вас тревожит, ваше высочество?

Я спросил с неудовольствием:

— У меня такой вид?

— Да, — подтвердила она. — Похоже, вас смущает, что принцесса Джоанна похвастается родителям насчет удобств вашей постели?

Я пробормотал, отводя взгляд:

— Похвастается?

— Ну да, — подтвердила она. — Чувствуется, вы совсем недавно достигли такого могущества... и еще не

привыкли, что вам все доступно. Не волнуйтесь, король наверняка примет новость спокойно.

Я буркнул:

— Вы думаете?

— Вы, — напомнила она, — верховный лорд. А лорду надлежит все лучшее по праву. Разве не так это даже у животных? Осуждаемо, когда спят или просто вяжутся с намного более низкими по происхождению.

Я ответил, все еще не в силах поднять взгляд и посмотреть в ее ясные спокойные глаза:

— Так то у животных.

— А мужчины лучше? — поинтересовалась она. — Впрочем, и женщины... Так что думайте о другом, ваше высочество. О действительно важном. Вам нужно решить проблему лояльности местных лордов, взаимоотношения с церковью, а также принять присягу принцев, что прибыли к вам с воинскими отрядами.

— Что? — спросил я уже с растущим раздражением. — Еще и от них принимать?

— Вы же не нашли времени в прошлый раз, — напомнила она, — а только отсрочили. А такое нужно решить окончательно.

— Хорошо, — сказал я, — тогда займитесь этим, вы же дочь императора, вам проще с ними найти общий язык! Мне их придется нагибать силой, а перед вами склонятся сами, да еще и ручки поцелуют.

Она чуть наклонила голову, вид строгой школьной учительницы младших классов, где один из самых тупых учеников неожиданно проявил задатки разумного поведения.

— Правильное решение...

Подошел Альбрехт, и я не успел огрызнуться, не люблю, когда последнее слово не за мной, Альбрехт сказал настойчиво:

— Ваше высочество, требуется ваше личное...

— Хорошо, — ответил я еще отрывисто, — пойдем...
Ваше высочество...

Я поклонился ей, она в ответ церемонно присела, прирастопырив платье в стороны. Мы пошли быстро из зала, и только в соседнем я подумал ошаращенно, что вот только что сам поручил ей распорядиться насчет принцев так, как она считает правильным!

Недавно ярился, что самовольно отдает какие-то приказы, хоть и самые мелкие, а сейчас вот... Или мной так умело манипулируют, что я, святая простота, и не замечаю?

К сожалению, нельзя вместо себя на коронацию послать другого. Такое можно только на бракосочетание, как делается нередко, кто-то посыпает вместо себя представителя, а кто-то и еще проще: свой именной меч, невеста выходит за него замуж, а хозяин клинка появляется через полгода-год из походов...

Потому я отстоял, а потом отсидел положенное время, а когда на мое чено возложили корону, сказал все положенные слова благодарности и признания, как за честь, так и за доверие, а затем пообещал, что буду во всем крепкой и надежной поддержкой его величеству королю Леопольду.

Сам Леопольд нигде и ни в чем не выказал, что возлагает корону наследного принца на мое чено поневоле. Вообще-то не совсем поневоле, даже передать трон мужу старшей дочери вызвало бы междуусобицу, а вот так все наглядно: попробуй вырвать власть из когтей льва, в этом он прав.

На коронации был момент, когда я должен поцеловать руку королю Леопольду, все насторожились, а сам Леопольд заметно напрягся, готовый ко всяkim неожиданностям.

Возможно, и здесь помнят запечатленный летописями момент коронации, когда король Франции Карл Простоватый вынужденно передавал вторгнувшимся норманнам лучшую часть королевства, названную потом теми Нормандией. Вождь викингов должен был признать себя за это вассалом короля и в знак присяги поцеловать ему ногу. Самолюбивый Ролло, который ни перед кем не гнул голову, нашел выход, ухватив короля за ногу, подняв ее к своему лицу и поцеловав. А то, что король позорно брякнулся на спину, уже частности, зато формальности соблюdenы. В политике засчитывается только результат, а способы достижения могут быть разными.

Епископы, с моей стороны Геллерий, со стороны Леопольда — благообразный и очень знающий богословие Арландий, понимали ситуацию и провели церемонию достаточно быстро.

Я все время ловил на себе насмешливый взгляд Аскланделлы, но держал морду спокойной и равнодушной.

Едва церемония закончилась, я быстро поднялся на ноги, без всякой величавости, король здесь — Леопольд, а я — полевой вождь, сказал громко и властно:

— Его Величество король изволит отдохнуть после долгой дороги и пообщаться с дочерьми, а у меня важный разговор с моими лордами!.. За мной!

Пока сакранты хлопали в растерянности глазами, я так же быстро сошел с помоста, улыбнулся всем волчьим оскалом и ушел по коридору, ведущему от трона внутрь здания.

Лорды двигались следом, толкаясь в тесноте перехода, а я все ускорял шаг, пока они не перешли почти на бег, но дальше уже Зигфрид подал слугам знак, они распахнули двери пока еще моего кабинета и отступили.

Я с порога снял корону и метнул ее на олены рога над дверью, где она повисла на самом верхнем отростке и красиво закачалась, поигрывая в свете свечей рубинами и топазами.

— Садитесь, — велел я, — кто устал, а кто нет — может стоять. Разговор будет длинным, но коротким.

Лорды в самом деле кто сел, кто остался на ногах, лишь прислонился к стене и заложил ногу за ногу, показывая, что почти лежит. Принц Сандорин сказал почтительно:

— Ваше высочество ознакомит нас с планами продвижения дальше на север?

Я сказал раздраженно:

— Принц, вы последние дни торчали в своем лагере, даже принцесса без вас заскучала, и не слышали о последних указаниях вашего лорда, это я, если еще не забыли! Так и быть, повторю в развернутом виде, а то не до всех доходит с первого раза... Кстати, я сам такой. Сейчас вам расскажу, а потом, глядишь, и сам пойму.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Дальше, — сказал я властно, — нашей армии идти нет смысла.

Кто-то охнулся:

— Ваше высочество!

— Империя Мунтвига распалась, — сказал я жестко, — или распадается. Так обычно и бывает у завоевателей, которые не могут предложить даже союзным королям никакой мощной объединяющей идеи, кроме обещания нахватать много богатой добычи и прирастить свои королевства землями более слабых соседей. Правда, есть еще и массы фанатиков, которые двинулись на Юг с маниакальной идеей распространить власть апостольской церкви на весь мир, но

наш встречный удар не только сокрушил хребет моци мунтвиговских армий, но и вдребезги разбил их веру. С такими людьми проще, Господь отвернулся от них, значит, они идут неверным путем, пора теперь им всем разойтись по домам и каяться...

Они слушали очень внимательно, Сандорин проговорил медленно и с недоумением:

— Ваше высочество, не значит ли это...

— Да, — сказал я резко. — Значит!.. Мы уже в Санкранте, но до сих пор не знаем, где начинаются земли империи Вильгельма!

Клемент прорычал с воинственной ноткой:

— И сколько у него войска!

— И насколько велика территория, — добавил Сулливан.

Мидль негромко кашлянул, а когда на него оглянулись, сказал мягко и с укором:

— Его высочество всего лишь желает узнать, как проще вернуть принцессу Аскланделлу ее родителям. Хотя если кто-то поинтересуется моим мнением, то я за то, чтобы ее оставить у нас.

Я сказал зло:

— А на каком основании? Она здесь временно, потому что мы по ошибке захватили ее свадебный кортеж и разграбили... или не разграбили? Это неважно.

Альбрехт сказал рассудительно:

— Герцог Мидль говорит, как всегда, мало, но строго по делу. И, добавлю, мудро. Принцесса, как мы все заметили, не чувствует себя ущемленной.

— Не показывает, — сказал я сварливо.

— Возможно, — согласился он, — у нее такое воспитание. Но возможно и то, что ее воспитание позволяет ей не чувствовать себя так уж ущемленной.

— Погодите, — сказал Сулливан, — а когда передадим родителем, не натравит это всю армию Виль-

гельма? Разгневанные родители на что только не пойдут... С другой стороны, у нас будет возможность совершить больше боевых подвигов. А то как-то получилось с Мунтвигом разочаровывающе быстро. Я ждал грандиозных сражений, кровавых битв, чтоб кровавые ручьи сливались в кровавые реки...

Я вскинул обе руки, все умолкли, я сказал решительно:

— Все, каникулы кончились, я отбываю.

Сандорин вскрикнул в испуге:

— Ваше высочество, я даже не спрашиваю, зная вас, куда вас занесут ангелы, пусть они даже с рогами... но — надолго?

Я пожал плечами.

— Не от меня зависит.

Он аристократически охнулся.

— Как это... не от вас? А кто есть старше вас? Даже император Вильгельм вряд ли вами покомандует!

Глава 9

Все тоже смотрят примерно так же, только Альбрехт вздохнул, понимает, что в мире несколько параллельных, так сказать, силовых структур, из которых королевская власть самая слабая, а все остальные: власть церкви, объединение Высших Магов, могучие рыцарские ордена... все это развивается, не обращая внимания на то, какие короли там внизу сменяют друг друга и какие мелкие междуусобные войны ведут, а эти войны все мелкие, даже если и направлены, ах-ах, на захват всего мира, который на самом деле неизмеримо больше, чем они думают.

Клемент прогудел мощно:

— Принц... Его высочество будет выполнять миссию гораздо более важную, чем наше завоевание этих королевств.

— Что-о?

— Потом расскажем, — успокоил Клемент. В кабинет заглянул Зигфрид.

— Ваше высочество! К вам гость...

Слова он произнес так многозначительно, что из кресла, опережая других, тут же поднялся даже медлительный на отдыхе Суллиган.

— Мы оставим ваше высочество, — сказал Альбрехт, — но рассчитываем, что перед самым отбытием вы еще передадите нам последние инструкции.

— Передам, — пообещал я. — Мало не покажется!

Едва они вышли в коридор, Зигфрид пропустил в кабинет человека в плаще и с накинутым на лицо капюшоном. Дверь захлопнулась, человек поднял капюшон.

Я увидел бесстрастное лицо Дональда Дарси, он коротко поклонился и застыл, ровный и бесстрастный, но исполненный почтительности.

— Сэр Дональд, — произнес я.

Он поднял голову, взгляд прям и тверд, произнес таким четким и контролируемым голосом, что я невольно вспомнил Аскленделлу:

— Ваше высочество!

— Сэр Дональд, — сказал я, — вам я всегда рад, как радуемся всегда чему-то новому в нашей вообще-то привычной и серой обыденности. Хотя это вредит дипломатической сдержанности и протоколу, но, как говорит ваша принцесса, мы ж дикари, а дикарям, как вы понимаете, все можно.

Он сказал с улыбкой, дескать, юмор уловил:

— Хорошо быть дикарем!

— Расчудесно, — ответил я. — С какими новостями, сэр Дональд?

Он произнес как-то очень значительно, не сводя с меня пристального взгляда:

— Ваше высочество, я все по тому же поводу...

Я воскликнул:

— Забирайте!

Он смущился, сказал с приятной улыбкой:

— У вашего высочества весьма оригинальное чувство юмора... Ваша армия все ближе к границам империи Вильгельма Блистательного, так что нет острой необходимости забирать ее высочество Аскленделлу и везти через дикие и опасные места с небольшим отрядом...

— Дам большой, — заверил я.

— Но не больше, — заметил он, — чем вся ваша армия.

— Сэр Дональд, — сказал я, — могу вас известить даже официально, хотя пока что делаю это частным образом... в общем, наша защитительно-освободительная миссия ограниченного контингента войск с целью принуждения к миру... ничего, что так сложно?.. практически завершена. Я не вижу острой необходимости в продолжении нашего замечательного и победоносного дранг нах норд.

Он напрягся, но я даже по застывшему лицу читал достаточно отчетливо, как проносится множество суматошных мыслей, в том числе есть и облегчение, что опасная армия с непредсказуемым вождем наконец-то остановилась, и жажда понять как можно скорее, останемся ли здесь, объявили ли все захваченные земли своей собственностью или же поступим осторожнее и посадим на трон своих людей...

Наконец он проговорил осторожно:

— Ваше высочество?

Я пояснил с удовольствием:

— Можете забирать принцессу. Это наша конечная остановка. Дальше не пойдем, нет смысла. Мы же дики, но не дураки. Сам Мунтвиг, как полагаем, где-то с войсками южнее. Или не с войсками, а только собирает новое мясо для наших мечей и топоров.

Он проговорил с сомнением:

— Думаю, новых набрать будет непросто.

— Мы тоже пришли к этому же выводу, — ответил я любезно, — потому и не усердствуем с военными приготовлениями. Мечи держим в ножнах сухими.

Он посмотрел с некоторым ожиданием, но я не стал объяснять загадочную фразу, лишь про себя добавил, что хотя мечи и в ножнах, но ножны эти далеко не убираем.

— Ваше высочество, — проговорил он медленно, — это просто сокрушительная новость. Я должен немедленно сообщить Его императорскому величеству.

— А он, — сказал я, — не разрешает вам самому на месте решить такой пустяковый вопрос?

Он с достоинством выпрямился, в лице сдержанное негодование, но в голосе прозвучал отчетливый укор:

— Ваше высочество, когда дело касается особо высокорожденных лиц, ничто не бывает пустяковым.

Я пробормотал:

— То-то меня и не тянет в верха.

Он ответил с поклоном:

— Ваше высочество уже там. Только не желаете признавать это. И частенько ведете себя весьма... компрометирующее. Ну, по некоторым сведениям.

— Задаю новые стандарты, — буркнул я.

— Ваше высочество?

— Когда-то, — пояснил я, — все будут работать, а не таскаться огромной свитой за государем по любому поводу.

Он ужаснулся:

— Такой ужасный мир невозможен, ваше высочество!..

— Увы, — сказал я, — он придет, но вы не увили-
вайте насчет принцессы. Передайте своему императору,
что ждем либо кортежа для принцессы, либо подробную
карту безопасного маршрута, по которому сами отвезем
императорскую дочь в ее империю. Плату не возьмем,
обещаю!.. А то еще не примете ее.

Он повторил задумчиво:

— Карту безопасного маршрута...

— Ладно-ладно, — сказал я нервно, — обойдемся, а
то уже вижу, что вы думаете, подозрительные вы мои...
Просто укажите, куда доставить принцессу.

Он сказал несколько смущенно:

— Это не подозрительность, ваше высочество, а
предусмотрительность. Любой государь заколеблется,
прежде чем вручать другому государю подробную карту
безопасного маршрута в свои земли... С вашего позво-
ления я отбуду сегодня же.

— Не смею задерживать, — сказал я с облегчением.

Он сказал с поклоном:

— Только перед отбытием я просил бы разрешения
встретиться с принцессой.

— Да ради бога, — сказал я, — сколько угодно. Мож-
ет быть, она согласится поехать прямо с вами? Муж-
чина вы вполне видный...

Он сказал поспешно:

— Принцессы не могут путешествовать с мужчи-
нами, ваше высочество! Разве что с очень большим
эскортом.

— Принцесса сейчас в своих апартаментах, — ска-
зал я кисло. — Можете к ней прямо щас...

— Я не смею без предварительной договоренно-
сти, — предупредил он, — и заранее назначенной даты.

— У нас все проще, — ответил я, — но если хотите, впереди побежит слуга и будет предупреждать, что вы идете к принцессе. Велю кричать громко, чтобы принцесса услышала заранее и задолго до.

Он остановился, взглянул с вопросом в глазах.

— Задолго до чего?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Думаете, я был хоть раз в ее покоях?

Он посмотрел изумленно.

— Что... ее высочество ни разу не дала вам аудиенции?

— Ни разу, — ответил я, умолчав, что не напрашивался, но голосом на всякий случай постарался подчеркнуть горькую обиду. Так, на всякий случай, вдруг и пригодится, обиженному разрешается и прощается больше. — Вот так-то!

— Странно, — проговорил он в задумчивости, — это странно. Простите, ваше высочество, я с вашего позволения...

— Идите-идите, — ответил я великодушно. — В спину не вдарю.

Едва за ним закрылась дверь в коридор, из соседней комнатки вышел со свитками в руках Альбрехт.

— Хотите взглянуть?.. Король здесь еще тот жук. Вежлив, обходителен, но, думаю, отец его возглавлял гильдию торговцев. Льстит, говорит любезности, но всячески выговаривает выгодные условия союза с нашим... гм... объединением.

Я фыркнул:

— А этот союз нам нужен?

— Если только так, — ответил Альбрехт, — на всякий случай. Но король полагает, что целью всей нашей жизни было захватить Сакрант и вторгнуться в Генгаузуз.

— Разубеждать особенно не стоит, — посоветовал я. — Просто пусть помнит о соотношении сил. Где сейчас Мунтвиг, никто не знает. У него оставались еще некоторые земли, где можно наскрести народу на две-три армии, но после захвата Генгаузгуда многие союзники наверняка вспомнили насчет шкуры неубитого медведя.

— Ядро останется, — предостерег он.

— Конечно, — согласился я, — фанатики не отступятся. К счастью, апостольская церковь наименее фанатичная из всех церквей. Не знаю даже, чем Мунтвиг сумел их зажечь.

— Думаете, они сейчас в сомнении?

— Кто уже не отступил от Мунтвига, — ответил я, — тот сейчас проверяет каждое его слово. А это значит, монолит растрескался. Будем надеяться, развалится сам. Сомнение в истинности веры — уже поражение.

— А не развалится, — сказал он бодро, — ударим молотом! Или тараном. Иначе зачем вы так старательно и, надо признать, умело создавали армию?.. Кстати, ваше высочество, у меня появилось серьезное подозрение насчет Аскланделлы...

— Давайте, граф, — сказал я с живостью. — Насчет Аскланделлы приму любые подозрения.

— У меня зародилась мысль, — сказал он почти шепотом, — нет, догадка, почему именно принцесса так настаивает, чтобы вы приняли королевскую корону!

— Ну-ну?

Он огляделся по сторонам, подбежал к двери, приложил ухо и послушал там так долго, что я едва не швырнул в него креслом, наконец вернулся и сообщил:

— Ваше высочество... она просто не хочет выходить замуж за принца! Пусть даже коронного!

Я поперхнулся, готовый выслушивать любые обвинения в кровавом заговоре с целью захвата власти и умерщвления всех несогласных, повернулся к нему, медленно наливаясь белой яростью.

— Что-о?

Он отпрыгнул в испуге.

— Полагаю, ваше высочество, она права. Это будет ущемлением ее достоинства. Она не просто дочь короля, она дочь императора!.. Настоящего, потомственного, у которого и отец был императором, и дед, и прадед...

Я прошипел лютно:

— И что вы предлагаете, сэр...

Он отступил поспешно, выставил перед собой ладони.

— Ваше высочество!.. Это не только мое мнение. Это же в общих интересах. Вы сами как-то милостиво и мудро брякнули, что личная жизнь государя принадлежит не ему, а всему королевству.

Я стиснул кулаки, но Альбрехт смотрит с таким видом, словно я и в самом деле мудрый. Я выдохнул весь жар или хотя бы половину, сказал медленно, пусть и сквозь зубы:

— Все верно, граф. Моя жизнь, мои мечты, мои усилия принадлежат... нет, не королевству, это же мелочи, теперь видим!.. а тому прекрасному, что строим в этом грешном и лживом мире. Но как строить, определяют не те, кто руководствуется древними традициями и старыми нормами... Новому миру — новые правила!

Он неохотно кивнул.

— Ваше высочество... я все понял.

— Идите, — разрешил я и добавил милостиво: — И не грешите.

По-моему, эти слова я где-то слышал или кто-то их говорил, но это неважно, все хорошие слова и поступки — мои, а нехорошие — моих противников.

Глава 10

Клемент ввалился медленный и величавый, как слон, он ускоряется лишь в битвах, да еще в походах быстр, а на отдыхе всегда царственно ленив и важен.

— Север, — сказал он и звучно зевнул, — мне раньше казалось, чем дальше на север, тем нравы чище...

Я спросил с интересом:

— А что изменило взгляды?

— Привычные интриги, — ответил он и, подавив новый зевок, сказал равнодушно: — Уже от двоих было осторожное прощупывание нашего отношения к своему лорду. Дескать, не слишком ли он много захватывает власти в свои загребущие...

— Так и сказали?

— Нет, — пояснил он, — загребущие, это я от себя, мы же все знаем, у кого они самые загребистые! Он сказал чуть иначе, но суть в том, что все просвещенные и мудрые государи всегда советуются с лордами. Более того, даже ведомы ими, ибо две головы всегда лучше одной, а три так и вообще...

Я поинтересовался без особого интереса:

— А кто начал этот разговор?

Он пожал плечами.

— Не то граф Тенген, не то барон Руппин. Разница между ними была меньше часа. Думаю, они не сговаривались. Просто это самое простое в придворной интриге... Какие-то меры примете?

— Никаких, — ответил я. — Интриги... это всего лишь разговоры.

— Опасные.

— Смотря в каких условиях.

Он посмотрел очень внимательно поверх фужера с вином.

— А что у нас за особые?

— Еще не знаю, — ответил я, — просто чувствую, мы свое дело выполнили. А в этих условиях вообще-то правильные попытки местных интриганов вбить клин между мною и моими соратниками... бесполезны. Мы уйдем отсюда раньше.

В дверь заглянул Зигфрид.

— К вам посол. Тот самый.

Я кивнул.

— Впусти.

Альбрехт ухватил Клемента за руку и потащил за собой.

— Пойдемте, герцог, я покажу вам некоторые новые экономические модели, вам понравится...

Дональд Дарси вошел быстро, поклонился.

— Сэр Дональд, — сказал я.

— Ваше высочество...

— Надеюсь, — сказал я, — общение с ее высочеством Аскленделлой прошло успешно?

— Благодарю вас, ваше высочество.

— Сэр Дональд, — сказал я внезапно, — а много у императора таких, как вы?

— Ваше высочество?

— Вы прекрасно поняли, — укорил я. — Империя Вильгельма, как я уже знаю от его дочери, находится в достаточной изоляции. Ни туда не ввести войска, ни оттуда нельзя двинуться победным маршем. Остается только развивать вот такой способ перемещения... Вы не станете утверждать, что вы один-единственный?

Он помолчал, глядя мне в глаза, я видел, как подбирает ответ, а когда заговорил, голос звучал уверенно и с надлежащей долей искренности:

— Ваше высочество, подобные перемещения требуют не только огромных затрат, но и крепчайшего здоровья... а также полного доверия его императорского величества.

— Об этом догадываюсь, — сказал я.

— Последнее особенно важно, — сказал он. — А доверяем обычно легко, если дело касается мелочей. Даже когда говорим, что доверяем жизнь... но что наша жизнь, разве большая ценность?.. Интересы империи во сто крат важнее, а таким доверием император не разбрасывается...

Я слушал, внимательно следил за его лицом, мимикой, жестами, наконец проговорил:

— Сэр Дональд, вы в самом деле в родстве с императором?

Он запнулся, посмотрел на меня расширенными глазами и достаточно оторопело.

— Ваше высочество?

— И в достаточно близком родстве, — сказал я с наожимом.

Он поперхнулся, сглотнул ком в горле и сказал с усилием:

— Ваше высочество... я не стану ни возражать, ни подтверждать ваши слова, как вы понимаете сами... только замечу, ваше предположение лишь подтверждает, у императора просто не могут быть десятки людей, перемещающихся... нетрадиционными способами.

Я создал кубок с вином, сунул ему в ладонь.

— Пейте, это не яд. Эти нетрадиционные, гм, весьма осуждаемы церковью, потому приходится таиться, понимаю. Значит, империя Вильгельма совершенно не играет роли в регионе?

Он сделал глоток, взглянул на меня поверх края кубка и произнес осторожно:

— Только как некий сдерживающий фактор.

— Сэр Дональд?

Он пояснил, осторожно подбирая слова:

— Чужая армия не может вторгнуться к нам, однако мы можем вывести через контролируемый нами проход достаточное войско, что решит исход битвы между местными лордами и даже между королями. Конечно, мы так не делаем, нас изоляция вполне устраивает, никто не желает перебираться на ту сторону...

— На эту сторону, — уточнил я.

Он улыбнулся.

— Между Сакрантом и империей Вильгельма еще два королевства, Аганд и Сизия. Это надежный буфер между вашей империей и землями его величества Вильгельма.

Я сделал вид, что не заметил его намеренную оговорку насчет моей империи, развел руками и предложил:

— Еще вина?

— Я не смею затруднять ваше высочество...

— Бросьте, — ответил я легко, — вы разведчик и собрали обо мне достаточно информации. Как и той, что я тоже для перемещений иногда... тогда иногда!.. прибегаю к особым способам. Так что мы в одной лиге, можете держаться со мной свободнее и даже свободно. Разумеется, когда мы без посторонних.

Он ответил очень осторожно и с поклоном:

— Как вам угодно, ваше высочество.

— Вы слишком скованы, — заметил я покровительственным тоном.

— Это и понятно, — ответил он почтительно.— Я недавно на таких поручениях, а у вас немалый опыт.

— Чувствуется? — спросил я польщенно.

— В каждом слове, — ответил он, и я ощущал, что он не льстит. — Я даже и представить не могу, где вас обучали... Ваше высочество?

— Сэр Дональд, — произнес я.

Он вышел, а Зигфрид, неприятно улыбаясь, пропустил в кабинет герцога Мидля. Аккуратно одетый, аккуратный в поступках, словах и даже мыслях, сейчас он показался мне злым и расстроенным, хотя, конечно, заметить такое в сдержанном Мидле очень непросто.

— Герцог, — сказал я.

— Ваше высочество, — ответил он с поклоном.

— Герцог, — сказал я, — вы явно чем-то как бы весьма. Зачем вам это?

Он ответил сквозь зубы:

— Ваша светлость весьма внимательны к своим соратникам. Что всегда ценно, а особенно в наше время...

— И все же?

Он вскинул голову и посмотрел мне в глаза непривычно твердо и даже жестко.

— Ваше высочество возложили на меня весьма непростую задачу.

— Какую именно? — уточнил я. — А то я вообще-то обожаю возлагать, да не по одному, а сразу связками, пачками. Такой я вот пачкатель.

— Обустройство отрядов, прибывших из Аганда и Сизии, — сообщил он. — Это вы поручили мне.

— Трудности?

— С сопровождающими, — ответил он, — никаких. А вот с принцами... Оба требуют для себя и здесь особых привилегий.

Я вздохнул.

— Принцы, ничего не поделаешь. Предоставьте. До всеобщего равенства человечество никогда не доскребется.

— Ни у кого не должно быть привилегий больше, — отрезал он, — чем у сэра Ричарда!

— Думаете, — спросил я, — буду спорить?

Он сказал злобно:

— А вот им непонятно!.. Простите, ваше высочество, что-то я в последнее время срываюсь. Такие наглые оба... Заявляют, что они такие же принцы, как и вы!

Я поморщился.

— Что касается привилегий, то мне это как-то все равно...

— Ваше высочество!

Я остановил его жестом.

— Но такое самомнение, вы совершенно правы, может подвигнуть их на невыполнение приказов на поле боя.

Он сказал:

— Может быть, пустить их впереди, пусть перебьют в первых же боях?

Я вздохнул.

— Простые решения самые соблазнительные... но сие чревато. Придется именно не пускать, если вдруг сами восхотят в самую гущу сечи, а они могут... Не хочу портить отношения с теми королевствами из-за такой ерунды, как гибель их наследников.

— К тому же, — сказал он, — это может стать дурным примером для других. Того и гляди, наш друг Сандорин, глядя на них, тоже вспомнит, что он принц, у которого особые права...

— Это серьезнее, — определил я. — Придется кое-какие меры, гм, изобрести.

Он вздохнул.

— Если бы вы поручили обустраивать их отряды Клементу или Сулливану, те бы их уже перебили! Да и Альбрехт не так мягок...

Я спросил серьезно:

— Все же предлагаете меры насчет... перебития?
Только не на поле боя?

— Это было бы решением проблемы, — согласился он, — как раз в вашем стиле. Но есть вариант получше.

— Получше варианты может предлагать только ваш сюзерен, — напомнил я. — Даже, если придумали их вы.

— Ваше высочество! — воскликнул он. — Конечно же! А как же иначе?

— Так что, — спросил я с подозрением, — намысляли бессонными ночами?

Он развел руками.

— Единственный возможный, ваше высочество. Возложить на свое светлое и упрямое, как у благородного барана, чело королевскую корону!.. Не простого барана, а горного, их еще называют королевскими!

— Королевскими бывают только пингвины, — буркнул я, — да еще императорскими... Знаете, герцог, не нравится мне эта старая песня! Вас разбуди среди ночи, споете, ни разу не сбившись, верно?

— И тогда, — сказал он невозмутимо, словно и не слыша своего сюзерена, — все принцы сразу станут ниже по титулу, и никаких недоразумений, ваше высочество, ни в каком далеком будущем!

Я поморщился.

— Снова за свое? Это вас Альбрехт науськал или сами придумали?

— Сам, — ответил честно, — а если сам, то и другие тоже сами думают то же самое. Я не слишком оригинал, ваше высочество, признаю! Вы прижаты к стене, мои соболезнования.

Я продолжал кривиться, в голове стучат молоточки, выковывая новую мысль, затем старательно очищая от окалины и кое-как выгравивая. Наконец я сказал сомнением:

— Мне кажется, что-то да есть... между мною и королем. Какая-то промежуточная ступенька.

— Нет такой, — возразил он твердо, но я уловил в его словах беспокойство. — Только король!

Я порылся в памяти, мусора там много, но если рыться быстро-быстро, расшвыривая все в стороны, а не укладывая аккуратно, для этого отведено время сна, когда мозг сам все упорядочивает, то можно найти что-то вообще редкостное, пусть даже гадость.

— Нет так нет, — сказал я, — но еще подумаю... Хорошо, герцог, спасибо за своевременное предупреждение! Мы ответим своевременными и упреждающими. Возможно, несимметричными.

Вошел слуга-воин с подносом в руках, там две рюмки из темного серебра, ярким контрастом торчат тупыми кончиками кверху куриные яйца. Серебряные ложечки тоже на месте, есть и ножи, жаль до вилок здесь еще не додумались, хотя в Сен-Мари я их вводить уже начал...

Мидль поклонился.

— Приятного аппетита, ваше высочество.

— Что-то новое, — пробормотал я.

— Вступили в действие старые правила, — ответил он уже от двери. — Королевские!

Судя по карте, препятствий у меня на пути к Храму почти не будет, если не считать две-три особо высокие горы, прямо лунный пейзаж, но легко обогнуть, если на крыльях, однако в последнее время что-то тревожное заползает в душу и скребет на сердце, когда представляю, как это вот лечу над заснеженными равнинами белого безмолвия.

Даже не знаю, что подстерегает, то ли залп из Небесных Игл разнесет меня в клочья, то ли особо опасные крылатые хищники, от которых не уйти, то ли что-то

еще, но как только начинаю представлять себе, как вот лечу на север, то страх и чувство растущей опасности становится все острее.

В то же время если на арбогастре, то вроде бы не чувствую неминуемой беды. Или это потому, что на Зайчике гораздо медленнее?

— На Зайчике, — прошептал я, — двинемся на Зайчике... Господи, сколько же гор, сколько ущелий, сколько всякой дряни, что не перепрыгнуть даже арбогастру...

Помимо гор и десятка слишком широких для прыжков ущелий, на пути еще и довольно обширное Запретное Место, я же теперь государь, а не сорвиголова, должен сам избегать их и других не пускать...

По-свойски в кабинет вошел Клемент, что-то подозрительно весел, просто пышет счастьем, а когда приблизился, от него просто пахнуло, как жаром из натопленного камина, настоящим мужским ликованием.

— Ваше высочество! — воскликнул он с чувством. — Наконец-то будем именовать вас, как и подобает?

Я спросил с настороженностью:

— Что вы имеете в виду, герцог?

— Вашим величеством!

— А-а-а, — сказал я, — а то уже подумал...

— Значит, все правда?

Я сказал недовольно:

— С какого перепугу величеством?

— Говорят, — объяснил он преданно, — все говорят!

О принятом вами решении говорят! Судьбоносном, как определил граф Альбрехт, а он обычно знает, о чем говорит, а если не знает, то все равно говорит.

— Так уж и все? — спросил я. — Герцог, что-то вы все на меня насели скопом, а это нечестно.

Он сказал одобрительно:

— Так вы же здоровый бык, ваше высочество! Вас можно только скопом. А с короной вы правильно решили, всем уже надоела эта нелепая чехарда с принципами.

— Не радуйтесь, — буркнул я. — Надо порыться в старых архивных записях, вдруг да найдется еще какой-нибудь сверхпринц или что-то вроде недокороля.

— Нету, — сказал он убежденно.

— Точно?

— Но я же не слышал!

Я поморщился.

— А тоже о многом не слышал, а когда услышал... нет, лучше не скажу. В общем, я еще поищу.

— Не найдете.

— А если?

Он вздохнул и развел руками.

Глава 11

Сакрантские рыцари, стараясь реабилитироваться, предложили устроить турнир на копьях, мечах и топорах, что наши приняли с восторгом, еще бы, как можно отказываться от возможности подраться!

Сразу за городской стеной расчистили поле, оно и раньше использовалось для рыцарского турнира, но только летом, сейчас же рыцари Генгаузгуда изнывают от жажды доказать, что их город захватили хитростью, а так ни за что и никогда...

Я, пользуясь, что я один такой умный и хренью не страдаю, всперодактилил из-под крыши дозорной башни, пошел почти по вертикали вверх, для птеродактиля это почти невозможно, однако я еще тот преродактиль, постоянно что-то да меняю, усиливаю одни

сухожилия, убираю вовсе другие, некоторые удалось перевести почти что на неорганику...

Воздух кажется разреженным от холода и морозной свежести, я работал крыльями чаще, чем нужно для скоростного подъема, силы много, ума вроде бы тоже палата, хотя только я сам вижу, насколько я умный и талантливый, а все остальные — дураки, уверены, что мне просто везет.

Разогревшись, я раскинул крылья, намереваясь попарить и понаблюдать свысока за жизнью этих, как их, ага, людей, царей природы как бы, но почувствовал, что ощутимо проваливаюсь, падаю в эту яму, на дне которой промерзлая земля. Летом оттуда ощутимо поднимаются прогретые потоки воздуха, где просто теплые, это как бы норма, а где очень теплые. Мы все, которые пернатые и просто летучие, именно их называем восходящими тепловыми струями, что не просто держат, но и медленно поднимают...

В отличие от лета, когда внизу теплее, чем вверху, сейчас вроде бы теплее вверху, в верхних слоях, хотя, возможно, это я просто разогрелся, усиленно работая птеродактильными, что уже и не птеродактиль, а вообще не пойму что, я только с виду птеродактиль, а так мышцы перестроил весьма, да и шкуру зело...

Поднявшись повыше, я прошелся по большому кругу и понял, что я здесь вообще-то больше от безделия и непонимания, и хотя я умный, спорить не стану, но все-таки хренью страдаю, это вот фанфаронное птеродактиление ничуть не лучше рыцарского турнира.

Однако так много нужно срочно сделать перед тем, как ринуться в Храм Истины, что уже иду, как канатоходец по натянутой веревке. На мне целая пирамида всякого и разного, что норовит соскользнуть с плеч, а тут еще какие-то гады трясут веревку спереди и сзади,

а внизу уже вон раскрытые пасти с вот такими зубищами...

Сделать нужно слишком много, настолько, что подмывает все бросить и ринуться в этот самый Храм, к которому с каждым днем отношусь все скептичнее, однако он остается единственной надеждой, что хоть там если и не помогут делом, в этом сомневаюсь, то хотя бы подскажут что-то важное...

С башни я спустился настолько продрогший и ползгающий зубами, что страж внизу, бывалый ветеран, сказал с укором:

— И чего там высматривать, ваше высочество?..

— Будущее, — ответил я значительно. — И счастье для всего человечества!

Он покачал головой, сказал как старший младшему:

— Пока снега не сойдут, никакое счастье с места не сдвинется.

Мне даже показалось, что он имеет в виду мои полеты, но, конечно, он про наблюдения с верха башни, когда под сильным ветром пытаешься что-то увидеть в бесконечной белой мгле.

— Все равно, — сказал я, — бдить надо! Враг не дремлет.

— Мы тоже, — заверил он.

— Тогда мы в безопасности, — откликнулся я и хотел спускаться во внутренний двор, как он сказал деловито:

— А еще час назад прибыла первая группа рыцарей-монахов! Ну, скажу вам, ваше высочество, это просто какие-то исполины! Они прошли по зимним дорогам не потеряв ни одного коня, ни одного человека! Кто бы мог?

— Кто-кто? — переспросил я. — Ах да, маршальцы прибыли?

— Они, — подтвердил он, — рыцари Ордена Марешала. Не волнуйтесь, ваше высочество, принцессы

Аскленделла тут же велела разместить лордов в гостевом дворце, а рядовых рыцарей позволила расселить у знатных людей столицы...

Я сжал челюсти, кивнул, стараясь держаться все так же спокойно и державно, ибо что сейчас знает один рядовой, к вечеру может знать вся армия.

— Она знает, что делать.

— Ваши указания, — сказал он одобрительно. — Еще она назначила людей, что проследят, чтоб им никаких утеснений, ауважение оказывалось высокое...

— Хорошая мысль, — одобрил я. — Спасибо за своевременное сообщение.

Он воскликнул мне в спину ликующе:

— Рад стараться, ваше высочество!

Во дворе вовсю скребут по булыжнику разлохмаченными метлами, сгребая остатки снега под стены, но все тут же останавливаются и, повернувшись ко мне, застывают в поклонах, из-за чего мне так и хочется ускорить шаг, чтобы не задерживать людей с их нужным и таким радостным трудом на благо королевства.

Стража во дворце все еще моя, хотя насчет смены ее на сакранцев уже ведутся жаркие переговоры. Леопольд не торопит, понимает, что мы вскоре уйдем все равно, придворные кланяются как-то криво, ситуация для них просто мучительная, так бы и передушил из жалости: король здесь Леопольд, но вся реальная власть у захватчиков.

Вообще во дворце слишком много суматохи, а сам дворец ощутимо разделился на две части: центральный дворец, где король со своей свитой, и гостевой, где я и мой штаб, придворные буквально разрываются, стараясь угодить тем и другим.

В первом зале внизу Альбрехт и Мидль степенно отвечают на вопросы придворных, всем нужно объяснять

особенности нашей мирной политики превентивных войн и гуманитарного вторжения.

Я хотел пройти мимо, однако все начали поворачиваться и кланяться.

Альбрехт живо оглянулся, толкнул Мидля.

— Смотрите герцог, наш лорд свежий, с мороза!

— Значит, злой, — сказал Мидль.

— Да ни за что...

Я прервал:

— Граф, это ваше влияние? Я имею в виду, почему Аскленделла берется руководить, а не... ну, к примеру, благотворительничать? Все богатые дуры занимаются благотворительностью!

Мидль опустил голову и тихонько отступил, Альбрехт же сказал подчеркнуто очень осторожно, страшась еще больше рассвирепить мое высочество:

— Даык, ваше высочество, вы сами могли заметить...

— Что?

— Она хоть и богатая, но... не дура.

— И что, — рыкнул я, — это я дурак?

— Нет, — сказал он поспешно, — какой же вы дурак, хоть иногда вот и недопонимаете, а иногда недоперепонимаете, но и принцесса весьма даже умна, что удивительно...

— Ага, — сказал я, — удивительно?

— Ну да, — ответил он очень осмотрительно, — удивительно. Красивая и... умная. Вам повезло, ваше высочество. Нет-нет, это не мое мнение, разве в вашем присутствии можно иметь свое мнение? Просто так говорят. Правда, везде. И часто. Но шепотом. Хоть и громко.

Я стиснул кулаки и челюсти, а сквозь зубы прошипел:

— Вот так и расплачиваемся крупно даже за мелкие дурости прошлого... Хорошо, хоть не предков. Найти и

повесить того идиота, что предложил напасть на отряд мунтвиговцев, везший Мунтвигу принцессу!

Он потупился и напомнил кротко:

— Ваше высочество...

— Что?

— Это вы велели...

Я запнулся, сказал уже тише:

— Ладно, того дурака пока вешать не будем. Может быть, исправится как-нибудь со временем... хотя я в такое не верю.

— И мы не верим, — заверил он преданно, — хотя что тут поделаешь? Пошли следом, надо идти и за таким.

Мидль, видя, что грозу пронесло, приблизился и сказал как можно более мирно:

— Уже так далеко забрели, что обратно сами и дорогу не найдем.

— Тогда сидите здесь всю зиму, — сказал я раздраженно, — а к весне я вернусь и всех выведу! Да не на чистую воду, не тряситесь, а как тот косноязычный из Египта в обетованные земли... ну, где-нить в океане найду для вас.

— Если не утонем, — уточнил Мидль.

— Не утонем, — заверил Альбрехт, — с его высочеством еще и рыбы наловим!

Я улыбнулся широко и победно, теперь это моя вторая, нет, даже первая натура, обязан источать бодрость и уверенность, тоже в какой-то мере олицетворение нашей общности завоевателей, быстрым шагом пересек зал с кланяющимся людом и бодро взбежал по лестнице.

На третьем этаже начал было поворачивать налево, но краем глаза увидел в конце коридора справа целый

девишик, яркий и красочный, подумал, что тоже меня заметили, неловко, если повернусь и пойду к себе, неучтиво даже, а это больше, чем неловкость, потому повернулся, сделал радостное лицо и воскликнул, направляясь к ним:

— Как прекрасен этот мир, посмотри!

Аскланделла сказала подозрительно, но с улыбкой:

— Почти песня, ваше высочество. А уж в песнях я вас как-то не могу представить.

— Да уж в песнях, — согласился я, — я такой же, как и в танцах. По мне стадо медведей потопталось...

Я приблизился, согнулся в поклоне и поцеловал ей руку, почему-то с удовольствием, сам не понял, но это оказалось в самом деле приятно, будто до этого целовал руку ее строгой бабушки.

Она бросила взгляд на смиренно присевших фрейлин, повела бровью, и они все трое, делая мне глазки, даже робкая Хайдилла, поспешно, хоть и с неохотой, втянулись в уже распахнутые двери комнаты.

Аскланделла обратила на меня благосклонный взгляд строгих ясных глаз.

— Ваше высочество?..

— Аскланделла, — сказал я, — простите, вы вроде бы разрешили мне так обращаться к вам, когда мы наедине, хотя даже не решусь предположить, почему вам разрешено... а ведь разрешено?.. оставаться наедине с особами... особами иного как бы пола...

Она кивнула царственно.

— Да, я помню, вы — Ричард, я — Аскланделла. А вы что, уже забыли? Ну да, у вас мужская память. А разрешено... что значит, разрешено? Сэр Ричард, императорская дочь — вне подозрений и слухов. И это не слова... Странно, что вы этого не знаете.

— Аскланделла, — сказал я, — раз уж нам приходится ладить...

— Все просто, — сказала она, — у нас в империи знают, что всякий, посягнувший на дочь императора, моментально умрет жестокой смертью. Потому можете пригласить меня в свою комнату. Это не вызовет слухов, да и я не устрашусь войти.

Я пробормотал:

— А с виду вы не такая уж и ужасная... Да-да, нам лучше пройти ко мне, а то у вас эти три счастливые птички. Не надоели?

— Пусть чирикают, — ответила она невыносимо серьезно. — Ведь слушать необязательно?.. Я не знаю, что за магию накладывали на меня в колыбели, но мужчинам с их мужскими мыслями ко мне лучше не приближаться.

Я осторожно взял ее под локоток и со всеми знаками уважения и крайней почтительности повел на левую половину, где выделены мне и моим ближайшим соратникам покой.

Часовые не двигаются, берут пример с вышколенных сакранцев, хотя глазные яблоки поворачиваются в пещерах почти до скрипа, стараясь не упустить ни движения..

— Прецеденты были? — спросил я.

Она покачала головой.

— В империи о заклятии знают все, а здесь я была окружена еще и всеобщим почтением.

— Тогда, — сказал я в задумчивости, — может быть, это все брехня?

Слуги распахнули перед нами обе половинки двери, я бережно перевел Аскланделлу через порог, в комнате только дрыхнувший Бобик, что даже не приподнял голову.

Аскланделла покосилась в мою сторону и сказала очень строго:

— Сэр Ричард, вам лучше не проверять.

— Не стану, — заверил я. — А то вдруг в самом деле окажется брехней.

Двери за спиной захлопнулись, но если я и стал вести себя свободнее, Аскланделла осталась такой же выпрямленной и строгой.

— Странные у вас шуточки, — произнесла она с осуждением. — Я бы даже сказала... недостаточно почтительные.

— Да я ж варвар, — ответил я и утер нос рукавом, — варварам все можно... кроме того, конечно, что нельзя. Но мы, варвары, не понимаем слова «низзя», потому нам можно все и даже больше... Прошу вас в это кресло. Оно самое удобное, проверено.

Она позволила себя усадить, но и оттуда поглядывала с прежней надменностью. Бобик наконец поднялся, широко и с таким могучим подыванием зевнул, что за окном испуганно взвизгнули собаки, подошел и с ходу бухнулся на пол между нами, придавив Аскланделле край платья.

— Что варвар, — голос ее прозвучал сухо и без признаков тепла, — это заметно не только мне.

— Кстати, — сказал я, — как сэр Дональд?..

Она благосклонно приняла созданный для нее фужер из тончайшего стекла, наполненный густым красным вином, но пить не стала, хоть и на стол не поставила, а медленно вертела длинную фигурную ножку в тонких изящных пальцах, в которых бокал смотрится особенно удачно и выигрышно.

— А что, — поинтересовалась она нейтрально, — с сэром Дональдом?

— Да так, — ответил я. — Всегда я его как-то озадачиваю. Вот не думал о себе, как о великом озадачивателе, у меня же душа нараспашку до самых сапог, сердце на рукаве! Во всю ширь, а здесь рукава ого-то, на юге

долго бы ржали... А тут он всякий раз за сердце хватается! Молодой, видать.

Бобик приоткрыл глаз, посмотрел на Аскланделлу с укором и тяжело вздохнул. Она чуть наклонилась и начала чесать ему за ухом, не выпуская из другой руки фужер. Он довольно засопел и закрыл глаза.

— Сэр Дональд, — ответила мне с некоторым запозданием и осторожностью, — всего лишь строго выполняет порученное ему задание. Ничего более. Так принято... как мне кажется. А что вас волнует?

— Только вы, — ответил я. — Что мне Дональд? Я просто забочусь о вас и хотел бы знать, какие особые инструкции он получил от вас, которые могли бы... помочь мне.

— В каком смысле?

— Не в том, — сказал я поспешно, — что вы подумали! Нет-нет, все наоборот!.. Я к вам отношусь к трепетом, как дикии к иконам. Я все думаю, как лучше защитить вас.

Она перестала чесать Бобика, выпрямилась в кресле, как на троне, и посмотрела с недоумением.

— Разве я не сказала, что защищена?

— Не только от посягательств мужчин, — ответил я неуклюже, — а как бы вообще от всего. Аскланделла, я отвечаю за вас. Вернее, отвечаю за вас я. Странное чувство, но в последнее время это перестало тяготить, а даже, я бы сказал...

— Не надо, — произнесла она неожиданно мягко, — не говорите.

— Принцесса?

— Любые сказанные слова, — пояснила она, — в какой-то мере налагаются на всех нас оковы. И хотя мы их легко рвем, когда возникает нужда, но лучше, чтоб этих оков вообще не было. Кстати, вы тоже можете сесть.

Я поклонился, сел напротив и сказал просто:

— Аскленделла, я скоро отбуду.

Она всмотрелась в меня, глаза чуть расширились, но поняла, поверила и только уточнила:

— Среди зимы?..

— Да, — ответил я с неохотой.

— Надолго?

— Не знаю, — ответил я честно. — Если бы это зависело от меня!..

Она чуть-чуть пригубила вино, то ли из вежливости, то ли таков этикет в империи, поставила фужер на стол.

— А кто может, — поинтересовалась она кротко, — приказывать самому сэру Ричарду Завоевателю?

Я ответил скромно:

— Увы, Господь велит быть милостивым к врагам, но к своим жалости не знает.

Ее глаза расширились.

— Сэр Ричард?

Я ответил скорбно:

— Бывает, разбудит среди ночи и говорит: иди и жги!.. Сердца людей. Приходится вставать, одевать штаны... простите, брюки, но это все равно штаны, и это... идти жечь. Весьма! Надо. Культура культурой, а убивать надо. Сперва убивать, а потом жечь, мы же не инквизиторы! Однако убивать надо, веление времени и пропалывание во имя прогресса и гуманизма. Милосердие нужно вводить постепенно, а то обнаглеют. Хотя все равно обнаглеют, но хоть не так быстро на голову сядут.

Она медленно покачала головой.

— Вы получаете приказы... от Всевышнего?

Я сказал сердито:

— А от кого бы еще я вот так беспрекословно?.. Ну, разве что от вас... Я вообще-то человек местами гордый. Даже зело. А вы такой дурью страдаете, я же по глазам вижу, будто я сплю и грезжу, как захватываю империю

вашего родителя!.. Успокойтесь! Это северные народы постоянно прут ордами в наши пределы, пришлось вон Большой Хребет воздвигнуть... Нам бы от вас отсидеться.

Она сказала язвительно:

— Хорошо же вы отсиживаетесь!

— Это была вынужденная карательная экспедиция, — возразил я. — Вы не сможете отрицать, что это Мунтвиг напал, а мы вынужденно перешли к глубокой обороне... на его землях, так просто удобнее и гуманнее. Пусть патриотически настроенное население как следует ощутит на себе тяготы дранг нах юген!.. В другой раз не захочет участвовать даже в победных войнах.

— Ваши воины, — сказала обвиняюще, — врывались в дома, мужчин прибивали гвоздями к дверям, а женщин насиловали на их глазах!

— Общепринятая практика, — возразил я. — Мы действуем в русле культурной традиции, что выработалась не просто так, а по мере необходимости!.. А так как возникла в разных частях света вне зависимости друг от друга, значит, это не первверсия и даже не жестокость, а жизненная потребность, вызванная потребностями растущей культуры!

Она вздохнула.

— Да что вы говорите, сами себя хоть слышите?

Я возразил:

— А как иначе объяснить, они же неграмотные! А так вот наглядно чуточку понятнее, что воевать не всегда хорошо. Да и то, тупые, не всегда понимают с первого раза. Бывало, некоторые земли по десять раз разоряли и насиловали, пока там ничего не оставалось, вот тогда — полное понимание и приятие гуманизма! Ваш отец, вероятно, об этом догадывается.

Глава 12

Бобик перевернулся на спину, показывая, что разрешает почесать его и под челюстью. Аскланделла начала медленно почесывать, но смотрела не на него, а на меня с появившейся внезапно неприязнью.

— Наша просвещенная империя, — произнесла она сухо, — не воюет несколько столетий.

— Несчастные, — воскликнул я лицемерно, — что стряслось?

— Хотя могла бы, — продолжила она невозмутимо, — вывести войска через единственный проход, что в наших руках, и ударом с тыла захватить королевства Олдвуд и Гинтершелленберг, отделенные от империи моего отца только высокими горами.

— Это те, что отсюда сразу за Сакрантом?

Она взглянула с упреком.

— Не знаете или проверяете так примитивно?.. За Сакрантом раскинулась огромная и довольно пустынная Эстия, за нею — Аганд, Сизия и Меция, это смотря какой дорогой отправитесь на север, а уже дальше Олдвуд и Гинтершелленберг... Их тоже могли бы захватить с легкостью.

— Понятно, — сказал я, — но император ничего этого не захватывает. Верно?

— Спасибо, что догадались.

— А почему?

— Догадайтесь с трех раз, — предложила она любезно.

— Гуманист, — сказал я задумчиво, — или практик. Нет, правитель не может быть гуманистом, значит, почти такой же умный, как и я. Ну, в некоторых отдельных не весьма крупных вопросах.

— Сэр Ричард!

Бобик шире раскрыл глаза от ее гневного голоса, но убедился, что адресовано не ему, довольно зевнул и раскинул шире лапы, милостиво разрешая почесать ему и широкую, как у носорога, грудь.

— От захваченных королевств нет пользы, — сказал я невозмутимо, не замечая ее гнева. — Если нет хороших дорог с империей, то они так и останутся отдельными. Даже отделенными. А каких бы правителей император ни сажал на местные троны... что толку?

— А вы не дурак, — заметила она с холодным изумлением, — хотя с виду как раз самый-самый...

— И вы не самая последняя на свете дура, — ответил я любезностью на любезность.

— А как же, — спросила она с издевкой, — захват новых земель? Королевств? Утверждения своей власти?.. Победы в кровавых сражениях?

— Я расту быстро, — сообщил я. — Это уже в моем глубоком прошлом.

— Насколько глубоком?

— Да уже месяца два, как вырос, — сообщил я. — Все это время без кровавых битв и яростных криков мертвцев! Но это не значит, что отказываюсь от инстинктивной роли доминирования и нагибания всех несогласных! Просто хочу драться не с соседями, это мелко, а со временем, природой. Делать хотя бы свое отдельно взятое королевство круче других, богаче, развитее, просвещеннее, гуманнее, злее, культурнее, беспринципнее, свободнее во всех отношениях...

Она зябко повела плечами.

— Либо вы что-то не то говорите, либо... лучше бы захватывали и грабили королевства.

— Почему?

— Меньше вреда.

— Как гуманист, — сказал я с достоинством, — я должен переходить с простого и наивного грабежа на

более изысканные и утонченные, что, оставаясь все еще грабежом, но это между нами, называются уже высокопарно и красиво экспортом демократии, общечеловеческих ценностей, защиты прав меленького человечка... Вам доступно, надеюсь?

— Надеетесь, что недоступно, — уличила она, — но напрасно. Мне доступно, как бы вы ни прятали смысл за непонятными пышными словами.

Я поклонился.

— Принцесса, я настолько вами восхищен, что поцеловал бы вам руку без спроса, если бы не боялся получить по морде. Может быть, можно будет начать с ноги?

Она поинтересовалась:

— А ногой по морде разве лучше?

Я подумал, вздохнул.

— Тогда с поцелуями подождем.

— Разумно, — похвалила она. — А вы не совсем дурак, кронпринц, хоть и... красивый.

— Такого комплимента еще не слышал, — признался я. — Когда вас увезут к родителям, мне будет вас как бы недоставать. Вот уж не думал, что такое скажу!

— Еще не то услышите, — ответила она мстительно. — А увезут, думаю, не скоро. Так что вам придется изыскивать другие способы, как от меня избавиться.

Бобик убедился, что чесать перестали и больше не намерены, несмотря на его ясные и недвусмысленные намеки, снова повернулся на бок, придавив спиной подол платья Аскланделлы, а ко мне обратившись мордой, что можно трактовать двояко: то ли защищает от меня и вообще от всего на свете принцессу, у которой такие чесучие пальцы, то ли смотрит на меня в ожидании приказов убивать и грабить.

Я повертел в уме так и эдак ее слова, внимательно всмотрелся в ее невозмутимое лицо.

— Увезут не скоро?

— Господи, — сказала она с сочувствием, — вы даже побледнели!

— Это снаружи, — заверил я, — а внутри так вообще почти обесцвекился от ужаса. Значит, вас выгнали из дома?.. Круто! И что вы натворили? Дворец сожгли? Или весь город?.. Кровь христианских младенцев пили ведрами?

Она даже не улыбнулась, некоторое время смотрела мне в лицо, и я чувствовал, что надвигается нечто важное и даже опасное, когда шуточки просто застрянут в горле.

— Отцу предсказали, — произнесла она таким голосом, что у меня по спине побежали мурашки, — что всей империи грозит большая беда... если останусь во дворце. И даже... в пределах империи. Я должна исчезнуть на год, пока заклятие не уйдет.

— Ого, — сказал я. — Кажется, начинаю понимать некоторые странности и кажущиеся неувязки.

Она кивнула, печаль в глазах стала отчетливее.

— Да, — произнесла она тихо, — потому.

— Но, — сказал я, — насколько они уверены в своих предсказаниях? Честно говоря, никогда ни одному не верил.

Она горько усмехнулась.

— А я верила. Наверное, нам, женщинам, верить... просто удобнее.

— Да и вообще, — сказал я сердито, — отдавать единственную дочь замуж только из-за такой ерунды?

— Видимо, — ответила она, — ради сохранения империи... и кроме того, меня же выдавали не за углежога или плотника!

— Ну да, — согласился я, — конечно, я еще та свинья, такую счастливую семью испортил, но нет ли в тех предсказаниях... э-э... политической подоплеки?

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Думаете, отец не подумал об этом в первую очередь? Сейчас по всему дворцу и всей империи идут проверки, дознания, опрашиваются тысячи людей... Дональд сообщил, появились некоторые обнадеживающие зацепки, но пока далеко еще даже до проверки... Потому на всякий случай, вдруг да предсказание подлинное, меня и убрали на время за пределы.

— И сколько вам осталось до конца срока? — спросил я.

Она посмотрела на меня в упор.

— Хотите узнать, сколько осталось вам?

Я смешался, слишком взгляд строг, прям и даже честен, будто и не женщина, выдавил поспешно и неуклюже:

— Аскланделла, да сколько угодно!.. Я к вам настолько притерпелся, что меня можно хоть в огонь и даже пламя! Ну, вы понимаете, это я в виде комплиментов в нашем чисто мужском стиле. Дескать, не могу без угроз, битв, сражений и неприятностей, а с вами я как бы живу полной и насыщенной жизнью мужчины и даже временами человека!

Она улыбнулась, хотя ответила голосом, полным яда:

— Не волнуйтесь, принц, у вас не будет спокойной жизни! Я обещаю.

Я торопливо создал два бокала для шампанского, один сунул в ее холодные пальцы, медленно наполнил золотистым вином, где серебристые пузырьки тут же рванулись от дна, быстро вырастая в размерах, к поверхности.

Аскланделла зачарованно смотрела на подпрыгивающие фонтанчики на поверхности.

— Как красиво...

— Находите? — спросил я довольно.

— Да, это прекрасно...

Зигфрид заглянул в комнату, глаза сразу выпучились, кашнул было обратно в коридор, но я взглянул строго, да и в коридоре кто-то пнул его в спину, он сглотнул ком в горле и пробасил:

— Ваше высочество, лорды по вашему зову прибыли... пустить или послать дранг нах...

— Что? — спросил я сердито. — Опять ты со своими шуточками?

Он ухмыльнулся, исчез. Аскланделла сказала с неодобрением:

— Не слишком распустились ваши слуги?

— Это не слуги, — ответил я.

Двери распахнулись уже во всю ширь, первым вошел епископ Геллерий, следом принц Сандорин, за ним вдвинулись герцоги Мидль, Клемент и Сулливан, а последними вступили графы Альбрехт, Макс, Палант, он хоть не граф, но ландхофмейстер, а это ровня графу, Норберт, а последним вошел и поклонился с вопросом в глазах граф Андреас Райсборн, молодой, амбициозный, страстно жаждущий славы, подвигов, добычи, победы и титулов.

Я кивком разрешил ему участвовать в расширенном составе Совета, остальные, молча и со сдержанным недоумением поглядывая на Аскланделлу, рассаживались вокруг стола, сдержанно обменивались репликами, особенно доставалось Максу, что почти не появляется в городе, полный заботы и беспокойства о своих пеших частях.

Разговоры оборвались, когда я отклеился от спинки кресла и наклонился вперед, остро и пронзительно всматриваясь в их лица, в груди возникает острое чувство потери, неужели в самом деле расстаемся надолго...

Голова на короткий миг закружилась, перед глазами смутно-ярко возникло видение исполинского зала с

витражными окнами, откуда бьет немыслимо яркий свет, даже не солнечный, а намного чище по спектру, доносится далекий гул, а ноздри успели уловить запах гари...

И тут же я снова ощутил себя на прежнем месте, передо мной широкий и массивный стол, два тяжелых подсвечника посередине, лорды ждут в напряженном молчании. Перед каждым небольшой кубок из темного серебра, бумаги, а перед моим креслом еще и массивная чернильница в виде золотой вазы с изящной крышкой, стакан для гусиных перьев, закрытый золотой сеточкой, каждое перо торчит из своего гнезда, не соприкасаясь с другими.

Бумаги вложены в массивную папку, обложка из толстой кожи, художественно инкрустированная изумрудами и сапфирами. В окна падает слабый свет, полумрак, но это в замках привычно даже для зимы, где с выпавшим снегом всегда светлее.

Они то и дело украдкой поглядывают в сторону Асканделлы, но спросить о ее статусе не решаются, даже за милю видно, морды у всех довольные, хотя налицо явное нарушение...

Я поинтересовался холодным деловым голосом, заранее пресекая неуместные разговоры:

— Есть вопросы к рассмотрению?

— Есть, — ответил Альбрехт и радостными глазами посмотрел в сторону Асканделлы, — они всегда есть, но все решаемы, а мы здесь, как чувствуем, по особому слушаю.

Епископ Геллерий сказал быстро:

— Если опять предсказания насчет конца света, то церковь призывает им не верить. Все они — гнусное и отсталое язычество.

Главное, отсталое, подумал я, потому и отвергаем, вслух сказал так же коротко:

— Сведения достаточно надежные. Но, конечно, не о конце света.

— А проверенные? — спросил Сулливан.

— Не все проверяемо, — ответил я. — Вот наш епископ может заверить, что в большинстве случаев достаточно просто верить. В Создателя, его любовь к нам, в наши силы, прогресс, победную поступь наших мирных армий...

Норберт пробормотал:

— Значит, прямо сегодня?

— Прямо сейчас, — уточнил я. — После этой встречи. Он сказал с завистью:

— Значит, ваша лошадка домчит и до Храма?.. Мне такие понадобились бы для связи точно.

Все сделали вид, что не услышали, даже епископ Геллерий смолчал. Пока работаю на благо церкви, мне молчаливо прощаются некоторые отступления. Именно молчаливо, а вслух церковь вынуждена была бы осудить и предать суду, а так вот делает вид, что ничего не видит. Это как гуманисты и защитники прав домашних животных в упор не видят существования тайных служб и не догадываются о пытках третьей степени, бойнях скота и сдирании шкуры с живых зверьков, чтобы та была мягче.

— Тогда, — сказал я, — мелочи решайте на ходу, а нечто глобальное оставим все как есть. До моего возвращения.

Сулливан покосился на неподвижную Аскленделлу, эта может осмелиться решать и глобальное, но смолчал, а Клемент прорычал недовольно:

— Ваше высочество, а... надолго?

— Не знаю, — ответил я честно. — Надеюсь, не очень. Думаю, уже все знают, куда меня направляет наша святая и всемилостивая церковь, но если не сказали еще Максу, Паланту, Сандорину или Норберту...

— Норберт знает, — вставил Норберт, улыбнулся, добавил: — Ему положено знать даже то, что ему не говорят.

Макс сказал в недоумении:

— А я вот еще не знаю... Ваше высочество?

— В Храм Истины, — произнес я высокопарно. — Где предстану перед подвижниками церкви. Если сочтут меня достойным и если пройду надлежащие испытания, то могу получить добавочные силы для борьбы со Злом и за наше правое дело, а оно всегда правое, потому что наше!

Глава 13

Я все повышал голос и последние слова почти выкрикнул пламенно и высоко. Все не просто поднялись с достоинством, аки могущественные и владетельные лорды, а повскакивали с мест, лица воодушевленные, глаза горят восторгом.

— Ваше высочество!

— С богом!

— Ждем вас с победой!

— С победами!

— И к новым победам!

Чуточку переждав бурю пламенных чувств, я сказал веско и грозно:

— Я вернусь, обещаю. И мы свершим... свершим такое, что эти нынешние войны покажутся нам мелкой мышиной возней! И наши имена будут вписаны во все летописи.

Снова взрыв пламенных чувств, а я, хлопнув себя по лбу, сказал с досадой:

— Ах да, чуть не забыл... Раз уж все собрались, одно решим в одно касание весьма пустяковый пустя-

чок. Проблему вы наверняка знаете, а вот ее решение — грандпринц!.. Именно для таких случаев. Можете проверить. Это самый-самый старший среди принцев, ему все прочие обязаны подчиняться, так как его сюзеренитет неоспорим и бесспорен уже в самом титуле.

Все озадаченно молчали, только Альбрехт открыл было рот, готовый возражать, но увидел по моему победному виду, что бесполезно, с досадой махнул рукой.

— Вы все испортили, ваше высочество!..

— Это я умею, — сказал я со злорадством.

— Мы бы такое празднество устроили! — сообщил он. — Полгода бы готовились, а потом полгода пировали... Это было бы такое событие!

— Да, — сказал яsarкастически, — как раз у нас время девать просто некуда. Хоть свиней им корми... Я же говорил, лучшие варианты придумывает только ваш сюзерен!

Он сказал почти зло:

— Потому и прем за ним, как бараны. А так бы давно удавили за упрямство и безрассудство.

Я сказал властно и непререкаемо:

— Кронпринц — это понятно, без короля Леопольда, посольств из соседних стран и весьма именитых гостей было не обойтись, как и без пышной коронации. Но с грандпринцем поступим проще...

Альбрехт вздохнул:

— Начинается...

Языркнул на него остро, словно ножом ткнул.

— Граф, что вам не нравится?

— Как я понимаю, — ответил он учтиво, — попытаетесь решить все в нашем теплом дружеском кругу соучастников?

— Единомышленников, — поправил я. — И не попытаюсь, а решу!.. Здесь собрались все полководцы моей ударной и победоносной... нет, победоносные у

нас уже есть, а... ладно, самой победоносной! Вся наша мощь и сила — здесь. Принц короны нужен был Леопольду, а грандпринц — только нам. Потому сейчас вот просто проголосуем, кто за то, чтобы признать сэра Ричарда, это мое замечательное высочество, если кто уже забыл, грандпринцем?.. Поднимите руки! А кто против, прошу на выход, палач уже ждет.

Они криво улыбались, с одной стороны, лишаемся пышного празднества и грандиозного пира, но зато приятно грубо нарушить еще одну местную традицию, утверждая примат силы и крепкого кулака.

Я оглядел поднятые руки, все смотрят с ожиданием, Альбрехт вообще с живейшим интересом: а что дальше?

— Единогласно, — сказал я, — как видите сами. Вот что значит боевое единство. С этого мгновения я — грандпринц, и все принцы, уже имеющиеся или прибывающие, должны беспрекословно принимать мое старшинство. И чтоб никто даже не хрюкнул о своих правах!

Альбрехт подчеркнуто угодливо поклонился и развел руками:

— Да-да, все права только у вас, ваше грандпринцевое высочество!

А Клемент сказал мечтательно:

— Ладно, когда будете получать королевскую корону, уж тогда попирем заодно и за грандпринца...

— Ага, — буркнул я, — дожидайтесь. Король Леопольд крепок и здоров, а я желаю ему долгих лет жизни.

Он посмотрел на меня в удивлении.

— А при чем тут король Леопольд? Я ему долгих лет желаю тоже.

Альбрехт хлопнул его по плечу, звук был такой, словно ударили комом сырой глины по гладкому валуну, обточенному ледниками, ветрами и морскими волнами до блеска.

— Вот уже и герцог Клемент понимает, и года не пройдет, как будем пировать после коронации грандпринца Ричарда королем!

— Года, — буркнул Клемент. — Сколько он пробыл кронпринцем? Неделю? Или три дня?

— У меня от такой скорости голова кружится, — пожаловался Сулливан.

— А у меня в глазах мельтешит, — признался Клемент. — После Совета, ваше высочество, выпьем от головокружения?

— Непременно, ваша светлость, — согласился Сулливан. — А потом от мельтешения.

Мидль сказал усталым голосом:

— Я с вами. А то у меня дрожь в коленях началась...

— И от дрожи тоже выпьем! — заверили радостно Клемент и Сулливан.

Я обнимался со всеми, довольный, что с грандпринцем обошлось в самом деле в одно касание, поцеловал епископу руку, а принцессу в щеку, увидел, как в изумлении распахнулись ее огромные прекрасные глаза, в самом деле изумительно красивые, отступил на шаг к двери.

— Мой кабинет, — сказал я, — отныне в вашем распоряжении! Работа должна работать, а не.

Они весьма обалдили, впервые не они вышли от сюзерена, а я оставил их здесь, Зигфрид в коридоре тоже насторожился.

— Что-то случилось?

— Ты же все слышал, — сказал я уличающее. — Я вернусь! С победой.

Ледяной встречный ветер ревет, подхватывает с земли колючий снег и швыряет в лицо, пытается остановить троих дерзких. Осчастливленный Бобик впе-

реди, мы с арбогастром на большой скорости тащимся сзади.

Первоначальный план ринуться на север птеродактилем пришлось оставить. Все-таки там монахи, начнутся расспросы, как добрался, не успею и пикнуть, как окажусь на костре.

Сейчас прятал голову под роскошной гривой арбогастра и напряженно раздумывал над последними словами Тертуллиана. Искус, он сказал с напором, искус. Должен пройти искус.

Как-то мы это дело понимаем по-разному. Мне кажется, я мчусь в Храм за помощью в надежде как-то остановить Багровую Звезду, а Тертуллиан свято уверен, что для прохождения искуса. А искусы, как помню, проходят всякие там аскеты, августины и святые антонии, полусвятые, что в тесноте пещер сражаются с искушениями в виде плотских утех.

Боюсь, мне плотское не преодолеть так, как преодолевали эти герои. Я просто поддамся, после чего, как мы, бывалые, знаем, искушения тут же улетучиваются, можно заняться делом, но здесь такой pragmatический подход не пройдет. Тут с искушениями борются прямо, грубо и честно.

Бобик подпрыгнул на бегу, оглянулся.

— Правильно идем, — заверил я. — Только с крохотным зигзугом...

Он, судя по его виду, то ли не понял насчет зигзуга, то ли усомнился в его крохотности, если мы вымчались из северных ворот города, но несемся прямо в противоположную сторону, на юг, а это еще тот зигзуг, всем зигзугам зигзуг, понятный только людям, но не простым и честным собакам.

Место лагеря Меганвэйла я узнал издали по широкой ленте желтого снега, опоясывающей стоянку со

всех сторон, но сейчас там только брошенные шалаши, истоптанный грязный снег.

Сердце мое похолодело, ужасные мысли пронеслись одна за другой, а в груди начала нарастать недобрая тяжесть.

Бобик побегал вокруг, ринулся в лес, я услышал оттуда его требовательный лай, через пару минут мы с арбогастром, сбрасывая снег с деревьев до самых вершин, вломились в чащу, а Бобик сделал стойку на двух мужиков с плотницкими топорами, что совершенно обалдели от ужаса перед такой страшной и огромной собакой.

За деревьями со стороны опушки видна понурая лошадь, впряженная в сани.

Я крикнул с натужным оптимизмом, незачем народ пугать еще больше.

— Бог в помощь!.. Хозяйский лес ворует?

Оба чуть приободрились при виде человека, явно хозяина чудовищного пса, один даже ответил вполне разборчиво:

— Ваша милость... это общинный лес...

— Тогда можно, — разрешил я. — Что случилось с воинским лагерем, что стоял за теми деревьями?..

Они переглянулись, тот же мужик сказал, смелей:

— Да кто ж зимой воюет? Разошлись все на зимовки... Вон, видите, далеко крыши? Город большой, все рыцари там, а простые воины на зимовке в селах.

— Благодарю, — сказал я, — э-э... продолжайте, продолжайте! Собачка просто посмотреть на вас прибежала. Еще щенок, любопытная...

Мужик пробормотал:

— А какая будет, когда вырастет, если уже почти с коня?

Городок, судя по заснеженным крышам, утопает в снегу, но когда проехал под аркой ворот, убедился, что главная улица почищена, благо последний снегопад кончился неделю тому.

Дом, где остановился герцог Меганвэйл, командующий войсками, мне указали сразу, я оставил арбогастра во дворе, взбежал на крыльце, но Бобик отпихнул меня и ворвался первым.

В сенях был вопль, потом еще один — в комнате. Я вбежал, когда Бобик прижал Меганвэйла к стене и пытался зализать до смерти, помня его как надежного друга, что принимал всех пойманных гусей, оленей, кабанов и даже рыб, хвалил и обещал принимать еще.

Меганвэйла я привык видеть в блестящих дорогих доспехах, сейчас он в богатой одежде знатного вельможи, что делает его ниже ростом, толстым и неповоротливым. Мне даже показалось, что за последние пару месяцев Меганвэйл постарел на пару лет.

Я отпихнул Бобика, обнял Меганвэйла и сказал с чувством:

— Рад вас видеть, герцог.

— Ваше высочество, — выдохнул он, — какая... неожиданность.

Все-таки погрузнел, мелькнуло у меня, какой-то помятый, заметно растолстел. На столе широкая чаша, большой глиняный кувшин, в комнате мощный запах вина, воздух застоявшийся, не проветривалось тут давненько...

Он все-таки церемонно преклонил колено, на меня взглянул, как мне показалось, с опаской, надеждой, отчаянием и страшной верой, что вот он явился тот, кто все разрулит и всех спасет.

Я поднял его жестом, спросил в тревоге:

— Что стряслось? Поражение?

Меганвэйл покачал головой.

— Не военное, ваше высочество.

— Тогда сядем, — сказал я, — а то, чувствуя, и меня это поставит на колени. Или опрокинет на спину?

Он вздохнул.

— Ваше высочество, вас ничто не опрокинет.

Я сел по-хозяйски, напоминая себе, что хотя Меганвэйл старше и все такое, но лорд — я, потому нужно держаться соответственно, однако сотворил два фужера, наполнил вином и один милостиво подвинул хозяину.

— Герцог...

Он принял с поклоном благодарности, поднес к рту, но пить не стал, опустил осторожно на столешницу, не выпуская из руки.

— Ваше высочество, мы за это время выдержали удары трех армий Мунтвига. Две разгромили, а третья пыталась нас обойти по левому флангу, однако ее встретили так удачно вызванные вами из Турнедо могучий лорд Зигмунд Лихтенштейн с братьями. У него прекраснейшая дружина. А также большой отряд рыцарей из Сен-Мари, их привели братья из рода Хорнблауэр... ах да, еще вовремя подоспел граф Арчибалд Виеннуанский из Сен-Мари, суровый и мрачный воитель, ищащий воинских подвигов на краю гибели... В общем, Мунтвиг нигде не прошел, разве что какие-то отряды просочились, но в Варт Генце с ними справятся легко.

Я спросил нетерпеливо:

— А что за поражение, герцог?.. Вы меня ранили в самое сердце.

Он вздохнул, уронил взгляд, с трудом поднял и снова уронил, не в силах удержать на весу.

— Ваше высочество...

— Герцог?

— Помните, — произнес он безжизненным голосом, — некого Торстейна?..

Мои мускулы напряглись сами по себе и застыли. Бобик посмотрел на Меганвэйла, на меня и глухо зарычал.

— Помню, — ответил я. — Это, если не ошибаюсь, который смог бы оттеснить всех четырех верховных лордов Варт Генца: Хродульфа, Хенгеста, Леофрига и Меревальда, вздумай вступить в борьбу за престол? Якобы в состоянии выставить самое большое войско, так как рисковать любит и умеет, амбиций хватает. Но, насколько я слышал, он был всецело занят набегами на Гиксию, потому что только он знал тайные тропы через Зачарованные Земли...

Он сказал невесело:

— Да, только он мог водить армию через те проклятые земли, населенные колдунами и чудовищами. И этим гордился особенно. Однако же едва все войска верховных лордов покинули Варт Генц...

Я вздрогнул, холодная волна прокатилась по всему телу.

— Что? Неужели...

— Да, — произнес он тускло.

— Он решился?

— И очень быстро, — ответил он. — Едва мы тут увязли в боях, он молниеносно захватил столицу и объявил себя королем. Его не испугало, что ему придется иметь дело не только с верховными лордами, но и с вами, ваше высочество!

Я пробормотал:

— Понимает, что я увяз еще больше. Мне, если совсем уж начистоту, вовсе не до Варт Генца.

— Ваше высочество!

Я взглянул в его лицо, он шокирован и потрясен настолько, что лишь сейчас могу оценить его безграничную веру в меня и мои возможности.

— Дорогой друг, — сказал я, — Господь проверяет нас, посылая тяжкие испытания. Ему нужны крепкие и стойкие, закаленные в трудностях. Мы докажем ему, что достойны... Я не вижу знамен Леофрига, он... как?

— Увел свои войска обратно, — ответил он хмуро. — Простите, ваше высочество, но мне подчинена только та армия, которую вы так умело сформировали и вручили мне! А у лордов свои войска.

— Это общая беда демократии, — ответил я со вздохом. — Ничего, мы ее задушим. Исторический процесс на нашей стороне. Пейте, герцог! От этого вина не упьетесь, а на душе станет чуть легче.

— Вы очень добры, ваше высочество...

— Значит, — спросил я, — в Варт Генце развернется гражданская война?

— Скорее всего, — ответил он. — Хотя не обязательно. Леофриг груб и невыдержан, перессорился со всеми соседями и со всеми задирается, однако Торстейн не только хороший воин, но и хитрый политик. Возможно, он предложит Леофригу какие-то уступки, земли, титулы, должности... И тогда уже вдвоем встретят Хенгеста.

— Что? — вскрикнул я. — И Хенгест?

— Отправился через неделю после Леофрига, — ответил он. — Они дважды склестывались друг с другом так, что за мечи хватались, сына Леофрига ранили... Со мной пока только Хродульф, вот уж не ожидал! Он же больше всех рвался на трон, а на выборах короля недополучил всего один-два голоса, как мне сказали... еще Меревальд пока здесь.

— Ого, — сказал я с настороженностью. — А этот что замыслил?

— Трудно сказать, — ответил он сумрачно. — На глаза показываться не решается, на совещания тоже не приходит, осторожничает.

— А как остальные?

— Часть лордов помельче тоже ушли. Естественно, со всеми вассалами и наемными отрядами. Часть остались, но я не уверен, что не уйдут завтра.

— Хенгест очень вспыльчив, — проговорил я, — и всегда готов драться. И очень хорош в этом деле... Но что его отвага и готовность, если у Леофрига и Торстейна сил впятеро больше?

— Хорошо, если только впятеро, — пробормотал он.

— А что остальные лорды, — поинтересовался я, — помельче?.. Все-таки их большинство!

Он сказал откровенно:

— Не знаю. Это если бы Скарлянды напали, тогда бы все ринулись в бой! Как же, проклятая Скарляндия, которую издавна ненавидят.

— Выждают?

Он кивнул.

— Кто выжидает, кто выторговывает уступки за свое участие.

— А есть и те, — сказал я, — кто пользуется случаем, чтобы напасть на соседа послабее...

— А таких большинство, — буркнул он. — В общем, время смуты...

— Дорогой герцог, — сказал я, стараясь, чтобы голос не срывался на блеяние и звучал веско, — должен признаться, подобные удары посыпались со всех сторон. Мы над этим не властны, однако от нас зависит, выстоим ли.

Он смотрел с надеждой, что вот я, такой везунчик, сразу что-то придумаю и решу все проблемы, а я сжимался внутри, как трусливая мышь в подполье, слыша тяжелые шаги сверху, и с тоской понимал, что ничего не придумать. У всех мятежников ясные цели, а свернуть им рога можно только грубой силой, которой у меня просто нет... поблизости.

Да и стал бы влезать в эти дела, пусть даже важные для меня и нужные? Под кем-то лед трещит, а подо мной ломается. Рухнуло разом все: Сен-Мари, Ламбертиния, Мезина, а теперь еще и Варт Генц...

Это еще не значит, что в остальных землях хорошо. Не знаю, насколько мои армии завязли в Эбберте, не воспрянул ли духом Вендовер... да и Турнедо, недавно завоеванное вроде бы надежно, все-таки в состоянии сбросить наше ярмо.

А Барбаросса, прирастив к себе Ламбертинию и влив ее воинские силы в свою армию, может попытаться подчинить себе мою Армландию, некогда его провинцию...

Но Меганвэйл смотрит и ждет, вера в своего сюзерана крепка, я вздохнул и сказал веско:

— Дорогой герцог, сие есть часть великого плана... К сожалению, не обходится без жертв, но это статистика. Все мы помним — великие идеи безжалостны!

Он заметно воспрянул, в голосе прозвучала надежда:

— Ваше высочество?

Я понизил голос и сказал доверительно:

— Сэр Фредерик, не хотелось бы говорить прежде временно... однако вам скажу как старому другу. Пока только вам! Заговорщики поступают, как и было задумано. Нет, не ими! Мною, дорогой мой друг и соратник. Они лишь следуют плану, полагая, что сами его составили. Потерпите немного, вы скоро увидите, как мы красиво и гордо выберемся из этой дыры.

Он вздрогнул, мне стало неловко от того, с какой верой и надеждой он посмотрел на меня.

— Ваше высочество?

— Все будет, — заверил я. — Враг будет разбит, повержен, брошен в пыль и грязь, где и унижен всеми доступными и недоступными способами. А пока, герцог, я вынужден попрощаться. Некоторое время, к великому

сожалению, буду обязан общаться только с монахами Храма Истины. Да-да, мой путь лежит туда... Что делать, я скучаю по звону мечей, грохоту топоров по головам и ручьям крови, что так приятно хлюпают под нашими подошвами, однако высший долг зовет заниматься как-нибудь и духовными запросами. Если что срочное... ну, теперь вы знаете, где меня найти.

Он отшатнулся, смотрел на меня остановившимися глазами.

— Храм Истины?.. Я был уверен, что это только древняя легенда...

— Скоро проверю, — ответил я оптимистично.

Он произнес тихим голосом:

— Говорят, многие уходили раньше на поиски этого Храма, но еще никто не вернулся.

— Тем больше у меня шансов, — сказал я с оптимизмом.

Глава 14

Вроде бы зря делал такой дикий крюк, все равно ничем не помог, однако в Меганвэйла все же вдохнул жизнь и надежду, уже хорошо, хотя что-то я в себе не замечал бесплатного гуманизма. А Меганвэйл постарается убедить других, что сюзерен все знает, он сам их на это подвигнул, чтобы наконец-то отделить агнцев от козлищ, а потом повести пыщущих праведным гневом агнцев истреблять козлищ и прочих предателей, чтобы всех враз и навсегда под корень и до седьмого колена.

Бобик понесся в сторону городских ворот, сейчас проскочим под их аркой и ринемся, как огромные черные стрелы, все сшибающие на пути, на загадочный север.

Я видел, как он резко остановился, упервшись всеми четырьмя так, что из-под когтей полетели искры.

Из-за крайних домов показался всадник, чей конь рысью идет в сторону ворот, мы бы проскочили под аркой прежде него, но Бобик взвигнулся, прыгнул к нему и, ухватившись за сапог в стремени, сделал вид, что сейчас выдернет из седла и шмякнет о стену дома.

Я присмотрелся, всадник в добрых доспехах вестготской выделки, конь под цветной попоной ярко-желтого цвета, налобник украшен двумя рубинами, шпоры седока победно стреляют по глазам золотыми зайчиками, белый плащ крестоносца красиво приподнимает ветерок, отчего большой красный крест словно движется по белой ткани, выбирая себе место.

Но голова всадника опущена на грудь так низко, что не вижу лица, а сам он раскачивается в седле, будто вот-вот рухнет на землю и без усилий Бобика.

— Зайчик, — сказал я тихо, — это кто-то из наших... и он ранен.

Бобик оглянулся в нашу сторону, зарычал, покрепче перехватил сапог и пригрозил приглушенным рыком, что прямо сейчас выдернет его из седла, если тот его немедленно не погладит и не почешет.

Всадник поднял голову, заслышиав быстро приближающийся грозный стук копыт.

Я с изумлением узнал сэра Геллермина. Он слабо улыбнулся.

— Ваше высочество?

— Что случилось? — сказал я торопливо. — Что у вас с лицом?.. И почему вы один? Где ваш отряд?

Он неуверенным движением провел ладонью по лицу, словно опробуя высоту отросшей щетины.

— С лицом?.. — переспросил он замедленным голосом. — Не знаю... Хотя мне тоже кажется, что я его потерял... и уже не найду.

— Да что стряслось? — спросил я. — Что с вами?

Он всмотрелся в меня и слабо улыбнулся, но губы остались бледными, а в глазах я видел смертельную тоску и такую растерянность, словно весь мир рухнул, а он смотрит на обломки и понимает, что восстановить уже ничего не получится.

— Наверное, — проговорил он, — ничего особенного.

— Что?

— Если вот так со стороны, — пояснил он тусклым голосом. — Я бы тоже так сказал...

— Ну-ну?

Он тяжело вздохнул.

— Помните, я вам рассказывал, что меня однажды обуяла страсть отыскать идеальную женщину?

— Да, — ответил я настороженно, — благородное рыцарское желание! Это простолюдины ставят цели помельче, а нам, благородным рыцарям, подай недостижимое, высокое, даже возвышенное...

— Ваше высочество?

— Я не уверен, — пояснил я, — что такая женщина на свете есть, потому ваше желание отыскать идеал... особенно прекрасно само по себе.

Он чуть кивнул, такой непривычный в своей заторможенности, я привык его видеть всегда собранным, четким и быстрым в исполнении любого задания.

— Представьте себе, — прошептал он мертвым голосом, — есть. Я везде в городах и веснях расспрашивал о местных женщинах, и здесь тоже... Все в один голос отвечали, что самая добродетельная и прекрасная не только в городе, но и во всем королевстве, а то и на всем свете, это леди Диана Голберт, дочь барона Голберта, благородного рыцаря и замечательного человека.

— Ну-ну? — поторопил я.

Он вздохнул.

— Вы знаете меня, сэр Ричард. Я никогда не откладывал никакое дело, сразу берусь за решение. В этом случае, как понимаете, немедленно помчался к барону, напросился в гости.

— Хорошее начало, — сказал я. — Узнаю вашу напористость и устремленность!

— Барон меня принял, — продолжал он, — так как ему самому интересно и даже лестно познакомиться с лордами победоносной армии, что осмелилась дать отпор Мунтвигу... да еще как дать! Мы немного побеседовали, потом обед, к которому явилась и леди Диана...

Он умолк, я видел, как с трудом глотает ком в горле.

— И как она? — спросил я в тревоге. — Уродина?

— Она совершенство, — ответил он пылко. — Более совершенной женщины не смог бы создать и сам Всевышний, прости меня, Господи, за эти слова!.. Она не только прекрасна лицом и телом, но и совершенна в поведении, речах, улыбке...

— Так-так, — сказал я, — что же в ней не так, попробую догадаться... Вы продолжайте, дорогой друг!

Он тяжело вздохнул.

— После обеда ее отец сказал, что ему нужно осмотреть своих коней, а то что-то один захромал, могут и другие, надо показать кузнецу...

— И что, — спросил я с недоверием, — оставил вас одних?

— Именно, — ответил Геллермин, и голос задрожал от пережитого счастья. — Мы остались наедине, я задыхался от любви и страсти, но уже по привычке продолжил с леди Дианой беседу, выясняя ее характер и привычки...

— Ну-ну, — сказал я жадно, — на чем она прокололась?

Он покачал головой.

— С каждым словом я все больше убеждался, что она просто совершенство! Говорит чистым музыкальным голосом, который даже слушать невероятное наслаждение... однако все слова ее продуманы, суждения взвешены, исполнены мудрости, знаний! Я восторгался все сильнее, душа моя пела и взлетала все выше к небесам, где я уже слышал хор ангелов.

— Здорово, — сказал я с нетерпением, — ну а теперь давайте о том, где она показала себя дурой... или уродиной, неважно! Ну не поверю я в такое женское совершенство! Мужчина — царь природы, это сам Господь наш сказал, и сказал, на мой взгляд, правильно.

Он покачал головой.

— Ваше высочество!

Мне послышался в его грустном голосе упрек, я изумился:

— Что?.. Вы же возвращаетесь в одиночество? И не совсем как бы ликуете?

Он вздохнул.

— Сэр Ричард, поражение гораздо более тяжелое, чем вы можете себе представить.

— Ну-ну, — сказал я быстро, — да говорите же наконец!

Он ответил печально:

— Она тоже ищет идеального мужчину.

Зайчик несется в ночи, как огромный плотный сгусток мрака. Перед нами открылась каменистая равнина, откуда ветер сдул снег в сторону близких гор. Вместе с грохотом копыт за нами погнался рой огненных искр, крупных, оранжевых, что долго не гасли, даже падая на снег.

Все было настолько ярко, что я даже усомнился, что искры высекаются именно копытами, однако Бобик

беззвучно мчится рядом, не обращая на них внимания, так что если это и живые существа, то не опасные.

То справа, то слева мелькают в бледном лунном свете покрытые снегом горы, блестящие сколы молодых скал, где лишь в трещинах снег, впереди выпрыгнула и потянулась справа черная и страшноватая чаща леса, деревья громадные, загадочные и таинственные...

Дорога то и дело идет вдоль отвесных гор по краю пропасти, а еще делает слишком резкие повороты. На одном таком Бобик не удержался и, скрежеща когтями по обледенелому краю, сорвался в бездну.

Я птицей слетел с седла, сам поскользнулся и едва не слетел за Бобиком. Арбогастр следом за мной приблизился к краю и свесил голову, высматривая Адского Пса.

Далеко внизу ровный снежный покров испорчен только в одном месте, там безобразная яма, свежая и с неровными краями.

— Стой здесь, — велел я арбогастру, — а я спущусь. Вдруг этот толстожопый лапу сломал?

Он молча ждал, пока я взял веревку и, закрепив за крюк на седле, другой конец сбросил через край в пропасть. Вздохнув, я осторожно подошел к самому краю, собираясь спускаться, с тоской представляя, как придется туго взбираться обратно, да еще и держа на плечах Бобика, что весит как боевой конь в доспехах.

Внизу словно взорвался гейзер: снег разметало на десятки ярдов. Тугое черное тело взвилось в прыжке и снова рухнуло в снег чуть в сторонке.

Я с надеждой смотрел, как Бобик кузнецом скакет там внизу, падает обратно то боком, то даже на спину, но ущелье слишком глубокое, недопрыгивает даже до середины, но не сдается...

— Знаешь, — сказал я арбогастру, — мы не все его возможности знаем, но выпрыгнуть у него не получится.

Он фыркнул с сочувствием, я снова представил себе, как буду вытаскивать это чудовище, уже кажется весом со слона, без особой надежды стравил веревку до самого конца и крикнул:

— Бобик!.. Хватайся!..

Бобик, естественно, не понял, что за глупость предлагаю, хватать нужно жареное мясо под столом или на кухне, еще можно подкрасться и ухватить гуся, присевшего на краю озера, даже напрыгнуть на оленя или кабана и ухватить за холку, но... такую невкусную веревку?

Я орал, требовал, приказывал, настаивал, наконец он неохотно ухватился зубами, я обрадованно потащил, господи, до чего же тяжелая эта зверюка, арбогастр все понял и начал отходить от края.

Веревка довольно бодро пошла вверх, Бобик висел, как Ромео на виноградной плети под балконом Джулльетты, а когда его подняли на десяток ярдов, он решил, что хватит держать эту противную веревку во рту, и расцепил челюсти.

Даже аристократичный арбогастр, как мне показалось, выругался на своем языке. В ущелье на мгновение возник роскошный цветок из искрящегося снега, распустился и опал белоснежными лепестками, а в самом центре подпрыгнул Бобик, не понимая, что с ним случилось и почему он снова баражается на дне заполненной снегом пропасти.

Я закричал зло:

— Слушай, толстожопый жрун и ленивец!.. Зажми веревку зубами и держи крепко, пока не вытащим тебя наверх. А если снова начнешь дурить, мы с Зайчиком поедем дальше вдвоем!

Арбогастр радостно топнул копытом, по его виду было понятно, что этот толстый дурак никогда не послушается, можно ехать уже сразу, не тратить время на бесплодные попытки.

— Дадим ему шанс, — сказал я раздраженно. — Иначе окажемся обманщиками.

Веревка с такой силой трется о гранитный край, что начала расщепляться, а запасной у меня нет, я торопливо подложил под нее рукавицы, сам потерплю, лишь бы это толстое чудо выбралось, оно же для нас спешило разведать дорогу.

Перегнувшись через край, я прокричал:

— Сцепи зубы и не разжимай!.. Иначе любить не буду!

Веревка почти перетерлась, но над краем показалась огромная черная голова с вытаращенными глазами, конец веревки в зубах. Я ухватил его за шкуру на загривке, веревка сухим звуком лопнула.

Некоторое время я держал эту непомерную тяжесть за холку, затем Бобик ухватился когтистыми лапами за край обрыва и выбрался наверх.

Я отступил от края, сердце едва не выскакивает из груди, Бобик ринулся ко мне с отчаянными глазами, полными обиды, он же меня любит и обожает, а почему я его не люблю...

— Да люблю я, — сказал я торопливо, — люблю!.. Выплюнь эту веревку, уже можно!.. В самом деле люблю, как можно не любить такое преданное чудо с ушами?..

Арбогастр фыркнул громко и с таким пренебрежением посмотрел сверху вниз, что Бобик наконец-то решил разжать челюсти, но веревку не выплюнул, а в нерешительности посмотрел на меня снова.

— Можно-можно, — сказал я. — Мы и без веревки тебя любим!.. Плюнь, выброси. Да плюнь же!.. Зайчик,

скажи ему!.. Ну ладно, извини, это я сказал со зла и не подумав, а вообще-то мы тебя оба любим, разве не видишь?.. Ты же можешь видеть и то, что за словами?

Глава 15

Он смотрел с обидой и недоверием, но арбогастр навис над ним и громко фыркнул прямо в ухо. Бобик выронил веревку, с лицом визгом бросился ко мне, свалил и покатал по снегу, а потом напрыгнул на арбогастра и попытался свалить и его, однако тот стоит на всех четырех, как Иggдрасиль, такой же невозмутимый и несокрушимый.

Я поднялся, отряхнул снег, оба моих зверя перестали бороться и повернули головы в мою сторону.

— Все-все, — сказал я почти строго, — делу время, а потеха обождет.

Арбогастр подставил бок, я поднялся в седло. Бобик снова побежал впереди, но теперь намного осторожнее, хотя, вижу, ущелье далеко впереди уже заканчивается, а там дальше можно на просторе снова в стремительный галоп, даже в карьер...

Он даже начал было набирать скорость, однако насторожился, перешел на некий странный бег боком, вообще остановился и начал смотреть в сторону отвесных скал.

Арбогастр перешел на рысь, потом вовсе на шаг, потому что из расщелины выскоцила в длинной изодранной шубе женщина с непокрытой головой, прокричала издали:

— Сэр рыцарь, спаси!

Я остановил арбогастра, настороженно осмотрелся, везде пусто, а женщина подбежала, путаясь в полах

шубы, вскинула голову. Лицо бледное, глаза отчаянные, на правой щеке кровавая ссадина.

— Спаси, — повторила она с надеждой.

Я огляделся снова, а Бобик, что промчался далеко вперед, поспешно вернулся.

Женщина завизжала в ужасе:

— Он меня съест!

— Он только что пообедал, — успокоил я. — К тому же ты слишком худая. Что за проблема?

Она перебежала на другую сторону арбогастра, прячась от страшного пса, прокричала жалобно:

— Рядом с нашей деревней поселился злой колдун!..

И теперь почти каждый день забирает по человеку.

Я поинтересовался:

— Может, подыскивает ученика?

Она прокричала отчаянно:

— Нет, он их убивает!

— Откуда ты знаешь?

В ее прекрасных глазах появились слезы.

— У меня есть жених... Он от меня не отходил!

И когда его некая сила утащила в ту пещеру, он вернулся бы... останься в живых.

Я переспросил с недоверием:

— Точно? Уверена?.. А то мы иногда уходим тайком, чтобы не видеть ваших слез, воплей, соплей и не слышать обвинений, что вот воспользовались вашей невинностью, обрюхатили даже... Он еще не обрюхатил?

Она замотала головой.

— Нет, конечно же, нет!.. Я уверена... почти уверена...

— Гм, — сказал я, — вообще-то мужчины должны заботиться даже о необрюхатенных, тем более — о недообрюхатенных, так что будем предполагать в нем мужчину, а не труса, не способного позаботиться о бу-

дущей семье... Хотя предположить труса для меня предпочтительнее, тогда бы я просто мимо и дальше.

Она смотрела расширенными глазами, ничего не понимая, вскричала отчаянным голосом:

— Господин рыцарь, так вы поможете?

— А у меня есть выбор? — огрызнулся я. — Вроде бы есть, но это так, в теории. А на самом деле почему-то нет, словно теория ни при чем, а тогда зачем их создавать?.. Или постепенно тупеем, не видим простого и ясного? То ли дело язычники, выбора не было, а находили... Чего стоишь? Показывай своего колдуна. Но только если недалеко! Я вообще-то не колдуноистребитель, у меня есть дело и работа.

Она заторопилась, жалобно попискивая:

— Щас, щас... Это почти рядом! Вон там пещера, видите?..

— На виду живет, — пробормотал я.

Она сказала быстро и заискивающе:

— Только он не там, а чуть дальше. От той пещеры вот к тем каменным столбам, а вот уже за ними и будет расщелина...

Я пустил коня за нею следом, она почти бежит, тропа накатанная, пущистый снег лежит по краям дороги, а здесь протоптано, разве что не наезжено, хотя нам с арбогастром и Бобиком без разницы.

— Господин, — прокричала она, — вот та расщелина... она такая приметная, правда?.. А от нее вот туда, смотрите! Видите дыру, там даже дымок вьется?

— Что-то мне так высоко не зело нравится, — пробормотал я. — Ладно. Зайчик, Бобик... ждете здесь! Я скоро.

Они с тоской и обидой смотрели, как я начал карабкаться вслед за женщиной по крутым косогору. Камни обледенели, пальцы то и дело соскальзывают, я даже смутно подивился, с какой легкостью эта крестьяночка

поднимается к опасной норе, вот что значит надо выручить обрюхатившего, чтобы уже никуда не делся, женщины больше нас заботятся о будущем, хотя только о близком, а что будет через двенадцать миллиардов лет, их почему-то не интересует, слишком приземленные существа.

Она оглянулась, сказала жалобно:

— Только бы он его не зарезал!

Я пробормотал:

— Понятно... Всякий раз кто-то, наткнувшись на древнюю вещицу, полагает, что достаточно окропить ее кровью жертвы... Отсюда и пошло, наверное, что наука требует жертв... Или это про искусство? Да, верно, наука не настолько кровожадная.

Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами.

— Господи...

Снег присыпал следы, но оттиски старых ведут к широкой расщелине, а когда мы приблизились, в лицо пахнуло изнутри теплым воздухом с запахом горящего дерева.

— Он там, — сказала она шепотом. — Может быть, лучше вернетесь и созвовете побольше отважных рыцарей?

Я посмотрел на нее с подозрением, что-то поздно пришла ей эта здравая мысль, явно же просто очищает свою совесть, а на самом деле завопит и обвинит в трусости, если попробую поступить так, как посоветовала.

— Справимся, — вынужденно пообещал я.

Она сказала испуганно:

— От меня помочь будет слабая.

— Иди сзади, — велел я.

— Да, господин, — пролепетала она, — как скажете, господин.

— Правильно отвечаешь, — похвалил я, — правильная женщина.

Расщелина превратилась в длинную извилистую пещеру, снега намело только до первого поворота, дальше земля сухая и твердая, еще дальше пошел один камень.

Под подошвами сапог все чаще похрустывают кости мелких животных и птиц, а когда миновали еще поворот, увидел человеческую реберную клетку, чуть дальше череп, явно отброшенный пинком.

Женщина за спиной все чаще вскрикивает, по обе стороны прохода уже скелеты, уже насаженные на заостренные колья.

— Господин, — взмолилась она жалобно, — может быть, вернемся?

Я лишь хмыкнул, красивая дурочка не понимает, что такие вот предложения действуют на мужчин как красные тряпки на быка.

Я прислушался, сказал негромко:

— А теперь вот замри и жди меня здесь.

Она взмолилась:

— Но, господин! Там мой...

— Жди, — велел я строго. — И я вернусь, только очень жди.

Она послушно остановилась, но когда я прошел всего ничего, за спиной послышался легкий шорох. Оглянулся с обнаженным мечом в руке, готовый увернуться от удара и сам нанести ответный, но это пробирается, прячась за камнями, следом та женщина.

Встретив мой лютый взгляд, она прошептала жалобно:

— Прости...

Я сказал раздраженно:

— Ты когда-нибудь делаешь то, что тебе говорят?

Она добросовестно подумала и ответила мирно:

— Нет. А вы?

Я недовольно хрюкнул, отвернулся и пошел дальше, держа обнаженный меч острием вперед, готовый к колющим удару.

За поворотом начала открываться просторная пещера, я удвоил осторожность, продвигался дюйм за дюймом. Воздух становился все теплее, на камне стен пляшут багровые отблески пока что невидимого очага.

Я задержал дыхание, немного беспокоит, что не могу нашупать впереди местного колдуна, но все равно сейчас все узнаю...

Чувство опасности стегнуло с такой силой, что я ринулся головой вперед. Сильный удар в спину сотряс меня с головы до ног. Я упал лицом на прогретые огнем из очага камни, сознание поплыло, но я заставил себя перекатиться в сторону, а рядом в камни ударило лезвие тяжелого топора.

Снизу она показалась мне намного крупнее, а топор в ее руках хоть и не боевой, но острый, как бритва.

Она остановилась прямо надо мной, я лежал на спине, голова еще гудит, но перед глазами уже не двоится.

— Зачем? — спросил я зло.

Она сказала раздумчиво:

— Это моя пещера. Это я брала крестьян для жертв....

— Я это понял.

— Поздновато, правда? — спросила она. — Я не знаю, кто ты, но живым тебе отсюда не уйти, если не преклонишь колени и не признаешь меня повелительницей.

— Что-то иначе заговорила, — сказал я. — Когда была в спину, то вроде бы не думала брать в слуги.

Она возразила:

— Я не думала, что ты настолько крепок. А мне нужны только крепкие слуги.

— Для опытов или для разврата? — поинтересовался я. — Если для разврата, то соглашусь, но только на одну ночь. Если понравишься, на пару...

Ее лицо налилось темной кровью, глаза засверкали безумием.

— Несчастный!.. Ты еще осмеливаешься язвить? Я не знаю, кто ты...

— Ты это уже говорила, — прервал я. — В том все и дело.

— В чем?

— Не знаешь, — пояснил я, — с кем столкнулась.

Она произнесла язвительно:

— А кто ты?

— И не узнаешь, — ответил я. — Уже не узнаешь...

Она отпрыгнула, когда я попытался из положения лежа достать ее остирем меча, но на самом деле я лишь освободил себе место, чтобы вскочить на ноги.

Топор я выбил из ее рук легко, она в страхе пятилась и выкрикивала заклятия. Я быстро шагнул вперед и с силой ударил ее по губам.

— Замолчи, тварь!

Она упала на спину, в глазах появился настоящий страх, откатилась в сторону, но вскочить не успела, я оказался над нею с поднятым мечом.

— Пощади, — прокричала она голосом той жалобной крестьянки, что уговорила меня зайти в эту пещеру. — Ты сильный, ты отважный, ты рыцарь! Ты не ударишь беззащитную слабую женщину!

— Ошибаешься, — ответил я. — Ударю, да еще с каким удовольствием! Я, как сторонник равноправия, просто вынужден ударить, чтобы не оскорбить тебя снисходительным отношением как к существу якобы слабого пола.

Она выставила перед собой дрожащие руки.

— Погоди!.. Я дам выкуп.

— Какой?
 — Богатый!
 — Давай, — сказал я и протянул руку с раскрытой ладонью.

— Но ты оставишь мне жизнь?
 — Нет, — ответил я честно.
 — Тогда... зачем я буду тебе отдавать выкуп?
 — Проживешь на несколько мгновений дольше, — пояснил я. — А за это время многое может случиться! Придумаешь какую-то хитрость, сюда ворвутся мои враги, у меня случится обморок, обвалится крыша... да мало ли чего!

Она молчала, что-то обдумывая, я приблизил острие меча к ее горлу. Она посмотрела мне в глаза, после паузы повторила решительно:

— Ты... рыцарь!.. Ты не можешь убить женщину.
 — Ха, — ответил я, — лехко!

Острие погрузилось в ее горло, как в мягкую влажную глину, почти никакого сопротивления, а в ее глазах отразился даже не ужас, а дикое непонимание, как же так, я ж не должен...

— Должен, — ответил я. — Чтобы выжить в меняющемся мире, рыцари тоже должны меняться.

Я вытер кончик меча и сунул клинок в ножны. Несмотря на чувство правоты, все равно как-то гадко и даже не совсем по себе. Почему-то мужчин убивать легче, вообще легко, иногда это занятие даже нравится, будто убиваешь именно соперников на руку твоей невесты или тех, кто когда-то на тебя посмотрит косо.

А убить женщину, несмотря на все хваленое равноправие и равную ответственность перед законом, все-таки почему-то неправильно.

В пещере ничего достойного даже для такого внимательного мародера, как я. В самом деле деревенская

колдунья, то ли неудачница, то ли еще слишком молода, не успела набраться опыта и нагрести трофеев.

Бобик взвизгнул радостно, бросился навстречу, несмотря на мой строгий запрет, но инстинктивно понимает, что теперь как бы можно. Арбогастр с достоинством стукнул копытом в землю, как часовой в замке концом копья, посмотрел гордо и красиво.

— Заждались? — спросил я.

Он тряхнул пышной гривой, а Бобик взвизгнул.

Я с видом победителя, хотя подумаешь, одолел деревенскую колдунью, поднялся в седло.

— Теперь прем дальше на север и север.

Часть вторая

Глава 1

Ветерок стих, но повалил снег, крупный и пушистый. Все вокруг стало белым, даже высокие обломки скал с резкими гранями сладились и укрылись широкими белыми шляпами. Потом ветер легко сдует, они снова неприятно и предостерегающе заблещут, но сейчас выглядят мирно, как гигантские грибы.

Ущелье осталось за спиной, дальше проптанная дорога. Резко пробитую санными полозьями колею на глазах заносит снегом, вдали гнедая лошадка идет трусцой и тащит за собой розвальни.

Бородатый мужик лежа подергивает за вожжи, на что лошадка совершенно не обращает внимания, идет той же мелкой экономной рысью, даже снег на спине не колыхнется, накопиввшись уже толстым слоем.

Бобик пронесся вперед огромным черным зверем непонятной породы, мужик оторопело уставился ему вслед, наконец в испуге оглянулся на грохот тяжелых копыт.

Мы с арбогастром увидели его вытаращенные глаза и широко распахнутый рот.

— Господи, — вскрикнул он и торопливо перекрестился. — Откуда... Простите, господин! Со стороны того ущелья давно никого не было!

Я равнодушно смотрел, как он сорвал шапку с лохматой головы, поинтересовался:

— Опасное?

— Да, — ответил он и торопливо поклонился. — Всякое говорят... Там всего много, от разбойников до всяких чудищ.

— Если разбойники, — заметил я, — значит, иногда бывают и путники, а то и караваны... Это что там вдали за город проступает?

Он посмотрел на меня с еще большим изумлением.

— Господин рыцарь, видать, издалека...

— Очень даже, — подтвердил я.

— Это же Зондерсхаузен, — сказал он с почтением. — Наш главный город...

— Главный? — переспросил я. — А как называются эти земли?

— Земли? — повторил он тупо. — Земли графа Шварцбурга, а кого же еще?..

— Понятно, — сказал я. — А королевство?

Он вытаращил глаза.

— А что... королевство?

— Как называется? — спросил я нетерпеливо, тупость и замедленность простолюдинов всегда раздражает. — Название у него есть?

— Королевство и королевство, — пробормотал он в замешательстве, — никогда не слышал, чтобы его как-то называли... Да и про королевство недавно узнали...

Я отмахнулся, дальше не слушая, арбогастр прибавил скорости, и сани быстро остались позади. Впереди из стены падающего снега медленно проступают, как из густого тумана, башни и высокие дома из темного камня, все это окружено высокой зубчатой стеной, на башнях трепещут красные флаги, а к распахнутым воротам, уже вижу, тянется вереница тяжело груженных саней.

Выбравшись на дорогу, мы понеслись по обочине, обгоняя неспешный обоз. Придвинулись привратные башни городской стены, массивные и рассчитанные на многочисленную стражу, сверху крытый навес, где можно поместить полсотни лучников или арбалетчиков, расстреливающих всякого, кто посмеет ломать запертые ворота.

Справа и слева по двое стражей, я приготовился отвечать на вопросы, платить пошлину за топтанье местной земли, что вообще-то справедливо, однако стражи лишь посмотрели с ленивым интересом на огромного черного пса, перевели взгляды на такого же черного и тоже огромного коня, а на меня посмотрели с куда меньшим интересом, хотя я вроде бы тоже весьма и зело, однако явно без доспехов, а одежка на мне роскошью не блестает.

Я проехал под аркой, почти физически ощущив ее массу и тяжесть. Если враг все же выбьет ворота, то эта каменная гора обрушится и перекроет дорогу. Конница отступит, а от карабкающихся по обломкам храбрецов защищаться легче.

В маленьких городках стражи на входе всегда останавливают даже одиноких всадников, пусть из простого любопытства, а в больших один не воин, даже если герой.

Я проехал в сторону центра, высматривая гостиницу или постоянный двор поприличнее, снег за это время сперва поредел, затем прекратился вовсе, мир очистился, все здания вдали обрели четкость и стереоскопичность, словно вымытые дождем камни булыжной мостовой.

Впереди на плоской горе со срезанной вершиной, что уже и не гора, а просто пьедестал, гордо высится замок, настолько величественный и украшенный дополнительными пристройками, что видно, как превра-

щается с каждым следующим поколением жильцов в подобие дворца.

Прохожие от Бобика отпрыгивают с воплями, но на меня смотрят с живейшим интересом.

Я спросил вежливо:

— Уважаемые, это что за такое прекрасное здание там на горе?

На меня посмотрели с таким же удивлением, как тот крестьянин, что не знает, в каком королевстве живет.

Один горожанин сказал с уважением:

— Далеко же вас занесло, сэр рыцарь...

— Далеко, — согласился я.

— Это королевский дворец, — сказал он. Остальные горожане закивали, а он добавил: — Нашего благословленного короля Вольфганга Старого!

— Мне нравится приставка «Старый», — сказал я. — Должно быть, мудрый. Хотя мудрость не всегда приходит со старостью, но чаще всего приходит... А как называется само королевство?

Он широко улыбнулся, приняв мой вопрос, как шутку.

— Мация, странник, как же еще? Хотя я как-то слышал, что есть и другие... но, наверное, врут?

— Мация, — повторил я, — хорошее название. Спасибо!

Они смотрели вслед, качали головами и переговаривались, обсуждая мои странности, как и размеры моего коня и собачки, что смирно идет у стремени, стараясь ни на кого даже не смотреть, а то и так народ разбегается с визгом.

Мация, значит. Эстию я проскочил, а Сизия осталась в стороне. Это сверху я могу начертить прямую линию к Храму Истины, птеродактилем бы да, но арбогастр не переберется через отвесные горные кряжи,

это любые реки для него не препятствие, но горы заставляют делать еще какие зигзуги...

— Мечия, — повторил я, чувствуя как все чаще стучит сердце, а в душе разрастается гордость, достоинство или простое высокомерие с переходом в чванство, что это же я, само величие и устрашение, почти Бич Божий, привычно ищу постоянный двор, если вон там королевский дворец, где принимают и менее знатных гостей.

Ограда вокруг дворца высокая, до пояса камень, а выше железные кованые штыри с острыми концами, выше моей головы на ярд, не королевский дворец, а крепость.

Дорога к нему вымощена булыжником, высокая каменная арка ворот, справа и слева в толстых шубах королевские стражи с копьями в руках, но это скорее парадный наряд, рукавицы настолько толстые для удержания тепла, что рукоять копья даже не сожмешь как следует для удара.

Я издали заулыбался и сказал беспечно весело:

— Гость в дом — бог в дом!..

Стражники заколебались, на меня смотрят с не меньшей опаской, чем на Бобика, но один все же махнул рукой.

— Проезжайте, сэр.

Я въехал во двор, по-северному тесно застроенный конюшнями, амбарами, сарайями, здесь берегут тепло. Бобик поглядывает на меня с нетерпением, я качал головой со строгим видом, пока нельзя, сперва нужно выказать хорошее воспитание и манеры, а грабить будем потом, это от нас не убежит.

Широкая дорога, почти аллея, полностью вычищенная от снега, даже из щелей между булыжниками выскребли вениками, ведет к массивному зданию, пол-

ному величия и моши, стены из массивных каменных глыб, первый этаж вообще без окон, на втором не окна, а бойницы, и только на двух следующих уже настоящие, однако перекрытые металлическими решетками из толстых прутьев.

К главному входу ведут две широкие ступени, там нет и следа от снега, а в стороне его остатки торопливо грузят на тачку и увозят бегом.

Ко мне быстро направился важного вида человек в распахнутой на груди шубе, чтобы массивная золотая цепь на груди была видна отчетливо, а особенно крупная бляха с изображением короны.

— Сэр рыцарь? — спросил он.

Я ответил весело и беспечно:

— Ричард Длинные Руки, в здешних краях известный больше как Ричард Завоеватель... надеюсь, что уже известный... как бы на прогулке!.. Проезжаю мимо, пришла мысль, а не нанести ли визит любопытства здешнему королю?

Бобик весело скалит зубы и помахивает хвостом, арбогастр махнул пышной гривой, все мы смотримся беспечными охотниками, что мчались то ли за оленем, то ли просто так, а тут на пути — глядь! — то ли чья-то избушка, то ли чье-то королевство...

Вельможа охнул, отшатнулся, некоторое время смотрел на меня выпущенными, как у рака, глазами, веря и не веря, слишком уж дико, что я вдруг окажусь так далеко от своей грозной армии, но, с другой стороны, об этом загадочном Ричарде какие только невероятные слухи не распространяются быстрее ветра.

Он проговорил охрипшим голосом:

— Ваше... высочество?..

— Мое, — подтвердил я.

— П-позвольте вашего коня, — почти прошептал он.

— Что вы имеете в виду? — спросил я, увидел его лицо, отмахнулся. — Ладно-ладно, это только шутка. У вас что, слуг нет?

Он сказал торопливо:

— Спешу выказать уважение... А это та ваша собачка, о которой столько ужасов?..

Я посмотрел с укором.

— Быть такого не может! Об этом ласковом песике? Бобик, ты слышал, что о тебе говорят?.. Нет-нет, не рычи пока...

Вельможа отступил на шагок, снова поклонился и развел руками.

— С-сейчас, — проговорил он, вздрагивая, — вас проведут в лучшие покой, какие только у нас есть...

Я сказал весело:

— Да зачем? Мы привыкли у костра, положив под голову седло. Я пока как-нибудь. Вот разожжем в большом зале костер посередине, побросаем туда ковры, чтобы гори-гори ясно...

— К его величеству, — сказал он быстро, — уже послали человека. Сейчас он вас примет... э-э... встретит.

Я неспешно покинул седло, к нам уже бегут королевские слуги, даже не заметил, как вельможа позвал их, чуткий здесь народ, вышколенный, на лету хватает приказы, а то и начинает исполнять раньше, чем услышит их, что говорит о хорошей организации труда.

Вельможа сказал торопливо и чуть заикаясь от непонятного ужаса:

— Я королевский сенешаль граф Радольф Байхлинген.

Я сказал с веселой небрежностью:

— Граф...

Он поклонился.

— Можете быть уверены, я сделаю все для вашего удобства...

— Я недолго, — ответил я с прежней беспечностью человека, что просто мимо ехал, а тут не то дождь, не то снег, вот и решил на минутку укрыться под навесом попавшегося по дороге королевства, — перекинусь парой слов просто так, ни о чем, а то, знаете ли, все дела и дела...

Он проговорил торопливо:

— Да-да, у великих свои проблемы! Нам недоступные, увы... и к счастью.

— Золотые слова, — ответил я трезво, — хотелось бы, чтобы и у меня были проблемы только простого рыцаря.

Стражники у входа во дворец, не слышавшие нашего разговора, удивленно таращили глаза на рослого рыцаря, которого сенешаль провожает лично, кланяясь на каждом шагу и всем видом выказывая величайшее почтение.

Мы с Бобиком прошли через холл и передний зал, к нам подбежали еще, судя по одежде, старшие слуги, выслушали короткие распоряжения сенешаля.

Я по-прежнему изображаю гуляку праздного, мимо ехал, к ужину вернусь, а время ужина, кстати, вот-вот...

— Ваше высочество, — сказал сенешаль, — вот распорядитель королевских покоев, он подберет вам лучшие апартаменты.

Распорядитель королевских покоев, со страхом поглядывая на Бобика, учтиво поклонился. Невысокий, неприметный, похожий на одного из слуг, только золотой цепью и отличается, спросил почтительно:

— Ваше высочество предпочитает остановиться на верхнем этаже или на первом?

— А какие у вас считаются благороднее? — спросил я. — А то везде свои нравы... Ладно-ладно, это шутка! Я потрапезую с его величеством и поеду дальше! Какие покой?

— Так принято, — сообщил он. — Потом будут говорить, что в этих покоях останавливался сам Ричард Завоеватель!

— А-а-а, — сказал я понимающее, — тогда да, конечно. Могу и нацарапать на мебели «Здесь был Рича».

В дверях появился пышно одетый человек, по виду церемониймейстер, крикнул громко:

— Его величество король!

Сенешаль и распорядитель поспешили повернувшись в ту сторону и почтительно поклонились, оставшись в таком полусогнутом положении.

В зал вошел не быстро, но и не медленно, мужчина в одежде королевских цветов и с гербами, без короны, но с золотой цепью и каменьями в ней такого размера, что может позволить себе только его величество король.

Любезный и благожелательный, только я вижу, насколько встревожен и даже взъярен этот король Вольфганг, сочетающий в своем имени волка и ссору, а еще и с прозвищем «Старый», хотя в этом какая-то тайна, он же не старый...

Среднего роста, сложен вроде бы неплохо, хотя что увидишь под массой одежд, лицо правильное, аккуратно подстриженные бородка и усы, уже начавшие седеть, а длина рассчитана точно, чтобы угодить вкусам старшего поколения, недолюбивающего голобородых, но и чтоб молодые видели, что король просто делает уступку замшелым защитникам старины, а сам подрезает бороду постоянно, позволяя ей чуть-чуть прикрыть подбородок, но не давая посягать на горло.

Глаза внимательные, лицо я бы даже назвал интеллигентным, во всяком случае ни следа воинственности, вызова или тайного злорадства, что вот какой крупный зверь сам попал в западню.

Я сказал первым, перехватывая инициативу:

— Бобик, сидеть!.. Ваше величество! Будучи наслышан о вашей великой мудрости, я сделал крюк и заскочил в ваше королевство, дабы...

Он подождал, но я только широко и открыто улыбался, он наконец сам чуть растянул губы в улыбке.

— Добро пожаловать, ваше высочество! Весь дворец и все мои люди к вашим услугам.

Голос его звучал ровно и приветливо.

— О, — сказал я живо, — это я люблю.

— Надеюсь, — продолжил он, — вам здесь не покажется слишком уж скучным и серым.

Я сказал беспечно:

— Весь мир сер, ваше величество! Но мы его разукрасим, га-га-га!

Он принужденно улыбнулся, бросил короткий взгляд на смироно сидящего Бобика.

— Я понимаю, у нас бедная северная страна, здесь нет ничего такого яркого, чем может гордиться богатый юг.

Я сказал покровительственно:

— Главное богатство, ваше величество, души ваших людей. А я уже успел убедиться, что они чисты, благородны и почти праведны. В меру, конечно.

Он улыбнулся чуть теплее.

— Да-да, ваше высочество, именно в меру...

— Иначе это уже не жизнь, — договорил я.

Он произнес с некоторым напряжением в голосе:

— Ваше высочество, я надеюсь, вы почтите наш скромный ужин своим посещением?

Я ответил довольно:

— Могу посетить и нескромный. Я поесть люблю, хотя еще только учусь этому сложному искусству. А у вас ужин скоро? Я еще не пропустил?

Он сказал с той же улыбкой:

— За вами придут через полчаса. Пока отдохните...

Глава 2

Я запустил в покой Бобика. Он, как Зигфрид, все осмотрел и обнюхал в мгновение ока, даже поворчал слегка на один участок стены, где, как я понял, когда-то располагался тайный ход. Но сейчас там все заложено наглухо, это я проверил уже сам, не люблю неприятных сюрпризов.

Комната невелика, но прекрасно обставлена, дорогая мебель, изящное ложе с балдахином, массивный стол с чернильницей и стопка бумаги, а еще неизменные перья в широком медном стакане.

В дверь постучали, вошел королевский сенешаль граф Радольф Байхлинген, склонился в учтивейшем поклоне, стараясь не смотреть на страшного Бобика.

— Граф, — сказал я.

— Ваше высочество!

— Все прекрасно, граф, — сказал я. — Никаких замечаний, никаких запросов, никаких капризов!.. Жду ужина.

Он заулыбался.

— Перекусить вам могут принести прямо сейчас, а для ужина сейчас уже накрывают столы в малом зале. Если предпочтете...

— Предпочту, — согласился я. — Знаю я ваши штучки! За королевским столом можно отожраться вволю, а сюда пожадничаете, принесете какую-нибудь морковочку...

Он вздохнул и сказал с отчетливым осуждением в голосе:

— Ваше высочество, зачем вы так рискуете...

— Чем? — спросил я.

— Появлением здесь, — ответил он, — без крепкой и надежной охраны. Без хотя бы отряда рыцарей.

— Разве здесь не радуются избавлению от ига Мунтвига? — спросил я. — А мое высочество в некотором роде как бы и есть избавитель...

Он промямлил:

— Да, конечно... Но есть же разные группы. Никто не способен уберечься от ножа в спину...

Он говорил многозначительно, с оттенком угрозы, я делано засмеялся как можно беспечнее.

— Мои полководцы, дорогой сэр, не преминут устроить на моих похоронах пышную тризну! К примеру, если я где буду предательски убит, то все королевство принесут в жертву... Чтоб ни города, ни села, ни человека не осталось. Так записи в летописях для потомства будут красочнее и героичнее...

Он вздрогнул, зябко повел плечами.

— Да-да, конечно... Кстати, я зашел сказать, что ваш конь вполне устроен. По виду вроде бы доволен...

Я спросил с подозрением:

— Это как?

Он объяснил с заминкой:

— Его сперва поместили в королевскую конюшню, но он там что-то не одобрил и, выломав двери и часть стены, прошелся к кузнецу и поел у него все только что заготовленные гвозди, еще раскаленные...

Он смотрел искательно, чуточку испуганно и виновато, вдруг да не поверю, но я кивнул, сказал мирно:

— Да, он их любит. А подковы не пожрал?

— Н-н-нет вроде бы...

— Значит, — сказал я, — все хорошо. Ведите его обратно, он возражать не станет, только в зерно бросьте пару подков. Старых, изношенных, что все равно на переплавку.

Он воскликнул:

— Да мы ему и новых целый ящик принесем! Для такого коня жалко, что ли?

— Как собачка? — спросил я. — А то смылась, пока мы с его величеством беседовали, ни слова не сказала. Вы ей там не слишком давайте шастать на кухне. Это ее самое любимое место.

Он ответил с вымученной улыбкой:

— Ваше высочество, из-за ее завидного аппетита ужин чуть-чуть задержится. Ненадолго, она уже сыта, а для вас с его величеством зажарят другого гуся. А так все в порядке, она потом на кухне даже понравилась. Поварята с нею играют.

— Да, — согласился я, — это хитрая собачка.

— Ваше высочество, — сказал он с заминкой, исключительно улыбнулся, дескать, вопрос можно рассматривать и как шутку, — с моей стороны будет расточительством не попытаться, как уж вы здесь, выяснить и самый главный вопрос...

— Самый главный? — изумился я. — Это есть ли Бог? Ах да, это бесспорно, тогда насчет бозонов?

Он сказал осторожно:

— Ваше высочество, следует ли нам ждать... вашей армии?

Я изумился:

— С какой стати?

— Не знаю, — ответил он откровенно, — но в мои обязанности входит прием гостей, потому желательно знать заранее... кто, сколько, когда?

— Нет-нет, — заверил я, — только мы трое. Хотя если Бобика считать за двух, то нас четверо. Правда, ест он за троих... тогда пятеро.

Он посмотрел с сомнением.

— Ваше высочество, вы весьма рискуете.

— Разве? — спросил я. — Не так уж и далеко я забрался от расположения своих армий. Но, что делать, больно быстрые у вас олени, пока гоняешься — сам не видишь, как в азарте удалился несколько... от лагеря.

Он заметно перевел дыхание, спросил уже другим тоном:

— Какие-то особые распоряжения?.. Что-то особое для отдыха?

Я покачал головой.

— Нет-нет, только поужинаю и в седло!

Он взглядел указал в сторону окна.

— Правда?

Белая мгла не похожа на туман только потому, что мчится мимо замка, ощутимо царапая его стены, заворачивается в тугие струи, образовывает воронки, уплотняется, снова рассыпается со зловещим шорохом...

— Сейчас время бурь, — заметил он кротко. — Такие бывают... Деревья с корнем выдергивают! Однажды караван застигло на дороге между двумя городами-соседями, так его нашли под растаявшим снегом только весной за две миль от того места. И людей, и коней...

Я покачал головой.

— Ладно, о погоде говорят, когда нет темы. А у нас есть! Расскажите о Меции.

— Ваше высочество?

— Говорят, — сказал я, вспомнив рассказ Асклан-дэллы, — это единственное королевство, что является неким противовесом в регионе. Всякий раз мешает соседним королевствам сцепиться в яростной схватке за власть над, конечно же, всем миром.

Он сдержанно улыбнулся.

— Какой мы противовес? Как раз мы самое мирное и спокойное королевство...

— Расскажите, — попросил я.

Он рассказывал, а я всматривался в выражение его лица и вслушивался в меняющиеся интонации, стараясь определить, где правда, а где умело подобранная ложь, ибо это уже не король, если начнет говорить только правду.

Король здесь то ли посаженный на трон усилиями, деньгами или интригами Вильгельма, то ли так просто само сложилось, но Меция — буфер между империей и вечно дерущимися королевствами Аганд, Сизия, Арендскими герцогствами, а также Олдвудом и Гинтерштадленбергом, что вплотную уперлись в горы, за которыми империя Вильгельма.

Король Вольфганг — само миролюбие, мудрость и всяческое избегание войн, в то время как сражения у соседей затихают только на зимнее время, и то лишь широкомасштабные, а так и зимой вспыхивают мятежи, беспорядки, только и слышим о попытке очередного переворота... иногда весьма удачного.

— И как король, — спросил я, — как удерживается?

— Лавирует, — пояснил он. — Между королевствами, а здесь в Меции между партиями и группами лордов.

— Но все-таки, — поинтересовался я, — успешно удерживает мир в королевстве?

Он кивнул.

— А также не дает повода соседям начать войну. Поэтому здесь люди живут богаче.

— Поздравляю!

— Увы, из пограничных земель других королевств сюда переселяются, порой целыми селами.

— Так это еще лучше!

Он вздохнул.

— Не скажите, ваше высочество.

— Ну да, — согласился я, — это дает соседям новым повод для вражды и мыслей о набеге.

Он не успел ответить, в комнату вошел старший слуга, поклонился.

— Ваше высочество... вас просят присутствовать на ужине.

Я поднялся, сказал сенешалю:

— Договорим в другой раз, а то вдруг тут все без меня пожрут, надо спешить!..

Сенешаль кисло улыбнулся грубой солдатской шутке, чего еще ждать от завоевателя, а я кивком велел слуге показывать дорогу, а Бобику сказал строго:

— А ты, хомяк-переросток, жди здесь и молись, чтобы морда не треснула.

Глава 3

Двери распахнули во всю ширь, обе створки. Я шагнул в просторную комнату, свет из двух зарешеченных окон, плюс горит одна из трех люстр, так что не слишком темно, что ассоциируется то ли с интимом, то ли с заговорщиками, и не слишком ярко, что всегда создает праздничность, а здесь такой гость, что еще непонятно, больше беды или веселья.

В комнате у стены всего трое слуг, но, как я понял, не совсем слуги, у одного герцогская цепь на груди, второй носит знаки различия работника канцелярии, а еще с ними стоит неподвижно очень красивая молодая девушка с подносом в руках.

Стол продолговатый, с торца сидит король, с правой стороны стола сравнительно молодая женщина в богатом платье с низким вырезом, грудь достаточно крупная, в ложбинку опускается крупный кулон на тонкой золотой цепочке, лицо милое, прическа высокая, такие женщины мне всегда нравились спокойствием и незлобивым нравом.

Я поклонился, приближаясь к столу:

— Приятного аппетита!

Король указал на свободное кресло с левой стороны стола.

— Ваше высочество, прошу вас. У нас, как видите, простой семейный ужин, без всяких церемоний.

— Прекрасно, — сказал я, — если бы вы знали, как я сам не люблю церемонии!

Он сказал с улыбкой:

— Это все заметили... Мою супругу, Елизавету Тернельскую, думаю, представлять нет необходимости...

— Разумеется, — подхватил я. — Каждый увидит в ней только королеву, ибо кто еще может держаться с таким величием, не теряя кротости, обаяния и чистоты облика?

Его улыбка стала шире, а королева посмотрела на меня с интересом и чуть наклонила голову, а полушиария грудей с готовностью приподнялись.

Человек из канцелярии шепнул нечто герцогу, тот приблизился к столу и переложил с подноса на блюдо королю жареную птицу, затем точно такую же мне.

Фрейлина, получив подобный сигнал, приблизилась с другой стороны стола и умело наполнила блюдо королевы мелко нарезанным мясом и ломтиками сыра. Выпрямляясь, она бросила короткий взгляд в мою сторону, заметил ли ее великолепную фигуру с высоким бюстом и тонкой гибкой талией, я взглядом ответил, что да, заметил, весьма впечатлен, мои комплименты.

Королева, как мне показалось, тоже уловила этот немой разговор, хотя, возможно, для этой цели и поставила эту красотку, что-то я становлюсь подозрительным и везде вижу подвохи и заговоры.

— Ваше высочество, — произнес Вольфганг, — у нас, увы, на столах не бывает чего-то особенного.

Королева добавила с улыбкой:

— А на юге, говорят, знатные люди вообще едят мясо только чудовищ...

— Врут, — сказал я безапелляционно. — Чудовища невкусные.

— Пробовали?

— Приходилось, — подтвердил я. — Положено! Мы многое делаем такое, что не хочется, а положено. Его величество подтвердит... все домашнее намного вкуснее.

Король чуть наклонил голову.

— Да, верно. Ваше высочество, но не слишком ли вы рискуете...

— Не слишком, — ответил я.

— Но вот так отрываться от армии... любой назовет это неразумным.

— А когда же еще? — спросил я. — Когда стану королем?.. И так вот уже почти неприличничествую, а я ж всего лишь паршивый принц, которых как гусей на деревенском озере!

Он улыбнулся сдержанно, но настороженно, больно говорю серьезно, хотя и как бы шучу, а королева сказала жеманно:

— Ваше высочество, так дурить можно было в ту пору, когда вы были бароном. А то и безбаннерным рыцарем.

Я кивнул, соглашаясь, мудрые слова, только вот откуда здесь знают, что я был даже безбаннерным? Или и здесь разведка на высоте, или же и в этом королевстве не все так просто, как кажется сбоку, где бантик.

Распорядитель коротко шепнул герцогу, тот церемонно приблизился к столу. Мы замолчали, пока он перекладывал на блюдо королю горячее мясо, а потом ровно такую же порцию отвалил мне.

Из боковой двери неслышно скользнул слуга с подносом, наполненным яствами, передал фрейлине, забрав пустой. Та стояла недолго, распорядитель зорко следит за столом, и едва королева опустошила свое блюдо только наполовину, тут же подал фрейлине знак,

та зашла со стороны королевы и перегрузила ей на блюдо горку сдобных пирогов.

Мы с королем потягивали вино из массивных и очень неудобных для руки кубков, зато щедро украшенных дорогими каменьями.

— Мне трудно поверить, — произнес он наконец задумчиво, — что ваша лихость и безрассудная отвага настолько велики, что вот так ради простой скачки за убегающим оленем можете забраться так далеко...

— Почему? — спросил я с интересом. — Зимой просто делать нечего!

— Но все-таки, — сказал он мирно, — это слишком. Вы очень отважный человек, но никто не говорит о вас, как о безрассудном... Если это не слишком большой секрет, то какова цель? Хотите узнать наши силы?.. Наслоения?.. Готовность к защите?

Я засмеялся, стараясь выглядеть как можно более естественно.

— Согласен, это кажется глупым.

— Узнать наши силы?

Я помотал головой.

— Не обижайтесь, ваше величество... но есть на свете и другие проблемы, кроме как вынюхивать дыры в вашей системе обороны. Пусть они не такие важные... с точки зрения государства, но нам всем наши личные проблемы ближе, не так ли?.. Кстати, прекрасное вино! Это местное?

Он кивнул.

— Да, хотя нам и трудно его выращивать, лето слишком короткое.

— Тем больших похвал заслуживают его создатели, — сказал я с чувством. — У вас очень трудолюбивые подданные, ваше величество!.. Это прежде всего говорит о мудром правлении местного короля. Не подскажете его имя?

Он сдержанно улыбнулся.

— Вы мне льстите. Все, что я делаю, это стараюсь не допустить мятежей и междуусобиц. А народ все делает сам.

— Если ему не мешать, — произнесла королева, — он способен на многое.

Я посмотрел искоса, произнесла важно и напыщенно, явно где-то услышала и запомнила, но дело в том, что все, что знаем, мы где-то услышали, вот только чаще всего запоминаем такую хрень, что самим стыдно, а еще хуже, что и повторяем хрень, а не мудрые мысли.

— Ваше величество, — сказал я почтительно, — как хорошо сказано! Я просто завидую вашему супругу.

Она польщенно улыбнулась.

— Еще вина?

Я покачал головой.

— Спасибо, довольно. Как быстро зимой наступает ночь! Пожалуй, я лучше рухну пораньше в постель, чтобы отбыть сразу на рассвете.

Король заметил осторожно:

— Если буря утихнет. А то в это время года обычно бушует неделями. Иные крестьянские хатки на краю сел заметает по самые крыши! Приходится прорывать норы...

— Ужас, — пробормотал я.

В покоях, отведенных мне, центральное место занимает все-таки не кровать, а стол, массивный и добротный. На нем чернильница, стаканчик с гусиными перьями, стопка бумаг, уважают в госте возможность оказаться умным, что не сразу завалится в сапогах на ложе, а сперва сядет за стол и запишет свои впечатления.

Записывать я ничего не стал, обойдутся, все-таки сразу пошел к кровати, сел на край и начал стаскивать сапоги, цепляя носком одного за задник другого.

Бобик, расположившись на ковре посреди комнаты, приоткрыл глаз, зевнул и захрапел снова.

По ту сторону двери иногда слышатся шаги, там на-верняка удвоили стражу, что и понятно, а обоснование простое: такого ценного гостя нужно оберегать.

Когда я начал расстегивать поясной ремень, снова послышались шаги. Дверь тихонько приоткрылась, в полутьме через порог переступила женщина в длинном до пола плаще и с широким капюшоном, что скрывает лицо, виден только подбородок.

Бобик снова приоткрыл один глаз, но голову приподнимать не стал.

Дверь закрылась за спиной женщины, она сделала три осторожных шага вперед, медленно и грациозно подняла капюшон с лица, а затем уже достаточно небрежно отбросила на плечи.

На меня взглянуло улыбающееся лицо королевы. Глаза ее засмеялись, когда она всмотрелась в мое изумленное лицо.

— Ваше высочество, — проговорила она с легкой улыбкой, — вы так пожирали меня глазами за ужином... или это была только любезность... что я не смогла не прийти на ваш зов.

Я пробормотал ошарашенно:

— Ваше величество, но... я питаю глубокоеуважение к его величеству королю...

— И что? — спросила она с интересом.

— Он в самом деле мне симпатичен...

— Успокойте свою совесть, — произнесла она легко. — Я вовсе не обманываю короля.

— Ваше величество?

Она сказала так же просто:

— Он понимает, куда я пошла.

Она говорила спокойно, улыбалась, ни тени смущения, даже больше: вроде бы наслаждается моим замешательством, а я чувствовал, что теряю почву под ногами все больше.

— И, — сказал я жалко, — как он?

Она бросила взгляд на разобранное ложе, осторожно обошла зевающего Бобика и опустилась в кресло, при этом ее полные белые ноги соблазнительно оголились до колен.

— Успокойтесь, — повторила она. — Я тоже обычно знаю, когда он идет к моим фрейлинам.

— Ох, простите...

— Не всегда, правда, — уточнила она, — угадываю, к какой именно, но разве это так важно?

— Гм, — сказал я с неловкостью, — вот уж не думал, что равноправие полов будет начинаться таким образом. Ваше величество...

Она прервала:

— Сэр Ричард! Управляющий попросил у меня позволения послать вам в постель одну из служанок, вы же так молоды, а во дворце всегда в изобилии этих молоденьких глупеньких крестьяночек...

Я воскликнул с неловкостью:

— Ваш величество!

Она встала из кресла, я отступил на шаг, а она накнулась, хватаясь за нижний край подола, начала поднимать его кверху. Я задержал дыхание, в ярком свете свечей появились белые ноги, никогда не видевшие солнца, затем широкий треугольник темных волос внизу красиво вылепленного живота, чуть выпирающие ребра, крупная и слегка провисшая под собственной тяжестью грудь...

Наконец она отбросила рубашку в сторону, на меня взглянули ее смеющиеся глаза.

— Сэр Ричард?

Я начал спешно сбрасывать одежду, а она, не желая смущать меня слишком пристальным взглядом, медленно пошла к ложу. Я видел краем глаза, как там остановилась, белокожая, нежная, с неизбежными валиками сладкого жирка на боках, широкими оттопыренными ягодицами, грациозно вскинула руки к башне волос, подергала там что-то, и все сооружение рухнуло, рассыпалось, заскользило крупными локонами по прямой спине, опускаясь почти до зовуще оттопыренных ягодиц.

Когда я торопливо заспешил к постели, тоже разбрасывая одежду где попало, она уже тихо нырнула под одеяло, укрывшее ее до самого горла, но когда рядом лег я, одеяло сдвинулось до середины ее живота.

Она улыбнулась, но поправлять не стала.

— Ваше величество, — сказал я, но она прервала:

— Зовите меня Бесс. По крайней мере здесь. А то как-то смешно и церемонно... Я же зову вас Ричардом, хотя вы мне это еще не предложили?

Я пробормотал:

— Вашему величеству позволено все... Я имею в виду, гм, здесь тоже. Спасибо, Бесс, это прекрасное само по себе имя, ничуть не хуже полного варианта. Однако же...

Она остановила меня жестом:

— Ричард, вы хороший человек, я вижу. И долго будете... ну, не решаться так поступить с королевой, когда ее муж где-то рядом. Тем более если он вам симпатичен. Тогда позвольте мне самой погасить жар в ваших чреслах, я егочу, он мне уже обжигает пальцы...

Я охнул:

— Ваше... Бесс!

— Тихо, — велела она деловито, — тихо. Нам обоим еще нужно и выспаться. От недосыпа у меня сразу морщинки у глаз. И даже мешки под ними.

— Какой ужас, — сказал я. — Да, я понимаю, как это важно!

— Ну вот, — сказала она ласково, — все ваше тело в огне, только разум еще сопротивляется. А также совесть... договоритесь как-то с ними или мне помочь?

— Потом договорюсь, — ответил я хриплым голосом. — А сейчас обойдутся.

Она засмеялась, голос звучал низко и чувственно, я бы даже сказал — постельно, с характерной хрипотцой, от которой кровь вскипает еще больше.

Глава 4

Утром я с трудом разлепил сонные глаза, королева оказалась с огоньком, или же только меня умело разжигала, но я даже сейчас чувствую тягу к ее сочному телу и желание снова подмять его под себя и попользовать грубо и сладострастно.

Дверь тихонько отворилась, вошли две юные девушки. Я охнул и попытался натянуть на себя одеяло, однако оно, скомканное и смятое, под нашими жаркими телами, камин все еще полыхает, разбрасывая по стенам широкие багровые отблески, ночью кто-то проскальзывал мимо кровати и подкладывал на угли поленья, так что сейчас мы лежим оба нагие, бесстыдно раскинув руки и ноги.

Обе, осторожно обойдя нагло развалившегося по средине Бобика, приблизились, стараются держаться ровно и бесстрастно, но мордочки хитрые, глаза так и зыркают по ложу.

Я, не зная, как поступить, сделал вид, что сплю, и прикрыл глаза, а они присели в низком поклоне и склонили головы.

Одна сказала нежным голоском:

— Ваше величество, позвольте помочь вам одеться....

Я молчал, не знаю, как вести себя, королева прибыла вчера вечером, якобы соблюдая инкогнито, мол, ни одна живая душа не знает, а сейчас вот явная демонстрация... причем наверняка еще вечером велела идти сюда... если не застанут ее утром в своей спальне.

Елизавета зевнула, медленно распахнула глаза, уже чистые и умытые здоровым сном, со смаком потянулась и лишь тогда сказала:

— А, это вы, Мишелла и Ройса...

Мишелла сказала настойчиво:

— Ваше величество, пора одеваться, а то завтрак проспите.

На меня то и дело позиркивают, у обеих на бледных щечках пропустил слабый румянец, у одной вообще, как только начала замечать какие-то изменения во мне, разгорелся пожар, но я все-таки выгнулся пузом кверху и выдернул из-под себя одеяло, после чего со вздохом облегчения прикрылся, как римлянин тогой, а потом вообще завернулся в него, как червяк.

Елизавета вздохнула, села на краю ложа, опустив ступни на пол, где расстелена толстая шкура, вчера вечером ее здесь, насколько помню, не было.

— Хорошо, — сказала она, — давайте...

Мишелла деловито открыла ларец, Елизавета растопырила пальцы, ей начали надевать кольца и перстни, все настолько массивные и с огромными камнями, что понятно, с такими спать не ложатся.

Я все смотрел в ее спину, что красиво перетекает в толстые массивные ягодицы, еще красные от моих гру-

бых пальцев, зад похож на старинную лиру, на которой играл Орфей, Аполлон и еще кто-то, но сегодня ночью играл я, и, как мне кажется, играл просто здорово.

Потом она встала, зад стал собраннее, а когда сверху через голову опустилось первое платье, все это великолепие спряталось, после второго вообще фигура стала безликой, а когда еще и нечто местное, вроде плаща, но застегнутое не только на плечах и груди, но и на животе, то даже мне уже надо приложить усилие, чтобы увидеть под всем великолепием дорогих платьев красоту ее обнаженного и зовущего тела.

Когда ей заплели волосы, она проговорила величественно:

— А где Баббигетта и Терлина?

— Ждут вас в коридоре, — ответила Мишелла.

Господи, мелькнуло у меня. Теперь все, кто только заглянет в этот коридор, начнут придумывать, чего это фрейлины королевы торчат у меня под дверью.

— Хорошо, — ответила Елизавета величественно. — Они проводят меня дальше. А вы пока помогите его высочеству одеться, как подобает его достоинству.

Я охнулся.

— Ваше величество!.. Меня еще в детстве научили самому надевать штанишки.

Она улыбнулась уже от двери, глаза загадочно блеснули.

— Не спорьте, милый Ричард. Таковы правила этикета, им подчиняются даже короли.

Я обреченно поднялся, обе девушки с предельно серьезными лицами и хитрющими глазками начали помогать мне сперва натянуть штаны, а так как это дело оруженосцев, а не фрейлин, обе все проделывали медленно, неумело и невпопад, уже я смотрел в потолок и старался думать о чем-нибудь мерзком: Кейдане,

предательстве Барбароссы, приближении Багровой Звезды, слышал снизу хи-хи и ха-ха, но дождался, когда все заправили, затянули широкий ремень, затем начали напяливать рубашку, уже совсем осмелеев, все-таки их двое, женщины всегда черпают уверенность друг в друге и даже наглеют, еще как наглеют...

С сапогами так и не управились, хотя склонились так низко, что сели на пол, я натянул сам, стараясь не смотреть в низкие вырезы их платьев, где белоснежные полушария так и пытаются выбраться наверх на свободу, вызывая у мужчин страстное желание помочь освобождению угнетенных.

— Спасибо, леди, — сказал я, — это было весьма. Даже весьма-весьма!

Они грациозно присели, держа пальчиками платья растопыренными в стороны.

— К услугам вашего высочества!

А та, что Мишелла, сказала отважно:

— Раз вы без оруженосца и свиты, то, ваше высочество, вы лучше знаете, как вам правильнее вести себя с нами.

— Учту, — сказал я неуклюже. — Я высоко ценю вашу готовность к сотрудничеству на взаимную пользу наших королевств и всего прогрессивного человечества... а непрогрессивное пусть удавится, его не жалко.

— Ваше высочество?

— Говорю, — пояснил я, — что мне было весьма, но это вы и сами понимаете, так что взаимопонимание наших народов мы уже начинаем крепить!

Она воскликнула обрадованно:

— Ой, как мне это уже нравится!

Бобик проводил их насмешливым взглядом, я подумал, что неспроста его не пугаются, явно тайком подкармливали, пока я ужинал.

Завтрак подали в ту же комнату, никаких лишних движений, хорошо, даже меню почти то же самое: сперва салаты, холодное мясо, затем горячее...

Король ел медленно, вдумчиво, правильно и сдержанно, как и предписывает церковь, но я заметил, что все это проделывает чисто механически, все-таки не первый раз, наверное, ест, уже научился не следить за каждым движением, мысли витают где-то высоко или же просто далеко, однако я пару раз уловил его внимательный взгляд, брошенный в мою сторону.

Как я ни вчувствовался, но не уловил враждебности, а только странную настороженность, что меня самого настораживает еще больше. Он не может не знать, где королева провела ночь, слишком много свидетелей, впечатление такое, что она постаралась, чтобы об этом знали не только ее две или четыре фрейлины...

На этот раз нам прислуживают другие высшие лорды королевства, это же честь, хотя распорядитель тот же, шепотом подсказывает, что кому подавать и с какой руки.

Королева Елизавета, свежая и успевшая выспаться, завтракает с аппетитом, на щеках здоровый румянец, глаза поблескивают весело и задорно, как у козы, что тайком от хозяина сожрала всю зелень в огороде.

Я видел, что король пару раз собирался задать традиционный вопрос вежливости насчет удобно ли меня расположили на ночь, но ситуация деликатная, некоторое время даже избегали смотреть друг на друга, а королева тоже, похоже, не знает, что сказать, и деликатно помалкивает.

Когда подали горячее мясо, король принялся деловито резать и произнес, не отрывая взгляда от ножа:

— Какие ваши планы, ваше высочество?

Голос его звучал интеллигентно, мягко и, как мне показалось, немножко грустно. Или даже печально. Нет, все-таки немножко грустно, самую малость.

— Хорошо нажраться, — ответил я наигранно бодро. — На холоде жирок тает быстрее, чем летом, ха-ха!..

— Вам предстоит, — поинтересовался он, — долго быть на холода?

Я изумился:

— Да, зима на дворе!.. Я сам больше люблю лето, но что поделаешь... А вы, ваше величество?

Он грустно улыбнулся.

— Я примиряюсь с тем, что посыпает нам Господь.

— А вы политик, — сказал я одобрительно. — Это хоть и грустно, но правильно. Мало ли что нам хочется! Надо жить в соответствии с реалиями.

Королева Елизавета ела мало, от мяса отказалась, как и от птицы, но с удовольствием налегала на сдобные пироги.

— Ваше высочество, — проговорила она ровно, — а как это жить в соответствии с реалиями, когда каждый правитель видит их по-разному?..

Мне почудился в ее словах подтекст, но не сообразил, где он прячется, потому прожевал сперва мясо, как бы занят, но все равно так и не отыскал правильной стратегии.

— Не знаю, — сказал я виновато, — ваше величество.

— А как полагаете?

— Я не мудрствую, — ответил я. — Наверное, правильно так, как и живем. Когда так, когда эдак. Жизнь меняется, мы тоже...

Они переглянулись, я снова подумал, что хорошая пара, что-то в них хорошее общее. Больше, чем просто супруги, в самом деле еще и соратники, хотя это каче-

ство мы только мечтаем встретить в любимых женщинах.

Вельможа приблизился ко мне с подносом, где вкусно пахнут свежеиспеченные пироги, но я покачал головой.

— Нет-нет! Еще один — и уже не смогу взобраться в седло.

Вельможа молча отступил, а король взглянул на меня в удивлении.

— Ваше высочество! Вы в окно смотрели неделю тому?

За стенами, он прав, свист и рев снежной бури, там не просто белая пелена, а ревущий ад, где снег поднимается с мерзлой земли и крутится в жутких вихрях.

— Гм, — сказал я, — это затруднительно... однако я смогу.

— В такую бурю? — спросил он.

— Там всего лишь ветер, — ответил я. — Не снежные демоны, не инеистые великаны.

— Не стоит, — произнес он мирно. — Вы заблудитесь еще во дворе. Ветер сбивает с дороги моментально.

Королева сказала:

— У нас, когда такое вот разыгрывается, челядь даже по двору передвигается, держась за туго натянутые веревки!

— Однажды веревка оборвалась, — сказал король, — троє пропали. С того дня сам проверяю, чтоб натягивали самые толстые и прочные.

— Не королевское это дело, — напомнил я.

— В бурю любое становится королевским, — ответил он.

Я с досадой потянулся за чашей, слуга ухватился за кувшин, я покачал головой, он застыл в ожидании. Я сосредоточился, через мгновение чаша начала заполняться темно-красным вином.

Король напрягся, Елизавета с интересом следила, как медленно поднимается уровень. Когда оставалось до края самую малость, я перевел дыхание, и вино остановилось, подрагивая.

Елизавета посмотрела на вино, перевела взгляд на меня.

— Для этого, — произнесла она, — нужно иметь очень большую силу магии. Не жаль тратить на такие пустяки?

Я ответил мирно:

— У меня другие источники силы.

— В смысле?

— Это не магия, — пояснил я. — А для нее как раз это легко.

— А что трудно? — спросила она.

— Многое, — ответил я с неохотой. — Например, это не помогает... убивать, ломать, уничтожать, просто портить, а в нашей красивой жизни это бывает очень кстати. Даже необходимо.

Она посмотрела очень внимательно.

— И как вы обходитесь?

Я пожал плечами.

— Приходится... как бы это сказать попроще, примитивно вручную. Мы многое делаем вручную. Где мечом, где топором...

Король произнес суховато:

— А еще весьма кстати армия. Не так ли?

— Так, — согласился я. — Но, конечно, со мной и несколько десятков очень сильных магов, что могут в отличие от меня убивать, ломать и жечь...

Я говорил очень мирно, но прозвучало это, как я и хотел, с легким предостережением, что если и открываю какие-то свои слабости, то тут же закрываю их двойными доспехами.

Король сказал со вздохом:

— Вы очень предусмотрительны, а это очень печально.

Я изумился:

— Почему?

— Вы так молоды, — произнес он ровно, — а уже теряете юность...

— Да, — согласился я, — когда терял девственность, то был рад от нее избавиться, а теперь иногда так тоскую по своей чистоте и вере в людей!.. Кстати, ваше величество, ваше соседство с империей Вильгельма Блистательного как-то сказывается?

— На мне?

— На вас, — ответил я, — на семье, на королевстве...

— Ничуть, — ответил он, но, как мне показалось, слишком быстро, — его империя отделена от наших земель двумя королевствами и высокими горами. Единственный проход перекрыт высоченной стеной.

— Но только одной цепью гор, — заметил я. — И довольно длинной. Олдвуд и Гинтершлленберг примыкают к империи всей северной стороной, а ваше королевство, как я понимаю, только в одном месте... Это и опасно и... соблазнительно.

— Ваше высочество? — спросил он.

— Императору, — пояснил я, — либо нужно держать с той стороны армию, чтобы не допустить вторжения, либо самому вторгнуться...

Он смотрел на меня спокойно и внимательно.

— Прошу вас, ваше высочество, продолжайте.

— Но даже, — сказал я, — если его армия сможет преодолеть горы с такой же легкостью, как и ваша, в чем я сомневаюсь, то что это ему даст?

Он ответил коротко:

— Победу.

— Это будет очень тяжелая победа, — сказал я. — Его империя, защищенная горами, давно разучилась

воевать, а ваши люди — нет. Но если даже захватить, что дальше? Удерживать власть долго не сможет, с севера обязательно хлынут новые завоеватели и сотрут его войска здесь в пыль. Так что он заинтересован, очень заинтересован в самых дружеских отношениях с тремя вашими королевствами. И, конечно, у него даже в этом королевском дворце есть свои люди.

Он нервно дернулся.

— Нет!..

— Почему?

— Я подбирал, — ответил он, — только самых верных! И проверенных.

— Я не говорю, — сказал я, — что всех, но некоторых удается подкупить, соблазнить, перевербовать, дать им больше, чем получают у вас... А достаточно одного, чтобы императору знать все, что здесь происходит, о чем говорят, какие планы вынашивают...

Елизавета сказала тихо:

— И не только императору.

Вольфганг покосился на слугу, что снова приблизился с кувшином в руках.

— Вы говорите страшные вещи.

— Неприятные, — уточнила Елизавета.

— Реальные, — сказал я. — Даже, есть такое гадкое слово, обыденные. Короли привыкают, что за ними шпионят, и живут с этим. Вам об этом и думать не хочется, но знаете об этом прекрасно.

Возможно, мелькнуло у меня в голове, в расчете на шпионов Вильгельма короля и спала со мной. Пусть в империи знают, что я дружен с королем и его женой. Это значит, пусть всерьез верят, будто я могу представлять угрозу даже для Вильгельма. Ладно, пусть не угрозу, но серьезный противовес.

Конечно, переспать с женой короля Меции с его молчаливого согласия вовсе не значит стать его союз-

ником, однако за такую приятную малость все-таки могу оказать поддержку хотя бы словом... не упоминая, разумеется, почему вдруг это королевство пользуется моим расположением. Возможно, другие придают моему слову больше веса, чем я думаю.

Некоторое время мы молча смахивали дивное вино, наконец я поднялся, учтиво поклонился супругам.

— Ваши величества... Пойду взгляну на своего коня. Он, как ребенок, любит внимание.

— Да, — ответил король, — наши животные... они не принимают наших отговорок.

Я вышел в коридор, сквозняк тянет по полу такой, что вот-вот там понесет снег, а пламя светильников трепещет даже в самых уединенных уголках.

За окнами бушует не буря, а ураган. Если бы стекло научились делать тоньше и большими листами, его давно вышибло первым же ударом бури, но здесь и окна крохотные, и стекла составлены из толстых кусков, скрепленных массивными железными прутьями, но все равно даже стены потряхивает, а глыбы, из которых составлен замок, начинают шевелиться и потрескивать.

Вернувшись в апартаменты, я походил взад-вперед по комнате, поупражнялся в быстром вызывании мечей, топоров, арбалетов, даже медный кувшин перенес к себе, а потом отправил обратно.

Получается хорошо, но только вот так, когда никто не мешает и ни на что не отвлекаюсь, но стоит в коридоре кому-то громко чихнуть — все, не смогу настроиться еще с полчаса. И тем более не могу вызывать меч именно тогда, когда это особенно нужно: в момент схватки или перед схваткой.

Бобик бесстыдно дрыхнет с утра, сколько в него сна влезает, не понимаю. Видимо, наш общий инстинкт, гласящий, что в дождь, снег, бурю нужно забиться поблуже в нору и спать, беречь силы, в нем силен осо-

бенно, а в человеке так себе, потому Господь и выдвинул его на пост доминанта природы.

Я рухнул на ложе и, сосредоточившись, начал призывать только мечи, это дается легче, быстрее концентрируюсь, чувствуюсь, и через мгновение удар рукояти в ладонь!

Когда начало получаться почти моментально, распахнулась дверь, слуга сказал почтительно:

— Ваше высочество... обед готов.

— Уже? — изумился я.

— Да, ваше высочество... Вам подать сюда или будете обедать с его и ее величествами?

Я открыл было рот, чтобы велеть подать сюда, здесь можно не оттопыривать мизинчики, но, с другой стороны, не сочтет ли Вольфганг, будто избегаю его, что замыслил что-то недобро...

— А как лучше?

Он поклонился.

— Вам виднее, ваше высочество.

— А что говорит местный этикет?

Он ответил с непроницаемым лицом:

— Такие вопросы решает сам гость.

Я подавил вздох и сказал громко:

— Конечно же, я предпочитаю обедать со своим другом королем Вольфгангом! Обедаем там же?

Он покачал головой, взглянул с упреком.

— Конечно же нет! То завтрак, а то обед...

— Веди, — сказал я.

Глава 5

Придворных вдвое больше, чем вчера вечером, привели со всех концов города, чтобы увидеть этого грозного завоевателя, нанесшего сокрушительное пораже-

ние самому Мунтвигу, попробовать догадаться, чего он здесь, пошептаться насчет неизбежных изменений, последствий.

Я шел быстро и решительно, словно не на обед, а на важное заседание, где мне предстоит переубедить всех императоров мира согласиться на перестройку мира под моим руководством.

За мной пытались пристроиться несколько человек, то ли в свиту, то ли с вопросами, но их остановили, а я широкими шагами приблизился к дверям обеденной столовой, слуги торопливо распахнули обе дверки и тут же захлопнули за мной.

Король и королева уже за столом, мирно и тихонько беседуют, чуть повернув друг к другу головы. Я вошел, прямой и налитый силой, весело и бодро поклонился.

— Ваше величество... ваше величество...

Елизавета улыбнулась, видя, как я проглотил дежурный вопрос насчет как спалось, прозвучит бестактно, а Вольфганг сказал с улыбкой:

— Садитесь, дорогой принц. На столе пусто вовсе не потому что, как вы говорите, мы все тайком пожрали...

— Мы ждали вас, — объяснила Елизавета.

— Надеюсь, — сказал я учтиво, — не слишком долго?

Вельможа молча поставил перед королем блюдо с салатами и холодным мясом, а фрейлина, из незнакомых мне, обслужила королеву, на меня поглядывала с обещающей улыбкой, даже многообещающей.

Мне положили на тарелку все то же, что и королю, это тоже этикет, король быстро пробормотал молитву, и мы некоторое время ели молча.

Стараясь внести свой вклад, я заполнил вином пока пустые чаши, королю — сухим вином, нам с королевой сладким, я тоже предпочитаю все сладкое, пусть это и считается не по-мужски.

Король поблагодарил меня легким кивком, королева сделала глоток и счастливо заулыбалась.

— Вы просто сокровище, сэр Ричард!

— Стараюсь, — ответил я скромно, снова проглотил вопрос насчет того, как спалось и что снилось, покосился на вздрагивающие стены. — Что у вас тут за бури?.. Как будто все ветры с цепи сорвались!

— Чем сильнее буря, — заметил король философски, — тем быстрее заканчивается.

— Во всем видите лучшую сторону? — спросил я.

Он кивнул.

— Да, хотя помню и о худшей.

Королевский сенешаль граф Радольф Байхлинген, завидев меня, остановился далеко впереди, развернулся в нужную сторону и застыл в ожидании.

Я величественно и беспечно пошел было мимо, легким кивком ответив на его глубокий поклон.

— Сэр Радольф...

— Ваше высочество!

Я остановился, разворачиваясь к нему всем корпусом, посмотрел внимательнее, но с той же благосклонностью отыскающего лорда. Сенешаль выглядит очень смущенным, отводит глаза в сторону, что значит, сам не заговорит, но это тот случай, когда дожидаются и даже подталкивают к соответствующему вопросу.

Я сказал с вежливым интересом:

— У вас наверняка есть и какие-то еще новости, дорогой сенешаль?

Он поклонился, развел руками.

— Не совсем, ваше высочество. Просто... некоторые, совсем некоторые.

— Ну-ну?

Он вздохнул.

— Да ничего серьезного, ваше высочество.

— Это замечательно! — сказал я поощрительно. — Все беды от людей серьезных, умных и мрачных, потому я от них бегу, так как сам вообще-то очень даже несерьезный. Изо всех сил несерьезный. И в населении поощряю несерьезное отношение к будущим демократическим завоеваниям, чтобы только хи-хи да хо-хо, пока их на виселицу во имя гуманизма и культуры... Так какие новости?

Он развел руками.

— Да какие новости среди зимы?.. Ах да, граф Аарбург и граф Хонштайн-Хонштайн, это послы соседних королевств, услышав о вашем прибытии, жаждут встретиться с вами.

— Это из Аганда и Сизии? — спросил я беспечно. — Или Эстии?

Он впился острым взглядом в мое глупое довольное лицо.

— Думаю, ваше высочество, тамошние короли подсуетились раньше...

— Ну-ну?

— Граф Аарбург прибыл из королевства Мордант, — ответил он медленно и с расстановкой, все еще стараясь увидеть что-то сквозь верхний слой моего лица, который я так и не научился как следует делать каменно-непроницаемым, зато могу делать беспечно глупым, что удается так легко, что и стараться не нужно, — а граф Хонштайн-Хонштайн из королевства Галли...

— Да, — согласился я, — издалека...

— Не так уж, — уточнил он, — Мордант граничит с Сакрантом, где стоит ваша армия, потому опасения тамошнего короля...

— Руперта, — подсказал я. — Как его здоровье, кстати? В прошлый раз он неважно выглядел...

Он посмотрел на меня с уважением.

— Вы и там побывали? Говорят, в те земли черных магов легко войти, но вернуться почти невозможно.

— Смотря для кого, — сказал я хвастливо. — Гм, значит, и король Конрад зашевелился?

— Он сосед Сакранта с западной стороны, — пояснил сенешаль, — беспокойство его понятно, ваше высочество!

— Да, — согласился я, — соседи. Но среагировали позже, чем те, кто впереди. Хотя понятно тоже...

— Что прикажете?

Я помедлил, всматриваясь в его вроде бы бесстрастное лицо, но на котором отчетливо видны его эмоции, которые он позволил себе выказать.

— Во-первых, — произнес я медленно, — мое высочество как бы на отдыхе, а это значит — всячески дел избегает. Я молод, мне бы погоню за оленем, пиры, кровавые битвы, грохот мечей и топоров по щитам и медный звон по головам, ржание коней и неизбежные крики мертвцевов... Дела подождут.

Он вздохнул с облегчением.

— Я сумею облечь это в соответствующую форму.

— Спасибо, — сказал я, — а то я человек простой, военный...

Он поклонился, в глазах смех, иронию если и не понимает, то улавливает и реагирует правильно.

Я пояснил на всякий случай:

— Я здесь частным образом... Как бы на прогулке. К тому же мы во владениях короля Вольфганга! Потому это вообще, возможно, не этично встречаться в его дворце с чужими послами.

Он развел руками.

— В дипломатическом протоколе многое предусмотрено, но, увы, не все. Так что вам придется самому решить, как удобнее и как правильнее.

— Такие вопросы решать не люблю, — ответил я с неудовольствием. — Скользкие они какие-то.

— Ваше высочество?

— В любом случае, — сказал я, — нужно сообщить королю Вольфгангу. Это его послы! Во всяком случае, присланные к его двору. А я тут птичка перелетная, залетевшая переждать непогоду...

Он сказал неохотно:

— Они готовы встретиться с вами в любой обстановке и на любых ваших условиях.

— В каком смысле?

— Неофициально, — пояснил он, — а для этого не нужно никаких приготовлений.

— Это хорошо, — сказал я, — а то в такую погоду и делать нечего. Но сперва переговорите с королем Вольфгангом.

— Ваше высочество?

Я пояснил:

— Он здесь хозяин, а я только гость. И хотя как гость имею полное право общаться со всеми придворными и гостями, но послы... гм... даже в неофициальной обстановке работают на своих государей. Короче, шпионы.

Он сказал, помрачнев:

— Его величество король, конечно же, разрешит вам общаться с кем угодно, даже если вы за его спиной возжелаете устроить с послами заговор против его величества.

— Вольфганг благороден, — сказал я, — это я увидел сразу. А я стараюсь не подводить приятных мне людей.

Он зыркнул искоса, словно не уверенный, то ли услышал. Я и сам ощущил, что прозвучало двусмысленно, все-таки король и королева действуют заодно, и оба стараются сделать мое пребывание у них максимально приятным.

— Спасибо, ваше высочество, — проговорил он с сомнением, — это великое облегчение, что вы питаете дружеские чувства... гм... к нашему небольшому королевству.

— Зато такому уютному и теплому, — заверил я, спохватился, подумав, что можно истолковать иначе, — и такому открытому в своей доброжелательности!

Он коротко вздохнул, я прикусил язык, тут что ни брякни, обязательно поймут как намек на отношения с королевой.

— Я переговорю с послами, — пообещал он. — Ваше высочество...

— Сэр Радольф...

Вьюга за стенами ревет в такой злобе, что вот выйду — сожрет, и сразу все успокоится, засияет солнышко, и даже наступит весна. Я прислушался к этим бешеным броскам на замок, в самом деле можно поверить в снежных демонов, вернулся к кровати, рухнул на нее спиной и начал перебирать все, что успел узнать о Меции.

Как гласят древние рукописи, она долгое время была всего лишь княжеством. Но оно столетиями отстаивало свою независимость, затем приобрело статус имперского княжества бывшего тогда владетельного дома Шварцнеров, а потом в Темные Времена смут и междоусобиц объявило себя королевством.

У соседей дела были настолько плохи из-за постоянных войн, что никто даже не смотрел в сторону нового королевства, что раньше своим появлением могло бы кого-то задеть, как же, нарушен статус-кво, а потом как-то новые короли уже приняли Мецию как королевство, мирное и спокойное, где короли предпочитают

устраивать жизнь своих подданных, а не добиваться славы на поле брани.

По землям Меция почти такая же, как и у соседей, некоторым даже уступает по размерам, но по прикидкам ее населяют около трехсот тысяч человек, что намного больше, чем в любом королевстве, расположенным по соседству.

Около тридцати крупных городов, множество городков, сел и деревень, больше ста коммун ремесленников, что немалая сила, а у соседей, как успел узнать, вообще нет цеховых объединений...

Впрочем, я и сам заметил, что Меция чуточку по-развитее Сакранта, Пекланда и даже Бриттии, что расположены южнее и должны бы по логике быстрее развиваться, но, видимо, политика миролюбивых королей позволила ускорить процесс...

Комната разом озарилась багровым огнем, что заполнил, казалось, все от стены до стены. Я подпрыгнул, хватаясь за меч, испуганный и ослепленный, прыгнул вслепую и, прижавшись спиной к стене, изготовился драться.

Камин превратился, казалось, в гигантское жерло адской печи. Багровый огонь охватил все его пространство, а еще я услышал зловещий хруст углей и горящих дров...

Сильно согнувшись под низкой каминной полкой, вышел огромный человек, если это человек, а не статуя из перекаленного металла, где в глубоких глазницах бушует оранжевое пламя, а изо рта вырываются косматые языки огня.

Он и так выглядит несокрушимым, а тут еще на голову выше меня, шире в плечах, да еще весь из металла, как Сослан или Батрадз. Грудь его без всякой надобности, как мне показалось, закрывает металлический

круг, еще застывшие капли металла и потеки видны по всему телу, страшноватое зрелище...

Он остановился посреди комнаты, даже не стал осматриваться, так чувствуют и ведут себя очень уверенные в себе люди, сразу вперил в меня взгляд оранжевого огня из глазниц.

— Ты, — проревел он звучным голосом, в котором я ощущал сильный привкус феррума, — ты и есть тот?..

Я спросил настороженно:

— Кто «тот»?

— Который... который отправился в дальний путь... потому что так было велено?

Я ответил сдавленным голосом:

— Думаю, я не один такой. Все достойные люди чего-то ищут. А ты?

Он захохотал.

— Ищут? Все нашли и без нас. Наше дело — служить тому, кто сильнее.

— Хороший принцип, — согласился я. — Значит, ты готов служить мне?

Он захохотал еще громче, вскинул обе вытянутые руки кверху и картино раздвинул их в стороны на ширину почти вдвое, чем его исполинские плечи.

Я наблюдал настороженно, а он застыл на мгновение, между ладонями засверкала молния. Между ладонями заблистал, медленно проступая из воздуха, длинный меч.

— Ого, — сказал я, — так вот, оказывается, как надо?

Он сжал меч, а я поспешно отступил, выронил меч прямо на пол, тоже вскинул руки и отчаянно сосредоточился, умоляя всю свою суть не отвлекаться и выполнить мое требование доставить то, что представляю ярко и четко.

Он смотрел, как мне показалось, с холодным интересом, хотя от всего его тела идет жар. Я ощущал в

правой руке рифленую рукоять, а в левой — холодный клинок, радостно сжал эфес, сердце стучит часто и ли-
кующее.

— Ого, — прорычал гигант из металла. — Ты что...
тоже демон?

— Не твое дело, смертный, — ответил я зловеще.

— Вообще-то я не смертный, — рыкнул он гулко, —
хотя это неважно...

Я отступил, когда он шагнул в мою сторону, двига-
ется все так же неспешно, однако мне кажется, масса
везде диктует свои законы, такая тяжесть просто не мо-
жет быстрее, слоны всегда медлительнее белок, потому
я почти без страха смотрел на его огромный рост и об-
висающие под собственным весом широченные плечи.

Первый замах я просто пропустил мимо, как второй
и третий, а затем уже просто уворачивался и готовился
к удару.

Он даже не пытался защититься, мой стальной кли-
нок обрушился острием на плечо у шеи, лезвие должно
уйти наискось до середины груди, этого всегда доста-
точно, чтобы закончить схватку...

Меч подпрыгнул, словно я ударили по наковальне.
Я ощущал, что это в самом деле живая раскаленная на-
ковальня, к тому же точно не из сырого железа.

Он поморщился, я увидел глубокую зарубку, из ко-
торой потекла оранжевая струйка, но тут же застыла, а
рана зарубцевалась.

— Что за меч, — пробормотал он скрипуче, — меня
же ранить нельзя... простым мечом...

Я отступил еще, сказал зло:

— Ранить? Скоро я твою голову попинаю...

Он коротко хохотнул.

— А чего кривишься?.. Пальчикам больно? Еще не
то будет.

Я увернулся от лезвия его пылающего меча, лицо опалило жаром, крикнул зло:

— Но и тебе меня не одолеть!

— Почему?

— Я быстрее! И вообще могу убежать...

Он хохотнул громче.

— Ты?.. А как же гордость?.. К тому же могу гнаться за тобой всюду, меня ничто не остановит.

— Даже выюга? — крикнул я.

Он прорычал:

— А ты попробуй!

— А вдруг?

— Ослепнешь, — сказал он победно, — в ней ты, а не я... Смирись и умри.

Я спросил резко:

— Хочешь меня запугать?

— Ты уже запуган, — отрезал он.

Глава 6

Я продолжал отступать, увертываясь от взмахов его меча, одного удара достаточно, чтобы сплющить меня, и доспех Нимврода не поможет, а мой меч то и дело высекает искры о его тело, но часто там оставались глубокие щелочки, откуда выплескивается расплавленный металл, но, к сожалению, слишком быстро застывает.

А он, злясь и проклиная меня, все не мог ударить поточнее, однако я чувствовал, что уже устал, в конце концов он меня достанет.

— Вот теперь, — прорычал он люто, — я тебя не сразу убью... а сперва позабавлюсь!

Тяжело дыша, я упер меч острием в пол и, едва удерживая в груди выпрыгивающее сердце, сосредоточился,

представляя у себя на раскрытой ладони вещицу, украденную у горных эльфов.

Стальной гигант с ревом шагнул ко мне, я торопливо швырнул в него эту крохотную клетку размером с грецкий орех.

— Будь внутри!

Вокруг него вспыхнули призрачные линии, моментально отвердели. Я сам не поверил глазам, когда он ударился лбом, выронил меч и ухватился обеими руками за прутья.

Я отпрыгнул в испуге, но клетка даже не дрогнула. Он проревел в бешенстве:

— Это колдовство!

— А ты хотел на кулаках? — спросил я.

— Это чужое колдовство, — рыкнул он обвиняюще.

— Для дураков, — ответил я. — Мне вот известно...
ну почти, я же воин, а не...

Он подергал прутья, сказал люто:

— Ты не сможешь держать меня здесь вечно!

— Правда? — спросил я.

— Да!

Но в его голосе я не уловил уверенности и, воспрянув, сказал небрежно:

— Ничего, проверим. А клетку с тобой велю закопать поглубже в землю. Хоть ты и бессмертный, но просиши там в темноте до скончания мира.

Он сказал с беспокойством:

— Это нечестно!

— А ты со мной дрался честно?

— Да, — ответил он уверенно. — Вообще никакой магии!.. Хотя она у меня есть. Правда, на тебя почему-то не действует...

Он продолжал трясти прутья решетки, меч его лежит у ног, я торопливо поднял свой и торопливо упер дрожащей рукой острием ему в горло. Он дышит так

же часто и хрипло, у него еще и сипит с завыванием, словно часть бури, что за стенами дворца, переселилась ему в грудь, но не двигается, глаза следят за выражением моего лица.

— Ну, — сказал я, — что теперь?

Он проскрипел, словно две стальные плиты сдвинулись одна на другой:

— Я даже не берусь гадать... кто ты...

— Я тот, — сообщил я, — кто поверг тебя, такого хвастливого.

Он сказал сипло:

— Да. Я признаю тебя сильнейшим.

— Ты сказал, — напомнил я, — подчинишься сильнейшему?

Он сказал тяжело и неохотно:

— Если примешь мою клятву верности... я всегда буду с тобой. Или буду являться на твой зов, стоит тебе только назвать мое имя. И служить тебе. Мы всегда служим тому, кто сильнее нас.

— Правильный принцип, — похвалил я. — В мире должны быть порядок и субординация. Итак?

— Клетка давит, — сказал он. — Я не могу преклонить колено.

— Я не гордый, — сообщил я. — Можешь произнести стоя. Только с чувством и выражением.

Он дернулся, посмотрел на меня дикими глазами. Я тоже вздрогнул, широкое лицо, покрытое окалиной горячего металла, вроде бы уменьшается в размерах, огненные провалы глаз стали точно мельче, как и пылающий рот.

Но клетка все так же плотно сжимает его тело, заставляя уменьшаться, уменьшаться...

Он вскрикнул:

— Ты что делаешь?

— Да так, — ответил я, стараясь не показать, что для меня это тоже новинка. — Не заказывать же телегу... или сани. А когда станешь совсем карманным, вот в кармане и понесу.

— Ты не должен так поступать со мной, — вскрикнул он.

— Почему?

— Ты же демон, — сказал он обвиняюще.

— Ну да, — пробормотал я, — двуногая птица-демон без перьев... И что?

— Нас так мало осталось!

— Но ты же бессмертный?

— Пока не убьют, — ответил он уже совсем тонким голосом. — От старости не умру, а убить меня... можно.

Клетка уменьшается в размерах, уменьшая и его, вот уже ниже меня ростом, вот уже мне по грудь...

— Останови, — сказал он отчаянно.

— Зачем? — спросил я. — Так смешнее.

Когда клетка сжала его до размеров суслика, я сел в кресло и наклонился вперед, с сильно бьющимся сердцем всматриваясь в процесс трансформации.

— Это позор, — прокричал он тонким голоском, — лучше убей!

— Подумаю, — пообещал я. — Разве это не ты сказал, что не убьешь сразу, а сперва позабавишься?

Он пропищал:

— Я же тогда не знал, что ты... свой!

— Ах, — сказал я, — так уж совсем и свой?

— Клянусь, — пискнул он, — если бы я знал, что ты этот, двуногий и без перьев демон, я бы...

— Врешь, — сказал я, — хотя, может, и не врешь. Кто нас демонов, знает... Все мы демоны, жизнь такая. Ладно, не пиши, я как бы подумаю.

Он пискнул едва слышно:

— Ты что, не видишь, кем я стал?

Я взял клетку в обе ладони, он в ней уже размером с мышь, но прутья все так же сжимают его немилосердно со всех сторон.

— Пропорции соблюdenы, — определил я. — А могло бы, наверное... гм... в общем, пока посиди, я что-нибудь придумаю.

— Выпусти!

— Могу попробовать, — сказал я, — но тогда останешься навеки таким вот... не совсем гигантом.

Клетка уменьшилась до размера ореха. Я с трудом рассмотрел по ту сторону прутьев крохотное темное тельце, уже давно без искорок из глаз и рта.

— Какой-то ты совсем не страшный, — определил я.

— Злорадствовать нехорошо, — сказал он печально. — Особенно при такой... разнице.

— Совсем недавно разница была обратная, — напомнил я. — Ну, почти.

Он угрюмо замолчал. Я попробовал поддеть ногтем дверцу, потом понял, что это не дверца, а ее вроде бы вовсе нет, прутья со всех сторон, даже сверху и снизу.

— Заклинание, — пропищал он едва слышно. — Скажи заклинание!

— Да вот из головы вылетело, — сообщил я. — Это ты меня по ней так ударил!.. А ты не помнишь?

— Я эту штуку впервые вижу!

— Будем искать, — пообещал я. — Не спеша. С перерывами на обед и прочие подобные вредные излишества. Или думаешь, что я все брошу и буду заниматься твоим освобождением? Без которого я просто жить не смогу?

Он сказал отчаянно:

— Я даю тебе самые страшные клятвы, что отныне и навеки останусь твоим слугой и твоим воином!.. Только

выпусти! Это нерушимые клятвы!.. Проклятие всего моего рода падет на меня, если нарушу...»

Дверь с треском распахнулась, ворвались пятеро стражей с оголенными мечами и копьями в руках.

Не вставая из кресла, я посмотрел в великом изумлении.

— Что случилось?

Старший вскрикнул:

— Мы услышали шум схватки по эту сторону двери, но открыть ее было невозможно!

Второй добавил быстро:

— И выбить нельзя было, как будто в стену из железа стучали!

— Запах, — сказал третий, он повел носом, все стали прислушиваться и принюхиваться. — Слышите, запах огня и серы?.. Здесь был кто-то из ада.

Старший осмотрел комнату, повернулся ко мне, взгляд его был очень внимательный.

— О вас говорят многое, ваше высочество. Если хотя бы половина правда, то кто бы ни явился из ада, вы его уже отправили обратно. Простите за беспокойство. Жигун, Керда, Митель, поставьте стол и стулья на место!

Стражники притащили от противоположной стены стол, собрали стулья и кресла, поклонились и вышли. Сердце мое продолжало колотиться, я все так же держу в ладонях крохотную клетку, защищая ее даже от красноватых бликов свечей.

— Я посоветуюсь с магами, — сказал я шепотом. — А ты точно принес великую клятву покорности?

Донесся едва слышный, почти комариный писк:

— Да!.. Могу повторить!

— Потом, — сказал я. — А пока поспи, исследуй новые физические законы полумикромира.

У короля то ли совсем невелик штат приближенных работников, то ли здесь полагают, что если граф Байлинген уже установил со мной контакт, то пусть и продолжает представлять интересы королевства, а то другие вдруг да испортят, этот принц-завоеватель вроде бы капризен.

Во всяком случае, кланяются все, но только сенешаль приблизился ко мне в зале, когда я ходил от окна к окну и пытался увидеть признаки, что буря скоро закончится.

Я оглянулся, он склонился в почтительном поклоне.

— Граф? — сказал я.

Он ответил, не поднимая головы:

— Ваше высочество...

— Вы что-то смотритесь встревоженным, — заметил я. — Что-то случилось?.. Выпейте, согрейтесь.

Он с опаской посмотрел на темно-красное вино густого насыщенного цвета, тончайших стенок из стекла абсолютно не видно, напиток как будто сам по себе держит такую форму, осторожно взял за длинную ножку, потому что ее только и видно, к тому же она достаточно толстая, не рассыпается в пальцах.

— Вы очень щедры, ваше высочество...

— Бросьте, — ответил я легко, — это не такая уж и роскошь.

— Большая, — заверил он. — Да вы и сами знаете...

Я создал и себе такой же фужер, только наполнил виноградным соком, таким же темно-красным, источающим зовущий запах, отхлебнул, глядя в окно.

— Какая жуть... Проживите три месяца зимы, а четвертый получите в подарок...

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— Да это у нас так шутят. Колдуны, конечно, кто же еще способен на такое?.. А вы что такой мрачный? На-

сколько я понял, положение королевства стабильное, финансы растут, народ доволен...

Он сделал осторожный глоток, я ожидал восторгов, однако он сказал грустно:

— Ваше высочество, к сожалению, богатства нашего королевства стали слишком большой приманкой для соседей.

— Насколько серьезно?

— Очень, — произнес он, уронив взгляд. — Там на тронах великие короли...

Он сделал паузу, подбирав определение, я сказал с пониманием:

— А здесь король не великий, верно?

— Ваше высочество, — промямлил он встревоженно.

— Потому, — закончил я, — воевать не любит, а занят лишь тем, чтобы не мешать людям жить. А еще следит за соблюдением законов.

Он поклонился, взглянул на меня с осторожностью, еще не поняв, похвала в моих словах или осуждение, все-таки обо мне идет грозная слава, как о весьма воинственном и кровожадном правителе, потому я должен уважать больше тех, кто с мечом в руках раздвигает пределы своих королевств.

— Увы, ваше высочество, вы прямо в сердце...

— А как удается избегать вторжений? — поинтересовался я. — Да вы пейте, у меня еще есть некоторые запасы.

Он послушно сделал еще глоток, уже побольше, но ответил с прежней осторожностью и почти опаской:

— Его Величество хорошо понимает суть побуждений... а также характеры соседей, потому ему удается, как бы это сказать...

— Манипулировать?

Он поморщился.

— Не совсем, но влиять на их решения. А когда королей трое, а кроме того в их землях немало могучих лордов с амбициями, то удается путем умелой дипломатии...

— Прекрасно, — одобрил я. — Самое простое и верное — это когда в тылу противника, собравшего огромную армию и намеревающегося идти войной, всыхивает мятеж, и кто-то предъявляет права на трон по праву древности рода.

Он поклонился с осторожностью, сделал еще глоток и прямо посмотрел мне в глаза.

— Есть и другие способы, ваше высочество... Я счастлив, что вы это понимаете и даже вроде бы одобряете.

— Не только потому, — заверил я, — что считаю короля Вольфганга своим личным другом. Такая политика мне нравится больше, чем завоевательская. Я сам предпочел бы таких соседей, что не истощают страну налогами, чтобы собрать несметную армию и с ее помощью разорить соседа.

Он тяжело вздохнул.

— Ваше высочество, вы говорите мудро.

— Спасибо.

Он вздохнул еще тяжелее.

— К сожалению, на сегодня все средства подобной защиты исчерпаны. В королевствах Аганд, Сизия и Эстия сейчас договариваются о ненападении. Уже подготовлен пакт...

— Настораживает? — спросил я.

— Еще бы, — ответил он. — Нехорошо, когда люди воюют и убивают друг друга, но лучше пусть убивают один другого соседи, чем нападают на нас.

— Разумно, — сказал я, поправился: — Нет, просто резонно. Кого опасаетесь больше всех?

— Любое королевство из трех равно нашему по землям, — ответил он, — хотя у нас людей побольше, однако у нас самая крохотная армия. Во всяком случае, мы сможем воевать с одним соседом, но не с двумя.

Я сказал мрачно:

— Понятно. Сожалею, что ничем не могу помочь.

Моя армия... очень далеко.

Он пробормотал:

— Вы уже помогли... своим появлением.

— Боюсь, — сказал я трезво, — этого будет мало.

Ваши враги тоже понимают, мои армии слишком далеко. И, конечно, моя армия сюда не придет, это тоже все понимают трезво.

— Понимают, — сказал он горько. — У них есть еще один важный повод, чтобы вторгнуться к нам... В землях нашего королевства есть Гора Света, а к ней слишком многие хотят добраться. Король Вольфганг Мудрый, это прадед нашего короля Вольфганга, запретил туда подниматься, чтобы не терять лучших воинов, но в соседних странах уверены, что там великое сокровище, которым не хотим делиться.

Я подумал, спросил с подозрением:

— А почему ни король Вольфганг, ни королева даже не помянули мне про эту Гору Света? Времени для бесед было достаточно.

Он пожал плечами.

— Могу только предположить. Его величество не желает вашей гибели, ваше высочество. Как и королева... Зная ваш нрав, можно почти с уверенностью сказать, что вам восхочется взглянуть на такое чудо.

— Это мой прошлый нрав, — сообщил я мрачно.

— Ваше высочество?

— Взрослею, — пояснил я, — превращаюсь в политика, перестаю метаться с мечом в руке в поисках подвигов. Я уже не слэшэрник, а стратег! В смысле, других

посылаю во все стороны копать, рубить, рисковать головами.

Он проговорил с запинкой и непонятным выражением:

— Так это же... хорошо?

— Надеюсь, — согласился я. — Так что Гора Света меня не интересует. Вовсе. И начисто. Как индивидуальность. Мою неповторимую индивидуальность.

— Это хорошо, — сказал он, — это хорошо...

Я всмотрелся в его лицо, слишком спокойное, чтобы быть спокойным.

— А где эта гора?

Он вздохнул.

— Слишком близко. В двадцати милях от столицы да еще с той стороны, где империя Вильгельма. Если бы близ северных границ, король закрыл бы глаза на проникновение отрядов всяких искателей сокровищ со стороны Сизии или арендских отрядов... А так — увы...

Я сказал зло:

— А если удалось бы забрать то, что там спрятано? Или как-то погасить тот свет?

Он развел руками, но в голосе прозвучала слабая надежда:

— Возможно, у завоевателей было бы меньше повода для вторжения. Полагаете, сможете?.. Впрочем, я тоже думаю, что все это легенды... Я имею в виду слухи, что катятся за вами.

Я окинул его недобрыйм взглядом. До этого не было такой и мысли, мне надо в Храм Истины, а то уже и сам начал забывать, что я паладин, воин Всевышнего. Мне уж точно не до всяких там Запретных Мест, сам же отмечал их на карте, чтобы не вляпаться с разгону, а обходить осторожно и по широкой дуге...

— Что я смогу, — ответил я тяжело, — еще и сам не знаю, ибо Господь не поставил предела человеческой

дерзости и его возможностям. Полагаю, это входит в его Великий План... границы которого может знать только он сам, если того как бы захочет. А может, и не хочет, так ему интереснее.

Он сказал смиренно:

— Да-да, ваше высочество. Вы подождете, когда стихнет буря... или же выедете немедля, как и подобает герою?

Я взглянул на него в упор и заставил съежиться под тяжестью взора.

— Вам так не терпится от меня избавиться?

Он смешался, поелозил взглядом по полу, затем с великим трудом оторвал его, там даже чмокнуло, взглянул на меня снизу вверх трусливо и просяще.

— Ваше высочество... Мы на краю гибели, а вы для нас — последняя надежда, словно Господь услышал наши молитвы и послал вас, откликнувшись на наши слезы!.. Я понимаю, это бессовестно, но для вас это всего лишь маленько неудобство, совсем мелкое, а для нас — спасение! Вот потому я так, не ставя в известность короля и королеву, действую даже вопреки их воле и желаниям...

— Вопреки?

Он грустно уронил голову.

— Король Вольфганг... рыцарственен и великодушен. Он скорее сам примет смерть, чем пошлет на нее другого. Тем более гостя!.. Узнай он, куда я вас подбиваю съездить, он бы меня вообще из королевства!.. Хотя, возможно, это меня ждет в любом случае... Однако ради Мечии, Его Величества и королевы... я готов и не на такие жертвы!

Я обернулся к окну. В белом бешенстве, если приглядеться, можно рассмотреть быстро мелькающие морды снежных демонов, жуткие, ужасающие в своей ярости, а еще распахнутые челюсти горных драконов,

капюшоны Призрачных Рыцарей и вообще все, что насоздает человеческая фантазия, особенно богатая в такие вот моменты, в попытке заставить нас сидеть в уютном кресле поближе к горящим в камине дровам.

— Но гору, — спросил я, делая последнюю попытку остаться, — в такую бурю не отыскать!

— Она совсем близко, — заверил он, — всего двадцать миль по прямой от стены города! Но ощутить можно еще раньше, там земля начнет повышаться. Увидите тоже издали, там ночью поднимется яркий луч света... от вершины горы и прямо в небо!.. Вы проедете не больше десяти миль вон туда... а там сможете его увидеть... наверное, сможете.

С той стороны, куда он показал, такая же белая тьма, как и везде, только бешенства в ней как будто еще больше, а снежные демоны так и бросаются в дикой злобе на стены, стараясь сокрушить созданное руками человека.

— Что-то не хочется, — сказал я наконец, — знаете ли, советник, я ценю то мужество, которое вы проявили во имя своего короля, а также интересов страны! Правда, ценю.

Он сказал понуро:

— Спасибо...

— Однако, — добавил я, — мне пришлось почти полностью завязать с этими одиночными подвигами, что ничего не дают, кроме как тешат самолюбие. Как вы понимаете, ничто не даст освобожденья, ни царь, ни бог и не герой, добьемся мы процветания своею собственной рукой... гм, лучше все-таки головой, даже головами.

Он печально сопел за спиной, все понимая, старый и мудрый, а я продолжал всматриваться в белую тьму. На миг показалась и пропала некая туго натянутая между небом и землей ниточка, не белая, а серебряная...

Показалась и тут же пропала, но я вздрогнул, сосредоточился и продолжал с напряжением всматриваться, и она появилась снова, блестящая, тоненькая, яркая.

— С другой стороны, — проговорил я, чувствуя, как начинает бухать, набирая скорость, сердце, — как уже сказал, почти завязал, но не совсем...

— Ваше высочество?

Я проговорил медленно, не отрывая взгляда от ясно различимого луча света:

— Такие переходы нужно делать постепенно, медленно привыкая, чтобы снова не сорваться в эту сладкую наркоту единоличных подвигов, хвастовства и мелких целей...

Он повторил за моей спиной со страхом и надеждой:

— Ваше высочество?

Я ответил, не оборачиваясь:

— Съезжу, пожалуй... Интересно, почему энергия тратится так бесцельно. Или не бесцельно?

Он зашел сбоку, всмотрелся в мое лицо. В глазах метнулся страх, спросил шепотом:

— Вы смотрите именно в ту сторону... Ваше высочество, неужто вы что-то видите...

— А что, — ответил я независимо, — кто-то не видит? Да вы все отворачиваетесь! То-то все какие-то кричали...

Он прошептал:

— Невероятно...

— Так буря вроде бы стихает, — ответил я.

Он покачал головой.

— Дело не в буре. Остальные могут видеть только глубокой ночью, и то когда нет туч! Да и то не все.

— Да, — согласился я, — в блеске солнца рассмотреть трудно. Хорошо, я быстренько съезжу туда, посмотрю.

— Ваше высочество?

— Если буря утихнет, — пояснил я, — сразу же попрощалось, у меня все-таки дела... э-э... охотничьи. А если нет... вернусь, проведу еще ночь в вашем гостеприимном королевстве.

В его глазах мелькнуло замешательство, уже заметил, что я достаточно точно подбираю слова, и если сказал не «во дворце» или «столице», а «королевстве», то это значит, что, возможно, к ночи буду за его пределами, что вообще-то вообразить трудно, королевство тянется на север на две сотни миль.

— Ваше высочество, — проговорил он с запинкой, — все будет... как вы изволите.

— Вашими бы устами, — буркнул я.

Вообще-то сам понимаю, что меня поймали на слабо, но на самом деле самого сжигает нетерпение, должен сейчас стучать в ворота Храма, а я тут от ветерка прячусь, надо хоть что-то делать, куда-то бежать, что-то тащить, ломать, строить...

Глава 7

Бобик растянулся на боку во всю длину медвежьей шкуры на полу, но моментально вскочил так, что все четыре лапы оказались на полфута в воздухе, а во взгляде читалось: как, без меня?

— Не хотелось тебя тревожить, — объяснил я, — ты вон какой толстый.

Он посмотрел с обидой, постарался выгнуть шею и взглянуть на себя, но не получилось, шея как у волка, отказывается вести себя несерьезно.

Сам ты толстый, ответил он взглядом, подбежал к двери и оглянулся, идем или снова заснешь на ходу?

Слуги принесли настолько тяжелую шубу, что я едва поднялся в седло. Они все, укрывая лицо руками от

порывов сильного ветра, смотрели с крыльца, как мы прыгнули в бурю и тут же пропали в ней, словно провалились в глубокую снежную яму.

Зайчик ломится прямо к цели, я указал на светящийся луч, арбогастр вроде бы понял, во всяком случае прет, как носорог, а я, пригнувшись и прячась под пологом роскошной гривы, напряженно всматривался в просветы.

Граф Байхлинген не соврал, место прямое и ровное, буре хорошо разгуляться, зато и нам не пришлось обходить пропасти или горы, после недолгой озверелой скачки впереди выросла эта самая, как я понимаю, гора Света.

Не скажу, что в ней что-то особенное, но странная смесь древности с молодостью, словно среди Уральских гор вдруг фрагменты Гималаев: каменная стена впереди блестает свежими сколами, но в то же время множество щелей, забитых снегом, каверн, разломов, что характерно для самых первых гор.

Бобик гавкнул и, подбежав к одной из нор, принюхался, оглянулся на меня.

Я крикнул, перекрывая ветер:

— Что-то есть?

Он мотнул головой, дескать, шутка, перебежал к другой расщелине, широкой, куда можно поместить целый сарай. Я насторожился, повел по сторонам взглядом, опасности еще не чувствую, но где-то совсем близко нечто живое. Причем весьма крупное.

Гора очень древняя, что значит в трещинах, выступах скатившиеся камни образовали неприятный широкий пояс, через который уже не проехать, а перебираться нужно долго и мучительно.

Трещин много и внизу, чувствуется, что некоторые используются зверем как норы, но вот из той тепло идет довольно отчетливо. Нет, снег там не пожелтел,

как над берлогой медведя, но это значит только, что живое там залегло не на всю зиму. А может, и на всю, но недавно.

— Бобик, — сказал я, — держись сзади. Зайчик, я тебя оставлю пока под защитой этой стены, здесь не дует... В смысле, ты ее должен защищать, чтобы с ней ничего не случилось.

Арбогастр фыркнул, не одобряя мои примитивные шуточки, а я, обнажив меч, пошел по колено в снегу к расщелине. Дальше намело красивым крутым гребнем так, что остается только небольшая щель под самым сводом.

Бобик рвался ринуться вперед и разбросать весь снег, я придержал, сам пробился через нанесенную ветром стену, а когда проломился, охнул, оказавшись в пещере, где у противоположной стены горит костер, а вокруг сидят на камнях четверо мужчин в неопрятных и лохматых шубах мехом наружу.

Все четверо испуганно и одновременно враждебно уставились на меня. Крупный мужик, весь в бороде от самых глаз, прорычал зло:

— Теперь буря нанесет снег и сюда!

— Сейчас вход снова завалит, — сказал я успокаивающе. — Вы здесь случайно?

— А ты кто, чтобы задавать вопросы?

— Да так, — ответил я, — поддерживаю разговор.

Он посмотрел на соратников, те начали приподниматься с мест, сказал угрюмо:

— Раз тебя не звали, то давай проваливай.

— Это грубо, — ответил я. — И как бы не совсем хорошо. Вы ведь христиане?

Он прорычал свирепо:

— Напрашиваясь?

— А что плохого быть христианином? — спросил я.

— Напрашиваясь, — сказал он уверенно и начал подниматься, сверля меня ненавидящим взглядом.

Делал он это настолько демонстративно, что я почти и не смотрел на него, ожидая прыжка справа и слева. Но там даже не бросились, а двинулись на меня, как только-только научившиеся ходить двуногие шимпанзе.

Всем троим хватило по тычку, разлетелись в стороны, сползли по стенкам пещеры. Один стонал и пытался подняться на дрожащих руках, второй прикинулся мертвым.

Я взглянул в упор на их старшего.

— А тебя я просто убью.

Он выставил перед собой ладони, сказал успокаивающе:

— Погоди!.. Ты такой же, как и мы, только сильнее. Ты явился один, прямо в бурю, а мы пришли еще до нее. Мы признаем тебя...

Я сказалsarкастически:

— Ах, как для меня это важно.

— Не слишком, — согласился он, — но сейчас ни одна пара рук не бывает лишней.

— Согласен, — сказал я, — но держитесь тихо. Если что заподозрю...

Он покачал головой.

— Мы не убийцы, господин. Мы искатели сокровищ. В морду дать — одно, убить — другое...

Он настороженно смотрел, как я сел у огня. Остальные трое лежали без движения, пока я грел руки у огня, Бобик тоже подошел ближе и лег, следя за ними страшными багровыми глазами.

— И что, — сказал я, — это за гора? Рассказывайте с самого начала. И все, что знаете. Я прибыл издалека, про эту гору услышал сегодня.

Вожак сказал после некоторого колебания:

— Вы герой, сэр. Никто в здравом уме не попрет через такую бурю. Это мои друзья: Джек, Ганс и Фриц, а я барон Одвин Штайнфурт... да-да, вижу ваше недоверие, но что делать, судьба обошлась со мной жестоко. Я потерял все, кроме чести, да и та стала немножко... пыльной. Про эту гору есть еще в древних легендах...

Его друзья слушали внимательно, я поглядывал на них и барона, почти такого же бродягу, как и они; но правильная речь и некоторые повадки, что так и не выветрились, все еще выдают благородное происхождение, хотя в конце концов и он станет неотличим от тысяч других бродяг.

Ничего нового он и не сказал, хотя слов было много, но все лишь пересказы более древних, а также множества баек насчет невиданных кладов и чудодейственных амулетов.

Я прислушался к буре, Бобик тут же поднял голову, дескать, пойдем дальше?

— Дальше можно только поверху? — сказал я.

— Поверху безопаснее, — сказал барон в лохмотьях, — но сейчас ветер сорвет, как лист с дерева, и забросит в соседнее королевство.

— В соседнее мне пока рано, — сказал я. — А что за щель вот там дальше?

Он оглянулся, вздохнул.

— Кто знает...

Я поднялся.

— Как хотите, а я посмотрю. Бобик, пойдешь?

Бобик вскочил и было сунулся в ту сторону. Я прикрикнул, он послушно остановился. В противоположной стене довольно просторная щель, не туннель, а именно щель, ибо земля от старости разбухает, в ней образовываются каверны и пещеры все крупнее и крупнее, иногда тянутся не на мили, а на сотни миль, и зна-

менитая Мамонтова пещера, длина которой пятьсот миль, далеко не самая огромная...

Я подумал, что и эта гора похожа на гнилые внутренности исполинского дерева: дупла и каверны переходят из одного в другое, только здесь камень, но тоже какой-то трухлявый, хотя как может камень быть трухлявым, однако впечатление именно такое. Впрочем, если есть старение металлов, то должно быть и старение камня.

Я шел достаточно быстро, запустив впереди крохотный шарик света. В полной тьме не видят даже совы, мне тоже требуется свет, хотя бы ничтожную капельку, которую другие и не заметят, либо надо переходить на тепловое зрение, в котором точно так же буду натыкаться на стены, потому что в эхолокации все никогда поупражняться, а само собой ничего не приходит...

Далеко за спиной послышались крики, потом топот ног. Бобик оглянулся и зарычал.

— Сэр! — донесся крик. — Мы с вами!

Второй голос добавил льстиво:

— Если вы рискуете, то нам и сам бог велел!

— Мы с вами, — подтвердили остальные двое в один голос.

Впереди камни стали другими, с резкими сколами, угольно-черными, и не блестят, что несколько непривычно.

Стена, глухая и монолитная, полностью перекрывшая дорогу, чего, как я понимаю, быть просто не может. Я шагнул было прямо, вдруг да иллюзия, но сильно ударился, зашипел от стыда и злости на себя, сосредоточился и попытался войти в камень.

Давно не упражнялся, однако получилось удивительно легко, словно шагнул в плотный вязкий туман. Во все стороны ударили яркий свет, или это в моей голове, потому что ничего, кроме слепящего света.

В лицо пахнуло жарким воздухом, свет исчез, я ощущал, как выдвигаюсь из стены, раскрыл глаза шире, оказавшись в огромной пещере, заполненной удивительно круглыми камнями в высоту человеческого роста.

Обернувшись, пошарил по стене, пальцы натыкались на выступы, явно вырезанные не ветром и водами, наконец один вроде бы подался, я нажал сильнее.

Стена недовольно загрохотала, разломилась надвое и пошла в стороны. Бобик радостно ринулся ко мне, а барон Штайнфурт и его люди все еще стоят на прежнем месте с обалдело-потерянным видом и опущенными руками.

— Вас приглашать с поклоном? — спросил я. — Давайте быстрее!

Одно время щель подозрительно напоминала хорошо отесанный туннель, я удвоил осторожность, но Ганс, выказывая отвагу, беспечно сунулся вперед, выставив перед собой короткий меч, похожий на оружие римских легионеров.

— Барон, — сказал недовольно, — скажите своему, чтобы не геройствовал... Пусть берет пример с моей собаки.

Барон раскрыл рот для грозного оклика, а под ногами Ганса разом исчезла ровно вырезанная плита. Он ухнул вниз, даже не успев понять, что стряслось, мышление у этих существ замедленное, и только из глубины донесся слабый вопль.

— Все, — сказал я, — отбегался. А вы идите за мной, как волки!..

Дважды повторять не пришлось, в самом деле пошли след в след, устрашенные настолько, что чихни я сейчас, хотя бы у одного будет разрыв сердца.

Дальше пол засыпан крупными чешуйками деревьев, словно много лет роняли их здесь, но по сторонам только отвесные стены с острыми выступами, иногда с

наплывами, словно их нещадно плавил неистовый жар, но рядом острые грани свежих кристаллов, рожденных совсем недавно...

— Господи, — прошептал барон, — откуда это все?
 — Птицы принесли, — предположил Джек.
 — Что за птицы, что носят дерево?
 — Клюют, — пробормотал я. — Даже долбят. Я сам иногда бываю такой птицей... А вот и кости, так что с птицами все в порядке. Нормальные птицы. Только крупноватые...

Под стеной белеет человеческий череп с пробитой височной костью, кости разбросаны в красивом беспорядке, даже разложены, а когда встретили еще два скелета, я понял, что умирали в красивых позах, стремясь впечатлить тех, кто придет позже.

За моей спиной вскрикивают, под ногами хрустит, только Бобик идет спокойно, ибо собака всегда беззатратно верит в своего хозяина, он все сумеет, всех победит, а потом врага потреплем и вернемся с победой.

— Не люблю таких птиц, — пробормотал барон.
 — Никаких?
 — Синичек люблю, — огрызнулся он. — У меня были... в детстве.

— А ворон?
 — Ворон ненавижу, — ответил он. — Вороны в нашей деревне на овец нападали. А ягнят вообще уносили... Да, бывают и такие вороны!

Ход повернул налево, шарик света впереди вспыхнул ярче, замигал и погас. В темноте послышались испуганные охи и твердый голос барона, призывающий быть мужчинами и зажечь припасенные факелы.

— Пока не надо, — ответил я и, сотворив шарик света, послал его вперед. — Обойдемся допотопными средствами.

— Говорят же, — пробормотал он, — в старину все было лучше.

— И снег белее, — согласился я, — и бабы толще... Здесь все проходим вдоль стены!.. На середину не выходит.

Джек сказал с готовностью:

— Как скажете, сэр!..

— Так и скажу, — пробурчал я. — Приходится вас беречь, это я как лорд говорю, что обязан защищать народ, но, с другой стороны, как искателю сокровищ... вы все соперники! Вот такова извечная дуальность и амбивалентность души человеческой...

Фриц то ли заслушался, то ли надоело идти, щупая стену, пошел было красиво и уверенно. Мы не успели прикрикнуть, как прямо из стены вылетело копье, ударило с такой силой, что пришилило его к стене, как гусеницу.

Он хрюпал и дергал всеми конечностями. Барон горестно вскрикнул, я сказал утешающе:

— А чего остальных жалеть? Они только для того, чтобы подчеркнуть, насколько труден путь. Вообще-то погибнуть должны все.... Кроме меня, конечно.

Он дернулся, спросил хриплым голосом:

— Почему все?

— Таковы законы, — ответил я.

— Законы колдовства?

— Эстетики, — пояснил я. — Равновесия, красоты...

Впрочем, если бы с нами была женщина, обязательно молодая и красивая, то уцелела бы и она, а в финале сказала бы, что завязывает со своим преступным прошлым и хочет нарожать от меня много детей.

Он слушал обалдело, а я говорил рассеянно, всматривался в знаки на стенах, мимо которых идем, некоторые оставляя без внимания, другие щупал, и они то зажигались огоньками, то меняли форму, то провали-

вались в камень, оставляя поверхность чистой, что мне напомнило нечто, хотя и смутно.

— Вы умеете говорить приятные вещи, — проворчал он зло.

— Не бойтесь, — утешил я. — Барон, вы погибнете еще не скоро.

Он спросил с надеждой:

— Откуда видно?

— Еще не дошли до лucha, — объяснил я. — А с кем буду вести диалоги, блистать остроумием и гордыми речами, исполненными мужества и отваги?.. Это непозволительно.

— Кем?

Я молча указал наверх, Бобик впереди оглянулся, тоже посмотрел наверх, но впереди проход превратился в зал, и Адский Пес ринулся туда широкими прыжками.

— Стоять! — заорал я.

Он замер на месте. Я похлопал ладонью по голенищу, Бобик неохотно вернулся. Впереди открылся ярко освещенный зал, в центре некий постамент, словно для конной статуи, из середины бьет вверх ярчайший луч, прямой и радостный, но с такой ощущимой силой, что ему не только свод пещеры не помеха, но и ничто во вселенной...

— Это опасно, — сказал я. — Это нужно остановить. Наш долг перед человечеством, если говорить высоко и красиво.

Барон пробормотал:

— А если без долга?

Я оглянулся, он застыл на месте с последним оставшимся соратником, оба до предела напряженные, готовые сорваться в любой момент.

— Без долга никак, — объяснил я. — Только родился — уже должен! Родителям, Отечеству, церкви... Это как грех. Родился — уже грешен. Не знали?.. Что вы за христиане...

Я двинулся вдоль стены, напрямик пойдет только дикарь, а когда прошел по кругу половину зала, увидел под ногами светящуюся дорогу, что ведет к постаменту.

Барон тоже увидел, подобрался, лицо приняло хищное выражение.

— Ну вот, — сказал я, — оно и есть... Давайте, барон!

Он повернул ко мне голову.

— Что?

— То, — сказал я, — с чем вы сюда топали. Неужто с одной картой?

Он помялся, посопел, бережно вытащил из-за пазухи туго свернутый платок, долго развязывал узел. Мы с Джеком молча ждали, наконец на свет появился тускло поблескивающий квадратик из старой меди.

Лохматый соратник ахнул:

— Ключ?

— Он, — гордо ответил барон.

— Ключ Великого Арбертьента?

— Пять лет с собой ношу, — ответил барон.

Под нашими взглядами он пошел по светящейся дорожке к постаменту, там в верхней части выступает орнамент в виде сложно переплетенных листьев. Барон остановился, я ожидал, что приложит этот ключ вон там в центре, даже отсюда видно слегка вдавленный квадратик точно такой же формы, только каменный, однако он остановился и забормотал молитву, как мне показалось, вообще дохристианскую.

Его лохматый напарник сопел, кряхтел, изнывал, наконец забежал сбоку и сказал горячечным шепотом:

— Торопись!.. Мало ли что появится!.. Здесь опасно!

Камень под его ногами стал серебряного цвета.

Я крикнул:

— Джек, уходи оттуда!

Джек тупо посмотрел вниз, от ступней по его телу вверх стремительно побежали серебристые струи. Че-

рез несколько секунд он превратился то ли в лед, то ли в полупрозрачное серебро.

Барон протянул к нему руку, я резко схватил его за кисть и сжал.

— С ума сошли, сэр Одвин?

Он прошептал:

— Мы с ним последние пять лет...

— Соболезную, — ответил я сухо. — А сейчас добромотывайте и прикладывайте. Если не рванет, то... не рванет.

Он сказал несчастным голосом:

— Да-да, конечно... но такая нелепая гибель...

Я пожал плечами.

— Законы...

— Какие?

— Барон, вы недостаточный эстет, — пояснил я хмуро, — чтобы оценить все тонкости и как бы оттенки. Ну, приложили? И что?.. Так еще три таких же... Впервые вижу, когда один ключ открывает четыре стороны сундука... Обычно все наоборот, а вам дико повезло.

Вздрагивая и постоянно оглядываясь, он пошел следом так близко, что почти наступал мне на пятки, а я двигался, как и положено, прямой и красивый, с выдвинутой вперед челюстью, правда, только нижней, переднюю пока что еще не научился, а когда сумею, все вообще охнут. Особенно дамы.

Когда осталась последняя выемка, он остановился, прошептал:

— Сердце колотится так, что в глазах темно...

— Не подташнивает? — спросил я с беспокойством.

— Пока еще нет...

— Тогда не беременны, — решил я. — Мужайтесь, барон.

— Неужели, — прошептал он, — я наконец-то добрался...

— Давайте, барон, — сказал я, — торопитесь. Это сейчас повезло, а потом получите новую загадку! И снова пойдете, пойдете, пойдете...

Он воскликнул с недоверием:

— Сэр... откуда вы это знаете?

Я буркнул:

— Меня уже тошнит от этих подземелий с загадками. Везде одно и то же, ну никакой фантазии, никакой выдумки, никакого изящества... Был бы я злым колдуном, я бы такого наворотил!.. Здесь и вообще. Говорят же, зло примитивно... теперь вижу. Это развитая демократия устроила бы здесь такие ловушки, что кровь текла бы до самого моря, и никто бы ни за что не разгадал, что их убивает... Давайте эту штуку сюда!

Глава 8

Он от неожиданности разжал пальцы, я поднес этот странный ключ к углублению. В самом деле почти точно соответствует этой штуке, примерился, и вдруг его с силой потянуло из моих цепких пальцев.

Я попытался удержать, уперся одной рукой в камень, однако пальцы разжались сами по себе, не в силах противостоять. Обломок впечатался в углубление, очень точно закрыл так, что почти не видно границ, волосок не просунуть...

Весь этот четырехугольник вспыхнул голубым огнем. Мы застыли, камень накалился, я ощутил жар, а барон закрыл лицо руками и отступил.

В свод пещеры из вершины камня ударили яркий луч света. Вверху зашипело, посыпалась мелкая каменная крошка.

Бобик грозно зарычал, я проследил за лучом взглядом. В темноте свода далеко-далеко мелькнули звезды,

словно луч прожег не только толщу горы, но и все неистовство снежной бури, выше которой нависают еще и плотные тучи.

Барон охнул.

— Это что же... еще один?

— Не дело, — пробормотал я. — Нужно не умножать сущности, как сказал великий маг и чародей Оккам, а совсем даже наоборот...

— Что делать?

Я покачал головой.

— Просто не мешайте, я изволю как бы думать. И не такие задачи решали, и не таких медведиц уламывали...

— Медведиц?

— У меня разносторонние вкусы, — сообщил я с достоинством. — И широкие взгляды.

Он озадаченно умолк и вместе с Бобиком молчал, пока я напряженно всматривался в многочисленные символы, ими расписан весь пьедестал со всех сторон. Вообще-то знаки, которые считаются тайными и мистическими, на самом деле, как вижу, сплошь состоят из математических символов. И хотя я далеко не математик, вообще ненавижу что-то считать и подсчитывать, но сейчас старательно разбирался, передвигал знаки на камне, к удивлению они довольно легко меняют место, оставляя плиту чистой, а на новом так же хищно врезаются, словно всегда тут были, а я тут непонятно зачем вожу пальцем, как невежда.

Барон смотрит, почти не дыша и страшась шелохнуться. Когда последний знак занял свое место, весь пьедестал звонко хрустнул, сдвинулся на месте. Вверху обозначились плиты и начали сдвигаться к центру, как черепахи, которым положили молодую капусту.

Плазменный столб нестерпимо ярко бьет в темный свод и уходит в звездные дали, но сползающиеся плиты сдавили его до тонкого луча, но и он исчез, когда плиты

сомкнулись, вмялись одна в другую и, я не поверил своим глазам, срослись в единое целое, словно живые, а все символы вспыхнули зеленым огнем и моментально исчезли.

Я уже отступил на шаг и начал поворачиваться, когда сзади резко щелкнуло. Я развернулся, сразу пригибаясь и хватаясь за меч, но там пусто.

Щелкнуло снова, на этот раз в том месте, где плиты сомкнулись и перекрыли дорогу столбу плазменного света. Они снова раздвинулись чуть-чуть, наверх выдавило стекляшку, как она показалась мне, хотя это наверняка бриллиант чистейшей воды, ценный именно за некую волшебность, а не бриллиантность...

Я тупо смотрел на эту прозрачную треугольную стекляшку. Конечно, это не стекляшка, но для человека, не разбирающегося в драгоценных камнях, это то же самое, что кусок толстого стекла с ровно обрезанными и отшлифованными краями.

Барон прошептал:

— Это... и есть... оно?

— Похоже, — пробормотал я. — Похоже, это для тех безумных идиотов, что с величайшими трудностями и потерями собирают их по всему миру...

Он охнул:

— Это... не все?

— Нет, конечно, — сообщил я, — таких штук надо собрать несколько. А потом где-то на краю света, на самом-самом краю, в самой дальней пещере сложить в некий рисунок.

Он спросил жадно:

— Какой?

— Откуда я знаю, — сказал я. — Вот сложите, барон, тогда распахнутся некие секретнейшие двери... нет, с грохотом раздвинутся скалы, понятно? Именно скалы!

И откроется самая тайная пещера, где хранится некая мегахрень древних...

— А... какая?

— Не знаю, — отметил я. — Но для запуска нужно будет собрать еще семь кристаллов, разбросанных по самым дальним королевствам...

Он вздрогнул, отшатнулся, когда я бросил ему кристалл. Бобик с готовностью перехватил в воздухе.

— Плюнь, — сказал я с раздражением.

Бобик послушно выплюнул прямо в барона. Бриллиант ударился о его грудь, отскочил и покатился по полу. Барон с такой поспешностью бросился подхватывать, что у меня нога дернулась от жажды ударить его в челюсть.

— Успеха, — сказал я. — Я свою задачу выполнил, а ваша, барон, только начинается.

В груди странная печаль и пустота, что я за дурак, ну почему отдал вот так просто... да еще кому?.. Такое сокровище, за которым охотятся столетиями!

Что со мной? Почему поступаю теперь так, а ведь совсем же недавно... Обожрался? Повзрослел?.. В самом деле достали эти нескончаемые пещеры, одинаковые загадки, осточертившие руны, каббалистические знаки, фигурки зодиака и прочая примитивная хрень, столь важная для простых, в то время как впереди блистающие перспективы строительства Царства Небесного на земле, а чертежи у меня, можно сказать, в руке?...

Я потащился обратно, свою задачу тоже выполнил: распаляющий воображение столб света погас, авантюристы соседних королевств потеряют интерес, а у королей будет меньше соблазна ввести сюда войска.

Бобик идет рядом тихий и послушный, чувствует мое хреновое настроение и посматривает с недоумением: ну что тебе не так? Это же так здорово!.. Что здорово? Да все здорово! Как прекрасен этот мир, посмотри!

Сзади послышались быстрые шаги. Барон догнал и пошел рядом, на меня поглядывает с изумлением и опаской, как на странное и непонятное существо, возможно, даже не человека.

Впереди раздался грохот, земля подпрыгнула, словно норовистый конь. В полутьме с треском обрушились камни, в провал стены вышел массивный голем в полтора моих роста: голова почти без шеи сразу переходит в дико широкие плечи, глаза горят красным, рта нет, как нижней челюсти.

Я сказал резко:

— Бобик, сидеть!

Барон заорал отважно:

— Беру на себя!..

Я не успел слова сказать, он ринулся с поднятым мечом и даже успел резко и сильно ударить в плечо у самой головы. Будь голем из жил и мяса, получил бы тяжелейшую рану, возможно — смертельную, однако меч со звоном и неприятным лязгом отскочил, барон едва удержал его в руках.

Голем небрежно махнул лапой. Барон увернулся и ударил снова. Я со своей стороны, изловчившись, пригнулся и с силой резанул чудовище лезвием по ноге под коленкой.

Он взревел от боли и ярости, развернулся с широким замахом, я поднырнул под руку и ударил еще раз. Лезвие моего меча рубит металл, хоть и с трудом, но это вообще какой-то чудовищный сплав, сверкнули, рассыпаясь во все стороны, искры, а на боку только разрез и оранжевая кровь, от которой пахнуло жаром.

Барон лез вперед и рубил изо всех сил, голем на него не обращал внимания, но в какой-то момент взглянул люто, взмахнул лапой, и тот полетел, как тряпичная кукла, к противоположной стене, где ударился о камни и сполз на пол безжизненной грудой.

Я ускорился до предела, осыпал голема ударами, но лезвие меча проникает не глубже, чем на палец, а он тоже звереет все больше, рев стал остервенелым, все-таки больно, тоже начал двигаться быстрее и бить чаще.

В какой-то момент я подпрыгнул и, ухватив меч обеими руками, обрушил самый сильный удар, на какой оказался способен, в то место, где у всех у нас проходит яремная вена или, проще говоря, сонная артерия.

Острие все-таки просекло это единственное уязвимое место. Оранжевая кровь брызнула мощной освещившей мир струей, голем страшно закричал, ухватился обеими лапами за смертельную рану, вперил в меня страшный взгляд.

Я поспешно отступил.

— Ладно-ладно, мужик... Зато видно, что ты тоже человек. Или был им...

Он шагнул ко мне, качнулся и пошел быстрыми шагами. Когда зверь ранен смертельно и все равно померт, глупо оставаться и драться, я повернулся и побежал со всех ног в сторону выхода, а Бобик понесся рядом, тихий и послушный, хотя глаза стали багровыми, а шерсть встала дыбом.

За спиной слышались затихающие тяжелые шаги, затем грохот, от которого содрогнулись стены.

Я обернулся на бегу, огромное тело лежит вниз лицом, почти загородив весь проход. Под стеночкой протискиваться страшновато, а вдруг этот гад шевельнется и раздавит, я разбежался и, взмыгнув на тушу, пробежался по ней, уже видя в полутьме неподвижное тело отважного барона.

До него оставалось пару шагов, когда каменные стены пещеры осветились золотым огнем. Сверху, где темнота высокого свода, медленно и красиво спускается золотокудрая женщина с распущенными волосами невесты.

Бобик раскрыл пасть и уставил на нее во все глаза, а по моему жесту торопливо сел, но все так же не сводил с нее взгляда.

Опустилась она возле умирающего величественно и парадно, хотя и несколько тяжеловато. Огромные крылья сложились на спине медленно и величаво, это не бабочка или стрекоза, у крупных экземпляров все движения исполнены царственного величия, и хотя валькирия вовсе не слон, но девушка крупная, с широкими плечами и мощной грудью. В поясе не слишком тонкая, иначе широкие бедра показались бы чудовищными, а так вполне атлетическая фигура.

Она смерила меня недружелюбным взглядом, словно я противник, наклонилась к барону и протянула руки.

— Нет!.. — крикнул я. — Не прикасайся к нему!

Она ответила холодно:

— Он мой. Я отнесу героя в Валгаллу.

— Еще рано, — отрезал я, — ему еще можно помочь!

— Уже нельзя, — ответила она.

Я ухватил ее за руку, не давая взять поверженного. Кисть у нее крепкая и достаточно толстая, почти не женская, хотя для женщины таких пропорций вполне.

Она дернула руку, но я держал крепко, задействовав все мышцы, но лицо старался держать спокойным, дескать, совсем не напрягаюсь, я вообще такой могучий.

— Смотри, — сказал я.

Наклонившись, я приложил ладонь ко лбу барона. Холодок вошел в меня и тут же растаял, в тот же миг

я ощущал сильнейший удар ногой под ребра. Меня отшвырнуло на пару шагов.

Я перекатился, вскочил, но валькирия уже смотрит не на меня, а на барона. Он защевелился, пытаясь приподняться, она приподняла его за плечи, ухватила и, чуть присев, готовилась с силой оттолкнуться от про-мерзлой земли, рвануться в небо...

...но остановилась, помедлила, ее пальцы разжались, и барон рухнул на спину.

Она повернулась ко мне, глаза ее полыхнули бешенством.

— Ты что сделал?

— Подлечил, — ответил я, морщась от боли. — Ты против?

— Его ждал пир в Вальгалле! — сказала она резко. — Героев туда приходит все меньше... А ты лишил дворец, возможно, последнего!

В ее голосе прозвучала такая мука и боль, что я вскрикнул протестующе:

— Как это? Героев, гибнущих за правое... или за то, что считают правым делом, будет множество!.. Ты знаешь, сколько на свете дураков? А сколько будет еще?

— Нет, — сказала она еще резче. — В Валгаллу попадают только викинги, не знающие новой веры!

— Понятно, — протянул я озадаченно, — а христиан забирают ангелы...

— Ты его лишил вечного блаженства, — прошипела она и потащила из-за плеч длинный меч. — Теперь ты умрешь за это...

Я отскочил, поспешно выдернул из ножен свой меч.

— Погоди!.. Нам не из-за чего драться!

— Теперь он проживет долгую жизнь, — заявила она люто, — и умрет дряхлым стариком в постели, не помня своего имени! Таких в Валгаллу не берут!

Я едва успел отпрыгнуть, она ринулась быстрее всех, кого я только видел, но меч я держал наготове и парировал ее удар, хотя в руках отдалось болезненной дрожью.

Она мгновенно пришла в ярость, лезвие ее сверкающего меча слепило меня, как блистающая стена из полированной стали, что обрушивается всей тяжестью.

Я ускорил себя до предела и, хрипя, отбивал бешенную атаку, чувствуя, что держусь просто чудом, никогда еще не сражался с таким бойцом... пусть не слишком умелым, все удары просты и бесхитростны, но бьет слишком часто и сильно, чувствую себя наковальней, по которой бьют молотами четверо, если не семеро.

Я держался, дважды ухитрился нанести ответные удары, а так как я вовсе не в ярости, то оба нашли цель, и всякий раз она отступала на шаг, лицо дергалось от боли, а сузившиеся глаза распахивались в непонимании.

Еще трижды я ударил прицельно и точно, последним сбил золотой наплечник. Он со звоном ударился о мерзлые камни, отпрыгнул и застрял между ними краем.

Глава 9

Ее лицо дернулось, но она преодолела боль и попыталась поднять меч для удара, однако руки не слушаются, а дыхание едва не разрывается грудь, как и мне, только у меня это выглядит не так эффектно.

— Ты... ты...

— Я хороший, — сумел выдавить я сипло через раскаленное горячим дыханием. — С этим я согласен. Для мужчины, конечно.

Она смотрела на меня все еще в бешенстве, что испаряется очень медленно, да и то из-за усталости только.

— Ты... великий... воин.

— Да, конечно, — прохрипел я. — Но ты, скажу честно, еще и очень умная.

— Что-о-о?

— Ты сумела выйти из рамок, — сказал я с жаром. — Если я правильно понял... Сломала стереотипы...

Она сказала все так же зло:

— Ты говоришь непонятные слова, в которых нет смысла!.. Мужчины говорят просто и ясно. Но ты...

— Но меч держу в руках, — напомнил я, — вроде бы сносно?

Она окинула меня взбешенным взглядом с головы до ног.

— Ты герой... но ты не из нашего народа! И ты отнял у меня нашего героя!

— Что, — спросил я, — все еще остались эти, как их... викинги?

Она ответила со злым шипением:

— Они будут всегда!

— Что-то я их не встречал, — ответил я быстро, — а я уж по странствовал по провинциям!

— Они могут называться иначе, — ответила она, — они могут носить другие одежды... но если остается сердце викинга, если отвага и вера в Одина, то за ними явлюсь я на поле смертной брани...

— Ну, — пробормотал я, — думаю, вера в Одина не-обязательна, ты и так явишься, все-таки требования со временем приходится снижать, не так ли?.. Тем более что на всех валькирий не напасешься, герои все-таки мельчают, их все меньше...

Она посмотрела на меня в упор, я увидел в ее взгляде обещание скорой смерти.

— Ты слишком, — произнесла она, почти успокоив дыхание, — много знаешь.

— Да, — согласился я, — в обычном мире за это убивают. Обычные люди. Людишки. Но великим закон не писан, они сами его пишут для других, а иногда и заставляют принимать... Мне показалось, ты такая. Разве не так?.. Скажи, сколько на свете осталось валькирий, когда викингов практически на свете уже... нет?

Она на миг побледнела, зрачки великолепных глаз расширились, словно увидела нечто ужаснувшее даже ее.

— Я... последняя.

— Прости, — сказал я поспешно, — остальные все... исчезли?

Она взглянула с новой злостью.

— А ты откуда знаешь?

— Один поделился со мной мудростью, — ответил я уклончиво. — Он не жадный.

— Но ты не викинг, — отрезала она. — Ты не знаешь... Да, мои сестры исчезали одна за другой. С одной я разговаривала, когда она просто растаяла в воздухе. Это значило, что отныне хватит оставшихся, чтобы забирать павших в битвах.

— Потом их становилось все меньше, — продолжил я тихо и с сочувствием, — пока ты не осталась в одиночестве... Но ты не исчезнешь!

Она взглянула исподлобья.

— Почему ты так решил?

Но я услышал в ее голосе тайную надежду, что я прав, а глаза заблестели чисто по-женски ожиданием, что так и будет.

— Ты, — продолжил я медленно, — в отличие от своих сестер... еще и умная. Ты развивалась, в отличие от них, умнела, выходила за рамки своей программы,

и когда ее действие закончилось, сумела найти способ, как выйти за ее пределы!

Она произнесла мрачно:

— Говоришь непонятно, как прорицатель.

— Ты, — сказал я чуть живее, — нашла способ самообучения, а твой инстинкт самосохранения заставил тебя, не нарушая базовую программу, расширить понятие викинговости!.. Сейчас ты берешь даже тех, кто и не знает, что он викинг... ну, викинг, но где-то очень глубоко в душе. И потому ты при деле, верно?

Она повторила с угрозой:

— Ты понимаешь слишком много. И быстро.

— Я такой, — согласился я. — Погоди, опусти на минутку меч. Потом продолжим, я обещаю!. Я хочу сказать, ты не должна отступать. Когда и такие вот кончатся... ты все равно должна находить и переносить в Валгаллу героев... даже если они и вовсе христиане!

Она возразила с надменностью в голосе:

— Один не примет человека, поклоняющегося другим богам!.. А Тор вообще придет в ярость...

Я отмахнулся с небрежностью.

— В жизни все не так просто, ты ощущала и, моло-дец, поняла. Одни в самом деле христиане, таких горстка, другие только называются ими. Знала бы, сколько и через тысячи лет будет поклонников Одина, Тора, Бальдра, а сколько малолетних придурков будут брать себе имя Локи?.. Сколько будут мечтать о славных битвах, боях с инеистыми великанами, Асгарде?.. Ты же отличаешь павших в битве своих от чужих? Вот и хватай тех, кто даже будучи формально христианином, в душе чуточку викинг. А мы, если честно, все бываем в какие-то минуты викингами, все предпочитаем или хотя бы жаждем решить сложные проблемы простым ударом кулака в зубы, как и принято у викингов и счи-тается для асгардовцев признаком доблести...

Она слушала меня с расширенными глазами. Я говорил и сам чувствовал, что прав, хотя начал придумывать, чтобы всего лишь продлить существование этой великолепной валькирии, предназначеннной только для того, чтобы подбирать на поле кровавых битв умирающих героев и переносить в Валгаллу.

— И вообще, — закончил я, — все валькирии исчезли, как только исчерпалась область их применения, но ты никогда не исчерпаешь!.. Кроме того, сможешь расширить свою программу до того, что будешь делать... что-то еще.

Ее глаза полыхают, как звезды, щеки разрумянились, но голос прозвучал с недоумением и настороженностью:

— Еще?.. Что?

— Не знаю, — ответил я искренне. — Но это слишком уж специализированная задача — таскать трупы с земли на небо. Пора расширять... Знаешь, если как-то сумеешь прилететь ко мне... просто так, а не за моей душой, то вместе могли бы что-то придумать... как мне кажется. Ты очень красивая женщина, и уже потому заслуживаешь большего, чем услаждать своим видом взор умирающего!

Барон застонал и начал открывать глаза, охнулся, увидев нас двоих над ним, а ведь только что на месте валькирии был чудовищный голем, слабо повернул голову в одну сторону, потом в другую.

— Мы... его завалили?

— Ты его завалил, — сообщил я. — Это подвиг, тут девушка явилась тебя поздравить...

Он проговорил слабо:

— Я все думал, мне чудится... Она слишком хороша, чтобы быть настоящей.

Я повернулся к валькирии.

— Видишь?.. Он в тебя уже влюблен. Кстати, как твое имя?

Она повторила в недоумении:

— Имя? У валькирий нет имен. Имена только у асов, ванов, великанов...

Я сказал с неудовольствием:

— Если даже волк зовется Фенриром, а змей... не помню, но у него тоже есть имя, сама знаешь, то у тебя должно быть красивое, блистающее и гордое!

Она взглянула на меня открыто и ясно:

— Тогда назови меня, господин.

— Гм, — пробормотал я в смущении, — но если я дам тебе имя, то стану твоим хозяином, а это нечестно.

— Ты дал мне возможность жить дальше, — ответила она тем же ясным голосом. — Ты мой господин.

— Хорошо, — пробормотал я, — как, например... Жерольда? Это любимая дочь Карла Великого... Или Аделаида, тоже его дочка... Берта, Гизелла... Хильдегарда, Тертрада... Адалтыгруда, Фастрада... это все его дочери, а вот три женщины, которых он любил: Мальтегарда, Рудхильда, Регина...

Она продолжала смотреть мне в лицо ясными глазами.

— Господин... имя мое будет то, которое выберешь ты.

— Гм, — сказал я в неловкости, — я бы предпочел, чтобы выбрала ты сама. Я всегда стараюсь избежать ответственности, как любой организм, даже мужской... Ладно, да будет твое имя... Бергдис!

Она проговорила в недоумении:

— Бергдис... это значит — помочь богини!.. Но я не богиня...

— Будешь, — пообещал я. — Сегодня я из простых рыцарей делаю герцогов, почему завтра не смогу валькирию сделать богиней?.. Все впереди...

Барон поднялся и медленно подошел к нам, все еще опираясь на меч. Я напомнил себе, что надо закончить его лечение, когда валькирия упорхнет, он молодец, держится, хотя побледнел и старается не выказывать боль.

Валькирия бросила на него короткий взгляд, снова посмотрела на меня ясными очами.

— Мне пора.

— Зов?

— Да, — ответила она. — Противиться невозможно.

— Научишься, — пообещал я. — Если нет, помогу.

Она легким толчком рванулась в темноту свода. Я успел увидеть, как развернула великолепные блестящие крылья. Лишь мгновение мы видели ее во всем блеске полета, затем темнота поглотила ее крохотную фигурку.

Барон, как и я и Бобик, смотрел ей вслед, лицо зачарованное.

— Благородный сэр, — произнес он хриплым голосом и не отводя от валькирии потрясенного взора, — она прилетала... за мной?

— Ага...

— Но я же, — сказал он опасливо, — вроде бы... христианин? Хоть и неважный, но как бы... а?

— Видишь ли, — ответил я мудро, — за душу каждого человека сражаются явно или тайно представители разных политических партий, движений, организаций, церквей, религиозных конфессий, культов, сект, обществ, трастов... чаще всего он даже не понимает, на кого работает, на чью мельницу воду льет и от кого мух отгоняет!

Он пробормотал, глядя на темные тучи:

— Но она унесла бы меня... не в ад, надеюсь?

— Нет, — ответил я, — во дворец, заполненный одними грубыми мужчинами, что целый день едят и

пьют, а еще дерутся. В полночь все их раны заживают, а убитые поднимаются, и снова начинаются пир и драки. И так — вечно. Все неграмотные, там ни одной книги...

— Гм...

— Мне показалось, — сказал я, — вам интереснее будет прожить еще хотя бы пару десятков лет, а потом уже решать... куда.

Он, глядя все еще в небо, спросил задумчиво:

— А эти вот... как их...

— Валькирии.

— Валькирии тоже там?

Я покачал головой.

— Нет. Они заняты только транспортировкой с земли на небо убитых и смертельно раненых в бою. Только вот никак не пойму, как она тащит тело через скальный пласт в полмили толщиной?.. Или переходит, гм, в другое состояние...

Он пробормотал со вздохом:

— То-то и смотрю, крепкая девушка. Впрочем, я предпочитаю помельче и помягче.

— Тогда пойдемте, — велел я, — пора к тем, кто нас устраивает. Я согласен и на крупных, лишь бы помягче и податливее. И чтоб жопы шире, а то эта больно мышцастая в таком важном месте.

— Да, — сказал он, веселея на глазах от моего лечебного прикосновения, даже голос зазвучал победно, — мы сами мышцастые, зачем набивать синяки друг другу?

— Это как, — спросил я, — жопа о жопу и кто дальше прыгнет?

Он посмотрел с укором.

— Грубый вы, сэр рыцарь! Я вообще, в аллегорическом смысле... Кстати, повторите насчет ключа, кото-

рый вы так щедро и великодушно мне подарили... Что с ним дальше?

— Вы молодец, барон, — сказал я. — Пять лет поисков, теперь вот победа... С его помощью после многих скитаний и приключений найдете второй ключ! Это я обещаю со всей мудростью и знаниями, которыми оснащен. Этими ключами открывается некая дверь, за которой в особом ларце еще один ключ...

Он слушал жадно, поторопил:

— Это я запомнил! Дальше, дальше!

Я сказал с изумлением:

— Я думал, вам уже хватит... Ладно, с этим ключом устремитесь в королевство... гм... потом узнаете какое, где в тайной пещере найдете кристалл, который является ключом к секретной комнате в руинах замка... про замок тоже потом-потом! Он в одном из дальних королевств, кто же прячет в близких? В недрах того замка найдете особенно особый ключ!

Он слегка сглотнул слюну.

— А потом?

— Еще? — спросил я. — Ну вы даете... Уважаю! Дальше побываете в дальних северных королевствах, где отыщете Кувшин Цели, на дне которого хранится золотой ключ, который откроет Сокровищницу, где вы и найдете самый удивительный и необыкновенный ключ...

Он вскрикнул ликующее:

— Какое счастье! Это же можно всю жизнь искать! Как здорово! Вся жизнь пройдет в скитаниях, в голоде и холода! Мне придется спать на камнях, мерзнуть зимой и погибать от зноя летом в пустынях, но у меня такая великая цель... Как же мне наконец-то повезло!

— Ага, — пробормотал я. — Счастье не в счастье, а в его поисках... Удачи, дружище! Обожаю романти-

ков. Не пойму, за что и как вы все еще уцелели, но обожаю.

Он остался пережидать бурю на том месте у полузатухшего очага, где совсем недавно я встретил их целую компанию, а я надел сброшенную так недавно и так давно на пол шубу, и мы с Бобиком пошли в сторону выхода, затем Бобик метнулся вперед и пропал в полутьме.

Жаркий воздух пещер становился прохладным, на встречу подуло со снежком, далеко впереди выход в белый ад, оттуда прямо из середины, словно материализовалось, выпрыгнуло черное тело и огромными прыжками ринулось ко мне.

Я прижался к стене, Бобик взвизгнул от огорчения, что не удалось свалить и повалить, как будто сто лет не виделись, я потрепал его по холке и сказал строго:

— Все-все, возвращаемся! Копытное еще не сбежало?

Бобик бросился вперед, вышли из расщелины в снежную бурю, так показалось, хотя буря дальше, а здесь от неистовства закрывает стена. Арбогастр на ее фоне выглядит как черная статуя из эпоксидной смолы под толстым слоем снега, но даже ухом не поведет, чтобы стряхнуть. Наверное, хочет, чтобы я увидел и устыдился, в каком месте оставил.

— Ладно-ладно, — сказал я виновато, — но не тащить же тебя в пещеры? Как-то нарушение правил, а я хоть и нарушаю, но все-таки с оглядкой на приличия...

Он наконец расставил ноги пошире, тряхнулся всем телом, как пес, выбравшийся на берег, и уже чистенький повернулся боком, подставляя стремя.

Бобик оглянулся, поймал мой кивок и ринулся в бурю. Я напрягся и спрятался под гриву, но и там ветер старался затолкать в пасть комья снега и ледяной крошки.

Глава 10

Ураган моментально с силой вбил в полуоткрытую дверь тонны снега, Бобик проскочил первым, я за ним, а слуги с огромным трудом, навалившись толпой, кое-как затворили снова, но буря продолжала бросаться на стену со всем неистовством, раздраженная, что здесь сохранилось какое-то укрытие от ее моши.

Пока я снимал шубу, слуги побежали во все стороны, разнося весть о моем благополучном возвращении, придворные глазуют на меня с опасливым изумлением, а сенешаль примчался, часто-часто перебирая ногами, даже задохнулся от быстрого бега.

Я встретил его хмурым взглядом, а он спохватился, остановился и склонился в церемонном поклоне.

— Сэр Радольф, — сказал я.

— Ваше высочество, — ответил он почтительно и не поднимая головы. — Вы... так неожиданно...

— У вас есть вопросы, — прервал я, — много вопросов, знаю. Но отвечу сразу на главный: сегодня же перед ужином можете устроить мне встречу с послами королевств Аганд, Сизия, даже Олтвуд, если он появится. Ну, а если все уже пожрали, то после ужина...

Он вздрогнул, напрягся. Его глаза обшаривали взглядом мое лицо, надеюсь, красивое и гордое.

— Ваше высочество?

— Вы угадали, — сказал я поощряюще.

Он проговорил вздрагивающим голосом:

— Вы... уже съездили? Так быстро?

— Разве это быстро, — буркнул я. — Обед все-таки пропустил... В общем, можете сообщить всем, что Гора Света уже просто гора. Весь свет, который там был и бесплатно освещал небо, я забрал и перенес королю Вольфгангу в подарок. Это нечто такое мощное...

— Ваше высочество?

Я отмахнулся.

— Сами придумайте, что может устрашить противников и защитит королевство от всех врагов! А самых тупых просто испепелит. Так и скажите.

Он торопливо семенил, почти бежал рядом, стараясь поспевать за моими крупными шагами лорда и завоевателя.

— Что сообщить его величеству?

— Сами придумайте, — разрешил я. — Факты знаете, а истолкование уже ваша забота. Главное, чтобы на пользу королевству.

Мы поднялись на этаж, дальше дверь моих покоев, он остановился, спросил торопливо:

— Стол к ужину уже накрывают... вы изволите?

Я изумился:

— А как же? Поесть люблю. К тому же... прогулка только разжигает здоровый аппетит.

Он поклонился и остался на месте, а я прошел мимо часовых в свои покой, слуга в коридоре сунулся было следом, но я захлопнул дверь перед его носом, descended, пока не нуждаюсь, разбросал в стороны верхнюю одежду и завалился на кровать, отдыхая после бешеной скачки через неистовую снежную бурю.

Через несколько минут ворвался Бобик, глаза довольные, облизывается на ходу, явно успел побывать на кухне, посмотрел на меня и с готовностью брякнулся на звериную шкуру у кровати.

— Морда, — сказал я, — жизнь хороша, верно?

Он чуть приподнял губу, посмотрел хитро и в полном блаженстве перевернулся на бок, закрыл глаза и вытянул лапы.

На морде еще оставалась улыбка, когда отворилась дверь, рослый слуга с повадками умелого воина сказал вежливо:

— Ваше высочество!.. К вам его превосходительство граф Аарбург, посол в Мэции из королевства Мордант, и граф Хонштайн-Хонштайн из королевства Галли.

Через приоткрытую дверь в коридор видны их лица, тихонько шушукаются, окончательно сверяя позиции.

Я кивнул, слуга вышел, а я поднялся и прошел мимо стола, как будто только что рассматривал там карту мира и напряженно мыслил, как разом всех осчастливить и не перебить хотя бы половину так называемого населения.

Они вошли и сразу от порога раскланялись, но без сложных танцев, это не юг.

— Ваше высочество!

Я повел длинью в сторону кресел с той стороны стола.

— Садитесь, господа, чувствуйте себя так же, как и я... я ведь тоже гость. Что привело вас ко мне?..

Граф Аарбург поклонился и сказал бархатным баритоном:

— Мы очень признательны, ваше высочество, что вы нас встретили и уделяете нам время...

Я сказал любезно:

— Нет, это честь для меня. Я наслышан о вашем уме, знаниях и прочих талантах! Королевский сенешаль вообще восторгается вами. Прошу вас, присядьте и чувствуйте себя свободно. Эта нескончаемая выюга любого сведет с ума.

Они, не сводя с меня внимательных взглядов, с вежливой предупредительностью присели в указанные кресла, именно присели, а не развалились, придворный этикет строг, а больше всего о нем пекутся послы и дипломаты.

— Спасибо, ваше высочество, — произнес граф Хонштайн-Хонштайн, — вы предельно любезны.

Я сотворил три фужера с коньяком, конечно же, лучшим, если уж на создание ординарного и марочного

уходят одинаковые усилия, один бокал оставил на столе перед собой, два собственоручно подал послам.

— Прошу вас... Это хорошее средство от любой выюги.

Вышколенные дипломаты, сразу видно, приняли из моих рук спокойно, ни один даже бровью не повел, лишь после первого глотка я увидел, как изменились лица: Аарбург шире раскрыл глаза, Хонштайн-Хонштайн прислушался, улыбнулся уже совершенно непроизвольно и тут же сделал второй глоток.

— Прекраснейшее вино, — сказал он с чувством. — Просто удивительное, никогда ничего подобного раньше...

— Это наши запасы, — сообщил я. — С юга.

Они не стали задавать бес tactные вопросы, как это я вожу с собой запасы вина, дипломаты могут позволить себе любую бес tactность, когда она оправданна, но сейчас не тот случай, и они лишь вежливо кивнули, тоже настолько синхронно, словно один человек в двух телах.

— Прекрасное вино, — воскликнул и Аарбург. — Просто удивительное!.. Ваше высочество, как вы понимаете, ваше появление здесь всколыхнуло всех, кто слышал о вас... и Мунтвиге.

Хонштайн-Хонштайн добавил с хитрой улыбкой:

— Особенно с того момента, как стало известно, что армии Мунтвига были рассеяны, а вы удивительно быстрым маршем провели свою армию через ряд королевств и захватили Сакрант...

— Вы мне льстите, — возразил я. — Только столицу. Впрочем, остальные города и земли мне как-то и не нужны.

Он сказал так же почтительно:

— Это было невероятно и удивительно. Все поняли, что появился новый великий полководец, который

опрокидывает все старые методы ведения войн и устанавливает свои!.. И воевать против него трудно.

Граф Аарбург уточнил:

— Если вообще возможно.

Я весело посмотрел на них поверх поблескивающего края хрустального фужера.

— Если честно, то я в самом деле еще не проиграл ни одной войны. Но для вас важнее то, что и не собираюсь... проигрывать и дальше.

Они заметно напряглись, Аарбург нервно сглотнул слюну, Хонштайн-Хонштайн сказал быстро:

— Мы тоже в этом уверены. Просто хотели бы заверить вас в полнейшем миролюбии наших королевств!.. Никто из наших правителей даже не сотрудничал с Мунтвигом...

— Я слышал, — прервал я, — у вас набирают новые армии. А куда делись прежние?

Они не переглянулись, но я ощутил их мысленные сигналы, которые послали друг другу, словно быстро переговорили и выработали общий меморандум.

— Прежние забрал Мунтвиг, — ответил Аарбург и посмотрел на меня открытыми глазами. — Ваше высочество, проще было отдать ему армию, чем он возьмет и армию, и королевство!..

— Он еще потребовал денег и фураж для конницы, — добавил Хонштайн-Хонштайн, — но этим наше невольное участие в его походе и ограничилось!

Я сделал вид, что не верю, хотя вряд ли врут, именно сборностью его исполинского войска и объясняется такая неустойчивость, когда после первого же неожиданного отпора все затрещало, зашаталось, а самые смышленные начали разбегаться, не ожидая, когда рухнет все и придавит кого-то обломками.

— Ваши страны и так истощены, — заметил я, — наверняка мудрые советники рекомендуют заняться их восстановлением, а не набором новых армий.

Аарбург ответил с достоинством:

— Людей в наших королевствах хватает. Взамен одной армии всегда можно в кратчайший срок выставить две.

— Без армии нет королевства, — добавил Хонштайн-Хонштайн.

Я окинул их испытующим взглядом. Хорошую армию так просто не создать, ее нужно долго обучать, вооружать, снова обучать, но беда в том, что в Меции такое же войско, набранное хоть и наспех, но не обученное, дескать, каждый и так драться умеет, нужно только дать в руки топор.

— Все верно, — согласился я. — Армия — необходимый элемент государственности. Надеюсь, армии останутся на века, но будут только для парадов и праздников, а также для помощи пострадавшему от наводнений населению...

Граф Аарбург переспросил озадаченно:

— Населению?

Я улыбнулся.

— Это я так, мечтаю. У великих завоевателей и мечты великие. Я пока не планирую вводить сюда свои победоносные армии, беспощадные в праведном гневе... Вроде бы незачем, верно? Но, конечно, если мой друг Вольфганг попросит, то быстро переброшу сюда самые быстрые и жестокие войска, что мигом наведут порядок, оставив на месте противника только пепелище, а вместо его сел и городов выжженные пятна земли... Позвольте еще коняка?

Они с бледными лицами смотрели, как наполняются фужеры. Пауза нужна нам всем троим, я сказал и

жду реакции, они обдумывают, насколько моя угроза реальна.

Похоже по их виду, что поверили. К чему мне блефовать, я должен хвататься за любой повод, чтобы продвинуть свою армию дальше и утвердить личную власть еще над двумя-тремя королевствами.

Аарбург натянуто улыбнулся и произнес светским голосом:

— Ваше высочество продолжает выказывать и личную отвагу!

— Граф? — спросил я.

— Говорят, — сообщил он почти дружеским тоном, — вы даже в эту вынужу ухитрились выехать по делам и пропадали где-то почти половину суток?

Я отмахнулся.

— Пустяки. Я же не местный, мне все любопытно. Съездил посмотрел на вашу диковинку, что зовется Горой Света. Надо же, какое пышное название...

Они оба беззвучно ахнули. Аарбург спросил с недоверием:

— В такую вынужу?

— Это же близко, — пояснил я безмятежно. — В общем, теперь это не Гора Света, а просто гора. Больше не светится, народ не пугает, лишний раз креститься не нужно — какое облегчение для ленивых и атеистов!. А талисман, что все это... инициировал, я передал законному владельцу.

Он проговорил с трудом:

— Забрали... передали... кому?

Я переспросил с подчеркнутым изумлением:

— Как кому? Конечно же, королю Вольфгангу, сюзерену этих земель. Говорят, талисман будет защищать семью и королевство, а те, которые попытаются причинить вред, умрут в страшных муках. Не знаю, насколько это правда, но я бы проверять не стал... Еще вина?

С обоими я держался предельно любезно, ведь мне же скучно в такую вынужу, даже женщины не развлекут, настоящим мужчинам флирт не нужен, любовные игры смешны, ночью от женщин есть некая польза, а чем заняться днем, и они с бледными лицами поддерживали мужскую болтовню о заточке мечей, охоте, преимуществах выночных коней над телегами.

Дверь приоткрылась, я с удивлением увидел суммущенное лицо королевского сенешаля.

— Ваше высочество, — сказал он просительно, — король и королева уже за столом, ждут только вас. Они посылали слугу, но тот устрашился беспокоить вас...

Я поднялся, поклонился в сторону послов.

— Прошу меня простить, господа! У меня после завтрака в самом деле во рту маковой росинки не было, уже и мысли путаются, так что простите, если что брякнуло рече, чем хотелось. Зато сейчас и нажрусь!

Они торопливо поднялись, Аарбург бросил в сторону сенешаля недовольный взгляд, но сказал мне самым любезным голосом:

— Ваше высочество, мы счастливы, что вы уделили нам время! Спасибо!

— И приятного аппетита, — сказал Хонштайн-Хоншайн.

Глава 11

В том же обеденном зале интимный полумрак, под стеной незнакомый мне лорд, фрейлина и распорядитель церемоний, а за столом король Вольфганг Старый и королева Елизавета. Он суровый и сосредоточенный на каких-то нелегких мыслях, брови сдвинулись над переносицей, взгляд отсутствующий, зато королева цветет, как дородная молодая купчиха, румянец во всю

щеку, задорно блестящие глаза, красные полные губы бантиком...

Я с порога раскинул руки в виноватом жесте. Король и королева обратили ко мне взоры, а я сказал извиняющимся голосом:

— Прошу меня великодушно простить, ваше величество!.. Заболтался с вашими гостями. В оправдание могу сказать только, что в силу своего не в меру дружелюбного характера всячески и в меру своих скромных сил крепил узы дружбы Мации с соседями.

Король раздвинул губы в сдержанной улыбке, а Елизавета сказала величественно:

— Эти настырные Аарбург и Хонштайн-Хонштайн все-таки добились у вас аудиенции?

Я сел в свое кресло, за столом чувствуется уютная атмосфера, мне тут же переложили на пустое блюдо жареное мясо с вкусно пахнущей подливой, а вельможа в золоте и с толстой орубиненной цепью на груди склонился с кувшином в руках.

— Вина, ваше высочество?

— Позже, — ответил я.

Король почти не поглядывает в мою сторону, хотя чувствую его напряжение, зато Елизавета цветет улыбками, проворковала ласково-вкрадчиво:

— И что их интересовало?

Я пожал плечами.

— Как обычно, информация. О вашем положении, настроении и прочих с виду неважных мелочах.

Король промолчал снова, а она бросила на него короткий взгляд и спросила негромко:

— И что вы им сказали?

— А что я мог, — ответил я.

Она поощрительно улыбнулась.

— Принц, вы можете... очень много. И сами это хорошо знаете.

Я польщенно улыбнулся.

— Я гость, положение королевства не знаю. Они знают лучше. Только и того, что заверил их в нашей личной дружбе с его величеством Вольфгангом, чья мудрая политика, направленная на повышение благосостояния населения, мне очень нравится.

Король коротко взглянул на меня и уронил взгляд в тарелку, а королева проворковала снова нежно и вкрадчиво:

— Нравится? Богатых интереснее завоевывать?

Я улыбнулся, кивнул.

— Да, это первое, что приходит на ум. Но дело в том, что я хоть и не Ричард Старый, но старые книги читал, потому хочу, чтоб мое имя Ричарда Завоевателя постепенно заменилось на Ричарда Строителя. Строить — это более высокий уровень, чем завоевывать!

Вольфганг снова коротко взглянул на меня, уже с сомнением, наконец-то поинтересовался ровным голосом:

— А как же воинская слава?

— Я успел, — сообщил я. — Если кто восхотел бы упрекнуть, могу скромно и на свои завоевания указать, и просто в морду дать, мало не покажется.

Он смолчал, Елизавета проворковала:

— Ох, эта непосредственность...

— Точно рассчитанная, — уточнил я, — и взвешенная, ваше величество. На мой скромный взгляд, великий король на самом деле тот, кто умело повышает богатство своих подданных, а не который разоряет страну налогами, чтобы собрать новое войско и погубить его в очередной войне. Потому я считаю его величество Вольфганга Старого великим королем, и неважно, что о нем говорят соседи.

Королева улыбнулась счастливо и гордо, а сам Вольфганг взглянул на меня с некоторым сомнением, все-

таки в моем возрасте полагается мечтать о реках крови, звоне мечей по медным лбам и криках мертвецов.

— А еще им сообщил, — добавил я, — что Гора Света больше не какая-то особая гора, а просто гора. Я забрал кристалл, что светил, а гору... э-э... закрыл на всякий случай.

Они насторожились, на лицах непонимание, Елизавета переглянулась с королем и спросила:

— Закрыли? Гору? Но... как?

— Хорошо бы, — сказал я, — как дверь, но пришлось закрывать, как старый храм или тропу, перерезанную глубоким ущельем. Гора остается существовать, но уже не как Гора Света. Сейчас буря, снегом забывает все пустоты, а там весьма красивые пещеры, жаль их портить. Да и дракон какой заведется, все развлечение для местных героев.

Они оба даже есть перестали, король задержал дыхание, а Елизавета спросила тревожно:

— Как?.. Как вы это сделали?

— Да как обычно, — ответил я небрежно, — одной левой. Теперь вы понимаете, что военные подвиги меня уже не привлекают? Кристалл, правда... ладно, я о нем попозже. Позвольте, ваше величество...

Я наполнил ему кубок элитным коньяком, королеве — кагором, а себе налил свежего виноградного сока, что вообще-то вино тоже, только еще не сброшенное.

Король сделал глоток, прислушался к ощущениям. Я видел, как напряжение постепенно отпускает его, наконец вроде бы даже потеплел лицом.

— А не жаль, — спросил он негромко и не глядя в мою сторону, — отказываться от подвигов?..

— Жаль, — ответил я искренне.

— Так почему же...

— Я встречал ветеранов, — пояснил я, — десятков войн. Они совершили множество воинских подвигов, но мне как-то было с ними... неловко, что ли? Несмотря на возраст, они все еще в детстве! Рассуждают, как драчливые дети. Цели детские, планы детские... Наверное, я быстрее проскаакиваю неизбежные этапы роста?

Он наконец повернул голову и начал всматриваться в меня с нарастающим интересом.

— Но как же...upoение в бою?

— Это когда в первый раз, — ответил я, — да, тогда радостная дрожь, сердце барабанит так, что уши вздуваются, как у жабы горло. А когда все кончается, то еще долго скакешь козликом и ходишь на ушах. Однако же то ли цепь случайностей, то ли закономерность, но меня протащило мордой через эти подвиги настолько быстро, что я и сосчитать их не успел, зато успел ухватить главное... или это не главное?.. но все же решил для себя, что подобные подвиги равномерно распределены на плоскости. Подъема нет и не будет, а чудовища продолжат все равно появляться то здесь, то там. Можно всю жизнь метаться по свету и рубить драконам головы... что это изменит?

— Это повысит вашу славу, — сказал Вольфганг и уточнил: — Как истребителя чудовищ и защитника народа.

— Я не настолько эгоист, — ответил я.

Он приподнял брови.

— Ваше высочество?

— Есть желание изменить жизнь к лучшему, — пояснил я, — не только мою. Желательно... целого региона. Спешу уточнить, что завоеваниями жизнь лучше не сделаешь, но они почти необходимы на первом этапе. Однако если вовремя остановиться, на захваченных землях можно создать королевство с действительно справедливыми законами.

Он грустно усмехнулся, я увидел в его взгляде сочувствие и понимание, дескать, сам таким был и даже остался, да вот только очень это непростое дело, особенно когда сам народ противится нововведениям, да еще и хищные соседи точат, как бобры, зубы.

— Ваше величество, — сказал я, — вы можете на меня рассчитывать... в некоторой мере. Чудес не обещаю, но я объявил тут по возможности, что мы с вами в некотором союзе.

Он чуть наклонил голову, не сводя с меня взгляда.

— Спасибо... Что я должен взамен?

— Всего лишь продолжать, — сказал я, — свою мирную политику. По возможности, конечно.

— И все?

— Это и в моих интересах, — пояснил я.

Буря ревет и бросается на стены дворца, как мне кажется, все с той же яростью. Изо всех щелей свист, переходящий в рев, я чувствовал, что вот-вот и сам взвою, нужно ехать срочно, но нам всем троим надо видеть, куда скачем, здесь пропасти никто не оградил заборчиками и не повесил предостерегающие таблички.

За окнами глухая ночь, Елизавета вошла в спальню в пышном платье, как мне показалось, но когда потянула за шелковые шнурки на груди и оно соскользнуло на пол, я понял, что это просто роскошно расшитый халат, одетый на голое тело, вот такой я спец в женской одежде, не отличаю халата от королевского наряда.

Она грациозно переступила через эту груду золотого шитья на полу, подняла руки к прическе, это и чтобы сиськи выглядели выше и задорнее, долго возилась со шпильками, с милой и спокойной улыбкой наблюдая за моим лицом.

— Закончили с делами, принц?

Я покачал головой.

— Какие могут быть дела у застигнутого бурей на полдороге?

Она улыбнулась.

— Тем жарче камин, тем слаще вино, тем податливее женщины...

Она сложила ладони над головой, в комнате закружился ветер, превращаясь в смерч, сперва едва заметный и медленный, затем пламя свечей заколебалось, на пятом или шестом круге свечи погасли полностью, спальня погрузилась в приятную полутьму, освещаемая только с одной стороны багровым пламенем из камина.

— Здорово, — сказал я. — Надо научиться.

Она улыбнулась чуть шире.

— Вы удивительный человек, принц. Владеете заклятиями, которые могут сдвигать горы, и не в состоянии загасить свечу?

— У всех разные запросы, — ответил я. — У нас в детстве говорили: воровать — так миллион, а в постель... так королеву!

Она расхохоталась.

— Тогда ваша программа выполнена с блеском. У вас в постели покорная всем вашим желаниям и прихотям королева. Или это еще не все? Какие-то особые запросы?

— Увы, — сказал я, — потребности тоже растут. Есть у меня амулетик... С его помощью можно находить клады или хотя бы потерянные золотые монеты, если те неглубоко. Как я был горд!

Она сказала понимающе:

— А сейчас, когда стекаются миллионы из покоренных королевств, вы уже и забыли о том, чему так радовались?.. А королева в постели, оказывается, всего лишь женщина? Почти неотличимая от прачки? Особенно в темноте...

— Не совсем так, — ответил я. — Самолюбие играет все равно главную роль. Сколько ни тверди, что в постели королева и кухарка абсолютно одинаковы, но в нашей мужской натуре — побеждать и наклонять... Победа над кухаркой разве победа? А вот королева в постели... себя уважать начинаешь. Мы всегда соревнуемся! Кто залезет на самое высокое дерево, кто оседлает самого норовистого коня, кто лучше владеет мечом; кто станет вожаком отряда, кто завоюет чужие земли... Королеву в постель — это вершина! Бесс, ты самый главный приз.

В спальне тепло, камин полыхает вовсю, накалилась даже стена, горячий воздух докатывается тугими волнами, Елизавета легла рядом обнаженная, даже одеялом не прикрылась, что и понятно: фигура в полном женском расцвете...

Я вытянулся навзничь во весь рост, она деловито принялась чесать мои семенники, они всегда почему-то чешутся, я некоторое время наслаждался, потом пришла в голову мысль, что это хоть и прекрасно, но в некоторой степени не совсем честно, повернул голову и посмотрел в ее ясное лицо со спокойными глазами мадонны.

Она чуть улыбнулась, полные губы красиво раздвинулись вверх-вниз и в стороны, обнажая два ряда ровных мелких зубов.

— Ричард?

Я проговорил с неловкостью:

— Елизавета... э-э.. Бесс, все-таки мне как-то не по себе. Король Вольфганг кажется мне весьма достойным человеком. А мне обманывать достойного куда труднее, чем недостойного.

Она подняла на меня ясный взгляд чистых правдивых глаз.

— Ваше высочество?..

— Ричард, — напомнил я.

Она усмехнулась.

— Да когда такой тон, то уже ваше высочество, а не Ричард... Ну, хорошо, Ричард. Что не так?

— Я чувствую себя лжецом и вором, — объяснил я.

Она грустно улыбнулась.

— Страдает ваша мужская самооценка, без которой рыцарям и жизнь не мила?.. Успокойтесь, обмана нет. Он понимает, в чью постель я пошла.

— Ты ему сказала?

Она покачала головой.

— Нет, конечно. Некоторые наши поступки лучше не называть вслух. Когда они названы, нужно принимать какие-то меры, а так можно делать вид, что их и не было.

Я спросил в лоб:

— Тогда зачем?..

Она снова посмотрела мне в глаза прямо и честно.

— Вам правду или... как?

— Правду, — ответил я бездумно, но тут же сказал: — Хотя сама смотри. Иногда лучше бывает это «или как». Больше места для маневра.

Она проговорила, все так же не сводя с меня прямого взгляда.

— Могу правду.

— Я выдержу, — пообещал я.

— Правда в том, — сказала она медленно, — что... мы вас боимся, Ричард. Очень боимся.

Я сцепил зубы, нахлынуло чувство стыда, вот уж вляпался, да еще с каким удовольствием, и не говори, что не понял, не почувствовал раньше. Просто мужское самолюбие твердило, что это же как круто, когда король здесь во дворце, а его жена в моей постели, но вообще-то я вовсе не ловкий донжуан, прельстивший даму своей

красотой, умом и прочими доблестями, а грубый завоеватель, которому если не дать, возьмет силой.

— А что изменится после этой постели? — проговорил я, глядя в сторону.

— Вы убедитесь, принц, — ответила она тихо, — что мы осознаем вашу грозную мощь. И... покорны ей.

— Ну...

— Вы сокрушили армию Мунтвига, — продолжала она, — наводившую ужас своими размерами. Вы можете одним махом захватить здешние королевства, обессиленные после ухода Мунтвига, который увел все наши войска...

Я пробормотал:

— Значит, вы двое таким образом показали мне, что полностью покорны моей воле?

— Да, — ответила она просто. — Неофициально. Без всяких манифестов, что могли бы потешить ваше самолюбие, но вызвать в народе недовольство, а то и волнения... А как такое приняли бы самолюбивые лорды, объяснять не надо.

Я вздохнул тяжело.

— Мудро. В самом деле мудро. Я поздравляю вас, Елизавета. Вас обоих. Теперь у меня останется некоторое чувство вины, что заставит относиться к вашему королевству не только дружески, но и защищать его, если понадобится.

— Чувство вины быстро выветривается, — напомнила она.

— Но не память, — ответил я. — Где бы я ни был, вспомню вас обоих, едва только подумаю о севере и северных королевствах. И снова нахлынет это сладкое чувство вседозволенности и в то же время вины...

Она переспросила с улыбкой:

— Сладкое?

— Еще какое, — заверил я честно. — Вторая половина моей души вполне свинская!

Она засмеялась:

— Так дайте ей все, чего она желает. Удовлетворите все самые грязные желания! Встаньте утром из этой постели чистеньkim и невинным...

Глава 12

Утром фрейлины снова пришли помочь королеве одеваться. Как я понял, им велено держать языки за зубами, но в то же время расчет на то, что хоть одна да проговорится подруге или другу под страшной клятвой никому не рассказывать.

И пусть молва пойдет гулять по залам дворца, а то и выйдет наружу, но в таком виде это только сплетня, на которую можно реагировать, а можно и не обращать внимания, в то же время заинтересованные люди сразу оценят степень вероятности и сделают соответствующие выводы.

Один из этих выводов будет именно тот, на который и рассчитывает Елизавета и, думаю, король Вольфганг. Дескать, у королевской семьи есть могучий друг и заливать ее интересы теперь становится опасным.

Все понимая, я уже спокойнее наблюдал за сложным процессом одевания, как хорошо быть мужчиной, не нужны все эти тяжеленные штуки, свисающие из ушей и наверняка жутко мешающие... мне бы мешали неизвестно, массивное ожерелье в три ряда, где эти цепочки соединены золотыми фигурками, такое вот имеется вроде бы колье...

А все эти кольца и перстни, из-за которых пальцы приходится держать врастопырку?

Наконец одели через голову платье, потом еще и еще. Сравнительно изящная фигура Елизаветы стала похожей на копну, только и осталось от ее великолепного тела, что в низком вырезе платья, из-за которого отчетливо приподнимаются края двух белоснежных полушарий, где еще медленно тают красные следы от моих жарких губ, и которые я только что видел целиком и с удовольствием мял в ладонях.

Человечество, мелькнула мысль, именно потому и выжило, что научилось уступать. Сильные и заносчивые гибнут быстро, всегда же находится кто-то еще сильнее... А вот так, уступив и приняв субординацию, люди живут дальше, усложняют общество, развивают...

Елизавета, выходя из комнаты, обернулась и сказала с загадочной улыбкой через плечо:

— Леди Гизельда, леди Юнтига... помогите принцу Ричарду одеться и обуться. Он все старается делать сам, но вы этому решительно воспрепятствуйте!

Одна из фрейлин присела в чересчур послушном поклоне.

— Ваше величество, все будет исполнено!

— Не дадим и пальчиком пошевелить, — пискнула вторая.

Едва дверь за королевой захлопнулась, обе с жаром и повышенным энтузиазмом принялись одевать почетного гостя, чему я как-то быстро отвык сопротивляться, хотя и раньше не очень пытался.

Обе неспешно и неумело, но старательно застегивали и перестегивали крючки жилета, подтягивали мне штаны, и все это прижимаясь то и дело здоровыми девичьими телами с их зовущим запахом.

— Леди, — сказал я одной, что слишком глубоко засунула пальцы в мои штаны и пыталась там получше расправить складки рубашки, — не обожгитесь...

— Уже обожглась, — сообщила она радостно, — Господи, надо же... Когда же я наконец расстанусь с девственностью? Как вы думаете, принц?

— Приличной молодой леди, — сказал я наставительно, — надлежит сидеть у окна и вышивать крестиком, мечтая быть в скором замужестве покорной и даже послушной женой.

Она вскрикнула:

— Ой, я такая покорная и даже послушная!.. Что скажете, то и сделаю, даже не пикну!

Вторая фрейлина, уловив тень замешательства на моем лице, сказала заговорщицки:

— А я никому не скажу, правда-правда.

Первая проговорила обиженно:

— Почему?

— Ладно, — сообщила вторая, — расскажу всем, если, конечно, и мне будет позволено помочь гасить жар в ваших чреслах, ваше высочество!.. Хотя, помимо всего, тут поговаривают, что вы очень даже вовремя приехали, ваше высочество!

— Ты о чем?

Она сообщила страшным шепотом:

— Да тут всякое поговаривают...

— Ну-ну, — сказал я, — что поговаривают? Я хоть и мужчина, даже самец, но сплетни слушать люблю. Сам бы распускал, если бы умел, но для этого чего-то недовхватывает.

Она засмеялась победоносно и покровительственно:

— Да-а, это надо уметь!..

Я шутливо поклонился.

— Признаю ваше преимущество. Так почему я вовремя?

— Ваше появление, — прощебетала она заговорщицки, — может что-то изменить в королевстве. Или не в королевстве... Ну, так говорят, я же не знаю...

Первая сказала строго:

— Не изменить! Напротив.

— Что, — спросил я с испугом, — все сломать?

Она засмеялась, покачала хорошенькой головкой.

— Нет-нет, все оставить на своих местах. Заморозить.

— А-а-а, — сказал я догадостно, — кто-то хочет сломать, а я своим появлением как-то сломать не дам?

— Вы очень догадливы, — сказала она льстиво и чуть присела, растопырив платье и обращая мое внимание, что у нее вторичные признаки еще крупнее и мощнее, чем у королевы. Наверное, Елизавета нарочно выбрала именно этих фрейлин помогать ей одеваться, а потом оставляет их со мной наедине, чтобы услужить гостю по полной программе. — Именно так... если я услышала правильно.

— Подслушивать нехорошо, — сказал я строго.

— Да, — согласилась она виновато, — но как интересно!

— Любопытство не порок, — согласился я, — а дорога к знаниям.

— Вот-вот!

— Но это если любительница, — объяснил я деловито, — а вот если профессионалка... я имею в виду, шпионка, то подслушивать и подсматривать уже обязанность, а это не только опасно, но уже и не совсем интересно.

— Правда? — спросила она огорченно. — Жалко...

Щебеча и беспечно чирикая, они продолжали свою работу, я уже начал чувствовать себя так, словно и не было ночи с королевой в постели, а все еще впереди.

Они обе ощутили тоже нечто по моей реакции, переглядываются и перехихикиваются, густо краснея, пальцы вздрогивают и попадают мимо, что тоже бывает неплохо, иной раз еще как неплохо, однако я держался

стойко, хотя и хотелось довольно захрюкать, как большому толстому кабану, которого чешут и гладят.

Но я помню и то, что, когда кабана собираются резать, его чешут, он млеет и падает на бок, поворачивается на спину, растопыривая ноги и указывая, где еще почесать, и в этот момент всаживают разомлевшему дураку длинный острый нож точно в сердце.

Я предательства не жду, но слишком уж глупо выглядеть тоже не хочу, а только чуть глуповато, так надо, здесь же стараются, надо пойти навстречу и сделать вид, что почти совсем забалдел и как бы вне себя от удовольствия и предоставленных услуг с намеком на продолжение по моему заказу.

Едва они удалились, очень довольные собой и своим как бы превосходством, в покой неслышно зашел старший из слуг, поклонился и сказал ровным голосом:

— Ваше высочество, завтрак будет подан в ту же комнату. Вас проводить?

— Уже? — удивился я. — Долго же я сплю...

Он осмелился заметить:

— Буря, ваше высочество. Любой зверь забивается в нору и спит, силы бережет.

— А я еще тот зверь, — согласился я. — Хорошо, иди. Я еще почешусь немного, прозеваюсь... и приду.

Он неслышно отступил в коридор, зевота в самом деле раздирает мой рот шире Мексиканского залива, только чесаться не стал, королева отчесала всего, старается быть хорошей хозяйкой и оставить гостя донельзя довольным, сытым и накормленным во всех смыслах.

Часовые уже прониклись пониманием, кто здесь ху, салютуют мне стуком копий, как королю, если не больше, я делал вид, что да, это же как бы так естественно, и с таким выражением переступил порог, заулыбался, хотя в столовой приятный полумрак.

Вообще-то всегда предпочитаю яркий свет, когда ярко — всегда празднично, а полумрак... на любителя, к которым себя не отношу, а приятно здесь больше за счет умело подобранный обстановки, где все гармонирует одно с другим, у Елизаветы точно есть вкус...

Король Вольфганг и его королева уже за столом, этим дипломатично подчеркивают, что я — более важная персона, очень деликатные люди, а я вот свинья, и буду еще большей свиньей, если не уеду сегодня же.

— Доброе утро, — сказал я жизнерадостно, — приятного аппетита!.. Как приятно видеть, что буря стихла. Ну, почти...

Вольфганг покосился в сторону окна, там то и дело взметывается снег.

— Это не стихла, — ответил он вежливо, — а всего лишь чуть уменьшилась.

— Наполовину, — сказала Елизавета, — а при такой жуткой буре это почти ничего.

Я молча ждал, когда мне на блюдо переложат половинку жареного гуся, а когда вельможа вернулся на место, я сказал уже серьезно:

— Ехать надо. Потехе час, а делу все-таки все остальное время...

Вольфганг произнес медленно:

— Здесь никого не обманули ваши рассказы про охоту, ваше высочество.

Я ухмыльнулся.

— Я и не пытался. Это так... жест вежливости.

— Все так и поняли, — ответил он сдержанно. — Видимо, вас гонит что-то очень важное, ваше высочество.

— Если скажу, — сказал я, — не поверите. Потому да, это я за оленем погнался! Очень быстроногим.

— И выносливым, — согласился он, — вот так без отдыха пересечь два королевства... это был особенный олень.

— Потому я и гнался, — подтвердил я. — Стал бы я за простым оленем! Нет уж, мне подавай нечто особенное.

Елизавета гордо и вроде бы таинственно улыбнулась, хотя, думаю, Вольфганг все же заметил, хотя и не подал вида.

— Надеюсь, — произнес он ровным голосом, — это особенное того стоит.

— Еще как стоит, — ответил я серьезно.

— Тогда с вами наши молитвы, — сказал он. — Мне очень хочется, чтобы у вас получилось... Ричарда Завоевателя превратить в Ричарда Строителя!

— У его высочества все получится, — промурлыкала Елизавета. — Редко можно встретить в одном человеке такой дикий напор... и мудрую рассудительность. Если честно, то я таких людей еще не встречала.

Я сказал смущенно:

— Ну вот, совсем меня застыдили!.. Самозванцем себя чувствую. Нет, это я только прикидываюсь мудрым. Для этого нужно всего лишь вовремя и к месту говорить мудрые мысли, услышанные где-то или прочитанные в детстве.

— Да, — согласился Вольфганг, — вы правы, это совсем просто. Именно вовремя и к месту... Возьмите вон те перепелки!.. Зажарены по особому рецепту, что-то там в своем соусе и каких-то ягодах...

— Да, — поддержала Елизавета, — так готовить умеют только у нас!

— Спасибо, — ответил я. — Как раз и собираюсь на жраться на долгую дорогу.

Глава 13

Буря не стихла так уж совсем, отвратительный ветер несет навстречу снег, однако уже не сплошная пелена, где ничего не видно на шаг впереди, а так, просто буря, простая, житейская, какие семь-десять раз за зиму.

Королевский сенешаль граф Радольф Байхлинтен всячески выказывал свое неодобрение и встревоженность моими намерениями ехать в бурю, хотя, полагаю, втайне доволен, что опасный человек покидает королевство.

Вольфганг, очень сдержаный и серьезный, протянул мне тугой рулон, перевязанный красной лентой и даже запечатанный сургучом.

— Это карта северных дорог, ваше высочество.

— Благодарю, — пробормотал я. — Это весьма, даже зело весьма. А ущелья, пропасти, бездны всякие... указаны?

— Разумеется, — произнес он с недоумением. — Дороги обходят их по лучшим маршрутам. А как же иначе?

— Благодарю, — произнес я с чувством. — Мы все трое такие, нам бы только дороги, а все остальное приложится.

Сенешаль рядом слушает и кивает, хотя единственный, кто понимает, ни к чему нам дороги, а вот пропасти или бездны — это да, это весьма, с разгону да на большой скорости влететь в такое, костей не соберешь...

— Спасибо, ваше величество, — сказал я, — за прием...

Его лицо не изменилось, это я сам ощущил, что не то брякнул, потому поулыбался, сказал бодро:

— Я сохранию самые лучшие воспоминания...

Снова прикусил язык, даже взывал молча, что за дурак, что это я брякаю, все можно понять иначе, а не хо-

телось бы, хотя, конечно, воспоминания в самом деле сохраню самые сладкие, что-то в нас есть эдакое, ну да, такое запомнится лучше, но королю лучше об этом не знать, впрочем, он это и так понимает, главное, не говорить вслух, мы же интеллигентные люди, так что молчи и улыбайся, скотина.

Под порывами слабеющего ветра я поднялся в седло, проверил, как привязан седельный мешок, в нем теперь и та миниатюрная клетка с пленником, вскинул руку в прощании.

— Еще увидимся!

Они с крыльца, все в толстых шубах, пряча лица в высокие воротники, помахали руками, даже Елизавета, хоть и очень сдержанно. Мне показалось, что хотела послать воздушный поцелуй, но будет несколько неуместно, все-таки у нас была просто неплохая вязка, но не любовь. Высокому гостю были представлены все прелести ее тела для наслаждения и удовлетворения моего мужского «я», когда важна не просто женщина, а именно чтоб короля под тобой, распластанная и не способная отказать.

Бобик уже дважды бросался в сторону ворот и возвращался галопом, в глазах жгучее нетерпение, арбогастр топнул копытом, высекая длинные искры.

Я поднял арбогастра на дыбы, еще раз взмахнул рукой, и мы ринулись через бурю, все еще бурю, в сторону городских ворот.

Небо такое же белое, как и земля, впереди тоже все белое, у меня очень скоро заболели глаза, всматриваться вот так, в какое-то время даже пожалел, что покинул уютный дворец короля Меции, но тут уж точно надо было покинуть, лучше сейчас забиться в какую-нибудь пещеру и переждать бурю, чем оказаться в той сладко-постыдной роли...

Зайчик, похоже, видит лучше меня, время от времени резко сворачивает, я уже потом, оглянувшись, догадываюсь о глубоких провалах или даже отвесных стенах, засыпанных снегом так плотно, что не заметил бы, пока не шарахнулся бы на всей скорости.

Здесь на севере горообразование протекало бурно: часто торчат высокие и острые, как на Луне, пики и даже целые цепи, чудовищные разломы некогда растрескивали земную кору, где-то потом сдвинули снова, да еще с такой силой, что поднялись на месте стыка новые горы, а где-то и остались длинные и опасные ущелья, на дне которых кипит магма.

Я карту держал в памяти, Бобик после того случая далеко не убегает, осторожничает, постоянно оглядывается, а мы то разгоняемся, то резко тормозим и начинаем мучительно долгий и отвратительный обход невообразимо длинного ущелья, разделяющего два королевства лучше самых нерушимых границ.

В одном месте горы странно идут по кругу, все примерно одинаковые, чем-то напоминают королевскую корону. Потом я решил, что еще больше похоже на выплеск магмы из недр, что так и застыла кольцом, отметив то место, куда удариł огромный метеорит.

Буря почти стихла, я поехал, любопытствуя, по кругу, и остановился, как и ошарашенный Бобик: проход между двумя горами перекрывает странная зеленоватая дымка, что-то вроде тончайшей пленки, по ней бегут, изгибаясь и сворачиваясь в узлы, светящиеся линии.

Все это напомнило мне строение растительной клетки, но здесь чувствуется исполнинская мощь неведомых энергий.

А на строго равном расстоянии от обеих гор высится обыкновенная каменная арка из простых потемневших

от времени глыб гранита. Рядышком прохаживается часовой, обычный мужик с плотницким топором за поясом, зевает, чешется и поглядывает с тоской на темное небо.

Завидел нас, повернулся и стал смотреть с живейшим любопытством.

Я издали помахал рукой.

— Свои... Просто едем мимо. Можно к вам поглазеть, отдохнуть малость?

Он ухмыльнулся.

— А почему нет? Войско бы не пустили, а одного... пусть даже и с такой бойцовской собачкой...

— Она мирная, — заверил я.

Он широко ухмыльнулся.

— Еще бы. Наверное, и гавкать не пробовала.

— Верно, — согласился я, — зачем ей?

— Проезжайте, — сказал он. — У нас есть даже постоянный двор, во-он там сразу за мельницей.

— Благодарю, — сказал я.

Бобик, все еще играя крайне послушного, что ни шагу без позволения, прошел рядом с конем, благо только так и можно, а двое всадников стремя в стремя уже не проедут, ворота поставлены с трезвым расчетом.

Подсознательно я ожидал, что на той стороне зеленые деревья, цветущие кусты и колосящиеся нивы, однако снег, увы, есть, хотя все-таки совсем мало: зеленая кольцевая стена вздымается высоко, пропуская снег только сверху, но не давая разгуляться метелям, что переносят с места на место целые снежные массивы.

Арбогастр пронес меня мимо сельских домиков, впереди деревянные ворота города, обнесенного таким частоколом, что и коза перепрыгнет, но это, скорее, не сам забор, а обозначение границы города, за которой

уже владения сельских общин, весьма ревнивых в отстаивании своих прав.

Ворота распахнуты, стражи нет, мы проскочили в город, все-таки подзанесенный снегом, но дороги прочищены широко, на улицах его почти нет.

Здесь, похоже, вчера была оттепель, подтаяло, однако ночью снова ударил мороз, на улице гололедица, люди передвигаются осторожно, хватаясь за стены домов.

На крыльце дома впереди вышел низкорослый мужик в громадной шубе, полы подметают снег, но когда разогнулся, я увидел, что он стар, очень стар, но из тех дедов, что до последнего дня работают, пашут, что-то мастерят дома, но на полный покой не уходят.

Арбогастр идет уверенно, просекая лед копытами до булыжной мостовой. Я посмотрел на деда и вежливо поклонился.

— Доброго дня, уважаемый!

Он в свою очередь всмотрелся в меня зорко, даже ладонь приложил козырьком к глазам. По мне видно, что рыцарь, но я простецкой одеждой подчеркиваю, что незнатный, амбициозный и всего лишь безобидный ротозей и искатель приключений.

— Что ищешь, герой?

Я остановил арбогастра, старику выглядит бывалым, такие вот, постраничивавшие, чем-то отличающиеся от домоседов.

— Даже и не знаю, — сказал я честно, — как сказать... Мне весьма поручено найти Храм Истины.

Он вытаращил глаза.

— Чего-чего?

— Храм Истины, — повторил я терпеливо. — Но никто не указал, где он, какой он и что это за. Словно это

какой-то призрачный монастырь, что перемещается по своей или не своей воле. Потому вот начинаю спрашивать заранее...

Старик кивнул, но мне показалось, что в глазах мелькнуло изумление.

— Его все еще ищут?

— Не знаю, — ответил я, — но я вот ищу. Хотя пока еще нет, пру на север, но потом надо будет брать вправо или влево, вряд ли вслепую ударюсь лбом о его стены, я не такой везучий. Чаще других бью.

— Раньше, — сказал он, — таких ищущих Храм было больше. Сейчас словно повывелись герои. Но ты попал сюда вовремя...

Я насторожился.

— В самом деле?

Он повернулся, спина звучно хрустнула, как сухое дерево на ветру, пошарил взглядом по заснеженным крышам.

— Если поедешь вон по той улице... там на втором повороте налево... а еще через три дома будет такой серый, но с железной оградой. Тебе, герой, туда.

Я спросил быстро:

— Там знают дорогу?

Он ответил уклончиво:

— Там доживает век Джек Золотой Бродяга, он когда-то не только искал дорогу к Храму, но и, говорят, нашел...

Я сказал счастливо:

— Спасибо, отец! Вот уж не думал, что мне так повезет!

— Попспеши, — ответил он коротко и начал осторожно спускаться с крыльца.

Я хотел было послать аргогастра в галоп, но помимо воли соскочил и, подбежав к крыльцу, протянул старику руку.

— Обопрись, отец. Ступеньки обледенели.

Он сказал неохотно:

— Я пока еще и сам могу...

— Ты воин, — сказал я настойчиво, — и я воин. Нет стыда принять помощь собрата. Ни на поле боя, ни... после битвы.

Он пробормотал:

— Давно я таких слов не слышал...

Я держал руку протянутой, он наконец оперся, крыльцо блестит, покрытое корочкой льда, как глазурию. Я придерживал его, пока дед одолел все три ступеньки, и даже провел еще пару шагов, ибо с крыши натекло в оттепель, и теперь я сам едва удерживаюсь на обледеневшей дорожке, заметно выгнутой горбиком.

Лишь выведя его на улицу, где снег выскошен до брускатки, я отпустил дряблую старческую руку и вспрыгнул в седло.

Промчавшись по указанной улице, повернул на втором повороте налево, Бобик бежит впереди и, распугивая прохожих, старается угадать, что же я ищу.

Серого дома не оказалось, но, возможно, у старика уже с глазами проблемы, я крикнул одному из прохожих:

— Эй, парень, Джек Золотой Бродяга где-то здесь живет?

Он повернулся, с любопытством всмотрелся в меня.

— Ого, к Джеку давно никто не заглядывал.

— Где он?

Он повернулся и указал на довольно добротный дом, крыша заснежена, но вокруг чисто и даже подметено, из трубы поднимается бодрыми красивыми колечками белый дым.

— Спасибо, — сказал я. — А я вот загляну.

— Тогда вам лучше поспешить, — сказал он.

Я насторожился.

— Что стряслось?

— К нему отправился священник, — пояснил мужик. — Приболел наш Золотой Бродяга.

— Почему не лекарь?

Он криво ухмыльнулся.

— Именно потому.

Я поспешно повернул арбогастра в ту сторону.

— Вообще, — сказал парень с сочувствием, — последние дни он был очень плох... Много болел, да и не молод, скажем прямо.

Бобик, проследив за моим взглядом, ринулся вперед, благо тут точно нет засыпанных снегом щелей.

Снег от нужной калитки отброшен в стороны, а с той стороны вообще почищено достаточно широко до самого крыльца.

Бобик взглянул вопросительно, я сказал тихонько:

— Пока подожди здесь. Я за тобой вернусь! Поохраняй это копытное, ты у нас самый умный.

Он посмотрел гордо, ну да, что эти всякие копытные понимают, их надо вести и руководить, а я быстро взбежал на крыльцо и толкнул дверь.

Навстречу пахнуло теплым воздухом с сильной примесью лекарственных трав, а также запахом несвежего больного, даже смертельно больного тела.

За просторными сенями комната вся в старых вещах, хотя и дорогих, а старых только потому, что люди в возрасте очень не любят что-то менять из привычного.

На ложе хрипит распростертый навзничь старик, худой, изможденный, руки разбросал в стороны, судорожно комкает одеяло. Рядом с ним худенький подросток с самым угрюмым и тоскливым видом, на лице читается отчетливо: да когда же помрешь, старый пень, только место занимаешь, никакого от тебя толку...

Глава 14

Одеяло прикрывает старика только до пояса, все ребра легко пересчитать, живот запал, ключицы выступают резко и вызывающе, шея старчески дряблая, а лицо почти покойничье, такое же мертвенно-сухое и восково-желтое.

Я приблизился к ложу, всмотрелся в лицо умирающего. Бесконечно старое, кожа даже не пергаментная, а почти ороговевшая, как у ящерицы спина, глаза запали в пещеры черепа, будто и глазные яблоки ссохлись, потеряли влагу. Только седые брови, жесткие и негнувшиеся, торчат воинственно, хотя это у всех стариков так, у молодых они не растут, а у стариков начинают бурный рост, из-за чего приходится их постоянно подстригать.

Я сказал напоминающее:

— Герои не умирают, не сказав последних слов...

Старик прохрипел, не открывая глаз:

— Ты... кто...

— Слова великих, — сказал я, — записывают, чтобы передать потомкам. Думаю, тебе есть что сказать. Особенно о Храме Истины...

Он вздрогнул, под тонкой пленкой верхних век прокатилось нечто размером с вишню, сцепленные ресницами веки задрожали, пытаясь разомкнуться, я ощутил присутствие неких могучих сил, сердце застучало взволнованнее.

— Меня направили к Храму, — пояснил я, — но никто не указал дорогу. Доскажи, как туда покороче и побыстрее.

Глаза распахнулись резко и так страшно, что я отшатнулся. Огромные, как куриные яйца, только сильно переваренные, в этом случае белизна переходит в синеву, но у этого радужной оболочки абсолютно просто ужасающее черная.

Он начал поворачивать голову, отыскивая меня жутковатым взглядом. От входа раздался надсадный скрип несмазанных петель и задыхающийся голос:

— Простите... дороги плохие... скользко везде... ох, тяжело как...

— Ваше преосвященство, — вскричал голос, — поскорее, он не должен умереть без причастия!

В комнату ввалились двое, крестьянин среднего возраста поддерживает старенького и грузного священника. Тот задыхался, хрипел, прижимая крест на груди толстой книгой, но сразу же дотащился до ложа, почти упал на сиденье старенького кресла.

— Лаудетор, — проговорил он хриплым измученным голосом, — Езус Кристос... Господи, что это?

Он ухватился за крест, руки затряслись. Я замер, ощущив присутствие чужих сил, а священник начал отчаянным голосом читать молитву изгнания дьявола и всех бесов.

Старик на кровати захрипел, его тело выгнулось дугой, на губах выступила пена.

Я сказал быстро:

— Может быть, пусть сперва скажет...

— Молчи, — вскрикнул священник. — Нужно спасти его душу!

— Да, но...

Он повысил голос и говорил уже громко и безостановочно, однако старик точно не слышал. Его лицо перекосило ужасающей гримасой, из распахнутого рта повалил клубами черный дым.

Я отшатнулся, из дыма поднялась и оформилась в нечто человеческое фигура, вся лохматая и постоянно меняющая очертания, словно центробежные силы пытаются раздернуть черный дым, но тот яростно сопротивляется и удерживает нужную форму.

Странный шипящий голос заполнил шелестом всю комнату:

— Он не ваш...

Священник вскрикнул:

— Изыди, сатана!..

Фигура повернулась в его сторону. Священник выставил перед собой крест, рука тряслась, слова молитвы начали путаться, перескакивать, голос истончился.

Черный призрак потянулся к нему черными лапами, где появились длинные когти и начали укрупняться.

Я крикнул:

— Эй-эй, морда!.. Ты много себе позволяешь!

Призрак повернулся ко мне, а на том месте, где у него голова, зажглись две багровых точки, явно протоглаза. Я сосредоточился, представляя нечто важное из того, что у меня в седельной суме, а призрак, набравшись сил, метнулся на меня с неистовой быстротой.

Я слышал вскрик священника. Призрак ухватил меня черными туманными лапами, я ощутил смертельный холод, в глазах потемнело, но собрался с силами, ударил раз, другой.

В глазах посветлело, черная фигура опустилась на пол, расползлась там смрадным дымом и рассеялась.

Священник прокричал:

— Что это... у вас?

Я показал кулак, вооруженный медным кастетом.

— Это святое оружие. Из Ватикана.

Он перекрестился, взглянул с испугом.

— Кто вы?

— Просто паладин, — ответил я скромно. — У меня свои методы, а у церкви свои тайны.

Кастет я снял с руки и сунул пока в карман, не стоит демонстрировать незнакомым еще и искусство исчезновения или переноса.

Священник устало опустил крест и книгу, посмотрел на мертвое лицо старика, сейчас такое дряблое, словно умерший пролежал здесь со времен фараонов.

— Господь послал вас вовремя, — проговорил он слабым голосом. — Вы... сумели.

— Господь часто меня посыпает, — согласился я. — Долг есть долг... Но все-таки я опоздал.

— На все воля Господа, — ответил он слабым голосом и перекрестился. — Кто знает... возможно, так и задумано.

— Аминь, — согласился я и тоже перекрестился. — В народе говорят, только этот человек ездил к Храму Истины?

Он кивнул.

— Вам не соврали.

— Но, — сказал я, — он его не достиг? Или достиг?

— Достиг, — ответил священник коротко. — Увы, гостей там не принимают, а только послушников. А как послушник он оказался слаб...

— В вере?

Священник сдвинул плечами.

— Вере, послушании или искусах... кто знает? Но он вернулся однажды... уже другим.

Я спросил с сочувствием:

— С этим, что у него было... внутри?

— Тогда этого никто не знал, — пояснил он.

— Значит, монахи Храма Истины ему навредили?

Он опустил голову.

— Никто не знает, каков этот Храм. И кто в нем обитает, а то и живет. Легенды, естественно, говорят о святых праведниках и чудотворцах, что и понятно...

— Народу нужны такие легенды, — согласился я. — Надежда умирает последней, без нее жить вообще тоскливо. Даже королям, не только простому народу. Хорошо, это я учту.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Вы тоже в Храм?

— Надо, отец, — ответил я. — Не для себя, я бы в глаза этот Храм не видел, очень мне нужны эти праведники, хотя теперь уже сомневаюсь, что это именно праведники! Но церковь велела, а что у нас выше церкви?

Он ответил коротко:

— Это хорошо.

— Что, преподобный?

— Что не для себя, — пояснил он. — Иди с Богом, сын мой.

Он перекрестил меня, я смиленно склонил голову и сказал громко:

— Аминь.

Он проводил меня до выхода на улицу, перекрестил еще и в спину, я ощутил тепло, деревенские священники иногда бывают в святости намного сильнее королевских епископов.

— Пусть Господь, — повторил он, — всегда будет с тобой.

— Спасибо, — ответил я. — Святой отец, а вы все-таки спасли его душу! Изгнать беса в последний момент... и такого могучего, гм... это немалый подвиг.

Я не видел, спускаясь с крыльца, его лицо, но чувствовал, что он улыбается. Всем нам приятно, когда замечают наши добрые дела, хотя мы люди Господа и должны быть скромными, аки голуби... или кто-то там из птиц еще, что не клюют руку, которая их кормит.

И все-таки мой самаритянский поступок, когда я долго и бережно сводил того старого пня с крыльца, вышел мне боком. А потом еще и придерживал, пока тот, едва шевеля клешнями, выбирался на улицу!

Езжай я сразу мимо, этот Джек Золотой Бродяга успел бы сказать мне, какой дорогой, а то и чего мне там ожидать, как встретят и что спросят. Да хотя бы дорогу указал, и то хлеб, а сейчас вот щелкай хлебалом и при наугад, а там уже ищи, где и что, но у пингвинов дорогу не спрашиваешься, пингвины они как бы и есть пингвины, как их ни защищай.

Бобик на бегу времени от времени оглядывается, не понимает, что со мной, почему мрачный, все так здорово: буря утихла, даже снег не идет, тучи расходятся, то и дело проглядывает солнце, под лапами иногда хрустит, иногда трещит, когда ломимся напрямик через кустарники.

Я держу в памяти карту, чтобы вовремя огибать широкие ущелья и овраги, а неширокие перепрыгивать с разгону. Куда проще с реками: лед сковал намертво, проносимся со звонким цокотом, пугая заснувшую под ледяной крышей рыбу.

Однажды дорога пошла по высокогорью, снег оттуда сдувают вниз в долину, я сразу обратил на аккуратно вымощенную дорогу, хотя зачем мостить так далеко от жилья...

Я присмотрелся, холод прокатился по телу. Дорога вымощена черепами, словно булыжниками. Не поверил своим глазам, останавливался дважды, слезал и выковыривал из промерзлой земли в разных местах то один, то другой человеческий череп. Все верно: вбиты в почву челюстями вниз, а мы втроем двигаемся, ступая по округлым макушкам, набитым плотно землей, чтобы не проламывались под копытами.

Слишком много людей, мелькнула злая мысль. Вообще-то их очень не скоро станет на самом деле слишком много, но сейчас в самом деле уже тесно, когда в каждой семье по семь–двенадцать детей. Лишь двое могут остаться на той же земле, остальным нужно

либо выплескиваться на поиск новых земель, либо... гибнуть в междуусобных сражениях, пытаясь отвоевать клок земли у соседей.

Бобик впереди остановился, замер, делая вид, что он породистая охотничья собака, заприметившая добычу.

Я придержал аргогастра, и мы приблизились уже на неспешных рысях. В двух сотнях ярдов слева по параллельной дороге пешие воины возвращаются из успешного набега.

Что успешный, видно по обозу позади, с десяток телег, нагруженных доверху разным скарбом, а следом тянутся связанные пленники, женщины и молодые девушки. Мужчин нет, что и понятно, черепа на дороге явно только мужские.

Сердце начало постукивать чаще, наполняя жилы горячей кровью. Весь отряд в устрашающе рогатых шлемах, а на месте забрал звериные морды из железа. Вернее, шлемы простые, цельнометаллические, а для глаз две узкие щели.

Доспехи тоже рассчитанные на устрашение крестьян, а не на функциональность в бою, эти шипы и выступы мешают больше себе, чем противнику.

Воины почти все крупные и толстые, у всех у нас это ассоциируется с огромной физической силой, что обычно верно, но опять же среди простонародья, у которого нет другого оружия, кроме кулаков.

Я обнажил меч, сердце стучит уже часто и яростно, в голову ударила горячая кровь, и безумие начало затоплять мозг, как раскаленная лава из кратера вулкана.

Как же ненавижу эту тупую мразь, способную только грабить, насиливать, отнимать и нагибать, как ненавижу лордов, что посылают их подчинять деревни и села, где в силу каких-то причин крестьяне не сумели вовремя заплатить налоги...

Арбогастр понял, начал ускорять бег, дыхание у него пошло такое же хриплое и яростное, как у меня, уловил мое настроение. Земля грохочет под копытами, а снежная пыль взлетает за нами вместе с крошевом гранита.

Они даже не сообразили сразу, что же их разнесло, как ураганом стог гнилой соломы. Я пронесся над землей подобно гигантскому метеориту, именуемому здесь хвостатой звездой, сшибая с ног, разбрасывая и раскидывая так, что редко кто находил силы даже пошевелиться, не то что подняться и броситься в бой.

Наконец поднялся запоздалый крик, многие просто застывали в ступоре, глядя на одинокого всадника, что в бешенстве бросается на целые группы воинов и рубит остервенело, как сочную траву, другие со вскинутым оружием бросились ко мне со всех сторон.

Я не стал ждать, пока возьмут в кольцо, пронесся по кругу, с бешеною скоростью нанося короткие точные удары, и за мной всякий раз остаются плавающие в крови трупы.

Наконец бросились врассыпную, запоздало ощущив ужас, но я, озверев, продолжал догонять и рубить, ибо человек если зверь, то всем зверям зверь, и остановил коня лишь после того, как догнал последнего и, привстав на стременах, с наслаждением развалил это злобное животное от середины шлема до пояса, чувствуя нехорошую дохристианскую радость.

Молиться над трупом не стал, Господь меня задумал и создал именно таким, так что я не должен пытаться своими жалкими силами что-то изменить, я человек огня и железа, создан по его образу и подобию, потому я есмь царь природы, доминант, и останусь им.

Спасенные жалко овечатся за повозками, все привязанные на одну длинную веревку, на меня смотрят со страхом и надеждой.

Одна женщина со стоном рухнула на колени, не сводя с меня отчаянного взгляда.

— Отпусти нас!..

— Отпусти или убей!.. — прокричала другая. — Я больше не могу...

Почти сразу и остальные, везде должен быть лидер, закричали жалобно:

— Освободи нас!..

— Лучше ты возьми нас хоть рабами...

Я поднял коня на дыбы и закричал во весь голос:

— Тихо!.. Я просто освободил вас!.. Вот и все. Возвращайтесь либо по домам, либо ищите помощи... хотя бы во-он в том селе. Я не могу вами заниматься.

Женщина прокричала, протягивая ко мне дрожащие истертые веревками в кровь руки.

— Но как ты можешь бросить нас?

— Мы беспомощные, — крикнула другая. — Ты должен!

— Ты обязан!

— Ты же рыцарь!

Я стиснул челюсти, крикнул бешено:

— Здесь целый обоз!.. Это все теперь ваше!.. Берите одежду и оденьтесь теплее! Верните себе все отнятое у вас, все награбленное у других... Вы что, совсем овцы? Тогда не жалуйтесь, что вас стригут и дерут шкуры!

Они что-то кричали еще, уговаривали и упрашивали, однако я повернул коня и пустил его в галоп. Да, я поступил мерзко и бесчеловечно, надо было остаться и нянчиться с ними, вытирать им носы и утешать, заботиться, устраивать в жизни, я же гуманист, как бы ни изdevался над самой дурацкой сутью гуманизма, все-таки эта червоточина во мне как-то да завелась, сам не знаю почему, потому нелегко плюнуть на эту гнилость души и поехать по своим делам...

Но что делать, если всем по дороге утирать носы, до Храма Истины никогда не доберусь, а о себе тоже думать надо, я хоть и гуманист, но не совсем уж прибитый иисусик.

От того, что повытираю им носы, удостоюсь звания Почетного Гуманиста, но летом всех нас убьет Маркус, а если вот промчусь мимо без всякого гуманизма, то, может быть, вместе в Храме придумаем, как остановить Маркус или не пустить его на Землю. Или вообще-то принять какие-нибудь меры.

Часть третья

Глава 1

Бобик бежит все так же впереди, но даже так на-тыкаемся на зверушек, не успевших отпрыгнуть в сторону. Дважды останавливался с оленем в зубах и довольно совал мне добычу, один раз ухватил кабана и держал его на весу в зубищах, пока тот бешено извивался и бежал по воздуху, не понимая, почему остается на месте.

— Ну что ты такой несерьезный, — сказал я с мягким укором. — Мы прем, можно сказать, в Высшую Академию, а ты зайчиков ловишь...

Он посмотрел с укором и выше приподнял кабана, чтобы я лучше рассмотрел этого зайчика.

— Отпусти, — велел я. — Будем кротки, аки голуби... По крайней мере пока не доберемся до места.

Он взглянул с изумлением, в крупных детских глазах читается недоумевающее: зачем?

— Надо нарабатывать репутацию, — объяснил я. — И хотя перед смертью не надышисься, но лучше, чтобы от нас не пахло кровью, когда появимся на пороге.

Он с неохотой отпустил кабана, но тот, вместо того чтобы удрать, завизжал оскорбленно и бесстрашно ринулся на обидчика, как таран, наклонив голову для удара клыками.

Бобик отпрыгнул, пропуская его мимо, а я прокричал:

— Вперед!

И снова то вламываемся в кусты и проносимся сквозь них, ломая промерзшие ветви, как мелкие со сульки, то мчимся по равнинам, и лишь на высокогорьях и перевалах приходится сбавлять бег, лавировать, избегая столкновения с выпрыгивающими навстречу скалами.

Однажды пришлось вообще перейти на шаг, пробираясь в узком ущелье между крупными валунами, покрытыми ледяной коркой, по ним не поскакешь.

Даже Бобик с его алмазными когтями срывался с валунов, оставляя на льду глубокие царапины, а мы вообще пробирались, высматривая близкий выход из расширяющегося ущелья.

Бобик первым услышал неясный шум, что доносится из-под земли, остановился и злобно зарычал.

Я на всякий случай обнажил меч и подготовился либо драться, я же рыцарь, либо удирать — никто не увидит, а политик должен быть гибким в решениях.

Земля перед нами задрожала, валуны раздвинулись, а снизу из снега начала выпачиваться, треская мерзлую землю, серая кочка, облепленная травой и корнями.

Бобик зарычал громче, отступил, глаза начали разгораться красным. Земля с поднимающегося бугра продолжает ссыпаться, среди комьев блеснуло пурпуром.

Арбогастр фыркнул и ударил под собой копытом. Осколки льда красиво брызнули во все стороны, а с кочки земля наконец ссыпалась вся, не с силах зацепиться за абсолютно ровные отполированные грани гигантского кристалла, насыщенного радостно ликующим цветом.

Я охнул, на поверхность поднялся огромный, как крыша небольшого дома, рубин. Настоящий сверкаю-

ший рубин, красиво ограненный, безукоризненно элегантный.

Я раскрыл рот, даже не представляю, сколько такой может стоить. За него можно купить не только королевство, а целый континент, но кто его купит, камни такого размера вообще не имеют цены. Но самое главное, наверное, и самое ценное для чародеев, что это именно рубин, у них странное свойство запасать магическую мощь, затем выпускать узконаправленным лучом...

Арбогастр, повинувшись моей команде, дважды прошелся по кругу, держа сокровище посередине. В самом деле несметное, но что мне с ним делать? Взять не могу, оставить — тоже, какой-нибудь болван наткнется и постараётся использовать его мощь, чтобы убивать и разрушать все вокруг, мужчины только так и доказывают свою силу и значимость...

Сверху то и дело возникало чувство опасности, я пару раз поднял голову, камни там вроде бы держатся крепко, а если какой вздумает скатиться, услышу по грохоту и отпрыгнуть успею, я иногда еще тот кузнецчик...

Бобик тоже промчался вокруг, но быстро потерял интерес, камень и есть камень, а ценным его считают люди по своей глупости, они вообще мало что понимают, хорошо хоть собаки научили их бросать сильно и далеко палку...

Опасность резко приблизилась, я быстро посмотрел по сторонам. Сверху обрушилось тяжелое тело, цепкие руки больно зажали мое горло локтевым захватом.

Я пытался удержаться в седле, но в глазах потемнело, мы рухнули на промерзлую землю. От удара лбом в мерзлую землю сверкнули искры.

Я вскрикнул от дикой боли, чувствуя, как в шею вонзились острейшие зубы.

Кровь потекла мне на грудь, я заорал и, ухватив косматое тело на своем загривке, с силой дернул, однако держится крепко, некоторое время мы боролись, над нами внезапно гневно фыркнуло, и цепкие лапы на мне ослабли.

Я кое-как отодрал от себя когти, спихнул с себя безвольное тело и поднялся на трясущихся ногах. По шее несколько мгновений еще текла кровь, но я ощутил, как перестает качаться мир, а ноги дрожат все меньше.

— Спасибо, Зайчик, — прошептал я. — У тебя крепкие копыта...

На земле распростерто ужасное косматое тело, с ног до головы покрытое длинной шерстью. Я подошел уже с обнаженным мечом в руке, чудовище дернулось и на глазах довольно быстро начало менять форму.

Когтистые мускулистые лапы стали тоньше и короче, звериная голова превратилась в милое женское лицико, а через минуту перед нами тремя, даже Бобик подошел полюбопытствовать, оказалась распростерта на земле молодая женщина с бледным испуганным лицом, платье разорвано в трех местах, ноги голые, ступни совсем посинели от холода.

Она распахнула глаза, в них страх и непонимание, всмотрелась в меня, перевела взгляд на арбогастра, что спас меня ударом копыта, на страшного Бобика.

— Кто вы?.. Где я?.. Что со мной?

— Все в порядке, — сказал я успокаивающе. — Тебя привели в чувство.

Она прошептала:

— Как?

Я ответил уклончиво:

— Как правильно приводят в чувство всех женщин. Хороший, кстати, способ. Действенный. Жаль, не я его придумал.

— Что было со мной?

— Распустилась, — пояснил я. — Вошла в раж и... не смогла выйти. С женщинами такое бывает часто, но сейчас все в порядке.

Она прошептала с надеждой:

— Правда?

Я кивнул.

— В твоих глазах страх и уважение, а что нам, мужчинам, еще надо?.. Поднимайся, я тебя подброшу до ближайшего села.

Она сказала жалобно:

— Я не помню, откуда я.

— Сочувствую, — ответил я нужным тоном, слова дежурные, потому сами легко катятся с языка, но ответил твердо: — До ближайшего села!

Она прошептала:

— А как же...

Я поднял кверху ладонь.

— Стоп!.. Ни слова. У тебя свои проблемы, у меня свои. И мои, возможно, побольше твоих.

Она вздрогнула, обхватила себя за плечи тонкими руками, а на меня посмотрела со страхом и надеждой.

— Мне холодно. Обними меня! В тебе есть сила, я чувствую. Я моментально согреюсь.

— Знаешь, — сказал я нервно, — не люблю магию, да еще с зубищами.

Она протянула ко мне прекрасные руки, голос произвучал тонко и жалобно, как у раненой птицы:

— Но я все еще чувствую в себе это зло!.. Обними меня, чтобы освободить мою душу... Спаси меня!

— Ну да, — ответил я нервно, — как же... а ты снова... укусишь?

— Нет, — вскрикнула она. — Клянусь!..

— Чем?

— Своей кровью! Кровью своей матери!

Я заколебался, но сказал на всякий случай:

— Поклянись честью рода, каким бы он ни был.

Она запнулась, в глазах появились красные точки. Я рывком, чувствуя стремительно растущую опасность, выбросил вперед руку с обнаженным мечом. Острье вошло ей в живот, она закричала еще жалобнее, ухватилась обеими руками за лезвие, кровяня нежные пальцы.

Я в испуге и раскаянии дернул меч на себя. Она откинула голову, глядя на меня неверяющими и обвиняющими глазами.

— Ты... ты меня... убил...

— Еще нет, — ответил я торопливо. — Тебе еще можно помочь. Не шевелись...

Я отбросил меч, сделал быстрый шаг вперед, осталось только коснуться ее лба... Навстречу пахнуло жутким холодом. Ее тело в долю мгновения стало голубовато-прозрачным, превратившись в чистейший лед.

Сухо и страшно треснуло. Я инстинктивно прикрыл ладонями лицо. По всему телу застучали тысячи осколков, кисти рук в самом деле как будто иссекло начисто, но я в испуге взглянул и перевел дыхание: доспех Нимврода работает...

На месте странной женщины не осталось даже ледышки, во все стороны на полсотни шагов ровный слой стены иссечен, словно мелкими норками.

Я почти не ощутил от потрясения боли в ушибленных осколками ладонях, ран нет, а кровоподтеки затянутся, но сердце мое колотилось, напротив, все учащенное.

Дурак, я почти поддался ей, мужчины этого мира не убивают вот так женщин, особенно настолько прекрасных, и я постепенно отхожу от принципов демократии, хотя, признаю запоздало: демократия — это благо, позволяет убивать женщин так же или почти так же легко, как и мужчин, что очень облегчает повседневную жизнь.

Я потер ладонью шею, все-таки доспех Нимврода хоть и спас от осколков, но сплоховал, когда дело касалось зубов. Или защищает только от рубящегося колющими, а также от стрел и камней, а вот так от укусов... гм... от зубов должен бы в первую очередь, сам Нимврод охотился именно на зверей и чудовищ... если только эта вот не появилась на свет в недавние времена, когда доспех был уже сформирован и новому не обучался.

Бобик пробежался по тающим осколкам, в глазах недоумение, даже он не понял, чего это с нею, значит, это чудовище создано сравнительно недавно.

В лицо свирепо дует колючий северный ветер, с дороги смело снег, и копыта арбогастра стучат сухо и звонко по колчам застывшей в камень земли. Заснеженные деревья снова оголились, тревожно качая голыми ветками, снег начал было порошить слегка, убеляя землю, но вскоре перестал, и мир снова стал чист и ясен.

Чувство опасности вяло проснулось и так же вяло и сонно прошептало, что появилась опасность, приближается, но медленно, неспешно...

Я повертел головой, наконец увидел вдали две темные точки в небе. Они медленно вырастают в размерах, а это значит, двигаются в мою сторону. Это не значит, что ко мне, я пока что здесь инкогнито, однако выживает тот, кто всегда настороже...

Мы сближаемся, арбогастр идет крупной рысью, я наконец рассмотрел их во всей красе: две гарпии летят красиво и хищно, крылья растопырены, отчетливо вижу когти, длинные и блестящие, слишком длинные и слишком блестящие, природа ничего не делает для красоты в том значении, как ее понимает человек.

Я взял в руки лук Арианта, прикинул взглядом расстояние. Они заметили нас троих, пошли прямо, круто снижаясь.

Одна обратила внимание, что я наложил на тетиву стрелу, прокричала звонким женским голосом:

— Ах, рыцарь! Ты так хорош!..

— Ты так красив, — крикнула вторая и расхохоталась.

— Опусти лук, — велела первая, — твои стрелы нам не повредят, но ты нас так рассердишь...

— А когда мы сердитые, — объяснила вторая, — мы очень... нехорошие.

Обе расхохотались, будто такие уж хорошие, когда не сердитые, ага, так и поверил.

Я быстро натянул тетиву, отпустил стрелу и тут же наложил вторую. Гарпия летела ко мне с гнуснейшей усмешкой на морде, начала вытягивать вперед руки.

Стрела ударила ее в шею, кровь выплеснулась фонтанчиком и начала с силой рассеиваться следом. Гарпия вскрикнула страшно, попыталась свернуться, я толкнул арбогастра в сторону. Тяжелое тело с силой ударилось рядом о покрытые льдом камни, перевернулось и вытянулось на тропе вверх лицом.

Вторая гарпия резко развернула торчком широко раскинутые крылья, ухитрившись на мгновение остановиться в воздухе так, словно опирается ногами на землю. Я видел быстро растущий ужас на лице, но стрела уже ударила в левую грудь, погрузилась по самое оперение, разбрзгивая скучно красные капельки крови.

Гарпия рухнула вниз лицом, острие пробило ее насквозь и высунулось из-под лопатки.

Бобик подбежал, я не успел сказать «Фу, плюнь!», как тот пихнул ее носом и перевернул на спину. Она раскинула широко безвольные руки, крылья под нею

кажутся непомерно широким плащом, лицо искажено болью, изо рта течет кровь, а в глазах ужас и понимание близкой смерти.

— Ты... кто...

— Раньше надо было спрашивать, — ответил я.

— Твои стрелы...

Я оглянулся на ее подругу. Стальное острье перебило артерию, кровью забрызгало так, словно здесь забито стадо быков, а сама гарпия лежит с вытаращенными глазами уже без признаков жизни.

Стрела все так же торчит из шеи, из-за чего голова повернута под неестественным углом, а глаза дико скосены с того момента, как пыталась не упускать меня из виду.

— Да, — ответил я, — мои стрелы... не простые, верно? А вы обе ах-ах, рассчитывали на сладкую безнаказанность... на чем мы все обычно и горим...

Ее лицо перекосилось жуткой гримасой и застыло. Бобик вернулся к нам, посмотрел на арбогастра, на меня.

— Конечно-конечно, — ответил я, — с песней или без песни, но... вперед и дальше!

Дорога пошла вдоль леса, на обочине трое саней, на одних уже заботливо увязанные дрова и сухие лесины, двое пустых. Возниц нет, но из-за деревьев доносится стук топоров.

Мы миновали сани, открылась прогалина, где мужики торопливо орудуют топорами и постоянно оглядываются по сторонам, словно воруют.

Нас троих это заинтересовало, мы свернули с дороги и приблизились почти неслышно. Рубят лес трое, пятеро стоят вокруг с оружием в руках, трое с луками наготове, двое с длинными копьями.

Я сказал бодро:

— Бог в помощь!

Глава 2

На меня смотрели уважительно и одновременно с испугом, стрелки опустили луки, но не убрали, а копейщики все так же сжимают в руках длинные копья и смотрят настороженно.

Один наконец поклонился и сказал почтительно:

— Спасибо, господин. И вам того же.

— Что-то случилось? — спросил я. — Или это ваши пленные, что на вас так усердно работают?

Один из лесорубов криво улыбнулся, воины переглянулись, один переспросил туповато:

— Пленные?

— Ну да, — сказал я. — Трое рубят лес, пятеро с оружием стерегут, чтобы не разбежались...

Лесоруб, который первый заулыбался, опустил топор и сказал невесело:

— Вон те двое с копьями — мои братья.

— Ого, — сказал я, — междуусобная война?

— Они не стерегут, — пояснил он тяжеловесно, — а охраняют. Тут появились, говорят, гарпии. На той неделе одного из нашей деревни задрали.

— Может, — предположил я, — волки? Или медведи?

Он покачал головой.

— Нет, гарпии. Точно. Их видели. Так что те с копьями и луками первыми могут погибнуть, охраняя нас.

Я присвистнул.

— Да-а, так любая экономика рухнет, если работать будут трое, а гулять с оружием пятеро... А что, раньше их не было?

— Не было, — подтвердил один из копейщиков. — Неделю назад и появились.

Я сказал буднично:

— Двух я только что подстрелил, вон за теми деревьями лежат в красивых позах... гм, одна даже ноги раздвинула. Сходите, посмотрите, вдруг кого-то из своих жен узнаете. Такое бывает, говорят. Но вообще-то лучше понять, откуда берутся, а потом накрыть все гнездо. Не пробовали?

Они переглянулись, двое копейщиков тут же побежали трусцой по дороге, откуда я приехал. Оставшиеся смотрели на меня и Адского Пса во все глаза.

Один из лесорубов сказал очень вежливо:

— Вы странствующий рыцарь, это видно... Ищете опасности, совершаете подвиги, очищаете землю от чудовищ, защищаете женщин и детей... но мы простые крестьяне! Ничего не держали в руках кроме ложки и плотницкого топора...

— Плотницкий топор, — сказал я, — такое же боевое оружие! Если отыщете нору гарпий или гнездо, то десяток копейщиков и полдюжины парней с топорами быстро покончат с этой гадостью.

Он развел руками.

— Ваша милость, когда нам искать?.. Если не нарubbим дров, наши семьи замерзнут... И так все время что-то не дает пойти, вот как вы, гордо и красиво искать чудовищ.

Второй уточнил:

— У господина рыцаря, наверное, семеро детей не хватают за полы и не просят есть.

Я развел руками.

— Ваша взяла!.. Мир погибнет, если я слезу с боевого коня и возьмусь за плуг, но мир погибнет и в том случае, если вы оставите поля и возьмете в руки мечи...

Двое сказали в один голос:

— Святые слова, господин рыцарь!

Я повернул коня, сказал через плечо:

— Пусть Господь всегда будет с вами, как Он с вами сейчас...

Бобик ринулся обратно, выскочил на дорогу и понесся по накатанному снегу, весело взбрыкивая и поглядывая по сторонам, где бы отломить бревнышко и сунуть мне в руки, чтобы я бросал и бросал до ночи как можно дальше.

Арбогастр не успел разогнаться, как Бобик впереди остановился, весело гавкнул и оглянулся. Впереди лошадка, упираясь так, что трещит спина, тащит нагруженные хворостом сани, а сзади толкает мужик в короткой старой шубейке.

Как только сани выбрались на более накатанную дорогу, он забежал вперед, прыгнул на передок и, ухватив вожжи, бодро заорал что-то веселое.

— Бобик, — сказал я строго, — держись сзади. А то с перепугу застрянет так, что тебе же и вытаскивать...

Он послушно пропустил нас вперед, а мы догнали сани. Мужик оглянулся на стук копыт, сперва на лице мелькнул испуг, но по моему виду решил, что не грабитель точно, слишком добротно одет и на явно дорогом коне, рыцари крестьян на дорогах не грабят, у них грабеж красиво и благородно именуется налогами.

— Ваша милость? — вскрикнул он первым.

— Хорошая погода, — сказал я весело, — только как-то неспокойно здесь...

Он заметно напрягся.

— Ваша милость?

— Там в лесу встретил двух гарпий, — пояснил я.

Он оглядел меня с головы до ног, прежде чем ответить.

— Вы до них дотянулись первым, как погляжу?

— Ну да, — сказал я. — Мужчины двигаются быстрее, чем женщины.

— Если не слишком толстые, — уточнил он, — вон у нас есть один бугай... его жена постоянно лупит, а он ее даже не поймает. Но это хорошо, что вы их прибили. А то народ боялся в ту часть леса показываться. Не у всех же мечи и доспехи...

Я промолчал, что мечи и доспехи не помогают тем, кто не привык ими пользоваться, поинтересовался:

— А почему их так много?

Он насторожился, переспросил:

— Много?

— Вообще, — сказал я. — Я проехал всего пару миль, а прибил этих крылатых пару, а до этого одну какую-то, что превратилась в лед, и, думаю, это еще не все в этих краях.

Он вздрогнул, посмотрел на меня расширенными глазами. Я ответил беспечной белозубой улыбкой человека, которому все по фигу и потому как раз по плечу.

— Ого, — произнес он с тревогой и одновременно облегчением, — тогда вы почти полностью очистили этот лес...

— Да вот такой я чистильщик, — согласился я. — А почему они, а?.. А когда умирают, то все какие-то одинаковые?

— Ваша милость?

— Все примерно одного возраста, — сказал я, — все брюнетки... э-э... черноволосые.

Он зыркнул на меня исподлобья.

— Говорят, светловолосые добре. Особенно те, у кого волосы словно из золота. А те, у кого волосы как ночь, — уже в душе ведьмы.

— Ну, — сказал я, — вообще-то все женщины — ведьмы, только в разной степени.

— Вот-вот, — подтвердил он, — золотоволоски чуть-чуть, а темноволосые... ух, только держись! А у кого во-

лосы черные, как воронье крыло — этих и спрашивать не надо, ведьмы!

— Похоже, — согласился я, — кто-то из местных колдунов разделяет это мнение.

Он продолжал поглядывать на меня исподлобья, но помалкивал, только чаще подергивал поводья, не давая лошаденке переходить с бега на шаг.

— Угадал? — спросил я.

Он нехотя наклонил голову.

— Да... Вот там башня, сейчас покажется из-за вон тех берез, а в ней живет колдун. Даже не колдун, а, как говорят, чародей. Вообще-то вроде не злой, дважды мор отгонял от наших деревень, тучи с дождем пригонял, приплод у овец вдвое... Но все же поговаривают, что он забирает иногда молодых женщин, а вовсе не они сами заблуживаются в лесу...

— Женщин, — сказал я, — ну, а как же... Нормальные здоровые вкусы. А потом, когда они выказывают свои истинные натуры, превращает их в то, на что становятся похожи в процессе тесного общения, очень тесного общения? А затем и вовсе выпускает в лес?.. Вообще-то понятный способ рвать отношения, гм...

Дорога повернула, из-за березовой рощи выплыла на далеком холме исполинская башня из серого камня. Все глыбы прилажены настолько умело, что снегу негде зацепиться, только на остроконечной крыше совсем малость, а внизу чисто и не затоптано, хотя последний снег выпал несколько дней тому.

Мужик бросил на меня косой взгляд.

— Видите? Это все оттуда...

— Чародей живет там?

— Да.

— Он что, — спросил я, — на рынок не ходит? Следов совсем нет.

Мужик усмехнулся.

— Шутите?

— Шучу, — согласился я, — но все-таки надо спросить, почему не ходит на рынок. Это же наносит ущерб торговле. Все жители обязаны поддерживать местную промышленность. У вас какая промышленность?

Он сказал растерянно:

— Да вот охотой промышляем... рыбу ловим...

— Ну вот, — сказал я с укором, — а если не покупать такой товар, то зачем охотиться? Разве только для себя, а это упадок... Ладно, спасибо за информацию!

Он сказал торопливо:

— Не вздумайте туда ходить! Говорят, он там уже с полсотни лет совершенствует магию, с помощью которой...

— ...покорит мир, — сказал я.

Он посмотрел на меня с изумлением.

— А вы откуда знаете?

— Да так, — ответил я, — вот взял и догадался. Или вешний сон был, не помню. Он сам карабкается или?

Он ответил с готовностью:

— У него трое помощников. И много слуг.

Я отмахнулся.

— Это статистика. Я имею в виду, сам додумывается или же какие-то старинные записи отыскал?

— Старинные записи, — подтвердил он и посмотрел на меня с почтением. — Именно их и разгадывает слово за словом, строка за строкой вот уже полсотни лет и, говорят, вот-вот закончит. А пока забавляется, превращая захваченных женщин в чудовищ.

Я пробормотал:

— Почему только женщин?

Он пожал плечами.

— Разве это не очевидно? Будь колдуном я, тоже возился бы только с молодыми и красивыми бабами. Так просто интереснее.

Я подумал, что не совсем так, у женщин больше животной магии, так как они ближе к природе. Мужчины больше способны к наукам, женщины к магии, но и в его словах есть резон: с женщинами просто приятнее работать, а когда превращает их в чудовищ, то объясняет им, что всего лишь вытащил наверх их настоящую суть...

Я повернул коня в сторону башни, а мужик прокричал с облегчением:

— Благослови вас Господь!.. Но вам туда лучше не ходить!

— Почему?

Он крикнул мне в спину:

— Он мужчин не любит!

Арбогастр пошел галопом, я едва расслышал, но понял все, а что тут не понять, мы все предпочитаем женщин. Любой мужчина — это прежде всего соперник, а в приятели или друзья записываем потом и с немалой осторожностью, когда убеждаемся, что в спину не вдарит.

Глава 3

Башня снизу от подножья холма вблизи показалась еще огромнее, уже не башня в прямом смысле слова, как сторожевая или наблюдательная, а башня-дом, с той лишь разницей, что окна начинаются только с третьего этажа и заканчиваются на седьмом, что под самой крышей.

Мимо башни колдуна, видимо, правильнее всего промчаться лихим галопом, всех не спасаешься, но, во-первых, еду мимо, во-вторых, можно это в одно касание, не слезая с седла... а если и придется слезть, то на минутку.

Власть колдуна и так велика, судя по тому, какие непотребства творит, а если еще и усилит ее в несколько раз, то немало героев погибнет, пытаясь спасти мир... в образе ближайшей деревни.

Поколебавшись, я все же послал Зайчика на холм, но там остановил и сказал обоим повелительно:

— Ждите, морды, здесь. Зайчик, тебе тоже незачем карабкаться на башню, ты же не какой-то там барсук. Или медведь, что живет на дереве. Есть-есть такие, сам видел! Управляюсь быстро, вы же меня, орла сизокрылого, гм, птеродактиля перепончатого, знаете...

Неунывающий Бобик тут же начал напрыгивать на аргогастра, предлагая хотя бы побегать наперегонки вокруг башни, а еще лучше, если это копытное научится бросать ему бревнышко.

Я остановился перед дверью, рассматривая ее оценивающе. Широкая и массивная, можно втроем плечо в плечо, а еще и высокая, но все-таки Зайчик пусть ждет, я пообщаюсь быстро и тут же спущусь. Вообще-то дело простое, я же эгоист, чародей должен знать прямую дорогу к Храму, а потом вскользь могу поинтересоваться, стоит ли так грубо с женщинами. Мало ли что заслуживают, но мы же терпим, вот и ему нужно учитывать, что всего лишь женщины, не надо так остро реагировать на их дурости и капризы...

Мужчины должны быть великодушнее, вот как я, красавец и умница, почти всегда им прощаю. Во всяком случае, к их выбрыкам отношусь с пониманием.

Дверь, к моему удивлению, открылась довольно легко, хотя и медленно, все-таки размеры и вес, никаких замков, я перешагнул порог, оглянулся: изнутри тоже нет ни единого засова!

Беспречно колдун живет. Или огражден очень уж могучими заклятиями, но, к счастью, на меня магия не действует...

Винтовая лестница со стертными ступенями повела наверх, но уже на втором этаже с удивлением увидел просторные комнаты, как они только умещаются, хорошо освещенные настенными светильниками, на третьем дверь закрыта плотно, но на четвертом распахнута настежь, и хотя с лестницы много не увидишь, но я рассмотрел кухню с тремя котлами, столами для разделки мяса и рыбы, множество хозяйственной утвари, горшков и мисок.

На третьем этаже чувство опасности проснулось, открывая глаза. Я ощущал сперва смутную тревогу, но это почти всегда, когда заходишь в чужое помещение, всякое ждешь, насторожен, так что это у любого, никакой магии, и только как вот сейчас, когда громче и громче, а холодок бежит по коже рук и начинает пробираться глубже...

Холод вдруг стал ледяным, я выдернул меч, пригнулся, быстро озираясь по сторонам.

— Эй, есть кто? Я просто гость...

То же чувство быстро приближающейся беды заставило быстро поднять голову. Я успел увидеть падающую сеть, метнулся в сторону, но она оказалась слишком широка, запутался, споткнулся, забарахтался, пытаясь выбраться, услышал быстрый топот бегущих в мою сторону ног...

Я уже поднялся на четвереньки, затем на колени и уже начал разгибаться, как тяжелый удар в затылок сотряс всего до основания. Звонко клацнули зубы, мышцы будто исчезли.

Тело обмякло, я ощущал, что падаю подобно некой гигантской амебе, у которой вроде бы нет скелета. Еще несколько тяжелых ударов в голову, по плечам, спине, я попытался удержать сознание, но неизвестные продолжали с силой бить ногами, и я провалился во тьму.

Сознание возвращалось медленно. Я чувствовал, что избит зверски, но инстинктивно придержал регенерацию, она тоже может оказаться пусть не козырем, но песчинкой, способной склонить чашу весов на мою сторону...

Щека прижимается к холодному каменному полу, руки связаны за спиной... нет, не связаны, а скованы, чувствуя тяжелое железо стальных браслетов, а еще там холодные и скользкие звенья цепи.

Послышались шаги, в поле зрения появились сапоги, из мягкой кожи, низкие голенища, на шпоры нет и намека, в таких не ездят на охоту, тем более — на войну. Сапоги дорогие, так что либо ко мне подошел колдун, либо его ближайший помощник.

Боль в черепе не утихла, но я ее приглушил, кое-как повернулся так, чтобы видеть подошедшего.

Снизу пропорции нарушены, любой выглядит монументальным, но этот гад в самом деле смотрится очень внушительно: крепкий, широкий в кости, массивный череп с высоким лбом и залысинами, внимательные глаза, тяжелая нижняя челюсть, на одежду я не обратил внимания, ибо стандартный для колдунов длинный халат. Подозреваю, что носят его исключительно из-за удобства.

Он увидел изумление на моем лице, усмехнулся холодно и торжествующе.

— Что, недостает доспеха?..

Я пробормотал:

— Какого... я без доспеха... человек мирный...

— Правда? — спросил он издевательски. — Вот уж не подумал бы...

— А по мне, — спросил я, — не видно?

Он сказал победно:

— Признаться, я не сразу понял, что же это такое... Если не ошибаюсь, тот самый плащ Нимврода, существование которого отнесено к легендам?

Я дрогнул, ощущив, что раз я настолько избит, то сейчас я без доспеха, а это страшно и жутко — ощутить себя абсолютно беспомощным. Доспех защищал от любого рубящего-колющего оружия, от стрел и брошенных камней, даже при ударе молота, хотя иногда мог остаться кровоподтек, я так и не успел разобраться, в каких случаях и почему, а сейчас вот голый и беззащитный в руках очень умелого и могущественного чародея...

— С доспехом я разберусь потом, — сказал он и кивнул в сторону стола. В одной из круглых чаш я увидел эту маслянисто-прозрачную воду. — К счастью, я достаточно быстро распознал... а снять уже труда не составило. Теперь понимаешь, что я не рядовой колдун?

— Да, — ответил я, — но я не враг. Верни мне мое и отпусти. Я поеду своей дорогой.

Он покачал головой, отошел на пару шагов, щелкнул пальцами, сзади появилось кресло. Он сел и продолжал рассматривать меня, беспомощно скрючившегося на полу.

— Сам знаешь, такое даже предлагать глупо. Кто ты?

Я проговорил сквозь зубы:

— Просто гость. Почему ты обращаешься со мной так грубо?

Он широко улыбнулся.

— Все еще считаешь меня дураком?.. Да я сразу узнал тебя, как только ты подъехал к моей башне.

Я пробормотал разбитыми губами:

— Так кто я?.. Скажи, может быть, я и сам пойму.

Он сказал тем же победным голосом:

— Умничаешь? Хотя да, ты же не простой рубака с мечом в руке... Уже почти знаменит! Хотя я узнал не тебя лично, а по арбогастру и Адскому Псу. Их описа-

ние есть в самых редких и древних рукописях. Но на твою беду я их читал... Арбогастров сумели заполучить еще двое, второй Адский Пес живет у великого чародея в далеком северном королевстве на востоке, но только один человек на свете сумел заполучить того и другого... это ты, принц Ричард, странный человек и странный завоеватель.

Я сказал сумрачно:

— Ничего странного. Просто повезло. Может быть, снимешь с меня это железо? Можем поговорить более цивилизованно.

Он заметил холодно:

— Я живу уже седьмое столетие потому, что не даю противнику шансов.

— Я не противник, — сказал я, вкладывая в голос побольше убедительности.

— Все люди противники, — возразил он. — Все соперники! Как мне, так и друг другу. А ты — очень сильный противник! Я не очень-то верю в везение. И раз у тебя арбогастр и Адский Пес...

— Мне в самом деле повезло, — ответил я. — Все страшились Пса, а я не устрашился, а дал ему из своих дорожных запасов вяленого мяса... Вот и подружились.

Он кивнул.

— Маловероятно, но... такое возможно. Однако то, что не испугался, говорит о том, что знал что-то о таких Псах.

— Не знал. Точно. Откуда, если я не колдун?

— Но чувствовал? — спросил он. — Чувствовать правильно намного важнее, чем знать.

— Согласен, — сказал я торопливо. — Теперь можешь снять с меня эти цепи?

Он откинулся на спинку кресла, расхохотался звучно и раскатисто. На семьсот лет явно не тянет, однако же,

если в самом деле настолько осторожен и предпочитает превентивные удары, то да, обыграл меня начисто.

— Похоже, — произнес он со вкусом, — ты даже не представляешь, что тебя ждет. Не представляешь?

— Недоразумение будет улажено, — пробормотал я, — а мы сейчас сядем за стол, поговорим за вином и жареным гусем... хотя я согласен и на уток.

— Какие утки зимой? — возразил он. — За неимением уток тебя ждет другое...

Он взглянул за мою спину, я не успел вывернуть голову, как сзади послышались тяжелые шаги, сильные руки вздернули меня, как мешок с тряпками. Я ощутил, что носками даже не касаюсь пола, так чтодерживают меня на весу явно не люди.

— В подвал его, — распорядился чародей. — В пыточную.

Я похолодел, старался не двигаться и не сопротивляться, даже прикидывался потерявшим сознание, однако они все равно пинали и выворачивали руки, пока тащили, закованного в тяжелые цепи, по лестнице вниз, а там по мрачным коридорам.

Наконец подвальное помещение под башней, сильный удар в спину бросил меня вниз до того, как успел что-либо рассмотреть.

Я мешком скатился по ступенькам, расшиб kostяшки пальцев, локти, во рту солоноватый привкус, а двое големов спустились медленно и неспешно, переговариваясь такими низкими голосами, что я слышал только гудение.

Следом зашел колдун, во всем его облике растущий триумф, остановился на последней ступеньке, хотя и так смотрит сверху вниз на мое избитое тело.

— Это ошибка, принц, — сказал почти сочувствующе. — Агромадная... Вы слишком уж уверовали в свои

силы. А они, честно говоря, почти комарные, если сравнивать с настоящими...

Я прохрипел:

— А настоящие, надо полагать, у тебя?

Он усмехнулся.

— Они были бы у любого, кому повезло бы отыскать рукописи великого Преторикса, а затем еще и суметь их прочесть...

— Ты везунчик?

Он возразил с достоинством:

— Нет, я всего добиваюсь своим умом и упорством. Потому я побеждаю. А вы, похоже, рассчитывали на удачу?

— Я тоже добиваюсь сам, — прохрипел я, но внутри нечто сказало громко и отчетливо, что на самом деле обнаглел, потерял осторожность, слишком привык, что вседается достаточно легко, и вот сперва потерял все завоеванные королевства, а теперь вот и жизнь вытекает сквозь пальцы, как вода. — Тоже добиваюсь... и у меня получается.

— Получалось, — согласился он. — Некоторое время. По твоему лицу вижу, что уже сам все понял... Понял? То-то. Здесь и оборвется твоя, не спорю, яркая жизнь. А моя, темная и даже черная, пойдет от победы к победе. И даже не знаю, остановлюсь ли когда...

— А ты кто? — спросил я. — На меня работают много магов!

— Теперь будут работать на меня, — сообщил он. — Я Линдренд Темный. Говорят, что темнее души, чем у меня, нет на свете, но я человек скромный, просто не верю в такую удачу.

Я прохрипел:

— Удачу?.. Да гореть тебе в аду...

Он поморщился.

— Брось... Я прожил семьсот лет и надеюсь прожить еще несколько раз по семьсот. А то и вовсе стать бессмертным. Да-да, уже вплотную подобрался к такой возможности... Так что скорыми адскими муками пугай другого.

— И что, — сказал я с сарказмом, — ты так и родился темным? Или хоть день твоя душа побыла светлой и чистой?

Он коротко усмехнулся.

— Думаю, не один день, и даже не один год. Все детство было кисельно чисто-сладким. Но потом я ощутил вкус зла, это наполняло мое сердце радостным трепетом, а потом стал творить зло уже сам, и это давало мне добавочную мощь темной магии.

Он кивнул големам, они послушно подняли мое безжизненное тело, я и не пытался противиться, просто изобьют сильнее, подташили к стене, там торчат толстые штыри из железа, прижали спиной и, растянув руки в стороны, приковали быстро, жестоко и умело.

Скованные ноги освободили от цепи, но приковали к торчащим из стены стальным кольцам в самом низу.

Мелькнула мысль, что хорошо бы уйти через стену, однако руки и ноги держат стальные оковы.

Колдун прошелся передо мной, подметая пол длинным халатом, я все время чувствовал на себе его внимательный ощупывающий взгляд.

Я спросил, стараясь держать голос растерянным и жалким, хотя, если честно, он и был таким:

— Зачем ты это делаешь?

— Зачем все делаем, — ответил он буднично. — Усиливаемся сами, ослабляем противников...

— Я не противник...

— Все люди — противники, — напомнил он, — а ты... тем более. Я же знаю, истребляешь магию, убиваешь колдунов и чародеев... Хотя, если честно, я убил бы

тебя в любом случае. Это слабые объединяются, а сильные... сильные всегда в одиночестве, ты это ощущал по себе.

— Значит, — спросил я с невольной дрожью в голосе, — ты меня убьешь?

Он кивнул.

— Да, конечно, а как же иначе?.. Только сперва заберу все твое...

— Ты уже забрал, — напомнил я.

Он поморщился.

— Ты имеешь в виду оружие, доспехи и арбогастра с Псом? Нет, это не все, что у тебя есть. В тебе есть сила, знания, интуиция... это все мне пригодится.

Я пробормотал:

— Но... как?

— Думаешь, — спросил он, — я сам прочел все книги, которые знаю?.. Понимаешь, я владею редким заклятием... переноса одной души в другую. Но в этой глупи... да и вообще, это очень непростая вещь, а запасы магии пожирает, как голодная свинья.

Я прохрипел:

— Во мне тоже ничего интересного. К тому же...

— Ну-ну, — сказал он подбадривающе.

— Моя душа агрессивная, — сообщил я. — Она захватит и подчинит себе твою!

Он сказал весело:

— Я неверно выразился. Не перенос души! Это просто удобный термин, а перенос твоих знаний и твоих умений. А те будут служить мне так же покорно, как и мои собственные знания. Как служат знания и умения двух дюжин чародеев, которых я... гм... подчинил и вобрав, так сказать. Они похоронены в разных местах, но всех их знания и умения во мне!

— Практично, — сказал я зло. — Хотя и подло.

— Это все слова, — ответил он. — В общем, мне искренне жаль, но придется тебя немножко ослабить...

— Как? — спросил я.

Он нехорошо улыбнулся.

— А ты знаешь другие способы? Скажи. Для моих целей нужно, чтобы ты был изможден и ослаблен. До предела.

Я спросил с невольной дрожью в голосе:

— Зачем?

— Легче перенос, — ответил он. — Когда сопротивляются, это идет дольше и труднее. Хотя все равно... получится.

Глава 4

Где-то через час он спустился веселый и довольный, на ходу потер ладони с такой силой, словно старался добыть огонь.

— Прекрасно, — сказал с ходу, — скоро я освобожу тебя... Только что подобрал заклинания и понял, как сделать все быстро и без затей...

— Ну-ну, — проговорил я.

За ним спустились четверо крепких мужиков, двое в кожаных передниках, морды тупые и злобные, лбы не шире моего пальца, зато челюсти...

У одного в руках ящик с инструментами плотника, как мне показалось. Он поставил его на пол и оглянулся на хозяина в ожидании распоряжений.

Еще двое начали ворошить угли в огромной жаровне, над которой можно жарить целиком быка. В подвале стало жарко, а от факелов по обе стороны входа еще и дымно.

Жаровня накалилась так, что стала вишневого цвета, а от нее накалилась даже стена, под которой рас-

положена. Крупные пурпурные угли бросают багровые тени на стены, пыточная выглядит как подземелье в аду.

Колдун повернулся к палачам, что поглядывают на него в ожидании приказов.

— Начинайте.

Тот, что со столярным ящиком, деловито вытащил по одному длинные стальные гвозди, больше похожие на костили, которыми крепят к шпалам рельсы. Еще двое отцепили меня от штырей в стене, но, не освобождая от тяжеленных цепей, перетащили, сопя и задыхаясь, в дальний конец подвала.

Я попытался чуть воспротивиться и тут же получил такой удар в затылок, что на какое-то время потерял сознание.

В том конце подвала стена отделана толстым деревом, меня прижали к ней, распластав, как рыбу на столе, сперва приковали цепями, а затем старший из палачей с недоброй ухмылочкой подошел с гвоздем в руке и молотком в другой.

Колдун, наблюдая за процессом, сказал мне язвительно:

— Ты же герой, верно?.. Это простолюдины орут и верещат, а рыцари переносят боль мужественно. Еще и улыбаются.

Я сказал лютко:

— Я тебе поулыбаюсь, гад!

Дернулся в бессилии, но руки прикованы, один из помощников палача с силой разжал мне кулак, а сам палач приставил стальное острие гвоздя к ладони и мощно ударил по шляпке.

Острейшая боль пронзила меня от ладони до мозга, сожгла там все и покатилась огненным шаром по хребту. Я простонал сквозь зубы, закрыл и открыл глаза, но теперь все качается и плывет то вправо, то влево.

Палач продолжал бить по шляпке гвоздя, тот входит в дерево туго, сопротивляется, разрывает ткани моей ладони, оттуда потекла кровь, а он сопит и бьет с наслаждением, пока шляпка не прижала ладонь к стене, но и тогда еще ударили пару раз, со злорадством всматриваясь в мое искашенное болью и страданием лицо.

— Готово, хозяин, — доложил он.

Колдун сказал с одобрением:

— А в самом деле не орал и не визжал! Хвалю. Хотя догадываюсь, было не сладко, видел... Джон, то же самое с другой рукой!

— Слушаюсь, — сказал палач с готовностью.

Его помощник снова с силой разжал мне пальцы, просунув в кулак раскаленный стержень. Второй держал руку, а палач торопливо, но с той же старательностью исполнительного работника начал вбивать в середину ладони исполнинский гвоздь, на котором можно подвесить рыцарского коня в полных доспехах.

Я молча взывал от невыносимой боли, закрыл глаза и попытался представить себе, с каким наслаждением уничтожу эту мразь, каким пыткам подвергну его сам, мало не покажется, он еще не знает, что такое настоящие пытки, он еще понятия не имеет об анатомии и о том, как и где расположены нервные узлы...

Сквозь шум крови в ушах и боль донесся властный голос колдуна:

— Не закрывай глаза, герой. Иначе прикажу срезать веки, чтобы смотрел и видел все.

Я поднял тяжелеющие веки, колдун стоит напротив с двусмысленной усмешечкой. Я перевел взгляд за его спину, стена в том месте вся покрыта глубоко вырезанными, но теперь уже наполовину стертymi знаками.

Колдун проследил за моим взглядом, оглянулся, затем быстро посмотрел на меня.

— Тебе что... эти знаки знакомы?

— В какой-то мере, — прохрипел я.

Он всмотрелся пристальнее, выдохнул с жаром:

— Тебе не просто знакомы... Ты их читаешь!

— Нет, — ответил я хрипло, — я же не колдун..

— Что это за знаки?

— Математика, — сказал я. — Если хочешь, могу научить, только освободи меня. Это очень высокое знание, даже высшее. Я передам тебе его целиком. Нет-нет, его нельзя взять механически, этому надо обучиться!

Он проговорил медленно:

— Это прекрасно, однако... мне кажется, ты врешь.

— В чем? — спросил я.

Он покачал головой.

— Все-таки рискну получить от тебя готовые знания. А если что не пойму, наверстаю потом, когда со всем разберусь.

Я задержал дыхание, чтобы подавить рвущийся из глубины души стон, прощедил сквозь зубы:

— Много потеряешь.

— Когда заберу все твое, — ответил он победно, — я не только узнаю, что это такое и зачем!

— Не узнаешь...

— Узнаю, — пообещал он, — и вообще... все-все тайны, записанные этими знаками, узнаю и разгадаю... Так что все равно я ничего не потеряю.

Он приблизился вплотную, на лице ликование, мразь, наслаждается, ему мало результата, ощущения подавай, сволочь, я бы тебя не так потерзал, я бы из тебя всю душу вывернул, не пролив ни капли крови, ибо с ее потерей снижается чувствительность, а я бы всаживал гвозди только в скопление нервов...

— Теперь огнем, — распорядился он деловым тоном, словно я лабораторная мышь. — Но так, чтобы сознание не терял...

Палач сказал встревоженно:

— Все сделаем... но так дольше...
— А кто нас подгоняет? — возразил он. — Он нужен мне сломленным, но живым...

Я потерял счет времени, слабость накатывает все чаще, иногда теряю сознание, а когда перед глазами проясняется хоть немного, в помещении уже другие люди, словно челядь по очереди приходит смотреть на закованного в цепи некогда великого лорда.

В этот раз колдун явился в халате другого цвета, наверняка это уже следующий день, всмотрелся в меня с растущим интересом.

— А ты крепче, — сказал он с удовлетворением, — чем я ожидал!

— Какой, — прохрипел я, — день...

— С того момента, — переспросил он, — как ты попался?... Четвертый! Четверо суток, подумать только... Никто еще не держался столько! Прекрасно, прекрасно...

— А что прекрасного, — прошептал я, стараясь не впасть в забытье, — для тебя...

— Не понимаешь? — спросил он. — Теперь это будет моя стойкость и выносливость. Уже скоро...

— Не дождешься, — прохрипел я и потерял сознание. — Меня не сломить...

Помещение наполнено смрадом подгорелого мяса, я не сразу понял, выныривая из забытья, что это моя плоть, уже почти обугленная на ногах, где сперва сожгли кожу и мясо с сухожилиями, а теперь уже горят, слышу по запаху, кости...

Голова моя в бессилии постоянно опущена на грудь, потому со страхом и отвращением вижу постоянно обе стопы, что уменьшились за счет сгоревших пальцев. Кости там торчат черные, как тонкие прутики, выпав-

шие из костра. Боль не притупилась, я сам перестал воспринимать ослепляюще остро, но все равно постоянно изнуряет, мучает и терзает как тело, так и душу: ну почему, почему сюда полез? Почему так самоуверенно? Слишком все легко давалось?

Комната иногда начинала казаться моими покоями в Геннегау, потом я скитался по жарким пескам Гандерсгейма, а в редкие минуты, когда приходил в себя, понимал с горечью, что это только горячечный бред умирающего, а на самом деле по-прежнему распят на стене, а в меня сладострастно тыкают раскаленными до оранжевого цвета железными прутьями.

Однажды сквозь слабый шелест крови в ушах с трудом расслышал голос колдуна:

— Ну как он?

Ответ прозвучал неразборчиво, но по смыслу я понял, что пока жив, но это уже ненадолго.

— Он держался долго, — произнес колдун.

Я услышал звук оплеухи, с трудом поднял свинцовые веки. Он с удовольствием рассматривал меня, слегка покачиваясь с носка на пятку и обратно.

— Вот и все, — произнес он сладострастно, — ты умираешь... но сперва отдашь все, что есть в тебе...

Я прохрипел:

— Не получится...

Он спросил с интересом:

— Почему?

— Ты... так и не... сломил...

Он сказал со смешком:

— Ты неверно понял. Мне нужно было ослабить тебя, а вовсе не ломать. Сейчас ты настолько слаб, что моя магия выпотрошит тебя целиком. Не волнуйся, ничего не пропадет...

Он протянул руки и опустил обе ладони мне на грудь. Я сразу же ощутил идущий от них холод, что ста-

новился все острее, наконец я уже почти не чувствовал грудной клетки. Даже сердце начало стучать медленно и равнодушно, словно засыпая.

Колдун заговорил низким голосом, почти нечеловеческим, слова незнакомы, что-то настолько древнее, что всего одна гласная, слова то щелкают, то шипят.

Я пытался сказать, что он сволочь, но язык уже не повинуется, тело свело предсмертной судорогой, я захрипел, в глазах колдуна увидел злое торжество...

Мир застлала красная пелена, я чувствовал, как лопаются сосуды в глазах, резко стегнула острыя боль в глазных яблоках, прокатилась по всему телу.

Я застонал, впервые заорал что-то нечленораздельное, а колдун прокричал радостно:

— Давай, не останавливайся!.. Я чувствую, твоя мощь переходит ко мне!.. Какая сила...

Меня затрясло, лютый холод, что разрывает мне клетки тела, и испепеляющий внутренности жар столкнулись, я никогда не думал, что может существовать такая боль, словно по всем нервам сразу провели напильником.

— Еще, — прозвучал далекий, но нечеловечески властный голос, — еще... Не противься, вот так... Пусть струится, пусть идет, переходит...

Я орал, тело сотрясают предсмертные корчи, лицо колдуна вижу в красных тонах, на нем блаженство, ликование, я захрипел в дикой испепеляющей злобе, ему бы эту боль, эти муки... нет, намного более изощренные, что эти дикии знают, гуманизм изобрел особо совершенные пытки, что не оставляют следов, но мало никому не кажется, получи же, мразь, получи сам то, что заслужил, сволочь...

Сквозь красный туман я видел, как лицо колдуна дернулось, потеряло ликующее выражение, начало вытягиваться, словно он увидел нечто страшное.

— Ты... ты что...

— Мразь, — прохрипел я. — Да что ты знаешь... о настоящих пытках...

Его глаза полезли на лоб, попытался отодвинуться, но обе его ладони словно приросли к моему телу, а сквозь них с огромным напором льется нечто подобное расплавленному металлу.

Колдун напрягся, стиснул челюсти, на висках набухли вены и собрались в синие узлы.

— Остановить, — прохрипел он.

Я вдруг ощутил, как тяжелый огненный поток пошел в обратную сторону, а мое обессиленное и почти мертвое тело снова начало наполняться жизнью.

Колдун дернулся, прохрипел, выпучивая быстро краснеющие глаза:

— Отпусти...

— Что?

— Перестань... я отдам тебе все...

Лицо его стало красным, багровые капилляры быстро и часто лопаются под кожей, она приобретает синюшно-мертвенный цвет. Глазные яблоки стали багровыми, затем темно-фиолетовыми.

Я прохрипел, стараясь не потерять сознание:

— А что... с твоим колдовством?

— Я темный, — проговорил он едва слышно, — но я же не знал... что ты...

— Что, — спросил я, — что ты не знал, мразь?

Он просипел полузадушенно:

— Куда моей тьме... Ты черный... Как такое вообще...

Ноги его подломились, начал опускаться на колени, словно собирается принести клятву покорности. Я дернулся и сошел со стены, оставив на ней вбитые кости и потеки крови.

В ладонях медленно затихает пульсирующая боль. Сердце колотится так, что слышу только непрерывную

дробь в груди по ребрам, дыхание сперло, не могу оторвать взгляд от распластертого тела чародея у моих ног.

Оно странно съежилось, усохло, почти скелет, обтянутый сухой пергаментного цвета кожей. Семьсот лет, вспомнил я, так вот как должен был выглядеть без магии.

Краем глаза увидел метнувшуюся к выходу тень. Огромный палач, делая вид, что он бедный кролик, огромными скачками понесся по лестнице к двери.

Я проревел:

— Что? Бежать?.. От меня?

Красная пелена перекрыла взор, затем очень быстро перешла в темную. Я ослеп, но все равно куда-то остервенело бежал, люто рубился, прыгал, перекатывался через голову, принимал удары и раздавал их щедро, чувствуя, как они становятся все сокрушительнее, и под ними рушится нечто огромное и ранее несокрушимое.

А затем на смену тьме пришла чернота, но я еще чувствовал, что сладострастно уничтожаю нечто огромное и враждебное...

Глава 5

Сперва я ощущил, что меня перекатывает что-то могучее и горячее, а лишь потом сообразил, что, наверное, жив. Открыл глаза сразу, словно веки только что были, а потом исчезли, отпихнул обеими руками огромную морду Бобика, заслоняющую весь мир.

В сторонке фыркнул, приветствуя, арбогастр. Я вскочил, чувствуя, что переполнен звериной энергией и вот-вот взорвусь, если хоть что-нибудь не сломаю...

Оглянулся и дрогнул. На месте огромной величественной башни громоздятся безобразные руины из

сцепленных блоков, обломков перекрытий, лестниц, колонн, кусков стен с чудом уцелевшими окнами, но еще больше разбитых в щебенку чудовищной силой каменных глыб.

Не осталось даже основания башни, только оскаленные зубы камней, словно некий великан нанес сбоку удар палицей, размером со скалу, и башню просто снесло, как соломенный домик.

Внизу у подножья испуганно всхрапнула лошадь. Крестьянин на санях-розвальнях откинулся назад, натягивая вожжи, испуганная конячка остановилась на дороге, огибающей холм.

Крестьянин поднялся на ноги, прокричал:

— Как же вы все это здорово!.. Господи, спаси мою душу, что не верил в мощь странствующих рыцарей, что служат даме... а также Господу! Я привел из деревни забитых свиней на кухню, а тут вы как начали... Я сразу смекнул, чем кончится, и то еле удрал.

Я помахал ему рукой.

— А что... это я сделал?

Он воскликнул:

— А кто же еще?.. Это вы в благородном дворянском гневе... Наверное, изволили ехать прямо, а этот замок дорогу загородил...

Я начал спускаться к дороге, арбогастр с меланхоличным видом, насмотрелся, дескать, и не такого, плелся сзади, зато Бобик вырвался вперед, обежал вокруг саней с лошадью, что даже закрыла глаза, чтобы не упасть в обморок от ужаса.

Крестьянин смотрел с восторгом, рот до ушей, глаза горят, как факелы.

— Сэр! — вскричал он. — Никто не поверит, когда расскажу!.. Придется посыпать сюда, пусть посмотрят на развалины!

Я спросил с опаской:

— Это точно я развалил?

— Точно, — заверил он. — Еще и перебили всех!

Я пробормотал с испугом:

— Всех... это кого?

— Сперва палачей и помощников, — ответил он с готовностью, — потом всякую челядь, закончили вроде бы поварами, но я уже не смотрел, бежал к выходу... Да все правильно, раз пошли служить темному колдуна, то сами виноваты!.. Господи, как же вы здорово прикидывались слабеньким и беспомощным!.. Как всех одурачили...

— Ага, — сказал я слабым голосом, — ну да, прикидывался, а как же... Надо же вот... ну я и... А что? Как вышло?

Он воскликнул в восторге:

— Я чуть не лопнул!.. Это такое, что даже не знаю... Вы же в благородной ярости разнесли там все! И как красиво!.. Такие глыбы расшвыривали!.. А как ухватили главного палача за ногу и били его телом о стену, пока оно не стало плоским, как кленовый лист!.. А кровищи, кровищи!..

— Что, — спросил я слабо, — много... что ли?

— Много? — переспросил он. — Да целый ручей побежал, когда вы перебили не только стражников, но и челядь!.. Я такой красоты еще не видел!.. Теперь разве что в счастливых снах... Зато в любой таверне мне за рассказ будут подносить бесплатно пиво!

Я отмахнулся все так же слабо.

— Ладно тебе...

Он воскликнул:

— Но, сэр... как вы все-таки колдуна сумели? Это же самый сильный из всех темных магов!.. А темный, говорят, всегда сильнее светлых... А вы же светлый, да?

Я пробормотал:

— Ну, если говорить абстрактно, то как бы да, в обобщенном смысле...

— Сэр?

Я пояснил:

— У меня половина души светлая, а вторая — черная!.. Нет, не темная, а черная. Потому смог однажды одолеть даже Темного Бога. А тот, думаю, был посильнее этой мыши. Я сильнее темных настолько же, насколько чернота страшнее темноты.

Улыбка покинула его лицо, я видел, как очень быстро начинает бледнеть, а на меня смотрит уже не с восторгом, а ужасом.

Я с трудом заставил губы раздвинуться.

— Не трусь... Мы же люди? А у кого не так?.. Только у большинства света и тьмы как кот наплакал. А у меня вот...

— Океаны, — прошептал он, зябко передернул плечами, сказал жалобно: — И как с таким жить?

— Растить светлую, — сказал я твердо. — Темная и сама растет, как на дрожжах. И тогда, возможно, темная не захватит тебя целиком. Ладно, или и не греши! А то видишь, как это все заканчивается...

Арбогастр подошел и повернулся боком. Я вспрыгнул в седло, не касаясь ни стремени, ни холки, звериная сила все еще бурлит и просит выхода, сейчас бы еще одну башню вдрывг, а то и две...

Изменений в себе никак не чувствую, хотя колдун сказал, что все, что умею, станет его собственностью. Наверное, сейчас все, что было его, стало моим?

Интересно, что именно... Какая-нибудь мелкая хрень, а если грешки, то самые примитивные, ибо сами люди пока что простенькие, даже нагрешить как следует не могут.

Я могу. Я очень многое что могу.

Но не все, что человек может, можно.

— Вперед, — сказал я Бобику. — На север. Никуда и ни на что не отвлекаемся. Вперед!

Оставалось острое сожаление, что там на самом дне холма из каменных развалин остался доспех Нимврода. Отыскать его было бы непросто, ту чашу наверняка опрокинули, а тяжелая вода стекла в щель, а то и вовсе ушла в глубины земли.

Сейчас же я, несмотря на бурлящую вроде бы энергию, все же выложился весь в странном неистовстве... хотя как ни называй его странным, но я-то знаю, что это Темный Бог пробудился, когда мои защитные силы иссякли.

Он взял контроль над телом и вообще всех убил и разрушил башню, но потом то ли тоже выложился весь в ярости, то ли что-то еще, но сейчас у меня полный контроль над телом и лишь смутное ощущение некоего великого зла, что затаилось в глубине моей души и ждет своего часа, чтобы выйти и уничтожить мир.

Чтобы обогнать впереди широкое ущелье, пришлось снова проехать через ту же деревню, в которой меня остерегали насчет темного колдуна.

Дорога хорошо накатана санями, мы проехали между двух рядов добротных домов, возле последнего мужик длинной палкой деловито сбивает сосульки с крыши.

Оглянувшись на стук копыт, он всмотрелся, на лице простило великое изумление, он заорал ликующее:

— Вы живы! Вы живы, господин рыцарь!

Я ответил скромно:

— Меня в этом уже убедили.

Он выбежал из двора, оставил распахнутой калитку. Там было залаяла собачонка, но увидела Бобика и с жалобным визгом спряталась под крыльцо.

— Сэр рыцарь, — вскричал он. — Может быть, вам что-то надо?.. У нас вся деревня теперь трясется, не

знает, что будет. Когда башня рухнула, я так и подумал, что это вы что-то натворили...

Я сказал весело:

— Совпадение.

Он вскричал:

— Но хоть спросили его, почему не ходит на рынок?

— Не успел, — признался я. — Разговор получился слишком коротким.

— Вы схватили его за хвост и ударили о стену?

— Типа того, — согласился я.

Народ начал пугливо окружать нас, держась у стен и заборов, стараются не проронить ни слова, а мужик, донельзя гордый знакомством с таким героям, сказал громко:

— Так ему надо, гаду!.. Мало ли что приплод обеспечивал, но женщин наших бесчестил! В гарпий превращал!

— Все делается ради женщин, — согласился я. — Никакой приплод овец, даже коров... не перевесит. Наверное, не перевесит. Скажи, здесь кто-нибудь знает хотя бы приблизительно дорогу к Храму Истины?

Он запнулся, обвел осторожным взглядом собравшихся крестьян. Многие попятались, кто-то постарался исчезнуть вовсе, а один из задних рядов крикнул:

— А что это?

Крестьянин повернулся ко мне.

— Видите?

— Еще как, — ответил я невесело. — Ладно, счастья вам. А приплод все равно будет. И без всяких посторонних колдунов. У вас своих ведьм хватает в семьях.

Он посмотрел, как Бобик выбежал вперед и подпрыгивает в нетерпении, сказал с неуверенностью:

— Мы деревня, что мы знаем? А вот господа, что на лысом холме...

— Каком холме? — спросил я.

Он повернулся, указал вдоль дороги, по которой я собирался промчаться.

— Прямо, но через десяток миль слева будет холм. Его называют Лысым, но только потому, что там ничего не растет... и там ничего нельзя строить... все рушится. Говорят, раз в сто лет там возникает дивный замок...

Я спросил быстро:

— А сейчас...

— Он уже с утра там, — ответил он. — Неделю простоит, потом исчезнет... если верить старикам. Может быть, там вам подскажут? Но если и там не знают, то тогда вообще никакого Храма Истины не существует!

— Ага, — сказал я нервно, — я уже заглянул в один замок по дороге! Тоже хотел дорогу спросить...

— И не сказали?

— Даже пасть открыть не успел, — ответил я и зябко передернул плечами. — Так что больше не попадусь...

— Обжегшись на молоке, — сказал он, — дуют и на воду. Там, если верить старикам, живет вечно молодая волшебница. Добрая! Никогда никого не обидела.

— Странно, — сказал я с сомнением. — Могла обидеть... и не обидела? Это как-то вообще даже не женски.

Он ответил уклончиво:

— Кто господ знает, да еще благородных. Может быть, у нее все есть! Обижать мелочь всякую просто незачем. Вдруг такое бывает?

— Да, — согласился я, — хотя те, у кого все есть, обычно хотят что-то еще такое-эдакое, что на голову не налезет. Но я предпочитаю верить в людей...

Он сказал шепотом:

— Только она, наверное, не человек.

— А кто из нас человек? — спросил я. — Ладно-ладно, не смотри как на сумасшедшего. Спасибо! Бобик, ты все слышал? Вперед!

Арбогастр рванулся с места в галоп, я кое-как удержался в седле и приготовился выдерживать некоторое время напор встречного ветра, но в первые же минуты продрог и стучал зубами, только теперь оценив, что доспех Нимврода защищал еще и от ветра, сохраняя мое тепло.

Глава 6

Холм в самом деле лысый, даже снег не задерживается, сколько бы ни выпало, ветры все сметают вниз, в долину. Невысокий, как и тот, на котором была башня колдуна...

Плечи мои сами по себе передернулись, будто только они помнят пережитый ужас и те нечеловеческие пытки. Теперь на все низенькие холмы буду смотреть с подозрением.

Те, кто сам боится, возводят замки на высоких скалах, всячески затрудняют доступ, окружают рвами и валами, ставят подъемные мосты и опускающиеся решетки в два-три ряда...

Я остановил Зайчика и внимательно рассматривал замок. Если там хозяйкой моложавая волшебница, то это должен быть дворец, а не замок, нечто веселое, легкомысленное и радостное, как и подобает женщинам, однако замок все же достаточно мрачный, сложенный из крупных блоков камня, что выдержат брошенные катапультой ядра.

С другой стороны, если там одинокая женщина, пусть и владеющая некоторыми чарами, она нуждается в дополнительных средствах защиты, видных всем издали.

Однако, если судить по замку, она не настолько уж и сильна. А если замок появляется, а затем провалива-

ется на сотню лет в некое безвременье, то это наверняка
свойство замка, а волшебница ни при чем, всего лишь
пассажирка...

Бобик оглянулся, испрашивая разрешения, я кивнул и сразу же послал арбогастра за ним следом.

Высекая голубые искры и отламывая целые глыбы блестящего льда, мы понеслись по крутому склону на-вверх. Сзади грохотало и рушилось, а затем лед кончился, копыта застучали по привычному каменистому грунту.

Мы поднялись на вершину холма, замок занимает не так уж и много места, можно обехать вокруг и не сорваться с холма, даже если нас было бы десяток всадников в ряд.

В то же время замок, несмотря на угрюмость и массивность стен, выстроен как дворец: просто высокое и просторное здание даже без всякой защитной стены.

Ворота замка, как я понимаю, ведут не во внутренний двор, а прямо в холл, даже неловко вот так на коне верхом... С другой стороны, я же не местный, а дикарь с юга, если что не так, сразу же рассыплюсь в извинениях...

Ворота распахнулись резко и неожиданно. Причем так быстро, что даже не уловил, как их отстрелило в прорези толстой стены.

— Неплохо, — пробормотал я. — Настроаживает, но нравится. Бобик, Зайчик, далеко неходить, быть настороже. Второй раз уже не попадусь...

И хотя понимаю, что дважды — маловероятно, слишком большая удача, чтобы и во второй плен меня взяли как дурного хомяка на сахаре, но опустил ладонь на рукоять меча и осторожно пустил арбогастра вперед.

Громко цокая копытами, он вошел в холл и остановился по моей команде. Бобик сделал круг и оглянулся в нетерпении.

Я ощутил некую неправильность, холл — классической формы, он везде холл, но оформлен так, словно одновременно постарались дизайнеры Древнего Египта, Шумера, Эллады, Рима, арабского Востока и еще каких-то неведомых атлантов, гондванцев и лемурийцев.

Голова идет кругом от пестроты и кричащего несоответствия форм, красок, прекрасных и чудовищно уродливых скульптур в стенах.

Я ждал, не покидая седла, все чувства задействованы так, что голова кружится от перенапряжения. Пока опасности нет, но не расслабляйся, принц, мир обманчив, как женщина...

Сам холл невелик, справа и слева в стенах широкие двустворчатые двери, расписаны цветами, гибкими линиями, вообще орнамент отдает чем-то изысканно восточным, повеяло султанскими гаремами, хотя никогда их вживую не видел, а хорошо бы...

На той стороне холла мраморная лестница, посередине ковровая дорожка, но не красная, как уже привык, а голубая, цвета августовского неба, перила резные, на верху сложно вырезанные фигурки...

Я всматривался внимательно и настороженно, странный контраст грубости и предельной, вплоть до болезненности изысканности. Но, главное, пока нет чувства опасности.

Бобик повернулся в сторону лестницы. Там появилась, словно выступила из стены, высокая женщина в длинном голубом платье, золотистые волосы падают на плечи, на лбу бриллиантовая диадема, спина прямая, вид гордый, платье тащится следом длинным шлейфом, а спереди приподнимает обеими руками, но вижу только иногда показывающиеся острые носки блестящих, словно из металла, туфелек.

Я выждал, пока ей осталось две ступеньки, молча поклонился, не покидая седло. Она сошла вниз, некоторое время так же молча рассматривала меня, хотя я видел, как быстро и внимательно скользнула взглядом по Зайчику и Бобику.

— Заходи, герой, — произнесла она певучим голосом, очень женственным и теплым. — Героям вообще-то рады везде...

— Я герой, — согласился я, — мной хоть стенку подпирай. Меня зовут Ричард.

Она ответила незамедлительно:

— Еварда, хозяйка этого домика. Коня и собачку тоже давай сюда... У меня нет конюшни, но на первом этаже место для них отыщется. Это у тебя аргогастр? А где рог, потерял в бою?

Я ответил в замешательстве:

— Нет, просто скинул за ненадобностью.

— Такое бывает, — ответила она. — А гандр тебе верен?

— Гандр? — переспросил я.

Она указала на Бобика, что рассматривал ее со странным интересом.

— Это же гандр, если не ошибаюсь? Давно их не видела...

— У нас их зовут иначе, — ответил я сдавленным голосом.

— Направо, — сказала она.

Я деревянно соскочил на землю и, взяв Зайчика под уздцы, повел. Навстречу пахнуло темным воздухом, я ощутил приторно-сладкие запахи, которые принято называть восточными. Просторный зал, ни мебели, ни украшений на стенах, даже пол из плотно приложенных каменных плит, ни узора, ни виньеток, простое удобство.

— Оставь здесь, — велела она. — Арбогаstry в мое время не нуждались в привязи. А гандра...

— Собачку возьму с собой, — сказал я. — Она ласковая, а без меня безумно страдает.

Она улыбнулась.

— Хорошо. Только пусть не грызет мебель. А то у гандров такие зубы... Иди за мной.

Я на ходу оглянулся.

— Арбогастра покормят?

Она в изумлении вскинула брови.

— Разумеется.

— Чем?

— Всем, — ответила она, — чем кормят арбогастров.

Миновав холл, мы оказались в зале, где на возвышении под стеной роскошный трон, колонны поддерживают свод, вдоль стен статуи из мрамора.

Я ожидал, что женщина, сразу определившая, что у меня за конь, и уже встречавшая таких вот Адских Псов, сядет на трон, начнется официальный прием, но она лишь повела бровью в ту сторону.

— Я здесь одна.

— Прошу прощения... леди?

— Для нас двоих, — объяснила она небрежно, — не стоит затевать церемонии.

— Золотые слова, — согласился я.

Бобик шел с нами рядом, затем начал забегать вперед, а когда понесся вперед большими скачками, она произнесла довольно:

— Понял, куда мы идем. Гандры всегда были понятливыми.

За следующим залом распахнулись двери в помещение, которое я называю личными покоями. Кроме стола, кресел и ковров на полу, здесь еще и роскошное ложе с десятком перин, пахнет сладко и дур-

маняще, вообще что-то баядерское, только халвы недостает.

Я переступил порог и остановился. Она покосилась в мою сторону.

— Что случилось?

Я пробормотал:

— Я боюсь нарушить какие-то правила и обычаи...

— Разумно, — произнесла она. — Однако я давно живу одна. Потому уже не соблюдаю никаких правил и обычаев, установленных неизвестно кем и неизвестно для кого.

— Это еще разумнее, — сказал я с облегчением. — Как я счастлив встретить женщину, обладающую такими широкими взглядами!

Она приподняла одну бровь.

— Это лесть?

— Какая лесть, — возразил я. — Вы же сами знаете, что ваша позиция ставит вас выше всех женщин мира, что мыслят узко и примитивно... если вообще мыслят!

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Все-таки лесть. Но хороша, потому что правда. Самая лучшая лесть всегда основана на действительности, но подающая ее в самом выгодном освещении. Верно?

— Верно, — подтвердил я. — Вы удивительная женщина по широте взглядов. Но, думаю, ваши достоинства этим не исчерпываются. О вашей удивительной красоте просто молчу, тут просто невозможно подобрать слова.

Она неспешно повела рукой, из-под широкого рукава высовыvается только кисть с длинными утонченными пальцами, и снова я ощутил, что это слишком безукоризненно для человека.

— Садись вон там, человек по имени Ричард. Я тебя хорошенько рассмотрю, а потом решу, что с тобой делать.

Я прислушался, но снова ни малейшего чувства опасности, к тому же Бобик на этот раз со мной, а он не позволит ударить меня в затылок.

Сама она опустилась в кресло напротив, откинувшись на спинку и опустила ладони на подлокотники, поза как нельзя более царственная.

Я сел, сказал вежливо:

— Кого-то вы мне напоминаете... нет ли родни в империи Вильгельма?

Она холодно улыбнулась.

— Напоминаю? Вот наглец, таких еще не видела!..

Разве я могу кого-то напоминать?

В голосе ее прозвучала прямая и недвусмысленная угроза. По высокой спинке кресла с громким шипением пробежала оранжевая молния, а пол под моими ногами слегка колыхнулся, но я снова не ощутил опасности.

— Конечно! — воскликнул я. — Во дворе этого Вильгельма своими глазами видел изображение богини любви и красоты... Мардук или Ясперс, не помню, у них имена сложные, но женщина в самом деле богиня красоты! Красивее ее я ничего не видел! Ну, разве что вижу теперь...

Ее лицо чуть смягчилось, на меня поглядывала с пренебрежением, но и некоторым интересом.

— Как вижу, ты не местный?

— Еще как не местный, — ответил я честно.

— Хорошо, — произнесла она милостиво, — местные что знают-то?.. Расскажешь, что в мире происходит. А то такая скука...

Бобик побегал по комнате, понюхал, зевнул и лег у моих ног. На хозяйку замка посматривал без всякого интереса.

— В мире ничего не происходит, — ответил я. — Даже ожидание скорого конца света не изменило людей ни на чуть-чуть.

— Конца света? — переспросила она.

— Да, — подтвердил я. — Маркус.

— А-а, — протянула она равнодушно, — Багровая Звезда... что, опять?.. А что еще необычного?

— Из необычного, — сказал я, — только появление на зачарованном холме волшебного замка необычайной красоты, в котором, как оказалось, еще более необычная сама хозяйка.

Она улыбнулась, все-таки лесть, пусть даже легко узнаваемая, приятна даже женщинам.

— Я так и думала, — произнесла она ровным голосом, — что могло измениться за сто лет?.. Впрочем, это здесь, а ты ж издалека? Расскажи, что там и как там.

— Да ничего особенного, — ответил я. — Отсюда, если двигаться строго на юг, упремся в Большой Хребет, однако и за ним есть жизнь...

Она слушала с ленцой, но когда я начал рассказывать о южном море, о больших кораблях, о возможности подниматься на воздушных шарах и лететь по ветру, в глазах появился слабый интерес, я перевел дыхание и упомянул, что по ту сторону океана лежит огромный континент, такой же, как и этот, а то и больше...

— Быть такого не может, — воскликнула она, но тут же поторопила: — Не останавливайся, не останавливайся!

— Как мне эти слова нравятся, — пробормотал я, — ах да, о материке, что по ту сторону... Там совсем другой мир, но я бы рискнул сказать, что туземцы продвину-

лись по пути прогресса несколько дальше, чем здесь на севере. Может быть, даже значительно дальше, чем «несколько»...

На ее лице то и дело проступала снисходительная улыбка, я злился и начинал выкладывать и то, что хотел бы приберечь, она слушала-слушала, в какой-то момент произнесла:

— Ты не врешь, это заметно...

— Леди Еварда?

— О баггерах я слышала, — пояснила она. — Очень-очень давно. Как и то, что тамошние демоны имеют совсем другое происхождение. И что неизмеримо сильнее северных... Здесь этого не знают. Я рада, что ты сам приехал и развеешь мою скуку...

— Ваше высочество, — сказал я почтительно, — для меня это честь! И огромное удовольствие.

Она повела рукой, между нами появился небольшой столик удивительно изящной работы, ножки резные, поверхность из дерева редких пород, отполированная до блеска и покрытая лаком.

Я не успел восхититься, она повела над поверхностью столика ладонью, простирали из легкого тумана широкие блюда, наполненные тонко нарезанными ломтиками жареного мяса и рыбы. Все это изящно обрамлено мелкими комочками запеченных в тесте птичек.

— Здорово, — сказал я восхищенно, — это для красоты или... можно есть?

Она довольно засмеялась.

— Это все настоящее. Приступайте.

Бобик приоткрыл сперва глаз, потом поднял голову.
Я сказал виновато:

— А тебе придется подождать...

Глава 7

Он посмотрел с укором, дескать, чего таишься, раньше перед бабами всегда фанфаронил, весь из себя колдун, даже волшебник, все могу, а сейчас молчишь в тряпочку, однако Еварда сказала величественно:

— Если гандр пирует с нами, то вот его доля...

На блюде появилась зажаренная тушка зверька. Бобик привстал в радостном ожидании. Еварда бросила ему по высокой дуге, он поймал в прыжке и с довольным урчанием лег, зажав добычу между передними лапами.

Еварда сказала с удовольствием:

— Никогда не думала, что у меня будет гандр.

Я промолчал, прислушался, но чувство опасности угрюмо молчит, будто его рот наполнен кровью с крошевом зубов. Возможно, она имеет в виду, что никогда не думала, что у нее гандр будет в гостях.

— Прекрасное мясо, — произнес я, прожевав первый ломтик. — Магия умеет делать больше, чем повара.

— Это зависит от того, — ответила она, — у кого магия... Вина?

— Если не затруднит, — ответил я.

— Нисколько, — заверила она. — Приятно делать мужчине... приятное.

Вино все-таки кисловатое, хоть и получше той бурды, что сейчас считается вином. Однако, если учесть, что она создала лучшее из того, что знает, можно смело орать, что в будущем с вином дела пойдут лучше. А также с неизвестными пока коньяком, виски, ромом, ликерами, шампанским, грограм, глинтвейном, пуншами, божоле... и еще всякой-всякой ерундой, ибо человек развивается всесторонне, а это значит, в будущем в каждом говна будет в сотни раз больше, чем сейчас, и всесторонне развитый человек — это и будет то чу-

довище, в котором половина души будет не темная, а черная, чернущая, чернее самой черной ночи.

Я делал вид, что вино просто отменное, хотя ограничился одним кубком, я же скромный, в гостях не на глею, хотя могу, конечно, я же всесторонне развитый, а некоторые стороны у меня еще те, даже переразвиты...

— Приятно, — ответил я галантно, — когда делают приятное... А куда делись слуги?

Она поморщилась.

— Надоели. Я их отпустила. Дворец угадывает мои желания и все выполняет. У меня за это время столько всего накопилось... хочешь взглянуть?

Я почти выпрыгнул из-за стола.

— Еще бы!

Она засмеялась.

— Допивай и пойдем.

Я бродил, вконец ошелелый, по многочисленным залам, забитым артефактами древних времен, эпох, народов, два зала полностью отданы под стеллажи с манускриптами, где вперемешку исторические хроники и магические свитки, фолианты с могучими заклинаниями и наставлениями, как вести себя при дворе неких королевств, давно исчезнувших и забытых, а обычай там, как я успел увидеть мельком, самые диковинные...

В одном из залов сундуки с золотыми изделиями, крупными драгоценными камнями, оружием, доспехами и причудливой одеждой, есть совсем дикие фасоны, что за люди тогда жили... хотя мода есть мода, но вот эти шарики точно напитаны магией, знать бы только, как они действуют...

Я вздрогнул, когда она появилась в двух шагах, веселая и улыбающаяся.

— Нравится? Ты в восторге, не притворяйся. Мне даже кажется, тебя не придется удерживать силой.

— В каком восторге, — пробормотал я, — я в диком восторге!.. Дичайшем, почти питекантропьем. Такого еще никогда, никто и нигде... Думаю, это единственное место в мире, где вот столько всего... Как вы сумели, принцесса?

Она беспечно улыбнулась.

— Это было совсем нетрудно.

— Как?

Она сказала загадочно:

— Просто выйти на улицу и... взять.

— Как это? — переспросил я.

Она засмеялась.

— Пойдем, уже время ужина. Потом расскажу.

— Уже? — переспросил я. — Я бы здесь месяцами рылся...

Она улыбнулась, я пошел рядом, сказал со вздохом:

— Эх, где же мои Срединные Королевства! Там мог обедать и ужинать тогда, когда хотел!

Она на ходу посмотрела искоса.

— Разве такое возможно?

— Конечно, — сказал я. — Любой человек мог зайти на кухню, взять из... гм... ящика еду и съесть.

Она поморщилась.

— Сырую?.. И вообще, как можно есть курицу в перьях, невыпотрошенную... Дикии какие-то!

— Юг, — согласился я. — Мы там все такие. Вы хоть какие-то из этих манускриптов прочли?

Она беспечно улыбнулась, покачала головой.

— Еще нет. Времени не было.

— Ну да, — согласился я, — несколько десятков тысяч лет... разве это время?

Она ответила весело:

— Представь себе, что почти каждое утро распахиваешь окна, а там... новое королевство!.. Ладно, не всегда новое, но если в прошлый раз было молодое, то сейчас уже старое, на месте сел высятся города, правят другие короли, а то и другие династии...

— Каждое утро? — переспросил я.

Она покачала головой.

— К счастью, каждый раз задерживаемся на неделю. А каждый день... это было бы чересчур.

— Здорово, — сказал я, — честно говоря, завидую. Я вообще-то жаден к переменам. А тут никуда не надо ехать, сами приходят прямо к дому. Вообще-то это счастье...

Она удовлетворенно улыбнулась.

— Понял?

— Да, — ответил я. — Вы едва успеваете нахапать новых книг и всяких штук, как ваш замок снова проваливается на сотню лет... в иные измерения.

— Куда?

Я отмахнулся.

— Просто поговорка в народе. Гм, и не угадать, с какой эпохи нужно изучать, чтобы сразу схватить все самое интересное и ценное? Ибо завтра новые народы, новые обычаи, новые книги...

— Верно, — ответила она. — А ты не безнадежен. Кстати, ты как раз и можешь копаться в этих книгах, если тебе интересно! А я буду приносить все новые и новые...

Я ответил со вздохом:

— Увы...

— Что, — спросила она требовательно, — что за вздохи?

— Мало ли что мне хочется, — ответил я тусклым голосом, — но у мужчин есть обязанности.

— Какие?

Я пожал плечами.

— У всех разные, но коротко их можно назвать как обязанность спасать мир. Ежедневно. Мне вот велено незамедлительно достичнуть Храма Истины.

Она нахмурила лоб, брови чуть сдвинулись.

— Храм Истины? Да, как-то слышала о нем...

— Принцесса, — сказал я умоляюще, — только вы и слышали, что это за и где оно! Значит, можете помочь добраться до места, хотя бы указав верное направление.

— Зачем?

— Возможно, — сказал я, — вместе с теми монахами... если там монахи, а не что-то вообще чудовищное, придумаем, как остановить Маркус!

Она расхохоталась.

— А, это... Ну, нас Маркус не коснется. В следующий раз, когда мой замок появится в этом мире, пройдет почти сто лет. Уцелевшие уже выберутся из пещер, почти все будет отстроено за три-четыре поколения... Ты увидишь новый мир!

Я спросил настороженно:

— Вы точно намерены меня взять с собой?

Она кивнула.

— Угадал. Правда, я уже делала так несколько раз, но всегда разочаровывалась. Мне кажется, в тебе что-то особенное. Ты мне тоже кого-то напоминаешь...

— Кого?

Она сказала медленно:

— Очень-очень давних... Мне казалось, что когда я была ребенком, такой же, как ты, брал меня на руки... Это точно был не ты?

— Да вообще-то не помню, — пробормотал я. — Постранствовать мне пришлось, если честно. Первое Арндское строил, тогда оно называлось просто Арндским, Цибенлингов перебил... или не перебил, а поро-

дил?.. Все путается. Генланбае разрушил, но это было далеко отсюда...

Она произнесла настороженно:

— По времени тоже. Но, мне кажется, ты повторяешь чьи-то рассказы, хотя не могу представить, чтобы они хранились так долго. Но ты в самом деле чем-то похож на тех, Первых... Даже не скажу чем. Походкой ли, речью, уверенностью в жестах... Но сейчас ты мой почетный гость, я еще не решила, что с тобой делать...

Я пробормотал:

— Да что это я из плена в плен?

Она расхохоталась:

— Разве мой в тягость?

— Сладкий плен, — согласился я. — Даже сладчайший. Святой Антоний уже сдался бы. Как жаль, я не поэт, а довольно грубая воинская скотинка и верен присяге! Потому тверд, аки... в общем, вам придется меня поуламывать, чтобы затащить в постель.

— А ты будешь упираться?

— Естественно!

Она счастливо расхохоталась.

— Какая прелесть! Обожаю честных и простодушных, они даже юмора не понимают.

Мне кажется, она самая совершенная из женщин. Безукоризненная молодая кожа без единой морщинки, удивительно выточенное лицо, неправдоподобная фигура...

Мы поужинали, а потом она кивком отправила меня в спальню. Собственно, ничего нового, однако я в этом мире уже успел поверить, что Господь доминантом назначил мужчину, а вот она снова вернула меня в те странные времена, когда этот простой акт был превращен во что-то сложное ритуальное, что нагоняет такую

тоску, что уже треть мужского населения объявила себя асексуалами, только бы не заниматься этим, постоянно думая, что а сейчас надо вот так, а теперь вот это, а это еще рано, если судить по ее ровному дыханию...

Я, дитя своего времени, все знаю и все умею, грамотный, но это не значит, что мне эта усложненность нравится, пусть даже в изнеможении и шепнули мне, что я лучше всех. Ага, как же, тут нетрудно, когда все остальные не слыхали ни о точке джи, ни о каких-то обязательных разогревах двигателя, петтинге и прочих сложностях, которые так не любят мужчины.

Она заснула, раскинувшись в постели, чувствуя, что привыкла спать одна, раскрасневшаяся и довольная даже во сне, а я напряженно обдумывал ситуацию.

Говорят, вид спящей женщины напоминает окончание удавшейся охоты, однако в моем случае что-то не совсем так, а мое чувство опасности нуждается в серьезной корректировке и юстировке. Хоть тут меня никто не бьет по голове, а жизнь обещают самую что ни есть сладкую, но все-таки это не весьма то, о чем я думал и к чему стремился всеми жабрами. Или фибрами...

Конечно, есть гарантия, что здесь уцелею во время прибытия Маркуса, а когда этот замок вынырнет из небытия, уцелевшие уже выстроят целые города, но как-то даже рассматривать такую возможность не хочется.

Наверное, будь я постарше или послабее, мог бы и согласиться, но сейчас дурная сила даже из ушей хлещет с напором, все разумные доводы отвергаю, мудростей не признаю, а уверенность в том, что весь мир построю в шеренгу и сделаю счастливым, хочет он того или не хочет, — выше крыши.

А это значит, что не останусь, пусть тут намажут медом даже пол и стены.

Рано утром, как я и предчувствовал, она проснулась вся лучезарная, посмотрела на меня, как на своего

любимого пета, которому даст самое лучшее счастье на свете.

— Как спалось?

— О, — ответил я с чувством, — как никогда! Просто прекрасно! Да, просто прекрасно!

— Рада, — сказала она, — что тебе понравилось. Кстати, хочу тебе сделать маленький подарок...

— Гм, — сказал я, — мне нравится обычай, когда подарки делает женщина. Хоть и непривычно, но приятно.

Она улыбнулась, я прочел в ее взгляде, что подарки делает доминант, а субдоминант принимает, но вслух она ничего не сказала, а дотянулась, не поднимаясь с ложа, до верхнего ящика столика возле кровати.

Я молча ждал, когда она шарила там, а что еще могу, она же делает меня счастливым, потому это дурацкое чувство опасности ни разу не пикнуло.

Она долго перекладывала чисто женские вещички, наконец с довольным возгласом вытащила нечто миниатюрное.

— Вот оно!

Я подавил тяжелый вздох, на ее розовой ладони, больше подходящей юной девушке-подростку, чем хозяйке замка, тускло поблескивает нечто, на первый взгляд похожее на те старинные часы, что в древности носили в нагрудном кармане.

Если не ошибаюсь, тот же размер, толстая выпуклая крышка, даже цепочка такая же, только металл удивительно блестящий и гладкий настолько, что никакая грязь не прилипнет, не отыщет, за что зацепиться. И, боюсь, эту штуку положено носить на груди, как носят медальоны. Если память не изменяет, внутри рыцари обычно держат прядь волос любимой женщины...

— Открой, — сказала она. — Это очень ценная вещь, так написано в рукописи Крадлекарта. Того самого!

— Ну если того самого, — пробормотал я. — А точно того? А то сейчас столько подделок...

— Абсолютно!

— Ну тогда да, — сказал я и подпустил в голос восторга, — самого Крадлекарта, надо же... а как открыть?

Она усмехнулась.

— Если сумеешь, эта штука твоя.

Я не стал указывать на непоследовательность женской логики, уже вроде бы подарила, а сейчас, оказывается, существует еще и дополнительное условие, что полностью отменяет все предыдущее... как обычно и бывает у женщин.

— А что о ней известно?

Она пожала обнаженными плечами, белыми и округлыми, вылепленными так же безукоризненно, как и ее лицо.

— Как минимум укажет направление.

— Куда?

— Куда скажешь, — пояснила она, — нужно только говорить четко, громко и ясно.

— Даже в Храм Истины?

Она слегка сдвинула брови.

— Да куда угодно, что ты все о Храме? В древности такие вот вещицы очень ценили. Их было создано величайшими магами Первого Царства не больше дюжины. Сколько уцелело... не знаю.

Я осторожно взял из ее пальцев, повертел так и этак. В механических часах старого типа всегда сбоку торчат всякие винтики и шпунтики для завода, для подгонки стрелок и еще чего-то там, а здесь гладко, хотя мне и такое понятно, знакомо, но мои отпечатки вряд ли примут и признают.

Я пробормотал:

— Если тут хитрый замок, то я пас. Я и без замка не всякую дверь открою, пока не расскажут подробно и с

примерами, в какую сторону открывается. И не покажут пару раз.

Она рассмеялась.

— Ну да, дорогой герой, ты же человек меча и воинской славы...

— Трудно разобраться на пустой желудок, — сказал я, — и без кубка вина. У нас, когда поедим...

Крышка в моих пальцах легонько щелкнула и красиво поднялась. Одновременно заиграла божественно прекрасная мелодия. Моя душа встрепенулась во мне и, приподнявшись на цыпочки, начала озираться в восторге: где такое чудо?

Волшебница охнула, непонимающе смотрела то на чудесный медальон, то на меня. Ночная рубашка сползла до пояса, обнажая ее прелести, в самом деле настолько весьма, что просто произведение искусства, которое лучше не трогать лапами.

— Как, — прошептала она, — как ты смог?

— Да оно само, — пробормотал я ошелело, — видать, узнало хозяина.

— Что?

Глава 8

Я не отрывал взгляда от сокровища на ладони. В раскрытом виде это похоже даже не на часы, а на карточный домик, поднявшийся строго посреди двух половинок, только домик из золота, мельчайшие детали проработаны так точно, что не оставляет странное ощущение, что это настоящий дворец, то ли для микролюдей, то ли уменьшенный неким чародеем и помещенный сюда.

Мелодия продолжается, не повторяясь, золотая поверхность обеих половинок, испещренная множеством значков и рисунков, начала поблескивать, пошла переливаться тенями, еще позже одни значки начали све-

титься голубым, другие оранжевым, огоньки пошли из ячейки в ячейку...

Она сказала шепотом:

— Неужели это дворец самого легендарного Визатерия? Да что там легендарного, это один из самых древних мифов, что уже перешел в сказки...

— Это кто? — спросил я.

— Сказочный король эглегартов, — ответила она тем же шепотом. — Это древний народ, о нем теперь только обрывки легенд.

Я продолжал всматриваться, как в окнах дворца начали вспыхивать огоньки, осветился первый этаж, потом второй, третий...

— Может быть, — проговорил я, — легенды оживут.

Она сказала потрясенным шепотом:

— Но... неужели правда?

— Что?

— Они не погибли, — сказала она тихо, — не исчезли... просто ушли от людских глаз. Наверное, здесь просто пребывали в счастливом волшебном сне...

Я сказал настороженно:

— Не рассердились бы, что их разбудили. Смотри, уже на башнях подняли флаги... А что, если закрою?

Она вскрикнула:

— Не смей!

— Почему? — спросил я. — А вдруг им спать нравится больше? Я знал таких... За возможность отоспаться Родину продадут. Родина — это... ладно, потом. Нет, я все-таки закрою.

— Не смей...

Я решительно захлопнул крышку до того, как она ухватила меня за руку. Дворец, как понимаю, там склонился, снова ставши двумерным. Его жители, если не впали в спячку, но продолжают жить в двумерности, не заметили никаких изменений.

Она смотрела в ужасе, глаза расширены, лицо побледнело, словно ожидала землетрясения или извержения десятка вулканов.

— Нельзя с ними так обращаться!

— Как? — спросил я. — Да для них ничего решительно не изменилось!.. Только и только, что трехмерность перешла в двумерность, а так все то же самое.

Ее глаза стали еще шире.

— Как это?

Я отмахнулся.

— Да элементарный переход! Мы живем в трехмерном, а сколько двумерных вселенных — не сосчитать!.. Ваш дворец, принцесса, то исчезает из этого мира, то появляется, но для вас ничего необычного?

Она посмотрела на меня огромнейшими глазами, ставши чуточку ближе к человеку.

— Н-нет...

— А здесь, — пояснил я, — простейший переход трехмерного объекта в двумерный, только и всего, простейшая математика. Ну, пусть не самая простейшая, но все-таки так понятно... не так ли? Или вы, принцесса, никогда о двумерцах не слышали?.. О народах, что живут в двух измерениях?.. Ладно, у всех бывают лакуны и даже каверны в образовании. Если нас здесь покормят, я вам попробую объяснить на примере пестиков и тычинок...

За завтраком она так гордилась изысканными, по ее мнению яствами, что у меня зудело вывалить на стол по-настоящему изысканнейшие, чтобы ахнула и заткнулась, но смирял себя и делал вид, что в самом деле изумлен и потрясен.

Пусть верит, что постепенно смиряюсь со своим положением, купаясь в небывалой роскоши, но если уви-

дит, что могу делать что-то лучше, отсюда уже не выбраться.

Закончив со сладким, я сообщил, что обязан навестить арбогастра и пообщаться с ним, раз уж он оставлен на первом этаже, и, оставив волшебницу раздумывать, что будет на обед, побежал по лестнице вниз.

Еще ночью проверил кольца, ни одно не срабатывает. Пробовал уже и сейчас попытался ткнуться в стены, но они вовсе не из камня, как выглядят. Возможно, это вообще не материя, а спрессованное время, благодаря которому весь замок и пульсирует так, появляясь в реальности раз в сто лет...

Пробовал даже медным кастетом бить в стены и двери, но создавшие его мастера не учитывали возможность появления из невероятно далекого прошлого этого вот дворца.

Мечами рубить тоже бесполезно, пробовал и Зеленым, и Красным, и Травяным, и Озерным, даже мечом Вельзевула, но нигде ни царапины. Даже на мебели, что точно не из дерева, а из чего, даже не хочу и думать, голова начинает кружиться, словно смотрю в бездну.

На всякий случай перепробовал не только мечи, но пострелял из лука Арианта, из миниатюрного арбалета — бесполезно!

Была мысль шаражнуть из Небесной Игры или попробовать Комья Мрака, но это прогремит на весь замок, примчится волшебница, сразу увидит мои попытки вырваться из ее сладкого плена, так что такие репетиции лучше проводить тайком.

Бобик догнал меня по пути вниз, он и здесь облизывается, его не тревожит плen: если он со мной и этим копытным — какой плen, какое насилие?

Арбогастр, к моему огромному изумлению, возлежит на громадном ложе, покрытом толстым расписным покрывалом с неизбежными рюшечками.

Три огромных таза до половины наполнены кристаллами, металлическими обломками старых артефактов, даже зерном, хотя я так и не определил, что за зерно размером с орехи.

— Один ты выиграл, — сообщил я, — но не радуйся, все равно скоро нам мчаться через зимнюю ночь и встречный ветер навстречу... всякому и разному.

Он легко спрыгнул с ложа, прошелся гордо, высекая искры копытами, дескать, готов хоть сейчас.

— Я придумаю, — сказал я шепотом. — Набирайся сил, а мы с Бобиком продолжим рекогносцировку.

Лестница вверх в конце концов вывела на площадку для обзора. Сверху только навес на тонких столбиках, под ногами, кто бы подумал, роскошные ковры с толстым ворсом.

Ветер время от времени несет снег в нашу сторону такой массой, что хочется пригнуть голову, однако все разбивается о незримую преграду, словно о невидимое стекло, а здесь, хоть и на свежем воздухе, но тепло и сухо.

С площадки прекрасный вид, заснеженные поля, холмики домов и сараев, высокая башня колокольни вдали... Я присмотрелся, там что-то вроде монастыря, только снег не только на крышах, но и во дворе таким ровным слоем, что не видно дорожек.

Я так и эдак напрягал зрение, даже голова закружилась, но жизни не увидел.

За спиной послышались шаги, Еварда поднялась ко мне, приподнимая обеими руками платье, веселая и довольная, даже не воспользовавшись своей телепортацией.

Я сделал вид, что безумно обрадовался, она прощебетала:

— Удобно, что мы на холме?..

— Да, — согласился я, — видно на десятки миль.

А что, обзорная площадка закрыта?

Она посмотрела невинными глазами.

— Почему ты так решил?

— Показалось, — ответил я. — Когда бросил камешек, тот просто исчез там внизу.

Она заулыбалась.

— Ах это... Когда-то в древности поблизости оказались гнезда исполинских гарпий. Они постоянно атаковали башню, пытались влезть в окна, выбить двери...

— И ты закрыла сверху?

Она покачала головой.

— Зачем полумеры? Вообще закрыла со всех сторон.

Так удобнее.

— А как выходишь ты?

Она пожала плечами.

— Да просто выхожу! Я же хозяйка. Но кроме меня муха не влетит и не вылетит.

Я указал вдаль.

— А что вон там за руины... Монастырь... или не монастырь?

— Монастырь, — согласилась она. — Еще каких-то лет пятьсот назад в нем кипела жизнь. Да и в прошлый раз там еще горели огни, а народ чистил снег...

— А что случилось?

Она пожала плечами.

— Кто знает? Может быть, богов сменили?.. У людей это бывает часто.

— Интересно, — сказал я, — там же в их библиотеках наверняка накоплено... Не нужно выискивать в руинах древних гробниц по одной книжечке.

Она хитро прищурилась.

— Хочешь туда съездить? Нет уж, моя власть не распространяется так далеко. А вдруг вздумаешь удрать?

Яахнул:

— Куда, в этот грязный серый и унылый мир? От такого счастья? От тебя?

— Да кто тебя знает, — ответила она. — Люди такие дикие, непредсказуемые и часто непонятные.

— Я быстро, — пообещал я. — Туда и обратно!

Она покачала головой.

— Нет-нет, и не проси. А книги... У меня накоплено книг на несколько твоих жизней! Копайся, если тебе интересно.

— Интересно, — согласился я, — но здесь, знаешь ли, присутствует человеческий фактор...

Она приподняла брови.

— Это что?

— Те книги, — объяснил я, — очень ценные, но они... чужие. А те, что лежат там сейчас, написаны недавно. Они как бы родные мне, из моего времени... понимаешь?

Она закусила губу, подумала.

— С трудом, но... кажется, понимаю. Хорошо, я подумаю, что могу сделать.

Глава 9

Женщина не свет в конце туннеля, подумал я после ее ухода, а сам туннель, из которого пора выбираться, и как можно быстрее. Волшебница как будто не знает, что завоевать мужчину проще, чем много лет потом кормить в плenу!

Наверное, знает, она же призналась, что у меня было немало предшественников. В любовных играх принято мошенничать по правилам игры, так что не надо мне себя обвинять, любви все возрасты покорны, а браку

все-таки сопротивляются, у нас же больше похоже на крепкий и нерасторжимый, что не есть для меня зело...

Я ждал в нетерпении, это будет удача, если согласится, а что с моей стороны обман, так это нормально, мы всегда женщин обманываем... они нас, мы их, это даже как бы и не обман, а что-то вроде вечной и возбуждающей дураков игры.

В сопровождении Бобика я бродил по всему замку, заглядывал во все комнаты, никогда не знаешь наперед, где может отыскаться ключ к свободе, почти везде разные стили, страшно подумать, что это все существует многие миллионы... с другой стороны, если по неделе в каждую сотню лет, то не так уж она и стара...

Послышался бодрый цокот ее каблучков, двери резко распахнулись, уйдя в стены, Еварда вошла сияющая, глаза довольно блестят, а щечки разрумянились.

— Придумала!

Я придержал ликующий вопль, проговорил деловито и буднично:

— Съезжу?

— Поедем вместе, — объявила она. — Мне удалось отыскать знакомое заклятие, с его помощью можно создать двух лошадок. Растают в воздухе через три часа, на большее у меня не хватает сил...

— Арбогастр понес бы нас двоих, — сказал я, хотя уже предчувствовал ее ответ.

Она согласилась:

— Да, но он останется здесь. Как и твой удивительно дружелюбный Пес. Думаю, так тебе сильнее захочется вернуться к ним.

— Понятно, — пробормотал я, — заложники... Хорошо, хоть и в этом нет необходимости. Разве я могу уйти от тебя?

— Женщины должны быть осторожными с мужчинами, — сообщила она. — Вы бываете такими стран-

ными и дикими. Если ты готов, то выедем сразу после обеда.

— Я хоть сейчас!

— А мне потребуется время, — ответила она.

После обеда мы оделись потеплее и вышли на крыльцо. Я остановился по ее жесту, а она заговорила медленно и властно, с трудом выговаривая заклинание.

То ли потому, что на древнем языке, то ли слишком долго не упражнялась, или же само заклятие сопротивляется, но на висках вздулись жилы, а дыхание пошло с трудом, словно незримо бежит на гору или крутит колесо огромной мельницы.

Под ногами едва заметно дрогнуло, впереди по каменным плитам пошла едва заметная дрожь, даже рябь, донесся странный скрип, в котором мне почудилось недовольство.

Прямо перед крыльцом воздух колыхнулся, уплотнился. Ветерок попытался раздернуть его в стороны, однако там уже появились силуэты двух одинаковых, как капли воды, лошадок и медленно наливаются плотью.

Я молча всматривался в этот странный процесс, когда атомы воздуха, перестраиваясь в ином порядке, создают нечто упорядоченное, подчиненное человеческой воле, а Еварда часто и трудно дышала, последние слова едва вышептала и оперлась на мою руку.

Лошадки невысокого роста, выглядят не очень, но уже с седлами, с виду очень примитивными, без стремян, что понятно, тогда их еще не существовало, гривы у лошадок короткие, как у диких... хотя какая мне разница, я ж не Пржевальский.

Еварда глубоко вздохнула, выпрямилась.

— Все...

— Получилось? — спросил я.

— Да, — ответила она. — Теперь поторопимся. Всего три часа. Если не успеем, обратно придется пешком по такому снегу.

— А создать новых? — спросил я.

Она нахмурилась.

— Только здесь. Я сообщаю заклятие, а создает сам замок.

Я кивнул, сам уже догадался, сказал бодро:

— Поспешим?

Она с удовольствием принимала все мои изысканные ухаживания, в предыдущие эпохи культ прекрасной дамы не был еще развит, к женщинам относились как того заслуживают, а сейчас я из кожи лез, чтобы услужить ей и наговорить комплиментов, а она со своей проницательностью видела, что нисколько не притворяюсь, совершенно верно, это не притворство, а необходимый набор любезностей, что мы совершенно как бы искренне вываливаем перед женщиной.

Усадив ее и устроив поудобнее, я поднялся в седло, без стремян это как-то отвратительно, а Еварда сказала уверенно:

— Вот к тем руинам... вперед... без остановки!

Лошадки пошли рысью, затем галопом. Я старался держаться устойчиво, хотя что-то с эти лошадками не то, кожа скользкая, словно сижу на лягушке, а их ноги гнутся в коленных суставах то ниже, то выше, что не совсем как бы привычно для всадника.

Еварда, однако, держится, хотя напряжена даже очень, лошадки идут рядом настолько синхронно, что мне почудилось, будто это одно животное в двух телах.

Сразу же от подножья холма, где пошел толстый снег, они помчались как две огромные птицы над поверхностью воды. Я оглянулся, следом тянутся едва заметные оттиски копыт, будто под нами не слой снега в ярд толщиной, а так, легкая пороша.

И мчатся так, что я инстинктивно пригнулся от встречного ветра, но спрятаться под пышной гривой не удалось за отсутствием гривы.

В одном месте, где мы проскачивали напрямик небольшой лесок, ветер свалил поперек дороги огромное толстое и длинное дерево, растопыренный комель которого остался среди тесно сгрудившихся деревьев, а вершинка плотно засела на противоположной стороне среди таких же деревьев, только поменьше.

— Надо было на аргогастре, — сказал я, — он бы просто перепрыгнул... Объедем?

Она выпрямилась и вперила злой взгляд в перегородившее дорогу препятствие. Увы, даже самый могучий волшебник не станет отшвыривать такой могучий ствол дерева. Проще обойти или перелезть, чем остановиться и подбирать нужное заклятие, а потом еще полдняходить обессиленным.

Я охнул про себя, когда Еварда произнесла одноединственное слово с таким видом, словно сдувает с губы комара, и огромный ствол переломился посередине... нет, середина просто исчезла, оставив обугленные края.

Мы проехали стремя в стремя, я видел ее победную улыбку и постарался выразить на лице потрясенный восторг и величайшее почтение. У нее не просто колдовство, а какая-то древняя магия, которой даже следы потеряны и забыты в этом мире...

Полуразрушенные стены монастыря приблизились и выросли так скоро, словно мы в самом деле прилетели. Еварда молча пустила лошадок вдоль стены, левее отыскались ворота, одна створка на земле, засыпанная снегом, вторая, перекосившись, поскрипывает на одной петле.

Двор покрыт девственно чистым снегом, даже крыльца, у которого мы оставили коней.

Я почтительно снял Еварду с седла, она быстро напомнила:

— Теперь поторопимся! У нас мало времени.

— А говорят, — сказал я, — что женщина может остановить время. Пусть и временно.

Поставил ее на крыльцо, она сказала сердито:

— Время работает против нас.

— Если оно против, — сказал я бодро, — мы его убьем.

По-моему, она так и не поняла, зря я разбрасываю бисер перед красивой женщиной, оглянулась перед дверью.

— Ты идешь?

— Лошадки не убегут?

— Нет, — отрезала она.

Я с силой ударил плечом в дверь, она заскрипела и начала медленно отворяться вовнутрь.

— Не успеваешь оглянуться, — пробормотал я, — как все уже впереди...

В помещении пусто, пыльно и безжизненно, из узких окошек падает тусклый свет. Я чуть было не пустил вперед шарик света, что-то становлюсь слишком беспечным, как будто пыточного подвала у колдуна не было.

Еварда пошла вперед быстрыми шагами.

— Иди сюда, — потребовала она. — Вон там подвалы...

— Где библиотека?

— Сперва кельи монахов, — ответила она. — Библиотека еще ниже.

— Бегу, — ответил я.

На той стороне этого зала двери из темного или потемневшего дерева, очень высокие, словно здесь туда-сюда носились здоровяки на рослых конях, держа на плечах жонглирующих акробатов.

Я уперся плечом, открылось без надсадного скрипа. От петель настораживающе пахнет не то ароматным дегтем, не то маслом, будто мазали сегодня утром.

А еще створки двери толстые, рассчитанные на всякие неожиданности. Зал открылся длинный, прямоугольный, с неизбежными колоннами, подпирающими свод.

В нишах стены справа с полдюжины рыцарских доспехов в полный рост, так мне почудилось сперва, но присмотрелся и понял, что это местные святые. Они, правда, в доспехах, но в руках не мечи, а кресты, хотя какие-то они странно боевые с виду.

И что всегда нравилось, в этом зале огромные витражные окна из цветного стекла, как только и сохранились, но все-таки здорово, что уцелили.

Она указала на далекую дверь в левой стене.

— Вон там ход вниз.

— Вы здесь уже бывали, принцесса?

— Да, — ответила она и добавила безмятежно: — По вашим меркам лет семьсот тому.

— А для вас пару месяцев? — спросил я.

Она поморщилась.

— Нет, почти полгода.

— Ужасно давно, — согласился я. — Просто чудовищно! Дико даже.

Я осторожно взялся за ручку двери, причудливо изогнутую и старинной работы, приготовился к неожиданностям, потянул на себя медленно и осторожно.

Дверь тяжелая и массивная, словно предназначенная выдерживать удары тарана, такое настороживает, но опасности все равно не чувствую, потому приоткрыл, но заглянуть не успел.

По всей высоте щели стремительно вырвались жутко пищащие мелкие твари. Множество ударов по лицу кожистыми крыльями, перед глазами замелькали

ужасные оскаленные морды с жуткими клыками. Я навалился на дверь и с усилием закрыл ее, размазав парочку тварей по косяку, а те, что вырвались, унеслись дальше по коридору.

Я перевел дыхание, сердце бешено колотится, я старался успокоить себя, летучих мышей не боюсь, потому мой инстинкт и не предупреждал об опасности, а то, что испугался, совсем другое. Это все равно что близкий друг подкрадется сзади и громко скажет над ухом страшным голосом: «Гав!»

Еварда, бледная и вздрагивающая, присела в двух шагах под стеной и прикрыла голову руками.

— Все в порядке, — сказал я.

— Какой же это порядок, — ответила она сердито. — И зачем я дала себя уговорить?

— Из любопытства, — ответил я. — Говорят, женское любопытство почти не уступает мужскому.

Она фыркнула:

— А зачем мне любопытство?

— Как лекарство от скуки, — ответил я. — А вот от любопытства средства еще нет. И вообще... любопытство — одно из самых непреложных и очевидных свойств мощного интеллекта! Так что пойдем...

— К летучим мышам? Да ни за что!

Я оглянулся.

— А вот та дверь? Она тоже вроде бы вниз.

— Если и там мыши, — сказала она твердо, —озвращаемся!

— Побудь здесь, — сказал я, — только загляну. Если что, крикну.

Очень медленно приоткрыв дверь, я сразу же ощущал тревожное чувство близкой беды, потому сперва заглянул одним глазом, комната большая, но абсолютно пустая, если не считать в дальнем углу два перевернутых и сломанных стула...

Приоткрыл еще чуть, посмотрел, ничего нет, пусто, тихонько протиснулся, не рискую открывать шире, Еварда за спиной сказала тревожно:

— Что-то в этих руинах поселилось недобroe...

— Недобroe селится везде, — ответил я, — даже во дворцах...

— Лучше бы ты не ходил...

— И вообще, — согласился я, — как бы...

Медленно притворив за собой дверь, настороженно оглядывался, чувство близкой опасности заставило шерсть встать дыбом, но все еще не вижу ничего, что могло бы...

В темноте противоположной стены что-то оформилось, я напрягся, увидел стремительно опускающееся, нет, летящее мне прямо в лоб острое лезвие тяжелого топора.

Судорожно дернулся в сторону. Рядом хрестнуло, словно разрубили сочный арбуз, ухо ожго острой болью. В косяке двери, касаясь моей головы, торчит погрузившийся по самый обух топор, кто бы подумал, что каменная глыба может разломиться с таким сочным звуком...

Ухо горит огнем, все-таки задел, гад, но чудом не отрубил.

Я дважды перекатился, вскочил на ноги, готовый к схватке, но везде пусто, мертвая тишина, если не считать мое сиплое дыхание.

По ту сторону двери раздался приглушенный крик:

— Ты цел?

— Да... — крикнул я.

— А что там было?

— Поскользнулся, — крикнул я.

— На чем?

— На чем можно поскользнуться? — огрызнулся я. — Неприличные вопросы задаете, леди...

Уже не слушая, я отошел от двери, напряженный так, что нервы вот-вот порвутся, но чувство опасности уже стихло. Не ушло совсем, но легло вблизи, как пес на подстилку у камина.

Раздался негромкий звук, словно нервы все-таки лопнули, но не у меня. Посреди комнаты появилось призрачное лицо таких размеров, что подбородок касается пола, а лоб уходит в получьму свода.

Я с изумлением всмотрелся в чудовищно огромную голову, занимающую половину комнаты, умные глаза, высокий лоб и бесконечно порочное выражение лица в целом.

— Ты кто? — спросил я настороженно.

Он всматривался в меня с таким же напряженным интересом.

— А ты?..

— Я человек, — ответил я.

— Этого мало, — произнес он. — Человеками населен мир... Но ты, как мне кажется, из Древних. Недаром же видишь меня без всяких заклятий.

— Мало ли что кажется, — сказал я. — Выгляжу старым?

Губы чуть искривились в презрительной усмешке.

— Ты знаешь, о чем я. Когда наши отцы сошли с небес и, облекшись плотью, вступили в связь с земными женщинами, люди уже существовали... хотя вас и было еще мало. Тогда и родились мы, нефилимы и стоккимы, самые совершенные существа на свете...

— Что? — переспросил я, не веря своим ушам. — Нефилимы?.. А разве вы в самом деле существуете?.. Не перетопли?

— Как видишь, смертный...

Я пробормотал ошелепо:

— Я думал, это только сказочка... ну, игра ума... развитие некоторых философских идей... Ну, как всегда у

философов, слово за слово, концепция за концепцией, а в морду уже в конце, когда доводы действительно исчерпываются, а не сразу, как у простолюдинов...

Толстые губы презрительно искривились, а глаза чуть сощурились.

— Нет, смертный. Мы существовали всегда... по вашим меркам.

Я сказал все еще потрясенным голосом:

— Если вы от связи падших ангелов и распутных женщин непристойного поведения, как сказано в Святом Писании, то это не всегда, хотя и весьма давненько! Ладно, это так, маленькое уточнение...

— ...которое служит тебе, — проговорил он, — чтобы позволить набраться духа, как если бы поймал противника на мелкой лжи.

— А почему нет? — спросил я. — Самооценку нужно поднимать любыми доступными способами. Если один сильнее, то второй должен быть... гм... красивее. Кто из нас красавец, думаю, спорить не будем.

Он фыркнул.

— Сила — красиво всегда! Сила и мощь — прекрасны!

Я сказалsarкастически:

— Ну да, каждый нефилим свое болото хвалит! На чем и погорели.

— Мы были совершенны, — сказал он, — однако Создатель наше появление не одобрил.

— А вот этого не надо, — возразил я.

— Чего?

— Передергивания, — сказал я. — Он не одобрил ваши великие злодейства, а не ваше появление на свет! Вы же людей жрали живьем!.. А сейчас ты здесь зачем, людёв пугать?

Он поморщился.

— Я заточен, как и мои уцелевшие братья, в толщу камня. Это все, что нам доступно... Здешние монахи однажды нашли заклятие, как разговаривать с нами...

Глава 10

По ту сторону двери раздался встревоженный голос Еварды:

— Ну что там?.. Ричард!.. Там летучие мыши есть?

— Мышей нет, — ответил я, но бросив взгляд на призрачного нефилима, торопливо добавил: — Зато какие тут великолепные и толстые летучие крысы... Погоди минутку, сейчас поразгоняю...

Нефилим продолжал морщить губы, за дверью послышался горестный вскрик.

— Может, лучше вернемся?

— Исчезни, — велел я нефилиму. — Как-нибудь поговорим в другое время.

Его лицо задрожало, теряя краски и объем, начало истаивать, я выждал время и распахнул дверь.

Еварда, хоть и держится в отдалении, отшатнулась в неожиданности.

— Что... уже?

— Да, — ответил я гордо. — Лик мой был так ужасен, что они исчезли.

Она пугливо заглянула, вошла, торопливо огляделась.

— А... куда?

— Убились о стену, — сказал я и показал на стену. — Об эту. Все до одной. Наверное, это ритуальное. А что?

Она вздохнула с облегчением.

— Я даже на их трупы не смогла бы смотреть. К счастью, как я понимаю, это были призрачные крысы.

— Такие бывают?

Она посмотрела свысока.

— Что ты за дикарь?

— Еще тот, — пробормотал я. — Насколько понял, вон там вход в библиотеку?

Дверь узкая, явно не церемониальная, а когда я ее открыл, старая лестница с сильно стертными ступенями повела вниз, а там медленно и торжественно начало открываться с каждым шагом просторное помещение.

Полки с толстыми древними книгами справа и слева от пола и до свода, а еще четыре такие же полки, прикрепленные к потолку металлическими скобами, находятся посреди зала.

У дальней стены камин, в нем груда наполовину сгоревших дров, подернутых сверху толстым слоем серого пепла.

Когда мы осторожно приблизились, пепел беспокойно зашевелился, с краю даже невесомо приподнялся в воздух и лег обратно.

— Ничего себе, — сказал я, — это же сколько они копили...

Она сказала быстро:

— Хватай побыстрее да вернемся! Не нравится мне здесь.

Я потянул носом воздух, что наполовину из пыли, огляделся.

— Да, это не розарий, но у нас еще уйма времени...

— Все равно, — проговорила она сердито, — мне это не нравится. Бери книги!

— Сейчас, — сказал я, — сейчас... Здесь их слишком много. Надо сперва сориентироваться. Думаю, здесь какой-то порядок все-таки был...

— Какой?

— Скажем, исторические хроники в одном углу, магические свитки в другом, фолианты с описанием зелий в третьем...

Она задумалась, потом повернулась к камину. Пока я рассматривал книги, она протянула в сторону камина руки и заговорила медленно и торжественно, повышая и понижая голос.

Я ощутил неладное, пепел исчез, под поленьями вспыхнули крошечные оранжевые огоньки, начали поспешно и жадно лизать высохшее за сотни лет дерево.

— Остаемся? — поинтересовался я довольно.

Она недовольно качнула головой, взгляд неотрывно устремлен на разгорающееся пламя, даже губу закусила, а нежное лицо приняло жестокое и неприятное выражение.

Огонь разгорелся жарче, поленья очень быстро начали превращаться в багровые угли, что потрескивают, остывая, тихо и умиротворяюще, по стенам заскользили темно-вишневые тени.

Я держался настороженно, даже отступил на шаг и на всякий случай обнажил меч. Ее пальцы все так же вытянуты в сторону россыпи багровых комков и подрагивают от непонятного напряжения.

Слова заклятия начали ускоряться, наползать друг на друга, она закинула голову к своду и прокричала последние слова надрывно и с хрипом в голосе.

Багровые угли не шелохнулись, но там все охватило оранжевым огнем, что взметнулся таким жарким столбом, я даже отступил на шаг и невольно прикрыл лицо ладонью, но Еварда осталась, только лицо ее стало красным.

Воздух затрещал, бушующее пламя заполнило все пространство камина и начало вырываться косматыми языками наружу. Жар усилился, а в огне простирали высокая фигура в кожаном доспехе цвета закатного неба.

Пламя продолжало лизать его тело, однако он совершенно не реагировал на языки огня, смотрел на волшебницу молча и бесстрастно, не двигался.

Она сказала резко:

— Слушай и повинуйся, демон!..

Он ответил гулким голосом, исполненным силы:

— Слушаю и повинуюсь, госпожа.

— Я хочу знать, — потребовала она, — где находятся наиболее ценные и важные...

Он слушал внимательно, как я предполагаю, но лицо сквозь завесу огня рассмотреть не удается, и я сказал доброжелательно:

— Мужик, не стой в огне, выйти сюда, а то тебя и не видно!

Демон огня, чуть пригнув голову, тут же перешагнул через металлическую решетку.

Еварда отчаянно закричала:

— Не смей! Оставайся там!

Но он уже выпрямился по эту сторону решетки, лицо начало медленно меняться от тупо-равнодушного на более живое.

Она в испуге отступила, от нее повеяло таким страхом, что я спросил невольно:

— Что стряслось?

— Он должен был, — проговорила она, — находиться только там... в защитном круге! Это опасно... выпускать...

— Да ладно, — сказал я миролюбиво, — он же местный, че ты... Мужик, где тут самые ценные книги? Ну, которые монахи берегли больше всего?

Он всмотрелся в мое лицо и отвел гулко:

— Не здесь.

— А где?

— Есть еще хранилище, — ответил он. — Под полом.

— Покажешь?

Он ответил так же гулко и ровно:

— Только прикажите... господин.

Еварда охнула и прижала ладонь к губам. Я кивнул, красный гигант широкими неспешными шагами пошел вдоль полок, у противоположной стены остановился, дважды топнул, потрогал стену, там появились светящиеся знаки. Одни погасил прикосновением, другие зажег ярче.

Через минуту под ногами загрохотало, две массивные плиты со скрежетом опустились и ушли в стороны.

Показались первые ступеньки каменной лестницы, что ведут в полную темноту.

— Прекрасно, — сказал я. — Я пойду взгляну, что там и как, а вы тут пока подождите.

Еварда сказала быстро:

— Я тоже пойду!

— Там могут быть крысы, — предостерег я.

Она содрогнулась, но ответила отчаянным голосом:

— Ты их прогонишь!

Я спустился чуть, подал ей руку. Когда моя нога коснулась пятой ступеньки, внизу зажегся слабый свет. Никаких свечей или факелов, просто часть камней начали светиться, пусть тускло, но глаза привыкнут.

Ступеньки вывели не в зал или комнату, как я ожидал, а в пещеру. На той стороне снова ступеньки, мы спустились и оказались в пещере намного длиннее и просторнее.

— Вот они, — сказала Еварда торопливо. — Забирай быстрее, уходим!.. Но как ты подчинил демона?

— Это был демон? — спросил я. — Вообще-то северные демоны намного приятнее и даже дружелюбнее южных... Хоть и слабее, зато как-то... человечнее.

Она вскрикнула:

— Человечнее? Что ты говоришь! Это же демоны...

Слушая ее только краем уха, я подошел к выдолбленным нишам в стене. Старинные фолианты в самом деле смотрятся бесконечно древними. Здесь постоян-

ная температура и влажность, идеальные условия для сохранения книг, свитков и любых хрупких материалов, так что мне в самом деле повезло, хотя, конечно же, я прибыл вовсе не за книгами.

Пока я быстро отбирал из фолиантов самые интересные на мой взгляд, Еварда увидела в сторонке выступающий из стены изумруд в виде крупного жука с выпуклой спинкой.

— Это же, — вскрикнула она во весь голос, — это же... неужели изделие рук самого Яндармеда?..

— Ерунда, — ответил я равнодушно. — Женские побрякушки...

— Это талисман, — закричала она с торжеством, — а ты ничего не понимаешь...

Я выбрал два тома, добавил третий. Под ногами глухо заворчало, книги в нише тревожно задвигались. Не обращая внимания, я отобрал четвертый, положил сверху, но решил, что донесу и пять, пусть они все и с латунными переплетами, ладно, начал быстро перебирать тома.

Еварда все еще боролась с изумрудом, вцепившись обеими руками и чуть ли не зубами, сумела расшатать и вытащить наполовину, а я наконец сложил в стопку все отобранное, однако пол качнулся так резко, что я с трудом удержал все пять томов в руках.

Стены начали потрескивать, в трех местах пробежали трещины.

— Что-то здесь неладно, — сказал я с тревогой, — давай уходить отсюда.

Она пропыхтела сквозь зубы:

— Сейчас... только вот...

— Это мы что-то нарушили?

— Не знаю, — огрызнулась она. — Мне бы только...

— Осторожнее, — предупредил я.

Стены уже не потрескивают, а трещат, под ногами гул, прямо через нишу, откуда я взял книги, прошла вертикальная трещина. Я отступил, трещина превратилась в разлом.

Огромная глыба, размером с сарай, выломилась из стены под самым сводом и покатилась, набирая скорость и слегка чиркая по каменным выступам.

Я понял, куда грохнется, выронил книги, прыгнул, молясь успеть, налетел на Еварду. Она не успела вскрикнуть протестующе, я ухватил ее за плечи и, свалив, откатился, держа ее хрупкое тело в объятиях.

Земля вздрогнула от тяжелого удара. Глыба не разломилась, но вошла в землю рядом с нами на треть. Камни уже помельче продолжали срываться со стен и свода. Я сцепил зубы и не показывал, что мне больно. Острые осколки распороли шубу и вонзились в тело, я натужно улыбался и спешно зашивал раны, стараясь не показать волшебнице, что я делаю.

Она поджалла ноги, дико посмотрела на скалу, на меня, снова на скалу. Я поспешил подняться на ноги, всего трясет, протянул ей руку. Она ее не приняла, тогда я просто поднял ее силой, отвел в сторону и усадил на камень.

Она зябко взрагивала, голос ее прозвучал совсем тихо:

— Почему ты...

— Вас бы прибило, принцесса, — ответил я. — Такое себе бы никогда не простил.

— Но я решила, — проговорила она дрожащим голосом, — держать тебя против твоей же воли...

— Слышал, — ответил я, — но вы слишком красивая, чтобы дать погибнуть такой красоте. А если убьете, что ж... от таких прекрасных рук...

Она слабо улыбнулась.

— Ну вот, пошли галантности...

— Святая правда, — сказал я.

— Ричард, — сказала она, быстро приходя в себя, — ты непонятный мне человек. Но, прости, я тебя не отпушу.

— А я разве рвусь?

— Рвешься, — ответила она. — Мы, женщины, это чувствуем. Но я одинока, потому удержу тебя. Но буду обращаться, как с самым знатным и дорогим гостем.

Я поднял голову, над нами все еще потрескивает, вскочил и ухватил ее за руку.

— Быстро уходим!

Она вскрикнула:

— А как же твои книги?

— В задницу, — ответил я твердо. — Твоя жизнь дороже... наверное.

Она позволила тащить ее наверх, только уже когда выбрались почти на поверхность, сказала рассерженно:

— Я уже вытащила тот изумруд из стены!.. Но когда затряслась стена, его выбило у меня из рук...

— Теперь все похоронено, — согласился я, — там нападало столько глыб, что сто лет растаскивать — не расташить. Но у тебя, думаю, и без него чудесных артефактов хоть... чем-то ешь.

Она ответила с тяжелым вздохом:

— Да, но они все неизвестные! А как пользоваться талисманом Яндармеда, я случайно знаю, прочла в детстве...

Лошадки стоят на том же месте и в той же позе, как и оставили, даже не дышат. Я помог ей взобраться на одну, бодро вскочил на соседнюю.

— Возвращаемся?

— Нет, — ответила она с сарказмом, — остаемся!

Снежная пыль бодро взметнулась из-под копыт, я пригнулся к конской шее, инстинктивно укрываясь от

встречного ветра, но вскоре кони на той же скорости взбежали на холм.

Ворота распахиваться не спешат, Еварда сделала движение слезть, я поспешил снять ее с седла, и кони тут же исчезли. Ворота, словно этого и ждали, с готовностью распахнулись.

Еварда почти вбежала в холл, оглянулась расширенными глазами.

— Чтоб я еще когда-то вышла? Да ни за что!

— Не так уж было и плохо, — возразил я.

— Нет-нет, — сказала она, — больше ни ногой.

И тебя не выпущу! Здесь не просто безопасно, здесь... прекрасно.

— Не сомневаюсь, — пробормотал я.

— Ты еще не все видел, — пообещала она загадочно.

Глава 11

Оказывается, я в самом деле не видел и половины того, чем она могла гордиться. На меня повеяло Византией, тысячью и одной ночью, Клеопатрой и Алибабой, ракат-лукумом и жаркими гаремами, а вино и восточные сладости подали себя прямо в бассейн с подогретой водой, где я нежился, представляя, какая снежная буря может бушевать по ту сторону стен.

Я сидел по горло в мягкой воде, где поверхность вся в лепестках роз, кубок с вином в руке, Еварда уже вылезла и устроилась на ложе рядом с бассейном, на меня поглядывает с победной улыбочкой, а я, естественно, делаю вид, что потрясен и очарован.

И хотя оголенные дамы перестают быть собеседницами, но я, поддерживая статус дикаря, спросил:

— Кстати, а что насчет того красного, из огня?.. Он так исчез незаметно, даже не увидел... Его не задавило?

Она фыркнула.

— Демона?

— А что демон, — возразил я, — демон тоже человек... в какой-то мере. Кто из нас не демон, если поскрести?

Она фыркнула.

— Вот уж никогда не думала в таком ключе... А тот там живет, сколько я помню. Еще до тех времен, когда был выстроен монастырь. Он привязан к месту.

— И вроде бы безобиден?

— Наверное, — ответила она. — Я знаю заклинание, как его вызывать, он знает все про эти места. Но вряд ли что-то больше... Не понимаю, почему он вдруг тебе повиновался!

— Я был с тобой, — объяснил я. — Он решил, что мы вместе. Дурак, в общем.

— Мужчина, — сказала она с презрением.

Я промолчал, хотя, конечно, кое-что едкое вертится на языке и вот прямо так к месту, но надо сдерживаться, пока не придумаю, как отсюда вырваться.

И, конечно, чувство опасности надо как-то усовершенствовать или поправить. Иногда опаснее всего то, что нам хотят сделать добрые и замечательные люди, приговаривая при этом, что мы хотим тебе только добра...

— Ты счастлив? — спросила она внезапно.

— Ты же видишь, — ответил я лениво и повел ладонью по воде, загребая нежно пахнущие лепестки. — Это просто сказочно...

Она произнесла с надменностью:

— Потому вот нам нет смысла когда-либо и зачем-то покидать свой замок. Ни-ког-да!

Я спросил с усмешкой, дескать, это всего лишь шуточка, милая любовная игра:

— И я навсегда останусь твоим пленником?

Она ответила очень серьезно:

— Но не рабом же?.. У тебя будет счастливая жизнь.

Самая счастливая, какую только можно представить!

— Знаю, — согласился я. — И, надеюсь, это счастье никогда не кончится.

Я рыцарь, а рыцарь никогда не ударит незнакомую женщину. Но эта волшебница уже очень даже знакомая, так что вполне могу быть демократом и сторонником равенства полов даже с точки зрения этики, а не только какой-то справедливости, которую мы принимаем во внимание в самую последнюю очередь.

— Пойду, — сказал я, — пожелаю моему арбогастику спокойной ночи.

Она рассмеялась.

— Вы настолько дружны?

Я ответил очень серьезно:

— А когда проводишь больше всего времени с ним и моей собачкой, то к ним и нежности больше, чем к людям!

— Тоже верно, — согласилась она. — До того как ты прибыл, я уже начала разговаривать со стенами.

Тем более, мелькнула мысль, не отпустишь. И буду я вечным петом...

Арбогастр в задумчивости смотрит в окно, удлиненная морда до предела аристократичная и высокомерная, но когда оглянулся и поспешно отодвинулся, чтобы Бобик с разбегу промахнулся и налетел на стену, я узнал своего верного друга.

Пока он дышал мне в ухо, я сосредоточился и тихо-тихо повторил заклинание Еварды. Память моя позволяет хранить не только сами слова, но и оттенки, паузы и ритм, однако ничего не произошло.

Арбогастр смотрел с вежливым интересом, Бобик извертеся от нетерпения, а я пробормотал в неловкости:

— Ничего, это я так, беру разгон...

Попытался восстановить в памяти, что так и как, ах да, там же камин, но не просто камин, Еварда сперва разожгла там огонь, вот что главное, огонь, она же и назвала его демоном огня...

— Зайчик, — сказал я, — если все получится, то тебе не придется грызть эти березовые поленья... найдем что-нибудь получше.

Я торопливо сложил их щалащиком в дальнем углу, чтобы отсвет не падал на дверь, торопливо бросил туда несколько искр, раздул, а когда огонь разгорелся, повторил заклятие.

Снова ничего, пришлось выждать, пока горящие поленья превратятся в крупные багровые угли, в нетерпении, что переходит в отчаяние, произнес уже отчаянным голосом...

Бобик вдруг зарычал и сделал шаг вперед. Я торопливо схватил его за холку. В пламени простила багровая фигура. Еще огромнее, как мне показалось, широкая и неподвижная.

Я сказал быстро:

— Не стой там, выходи сюда!

Он сделал шаг, с интересом всмотрелся в меня, обвел внимательным взглядом арбогастра и Адского Пса.

— Слушаю, господин, — произнес он густым тяжелым голосом.

— Отвечай быстро, — велел я, — отсюда как-то можно выбраться? Волшебница утверждает, что нельзя, но она сказала, что ты знаешь все об этих местах...

Он прогудел медленно:

— Да, я знаю.

— Тогда скажи, — поторопил я.

Он перевел взгляд на коня и собаку.

— С ними?

— Ты все хватаешь на лету, — похвалил я.

— Их легко, — ответил он. — А вам лучше остаться.

Я прошипел:

— Что? Да это мне нужно выбраться побыстрее!

Он покачал головой.

— Вам опасно. Отсюда другой дороги нет, как дорога демонов. Но вы, господин, человек...

— Как долго будет длиться, — спросил я, — побег?

— Недолго, — ответил он, — но придется идти через огонь. Демоны и то не все могут. Некоторые, к примеру, демоны леса или рек погибли бы сразу...

Я подумал, прислушался, вроде бы голос Еварды, что разыскивает меня, сказал торопливо:

— Рискну. Мне кажется, я от демонов набрался больше, чем бродячий пес блох...

Бобик посмотрел на меня с укором. Демон тоже прислушался и сказал ровным голосом:

— Хозяйка идет сюда.

— Тогда давай быстрее, — сказал я отчаянно. — Ну, говори, как?

Он повернулся к горящему костру.

— Просто идите за мной. Я открою дорогу и проведу вас.

Он шагнул в огонь, я ухватил арбогастра за повод и потащил за собой. Бобик ринулся вперед и, отпихнув меня, исчез в пламени первым.

Чудовищный жар охватил меня, но я задержал дыхание и ломился вперед, чувствуя справа и слева пульсирующие стены, словно нахожусь внутри гигантского огненного червяка. Одежда вспыхнула, я чувствовал, как

вспыхнули и сгорели брови и ресницы, кожа горит и тут же восстанавливается, но глаза я открывать не рискнул, двигался на ощупь, опираясь растопыренными руками в отвратительно скользкие раскаленные внутренности этого червя...

Когда задерживать дыхание стало невмоготу, я неизвестно каким образом сделал глубокий вдох. Раскаленный воздух ворвался в глотку, сжег там все, проник в легкие, там отзывалось дикой режущей болью.

Кашляя и задыхаясь, я рухнул вперед вниз лицом... и вытянутые ладони мои коснулись снега. Я открыл глаза, сделал усилие и потянулся на них, так как ноги не слушаются.

Бобик все понял, ухватил меня за холку и оттащил на пару шагов. Я оглянулся в страхе, костер полыхает так же жарко и страшно, это я его разжег, узнаю багровые угли, я запомнил, но сейчас мы все у подножья холма...

Красный демон проговорил бесстрастно:

— Получилось, вот уж не думал...

— Этот костер, — прохрипел я, — здесь и там одновременно?

Он посмотрел внимательно:

— Вы это понимаете, господин?

— А что тут понимать, — сказал я еще хрипло, но чувствуя, как регенерация спешно восстанавливает сгоревшую кожу. — Это же так просто. Ну, для тех, кто понимает... Ладно, Зайчик, Бобик, удираем побыстрее! А то она увидит в окно, что-то да вдруг сумеет...

Бобик понюхал мои лохмотья, от одежды остались только обгорелые черные тряпки, а холодный воздух начинает чувствовать все сильнее.

Арбогастр подставил бок, я поспешно взобрался в седло, разобрав повод. Демон отступил к огню, но прежде чем он шагнул туда, я спросил:

— А ты появляешься только в этих окрестностях?..
Какой у тебя радиус перемещений? В милях?

Он помедлил, ответил осторожно:

— Вообще-то я привязан не к месту, а к огню. Без него могу пребывать вот так всего несколько минут...

Я воскликнул:

— Значит, нужно только разжечь костер побольше и произнести формулу?

Мне показалось, что он чуть-чуть улыбнулся или сделал попытку.

— Да, господин.

Он шагнул в багровое пламя и почти сразу исчез вместе с огнем. Я невольно опустил взгляд на девственнический снег, там и намека нет на след от горячих углей.

Бобик снова понесся впереди, а я все вспоминал эту полуулыбку демона. Если я верно понял, он выдал мне секрет, который никто еще не знал. Вызывать его можно отовсюду, лишь бы соблюсти эти два условия: огонь и заклинание в точности.

Возможно, ему просто осточертело появляться в одном и том же месте, хотя есть вероятность, что я впечатлил своими возможностями, пройдя через чудо-вищное пламя да еще и протащив коня с собакой. С таким господином, который не держит в огне, а позволяет выйти и осмотреться, возможно, ему просто интереснее...

В любом случае, я выиграл.

Уже через несколько миль после того, как в ближайшем селе я купил шубу и сменил обгоревшие лохмотья, я мимоходом вспомнил о волшебнице, но там ничего особенного, красный демон куда интереснее и перспективнее.

Глава 12

Религию создали умные люди, прекрасно понимая, что для правильного функционирования усложняющегося общества необходимы люди честные и работящие. А этого проще всего достичь, внушив им правильные нормы поведения и жизни. Опыт показывает, что люди упрямые, когда им пытаются внушить такое король или даже император — бунтуют, а вот если Бог, который всех их любит и заботится...

Таких правильных и честных должно быть абсолютное большинство. А вот абсолютное меньшинство должно оставаться хитрым и беспринципным, чтобы руководить и вести общество вперед к прогрессу и процветанию.

Крах наступает лишь тогда, когда это меньшинство разрастается. Потому тот, кто наверху, неважно как именуется: вождь, шаман, король, папа римский, — должны таких вовремя отлавливать и уничтожать, дабы не начинали тоже жить за счет честных и богобоязненных.

На этом строится прогресс, а я, чтобы ему способствовать, должен делать то, что нужно обществу, а не то, что этому обществу внушаем.

Бобик впереди радостно подпрыгнул. Я тряхнул головой, сбрасывая серьезные и правильные государственные мысли о верном устройстве любого общества, какой бы там строй ни был, это уже частности, всмотрелся в вырастающий справа от главной дороги большой город, окруженный настоящей каменной стеной, что на севере бывает не так уж и часто.

Крыши и башни строго серые, что и понятно, север, глупо здесь ожидать несерьезную пестроту

юга, а чем ближе город придвигался к нам, тем величественнее и значительнее выглядели как стены, так и башни.

Я не очень-то к красотам, это для вздернутых женщин и тех мужчин, которым нечем похвастаться, такие обычно усиленно строят из себя эстетов, которые «понимают», в отличие от прочего быдла, но сейчас все-таки ощущал, как моя мохнатая душа расправила крыльшки и начала поглощать красоту этого сурового мира всеми фибрами.

— Как город называется? — спросил я стражников у ворот.

Они оглядели меня внимательно, один ответил скромно:

— Нордшир.

— Северный берег, — повторил я, — что-то моря не видно...

Он поморщился, махнул рукой, мол, проезжай, не задерживай народ. Дома теснятся друг к другу, как будто сберегая тепло, хотя вот так и на юге, там тоже едешь и обеими ногами в стременах чиркаешь по стенам домов.

Бобик то и дело пытался ринуться вперед и отыскать постоянный двор, похваляясь, какой он умный, умелый и заботливый, арбогастр двигается аристократически невозмутимо, не делает различия между городами этого сурового севера и цветущими берегами теплого моря в Сен-Мари.

Народ на улице забеспокоился, начал прижиматься к стенам, освободив проезжую часть, а я услышал приближающийся мощный хор мужских голосов.

Со стороны далекого собора показалась голова крестного хода: впереди по двое в ряд мальчики церковного хора в белом и с непокрытыми головами, в

руках иконы на уровне груди, их девять. Следом отдельным отрядом и тоже по двое девять монахов в черном, на лица надвинуты широкие капюшоны, руки на груди спрятаны в рукава друг друга. За ними наиболее знатные лорды — тоже отдельной группой, но уже не девять, так что либо совпадение, либо важно только для монахов, а за лордами — рыцари и простые воины, сперва по двое, а потом уже просто нестройной колонной.

Я подал коня к стене дома, цыкнул на Бобика, и мы молча наблюдали за этой торжественной процессией, что медленно и так неспешно движется по морозному дню, как будто сейчас середина лета.

Когда хвост процессии отдалился на несколько шагов, я тихонько обратился к остановившемуся рядом добротно одетому в дорогую шубу горожанину:

— Уважаемый... весь мир говорит о Храме Истины, что расположен где-то на севере. Мне кажется, я забрался на север уже достаточно, а пока никто не подсказал...

Он вскинул голову, всматриваясь во всадника на огромном черном коне.

— Храм Истины? — переспросил он, оглядел меня с головы до ног, подумал и ответил неспешно: — Если вам нужен Храм... что ж, нужно выехать из города через северные ворота, а там справа от дороги... увидите...

Я спросил жадно:

— Это далеко?

— Не больше двадцати миль, — ответил он.

Я не поверил собственным ушам.

— Что?.. Так близко?.. Бобик, назад! Никаких гостиниц, выезжаем немедленно!

Мы на скорости миновали распадок, выметнулись наверх, а там мое сердце ликующе екнуло и забилось учащенно.

Вдали сверкает, несмотря на низкие темные тучи, блистающая громада из ледниковых плит, так это выглядит отсюда. Сияет так, словно пронизана солнцем, а размерами даже боюсь и представить, это же нечто запредельное, целая гора из льда... или неведомых мне кристаллов чудовищного размера!

Арбогастр, чувствуя волнение седока, ринулся вперед на большой скорости. Бобик взбрекнул и стрелой унесся так, что черное тело моментально превратилось в точку и пропало вдали.

Я пригнулся от напора ледяного встречного ветра, стиснул челюсти, пережидая смертельный холод, и начал придерживать арбогастра, когда громада разрослась так, что заслонила половину мира.

В полусотне шагов от входа в эту святыню расположился маленький уютный домик, на крыльце вышел человек, словно увидел нас издали, и, приложив ладонь козырьком к глазам, внимательно всматривался, не выражая ни вражды, ни особого интереса.

Бобик остановился на полпути, дождался нас, пошел рядом, а я пустил коня вперед и крикнул издали:

— Слава Господу!

Теперь я видел, что это монах, с выбритой тонзурой и в бесформенной рясе до пола. Он выглядит настолько отрешенным от земных дел, что я решил было не отвлекать его от высокого, однако он в чем-то выглядит больше кадровым военным, что участвовал в десятке войн, чем смиренным монахом.

Всмогреввшись в меня очень внимательно, он произнес приятным мягким голосом:

— Тебя что-то тревожит, сын мой?

— Меня постоянно что-то тревожит, — сознался я. — В данном случае я надеюсь, что попал в нужное место.

Он ответил так же спокойно:

— Сын мой?

Я спросил жадно:

— Скажи, брат, это... Храм Истины?

Он посмотрел светло и чисто, перекрестил меня мелко-мелко, а когда убедился, что я не превратился в чудовище, ответил тем же ласковым голосом:

— Сын мой, я отец Варламий. Скажи, что тебя тревожит? Что гнетет, ибо душа твоя неспокойна, вижу.

— Отец Варламий, — сказал я, — мне нужен Храм Истины. Это немало, я знаю. Но он мне нужен.

Он ответил кротко:

— Сын мой, ты близок...

— Отче?

Он сказал с улыбкой:

— Скачи на своем удивительном коне той же дорогой... хотя дорог здесь нет... и ты достигнешь... Только не сворачивай.

Я насторожился, оглянулся на храм, снова посмотрел на монаха.

— А это?

— Лишь часовня, — ответил он.

Я снова оглянулся, уже несколько ошарашенно.

— Ого!

— Здесь останавливаются путники, — сообщил он, — чтобы помолиться в уединении, собраться с мыслями, поговорить с Создателем...

Я сказал потрясенно:

— Если такова часовня, каков же Храм?

Он посмотрел с укором.

— Сын мой, не суди по облику. Сам храм может быть и невзрачным, как и человек, но душа его огромна и сияюща неземным огнем... А эта вот часовня не всегда была часовней.

— Спасибо, — сказал я. — Можно, оставлю коня и собаку здесь, пока зайду помолиться?

Он кивнул.

— Ни о чем не беспокойся, сын мой. Иди и открай свою душу. Неважно, что в ней сейчас... Господь поймет.

Я перешагнул порог часовни, хотя язык все равно не поворачивается ее так называть. Даже в Сен-Мари собор не столь грандиозен и величаво торжественен.

Пол в настолько широких плитах этого странного льда, язык не поворачивается назвать его алмазной поверхностью, что строили это явно великаны. Или вообще не люди...

Я медленно шел к противоположной стене, где расположен алтарь, хотя молиться не собираюсь, во всяком случае, в традиционном значении. Для меня помолиться — это глубоко задуматься о чем-то важном, это и есть вся суть молитвы, а слова и прочие фриволеты — это мишурा, которая для людей глупых и суеверных становится главной, заслоняя саму суть разговора с Богом.

Только дураки считают, что Бог живет в церкви, потому туда и ходят для общения с ним, а все умные знают, что Бог живет в нас самих, потому разговор с Богом — это разговор с самим собой начистоту.

И не нужны исповедники, им тоже врем, а вот себе хоть тоже брешем, как поповы собаки, но намного реже и не так нагло.

Поглядывая и по сторонам, я вздрогнул, обнаружив, что не заметил коленопреклоненного перед алта-

рем широкого в плечах мужчину в темном плаще, но с большим крестом из белого полотна на спине, таких крестоносцев я еще не видел.

Он услышал мои шаги, поднялся, развернулся красиво и мощно в мою сторону. Высокий и крепко сложенный, лет сорока, черноволосый, с густыми черными бровями, изломанными резко и вызывающе, что делает его похожим на Мефистофеля, с короткой черной бородой, а с нею смахивает на опереточного злодея, он всмотрелся в меня и сказал со странной интонацией:

— Воин... даже герой... Гордый вид, суровый взгляд, на лице написано, что сражаешься за свободу, за честь, за правду...

Я спросил с вызовом:

— Здесь это противозаконно?

Он произнес задумчиво:

— Но сколько человек ты уже убил? Сколько еще убьешь?.. И далеко не все они заслуживают смерти.

— Я не вожу с собой тюрьму, — отрезал я.

Он кивнул.

— Оправдание, хоть и слабое. Многие лишь на время... что-то нарушили, а потом встали бы на праведный даже по твоим меркам путь... но ты их убил!

Я отрезал зло:

— А пусть и на час не переступают грань!

— Но если бы ты их не убил, — возразил он, — они бы встали на путь праведности и все исправили бы, возместили... но ты не дал им этого сделать. Более того, ты обрек на горе и страдание их жен, детей, престарелых родителей...

— Не читай мне мораль, — сказал я люто.

— Почему? Я сказал неправду?

— Неправду, — отрезал я.

Он скривил губы.

— В чем?

— В самом главном, — выкрикнул я люто. — Нельзя пройти по жизни, не наступив кому-то на ногу! Так что же, не покидать колыбельки? Нельзя строить великое, не сломав старое здание!.. Нельзя стараться совершать только идеально правильные поступки... иначе придется замереть и не шевелиться, чтобы никого не задеть и не обидеть!.. Баланс — вот что важно!

Он посмотрел на меня очень пытливо.

— И ты намерен с такими словами предстать перед святыми старцами Храма Истины?

— Да хоть и перед Всеышним, — отрезал я дерзко. — Меня столько били и клевали, возили мордой побитому стеклу, обманывали красивыми словами, что теперь...

Я запнулся, подбирая слова, но они, как назло, не идут. Все-таки чувствую, что если я и прав, то как-то жестоко прав, а мир становится все мягче, бесхребетнее и политкорректнее, а я все еще с настоящей моралью человека огня и стали, что позволила человеку выжить и стать доминантом в мире, в котором стать им совсем не просто.

— И что? — спросил он, не дождавшись продолжения.

— Я предстану, — ответил я, — и отвечу. И сам у них спрошу!

Он насмешливо сощурился.

— Что?

— У меня много вопросов, — ответил я дерзко. — И я хочу получить ответы.

Он покачал головой, я не понял, с укором или осуждением, но спросить ничего не успел, он плавно повел ладонью в воздухе, шагнул в сторону и моментально исчез, словно зашел за невидимую мне стену.

На всякий случай я быстро шагнул туда и пощупал вытянутыми руками, ожидая наткнуться на твердое, но пальцы чувствуют только воздух.

На алтарь я только взглянул, это всего лишь вещи. Как уже знаю твердо, Бог живет в каждом из нас, и если там его не находишь, то не найдешь ни в какой церкви, храме, соборе или часовне.

Выходя наружу, успел увидеть мелькнувшее в разрыве туч солнце, тут же снова заволокло тяжелыми свинцовыми плитами, огромными и толстыми, как земная кора. Кое-где провисло под несметной тяжестью снега, но пока еще держится.

Отец Варламий за это время лишь сошел с крыльца на землю и, повернувшись на восток, время от времени вздымал к небу руки, словно солнцепоклонник.

Бобик ринулся ко мне. Я похлопал его по голове, широкой и твердой, как скала, осторожно приблизился к священнику и, выждав, когда он повернется ко мне, поинтересовался:

— Святой отец, вы не обратили внимания, кто вошел в часовню передо мной?..

Он посмотрел с недоумением.

— Никто...

— Да нет же, — возразил я, — там был такой высокий и крепкий мужик, явно опытный боец, у него все движения поединщика. В черном плаще, но нашит белый крест. Все как у крестоносцев, только наоборот.

Он покачал головой.

— Таких вообще никогда не видел. А что это значит?

— Не знаю, — ответил я. — Думал, вы подскажете. Он вздохнул.

— Я не силен в мирских делах, ибо еще в младости пошел в монахи.

— Гм, — сказал я, делая последнюю попытку, — вы не могли его не заметить, он должен был пройти мимо вас.

Он произнес уверенно и просветленно:

— За весь день ты здесь первый, сын мой.

— Святой отец, — воскликнул я.

Он указал на дорогу к часовне.

— Взгляни... Снег выпал еще ночью, но следы только твои...

Я оглянулся, здесь уже натоптано, но священник прав, к часовне ведут только мои следы. Как и оттуда.

— Ладно, — сказал я, — наверное, это я что-то по-путал. Или кто-то... меня. Спасибо, святой отец. Значит, по этой дороге, что и не дорога, но все-таки направление?

— Да, — ответил он кротко. — Только не сбейся с пути.

— Поеду прямо, — пообещал я.

— Даже на прямой дороге, — сказал он, — можно сбиться с пути.

Я скромно улыбнулся, показывая, что все понял, взобрался на арбогастра, тот красиво поднялся на дыбы, любит покрасоваться, и сразу пошел безукоризненным галопом.

Бобик уже вертится там впереди, показывая, что знает, точно знает, куда едем, или хотя бы направление, так что давайте, черепахи, не спите, я вас отведу...

Глава 13

Деревья и скалы в инее, воздух зимнего дня холодный, но мутный, однако обещающий на завтра крепкий мороз и безоблачное небо. Я то и дело задерживал дыхание, чтобы согреться, встречный ветер вымораживал.

живает внутренности, у арбогастра обледенела пасть, а когда вижу морду Бобика, то это вообще страшилище в сосульках.

Мы мчались уже полдня, проскакивая мимо редких сел, утонувших в снегу, минуя леса и невысокие горы, когда внезапно земля задрожала, издалека донесся тяжелый грохот, словно вообще из-за горизонта, затем этот грохот начал приближаться с такой скоростью, учащая толчки, что мое сердце пугливо затрепыхалось в унисон.

Я начал придерживать арбогастра, чтобы не влететь с разгона в неприятность, а в десятке шагов впереди снежный покров пошел трусливой рябью, там сухо и резко треснуло, словно переломилась целая гора.

Разбрасывая снег, взвилась струя огненной магмы и рассыпалась в высшей точке шипяще-трескучим фейерверком. Я хотел было подать арбогастра назад, однако и там треснуло, из щели взлетела багровая струя огня, целый гейзер магмы. Я не успел сообразить, что это и зачем, явно же не случайно, как два ручья расплавленной земли побежали друг другу на встречу.

Я мог бы, видимо, успеть выскочить, если бы не замешкался, а так через пару мгновений оказался в огненном кольце. Гейзер огненной магмы с тем же грохотом взлетает на десятки ярдов, воздух прогрелся и наполнился запахом горящей земли.

Я цыкнул на Бобика, через некоторое время фонтаны огня стали опускаться и наконец полностью ушли в землю. Взамен оттуда появился неистовый свет, белый и слепящий, подавляющий, заставляющий помнить о своем ничтожестве перед этой неистовой силой.

Я выставил перед собой ладони, защищая глаза, проморгался и заставил себя чуть откинуться всем кор-

пусом, рассматривая все происходящее с достоинством владетельного лорда, перед которым слуги дают представление.

В колонне плазменного света возникла огромная фигура человека... вернее, человеческая или человекоподобная фигура, все-таки ростом мне вровень, а я на крупном коне, к тому же за спиной громоздится масса огромных золотых крыльев, массивных и явно тяжелых.

Широкий столб света начал истончаться, блекнуть. Ангел вышел из него, как из комнаты, весь в золоте, начиная от золотых волос и глаз и заканчивая золотистой хламидой, похожей на римскую тогу, только целомудренно опускающуюся до самой земли, так что даже не видно, в сапогах он по погоде или в сандалиях по форме.

Золотые глаза благосклонно обратили на меня взор, хотя, думаю, он и там в огненном столбе не спускал с меня глаз и прикидывал, как обставить свое появление эффектнее и с каких слов начать.

Мы оба молчали, он все еще рассматривает меня, явно ждет реакции, потому я небрежно хлопнул пару раз в ладоши и сказал через губу:

— Терпимо. Можно и пограндиознее, конечно, но у вас, как понимаю, самодеятельность.

От его лица, как и от всей фигуры, идет свет, веет величием, мощью и огромными возможностями.

— О чём ты, смертный?

— Сильному не обязательно выказывать силу, — пояснил я скромно и пожалел, что не могу многозначительно посмотреть на себя или хотя бы указать пальцем. — А всякой мелочи пузатой дай побольше свиту, чтобы играли короля. Ибо если сам король мелковат и плюгав да еще и ноги кривые...

Он произнес холодно:

— У меня нет свиты.

— Ага, — сказал я саркастически, — приходится самому раздуваться, аки гандергеймская жаба? Иначе как впечатлить простых и даже очень простых смертных... А смысл?

Он помедлил мгновение, прекрасное лицо на миг дернулось в недовольной гримасе, простолюдины всех достают своим невежеством и малой почтительностью, но ответил таким же ласково благожелательным голосом:

— Чтобы ты с надлежащим трепетом...

— Ну ладно, — прервал я, — весь трепещу. Давай говори, мне ехать надо, а не перехрюкиваться с тобой.

— Ты должен с почтением и трепетом души, — сказал он наставительно, — выслушать высокую весть.

— Слушаю, — сказал я. — Только постараися без многовелеречивых предисловий. Тут еще зима, если не заметил.

Он нахмурился.

— Я зрю твое сопротивление. Ты уже готов опровергать, хотя еще не знаешь, что скажу.

— Сам виноват, — отрезал я.

— Почему?

— Незачем так павлинить, — сказал я жестко. — Я что тебе, самочка? Я сам альфа-самец, а ты меня нагнуть восхотел? Или чё? Именно нагнуть, по морде лица твоего якобы светоносного зрю. Баб впечатляй, а на мужчин эти вот позы действуют... иначе. Как бы весьма противоположно. Я доступно для ангела низшего ранга изрекаю?

Он смолчал, из-за спины выдвинулись и растопырились в обе стороны крылья, по два с каждой стороны.

— Ладно, — сказал я, — среднего. Подумаешь, ко мне и шестикрылые серафимы взлетывали.

Он поморщился.

— Не слишком ли заносишься?

— Чего? — спросил я. — Я тебя звал, что ли?..

— Ты должен выказывать почтение, — сказал он нравоучительно. — В любом случае. Разве человека не учили вежливости?

Я выпрямился, смерил его взглядом с головы до ног, стараясь посмотреть сверху.

— Не понял... ты с темной стороны, так какого почтения ждешь?.. Я, если хочешь знать, на стороне твоих противников, если ты как бы все еще не понимаешь. Это я так, на всякий случай. Дабы ты не лелеял.

Он полыхнул огнем, плазменно-белым, но с отчетливым оттенком оранжевого, прогрохотал уже другим голосом, безуспешно стараясь держать его таким же ласковым:

— Лелеял? Чего?

— Откуда мне знать, — отрезал я, — что ты там лелеешь? Да и неинтересно. Лелей себе на здоровье. Каждый что-то да лелеет. Даже вы, темные.

Он прогремел громче, изо всех сил стараясь говорить ласково:

— Темный? Почему это я темный?

— А что, — спросил я уличающе, — не так?

— Я не считаю себя темным, — ответил он уклончиво.

— Еще бы, — сказал я. — Вы ж борцы за справедливость, верно?.. Во-во, шире грудь и встопорщи перья! И больше огня в глазах. Старый дурак, хоть и сотворил мир, но все равно ничего не понимает, а вот вы, новое поколение, которому Он дал жизнь, все знали и понимали, верно?..

Он посмотрел на меня исподлобья. В огненном столбе, где трудно рассмотреть черты лица, это не просто, но я напрягаю зрение, чтобы не дать ему на-

рашивать преимущества, и вижу все, хоть глаза и речет, как будто под веки насыпали крупнозернистый песок.

Могучий голос спросил медленно:

— И как ты нас отличаешь?

— Светлые не демонстрируют вот так свою мощь, — прокричал я, — это оскорбительно!

— Да? — спросил он. — И что? Разве человек не оскорбительно мал?..

— Может быть, — отрезал я, — но светлые этого все равно не демонстрируют!

— Что, — спросил он с той же насмешкой, — они такие хорошие?

— Дело не в них, — сказал я. — Думаю, вы все одинаковы и не любите нас, но светлые страшатся Всемогущего! И не посмеют...

Он вгляделся в меня.

— Но ты... твои симпатии разве не на нашей стороне? Мы же посмели бросить Ему вызов! Мы не приняли Его волю!

Я сказал нервно:

— И что? Да, мои симпатии на вашей стороне! Сам постоянно бунтую и нарушаю, но это во мне обезьяны много... я имею в виду, семя Змея пробудилось и бушует, такое вот у меня наследие, однако умом понимаю...

— Ну-ну? — сказал он.

— Бунт ничего не создает, — огрызнулся я, — а только ломает, рушит и приносит эти, как их, ага, страдания! Потому я твердо и осознанно на Его стороне, ибо Он строил, создавал, творил... а вы, морды, как и я, только критиковать и ломать умеете!

Он протянул в мою сторону огромную ладонь, согнулся пальцы, я дрогнул, увидев, каких размеров получился кулак.

— Смертный, — прогрохотал он, — ты хоть представляешь, что я могу с тобой сделать?

Я ответил нагло:

— А вот ничего не можешь!..

— Ты уверен?

— Полностью, — отрезал я, перебарывая дрожь и надеясь, что говорю правду. — Ибо я — человек! Меня ты можешь только искушать, это я помню...

Он сказал люто:

— Значит, я не могу вот так прямо сейчас тебя убить?

— Не можешь, — сказал я. — И вообще... тебе дано было драться только с себе подобными, но ты с треском проиграл, был жестоко бит и свергнут в самый глубокий ад, где тебе, дураку, и место!

Он заискрился, а я застыл, глядя в его исказившееся бешенством лицо и прикидывая, не перегнул ли, все-таки и ангела можно раздразнить... как мне кажется.

— Смертный, — произнес он таким голосом, что я невольно посмотрел наверх, не рушится ли небо, — когда-то я приду за тобой...

— Я буду готов, — пообещал я с сильно бьющимся сердцем. — Только не затягивай слишком свой приход.

Он отступил на шаг, готовясь взмыть, крылья раздвинулись, но спросил невольно:

— А что случится?

— Я сам приду за тобой, — отрезал я с торжеством, видя, что опасность миновала, теперь можно как угодно грозить и сжимать кулаки. — И тебе тот день не понравится!

Он сверкнул глазами так ярко, что я невольно зажмурился, но тут же снова поднял веки, стараясь не пропустить момент, когда он растопырит все четыре крыла и метнется в небо, что, конечно, обман, на са-

мом деле место восставших в подполье, точнее, в подземье.

Да и крылья ни к чему топорщить, при скорости полета, сравнимой со скоростью мысли, это даже не смешно их растопыривать так устрашающее...

Но когда я раскрыл глаза, он на том же месте, уже весь багровый от гнева, даже белоснежная хламида, целомудренно укрывающая его от горла и до кончиков пальцев ног, стала пурпурной, как раскаленные угли, с которых смахнули пепел.

— Что-то забыл? — поинтересовался я с ехидцей.

Он прогрохотал мощно и яростно, уже не стараясь прикидываться ангелом Света:

— Тебе послание!.. Возвращайся и думай о том, как избегнуть кары в грозном облике Багровой Звезды Ада!..

— Ого, — сказал я невольно, — так это звезда ада?..

Он прогрохотал еще громче:

— А ты как думал?

Я в самом деле подумал, хоть и быстро, я же в чем-то Невтон, ответил уже медленнее, подбирая слова:

— Да вот думаю, что ты брешешь...

— Что-о?

— Звезда Маркус сама по себе, — ответил я все еще без вызова, на ходу оформляя рыхлую, а местами и бесформенную мысль в законченные слова, которые если вылетят, то вылетят, — а вы только присобачиваетесь... или приангеливаетесь. Ее можно называть Звездой Ада или как угодно, но... не понимаю, откуда вдруг такая нежность и такая забота обо мне? Я вам так понравился? Вы меня обожаете?.. Любите? А в жопу поцелуете?..

Он из багрового стал темно-вишневым, лицо потемнело, а голос прогрохотал, словно из самого глубокого подземелья:

— Это входит в Великий План...

— Ого, — сказал я. — И ты посвящен?

— Да, мне ведомо...

— Так какая же все-таки, — спросил я, — роль бозонов?.. Они в самом деле в Великом Плане значили так много?.. Ах да, вы ж гуманитарии, что с вас спрашивать... Правда, я сам почти гуманитарий, но почему другого не потыкать носом, если подворачивается возможность?.. Это уже традиция, мы же нормальные здоровые люди. Если другого не измазать дерьямом, то и сон какой-то не весьма крепкий. Ладно, если докажешь, что этот Великий План на благо и процветание, я твой помощник!

— На благо и процветание, — заявил он уверенно.

— Людей? — спросил я.

Он посмотрел надменно.

— А люди при чем?.. Думай о мироздании, существо, если ты в самом деле способно мыслить!.. Те уцелевшие, что сумеют выбраться из подземелей, будут злыми и яростными, их души будут полны горечи, они возненавидят Создателя, что обрек их на такие муки и жалкую жизнь...

— Понятно, — прервал я, — можешь не продолжать. Я тот орел, что на лету хватает мух, мне разжевывать их не надо. Мы, волки, сперва глотаем, потом перевариваем... Это Великий План ваш, а не Создателя! Вы хотите воспользоваться ситуацией, чтобы перевербовать человечество на свою сторону?

Он прогрохотал:

— Но если человек стерпит такое, разве он человек?

Простит Создателю разрушение своего мира, гибель родных, детей, близких?..

Я подумал, сказал уже спокойнее:

— Знаешь, у меня слишком мало данных, чтобы решить, кто из вас прав. Скажу только, что идея гибели цивилизации мне как-то не нравится.

Он фыркнул:

— Это всего лишь цивилизация! Смотри шире, человек.

— Во всяком случае, — ответил я, — все-таки сперва побываю в Храме Истины. Надо узнать побольше.

— Ты ничего там не узнаешь!

— Позволь мне судить, — отрезал я. — А также решать. Тебе не холодно на ветру?

Он намек не понял, но посмотрел на три наших обледенелых морды, у меня даже волосы в сосульках, покачал головой и без толчка ринулся вверх.

Тоже иллюзия, из всех свергнутых только сам Сатана может в любое время подниматься к Создателю, клеветать на человека и продолжать гнуть свою линию, остальным место в аду и только изредка — на поверхности.

Кстати, что-то сам Сатана так и не выразил своего отношения к Маркусу...

Глава 14

Мы поднялись в горы и промчались через перевал на ту сторону, а там долго неслись по бесконечному белому безмолвию. Бобик напрасно мотал головой из стороны в сторону, мир севера намного беднее средней полосы, не говоря уже про цветущие богатые земли южной части материка.

Арбогастр как всегда аристократически сдержан, по глубокому снегу несется, разбрасывая его во все стороны, аки черный лебедь, величав и красив.

Бобик приотстал, некоторое время бежал рядом, на меня поглядывал с таким вопросом в глазах, что я крикнул:

— Что-то не так?

Он гавкнул, подпрыгнул, посмотрел вверх. Я поднял голову и присвистнул, надо мной летит, раскинув огромные золотые крылья, светоносный ангел, весь в сиянии и блаженстве.

— Спасибо, Бобик, — крикнул я, — что-то я становлюсь невнимательным. Эй там, наверху!.. Успеваш? Или хочешь наперегонки?

Он ответил красивым глубоким голосом, исполненным меда и меди:

— Мы передвигаемся со скоростью мысли, смертный...

— Ты что-то хочешь из-под меня, — поинтересовался я, — или просто гуляешь?

Он ответил тем же густым красивым голосом:

— Хотя и я смотрю на тебя, как и положено, сверху вниз, все-таки лучше, если бы видел твоё лицо...

— На моем хрен что увидишь, — ответил я гордо. — Уже умею. И вообще, я тороплюсь весьма зело, ибо. Хрюкай, из-за чего прилетел в такой холод, и порхай в свои райские кущи... Там у вас тепло?

Он проговорил с сомнением:

— А как насчет простой человеческой вежливости?

— Так ты же не человек? — спросил я.

— А ты?

Я хмыкнул, придержал арбогастра, крикнул Бобику:

— Стой, послушаем, что скажет посланец небес. Если не слишком долго и велеречиво... Давай, ангел, хрюкай!

Он приземлился рядом с Зайчиком, спросил с укором:

— Почему так неуважительно?

— А потому что один треп, — отрезал я. — Пока что не удалось услышать от вас, темных или светлых, ничего конкретного. Тем более полезного.

Он прервал посурковавшим голосом:

— Появлялся кто-то из темных ангелов?

— Еще как, — заверил я. — Еще немного, и у меня разовьется мания величия. Ишь, весь обпорханный со всех сторон!.. А перьев, перьев... И все что-то советуют.

Он спросил быстро:

— А что он советовал?

— Да дурак, — ответил я с досадой. — Советовал не искать Храм Истины. Зато ты, надеюсь, покажешь хотя бы дорогу туда прямую и безопасную. А еще лучше, если бы взял и отнес нас троих туда... чего тебе стоит?.. Ладно, не жмись, я же знаю, ты бесплотен и всего лишь переносчик... этих, как их, вестей, вот! Вестник. Но дорогу укажешь? И точные координаты?

Он развел руками.

— Ты не то спрашиваешь...

— А что надо? — полюбопытствовал я.

— Ты должен спросить, — произнес он медленно, — спросить себя...

— Ну-ну, — сказал я нетерпеливо, — о чём?

— О праведности своего пути, — договорил он.

Ты уверен, что идешь верной дорогой?

— Не зело, — ответил я, — но в целом как бы весьма. Я же не просто спьяну поперся искать этот Храм!.. Вам-то что, Маркус вас не зацепит, а землю он всю вспашет, как плугом. Рухнут королевства!.. Так что если отыщется хоть шанс, нужно за него хвататься.

Он проговорил ласково:

— Вот ты и подошел к главному вопросу...

— Ну? — спросил я настороженно.

— В правильно заданном вопросе кроется и ответ, — произнес он кротко. — Ты знаешь, что все в этом мире происходит по воле Господа. Или не знаешь?

Я подумал, кивнул.

— Ну да, согласен. Даже наша свобода воли... по Его воле.

— Так почему тебе, — сказал он с той же ласковой интонацией, — не смириться с волей Господа? Если ты на Его стороне?

Я вздрогнул, такая идея вообще не приходила в голову, да и как она могла прийти, для меня Бог — это система этических законов, по которым начало развиваться общество дикарей, а затем эти общие законы обрели характер обязательных, а кто не подчинялся, того на виселицу или бывал зело побит камнями.

— Ладно, — сказал я медленно, — мне кажется, это ты или недопонимаешь, либо зачем-то говоришь совсем не то. Возможно, Багровая Звезда в самом деле послана Господом. Но когда кого-то намерены уничтожить, их просто уничтожают, а не оповещают заранее!

Он прищурился.

— Разве?

— Точно, — сказал я, — иначе это какой-то садизм. А я не очень верю, что Господь может быть садистом.

— Почему?

— Слишком прекрасным мир создал, — возразил я. — Точно не для уничтожения!

Он покачал головой.

— Но ведь уничтожил за сорок дней великого потопа?

Я покачал головой.

— Извини, я достаточно подкован в этом вопросе, а не просто где-то что-то услышал от баб на базаре краем

уха. Всевышний не уничтожил мир за его грехи, а послал четкое и ясное предупреждение, что нашлет великий потоп и всех сотрет с лица земли, если не изменят свой скотский образ жизни на праведный. И сроку дал сто тридцать лет! А чтобы люди видели, как идет отсчет времени, велел Ною посадить кипарисовую рощу, а через сто тридцать лет, когда деревья станут огромными и могучими, сделать ковчег, в котором и укроется.

— Ну-ну!

— Все получилось, как Он и задумал. Когда Ной вытыкал в землю крохотные прутики, народ спрашивал, зачем он это делает, и Ной всем рассказывал о грядущем потопе, что грядет за их грехи. Но, увы, над ним только смеялись и звали бросить все это и пойти с ними выпить и отправиться к бабам. И все сто тридцать лет, пока подрастала кипарисовая роща, над ним смеялись... Еще громче смеялись, когда он начал строить ковчег, а это тоже заняло много лет.

— Значит, — сказал он, — все бесполезно. И ты не должен даже пытаться предотвратить появление Маркуса. Это рука Всевышнего его послала! Кто ты, что смеешь перечить?

Я покачал головой.

— Я не перечу, а пытаюсь понять Его замысел. Он мог бы не сообщать заранее, а просто ударить этим Маркусом... и все. Но если предупредил заранее, это дает нам возможность что-то сделать.

Он заулыбался широко и победно.

— Что ты можешь сделать, человечек?

— Не знаю, — ответил я честно. — И я не Ной.

Он оглядел меня критически.

— Ты прав. Ты далеко не Ной.

— Это точно, — согласился я. — Своя шкура мне дорога, но я попытаюсь в отличие от Ноя спасти все человечество, если такой шанс еще есть.

Он расхохотался.

— Какой шанс? Маркус сотрет все с земли. Ведь не зря же Адам приготовил две стелы, которые так и зовут Адамовыми...

— Одну из камня, — сказал я, — на случай потопа, вторую из глины, на случай если мир будет уничтожен огнем? Хочешь сказать, что уничтожение огнем придет с Маркусом?

— А это не очевидно?

— Нет, — отрезал я. — Мало ли что идет, но придет ли? Думаю, в Храме Истины тоже ломают головы, как остановить Маркуса... Но вот твоя позиция мне как-то не совсем понятна. Если ты ангел Божий, ты должен быть за людей, а не против?

— Я за людей, — ответил он с достоинством. — Но если Господь определил потоп или уничтожение огнем, то я обязан выполнить.

Я насторожился.

— Что значит выполнить? Ты говоришь так, будто отвечаешь за прибытие Маркуса!

Он покачал головой.

— Нет, такое совершается по воле Господа, но без участия ангелов. Мы всего лишь Его вестники. И если ангел говорит тебе: остановись, ты должен понимать, что через меня с тобой говорит сам Господь!

Я поежился, арбогастр переступил с ноги на ногу, я ответил упрямо:

— А откуда я знаю, что Он говорит то, что хочет?

Ангел отшатнулся.

— Это богохульство!

— Ничего подобного, — сказал я.

— Как это, ты усомнился в Его мудрости и непогрешимости!

— Это ты так истолковал, — уличил я, — значит, ты — тайный отступник! Ага, вот я тебя и вычислил... А давно работаешь на Сатану?.. Кому передаешь сведения: Вельзевулу или его агентам?.. Какие инструкции от них получаешь?.. Какие задания уже выполнил?..

Он даже отступил на шаг, ошарашенный настолько, что из слепящего белого стал неприятно розовым.

— Что-о?.. Я ничего не понимаю.

Я изрек важно и с великим торжеством, до чего же приятно чувствовать себя умнее существа высших сфер:

— А кому это важно?.. Ты и не должен понимать. Прохрюкал послание... хотя я что-то не понял... если это послание, то от кого?.. А если не послание, то это от тебя лично? Но у тебя же не может быть личного мнения!.. Оно есть только у Господа и у мятежников!.. Давай признавайся, ты за темных или за черных?

Он раскинул руки, а чуть позже поднялись и вздыбились все четыре, как у орнитоптерисса, крыла. Красивое и даже страшноватое зрелище, торжественное и немножко нелепое, крылья сами по себе тяжеловаты, на них не полетаешь, явно же это лишь отличительный знак ранга, хотя по мне золотые цепи разной толщины и с разными камнями гораздо удобнее.

Голос его прогрохотал уже с угрозой:

— Ты осмелился усомниться в Господе! Ты осмелился усомниться в Его мудрости!.. Ты заявил, что Господь сам не понимает, что делает!.. Я все это доложу немедленно...

Мне стало страшновато, но я пересилил себя и сказал почти бодро:

— Давай-давай, так тебе и поверят. Мало ли что Господь сказал! Может быть, Он вовсе не имел в виду, чтобы люди вот так взяли и послушались.

— Что?

Я пояснил с усилием:

— Родитель часто говорит ребенку: не ходи на улицу, простудишься, ноги промочишь, но когда ребенок возвращается с улицы довольный и с румяными щеками, счастливый, что и кораблики попускал, и чужую кошку прогнал, отец улыбается и гладит его по голове.

Он поморщился.

— Слишком сложно! Может ли Господь желать, чтобы Ему перечили?

— Может, — ответил я.

— Это немыслимо! Перечили и поступали по своей воле?

— Когда Ему нужны были слуги, — ответил я, — он создал вас, послушных и полностью Ему покорных. А человека создал с собственной волей, дав ему то, чего не дал вам: частичку своей души! Если не видишь в этом глубокий и важный замысел, то что от тебя, безмозглого, требовать...

Он прошипел лютно:

— Какой такой замысел?

— Пока об этом знает сам Господь, — ответил я задумчиво, — пока что...

— Значит, — прогрохотал он, — ты все-таки отправишься в Храм Истины?

Я поинтересовался:

— А тебе какое дело? Если прилет Маркуса и огненный ад на земле предрешен, то какая разница, отправлюсь я в Храм, который тоже может исчезнуть в огне, или не отправлюсь?.. А если так сутишься и трепещешь своими воробышковыми крыльшками, то сам

подсказываешь, что могу изменить нечто... Что, проколся, пернатый?

Его прекрасное лицо исказилось, он прокричал в тревоге:

— Ничего я не подсказывал, ты сам вообразил все глупости!

— Не-е-ет, — сказал я с торжеством, — ты незаметно так подсказал мне ответ, а это значит, ты — двойной агент. Работаешь на тех и других! Но меня не обманешь, у тебя слишком глупое лицо даже для ангела, а это значит — прикидываешься!

— Ничего не прикидываюсь, — вскрикнул он, — это мое лицо, оно всегда таким было и не может быть другим. Мы все сотворены одинаковыми. Мы — гонцы!

Я вздохнул, сказал Бобику:

— Вперед! Нам нужно дело делать, а нас тут все время отвлекают пустыми разговорами. Зайчик... скорость!

Арбогастр рванулся с места, я лег на его шею и укрылся под густой гривой, пусть ветер злобно свистит и буйствует над нами, но нас ничто не остановит.

Думаю, ангел уже исчез, убедившись, что контакта не получается. Я человек, а люди достаточно упрямые, своевольны и несговорчивы. Как раз такие, которые и взялись строить цивилизацию.

Мне кажется, это ловушка с этими ангелами и всем, что попадается на дороге... А если не ловушка, то некто старательно пытается не дать мне добраться до Храма.

Кто этот некто? В первую очередь в голову лезут мысли о всевозможных врагах, а их у меня немерено, однако может быть и такое, что это сам Храм... или его настоятели ставят передо мной препятствия.

Возможно, уже начинается искус, как говорил Тертулиан. Искус бабами, вином, чревоугодием, роско-

шью, властью и вообще всем, на что можно поймать даже сильного человека.

Хотя вряд ли, я не настолько значим, чтобы в Храме знали обо мне и следили за мной. Это вообще опасная мысль, так могу сложить руки и рассчитывать, что все равно меня вытащат... тут птичке и каюк.

Глава 15

Бобик вскоре начал принюхиваться, забирать влево. Я прикрикнул, кивнул, указывая направление строго на север, он побежал послушно, затем сделал резкий прыжок в сторону и понесся длинными прыжками.

— Что это с ним? — сказал я рассерженно. — Зайчик, давай посмотрим, но будь хоть ты осторожен, если я такой дурак, что мне хоть кол на голове теши, хоть орехи коли, хоть мордой о стену...

Местность понизилась, потянулись скалы, хоть не высокие, но частые. Мы прошли по следам Бобика, дальше роскошный кустарник, странно зеленый, листья вполне летние, воздух показался намного теплее, чем тот ужас, которым приходится дышать.

Зайчик осторожно пробрался через буреломы и на громождение камней, я услышал равномерный шум падающей воды, удвоил осторожность.

Я тихо охнул, когда арбогастр проломился через зеленые кусты, а я увидел источник шума. Озеро небольшое, странное, на противоположной стороне небольшой водопад, что изливается двумя широкими струями из громадного и широкого рта исполинской каменной головы.

Эту скалу обтесали грубо, но лицо выглядит только жестче, страшнее и наполнено такой мощью, что вот-

вот приподнимутся тяжелые каменные веки и вперят в меня смертоносный взгляд...

Вода вытекает оранжевая, и внизу бурлит такая же золотистая, постепенно теряя цвет, смешиваясь с остальной водой... хотя, на мой трезвый взгляд, она вся в этом замкнутом озере должна давно стать оранжево-золотой.

Бобик уже там, влез в воду передними лапами и лакает с такой жадностью, словно всю жизнь во рту не было ни капли.

— Что это с ним? — повторил я. — Зайчик, будь осторожен...

Я спрыгнул на землю и, оскальзываясь на мокрых камнях, начал спускаться к воде. Навстречу ощутимо пахнуло влажным теплом, так вот почему на берегу нет снега, а кустарник в зелени, даже трава роскошная и свежая, словно в мае.

Бобик оглянулся восторженными глазами, не увидел на моем лице запрета, прыгнул в воду, взвигнул то ли от восторга, то ли что-то цапнуло, проплыл на середину, там повертелся, затем стрелой вылетел на противоположный берег.

Арбогастр подошел к воде спокойно, но не стал пить там, где в озеро вбежал Адский Пес, отошел в сторону, подальше от взбивающего пену водопада, и медленно и осторожно начал цедить воду сквозь зубы, брезгливо оттопырив верхнюю губу.

Я постоял у края воды, пить не хочу, хотя если мои друзья пьют, то вода не отравлена, у них чутье получше моего. Странное чувство то и дело пробегает по коже, словно кто-то рядом, однако не враг, хотя и не друг.

Словно невзначай, я опустил ладонь на рукоять меча, ничего не изменилось, тогда присмотрелся к крупным камням, что наполовину в воде, вытащил

меч и сделал вид, что пытаюсь перевернуть клинком один...

Как и надеялся, этот неизвестный сдвинулся, чуть колыхнув воздух. Я моментально развернулся и упер клинок ему в то место, где у него должен быть живот, это всегда страшнее, чем в грудь.

— Советую показать лицо!

Чувствую, он замер, захваченный врасплох, затем довольно быстро передо мной появился силуэт молочного цвета, наполнился объемом, затем превратился в пожилого человека в летней одежде и обычных башмаках, в таких по снегу не походишь.

— Спокойнее, — проговорил он торопливо, — спокойнее... Я ничего худого не замышлял. Просто это мое, так сказать, жилище. Потому я вот так и хотел присмотреться...

— Жилище? — переспросил я, но меч не убрал. — Ты что, водяной?

Он усмехнулся.

— Я человек. Просто отыскал однажды это место, полюбилось, остался здесь жить. Мне от жизни мало что надо... а суeta в городах всегда раздражала.

Я медленно убрал меч, опасности не чувствую, как и угрозы, хотя насчет безопасности после случая с волшебницей не совсем уж уверен.

— Хорошо, — ответил я, сунул меч в ножны. — Конечно, от жизни мало надо тому, кто владеет колдовством.

Он поморщился.

— Да какое это колдовство? Так, пара полу забытых заклятий. Давайте присядем, а то меня ноги уже плохо держат...

Я сел первым, спросил с подозрением:

— Вы на старика не похожи.

— Спасибо, — ответил он, — хотя мне все-таки лет немало. А ноги начали подводить, долго ходить не могу, нужен отдых... Вы проездом или стремились именно сюда?

Он опустился на камень медленно, со старческим кряхтением, из груди вырвался глубокий вздох облегчения, то ли в самом деле стоять было тяжело, то ли на незримость потратил слишком много сил.

— Конечно, — ответил я с неудовольствием, — проездом. А чем этот ручей такой уж замечательный, что к нему кто-то поедет специально?

Он ответил уклончиво:

— Да у разных людей разные цели... А вы, если проездом, куда направляетесь, если не секрет? Вдруг старый отшельник чем-то сможет помочь?

Он вытащил из складок одежды крупные четки из отполированного коричневого дерева, смотреть продолжал мне в лицо, а пальцы начали механически перебирать бусины.

— Вряд ли, — ответил я. — Разве что знаете, где Храм Истины...

Он посмотрел с улыбкой.

— Знаю.

— Где он? — спросил я быстро.

Он протянул руку.

— Видите вот там гору? Сразу за ней.

— Так близко? — сказал я с облегчением и недоверием. — Как он выглядит?

— Его ни с чем не спутать, — ответил он. — В послушники?

Я помотал головой.

— Нет. Меня направили туда, чтобы я попытался вместе с ними найти что-то такое, что могло бы остановить Багровую Звезду Маркус.

— Багровая Звезда? — повторил он и посмотрел на меня с сомнением. — Знаете ли, в больших городах о ней не думают... да и в малых тоже, там все чем-то постоянно заняты, а я вот здесь свободен...

Я спросил с хмурым любопытством:

— И что надумали?

Он ответил с тяжелым вздохом:

— Неприятно такое говорить, тем более — слушать, но я верю, что приближение Багровой Звезды — это... все же дело рук Господа, а не Сатаны.

— Ого!

Он вздохнул, развел руками.

— Маркус показывает нам самим, какие мы есть... Надвигается всеобщая погибель. Жизнь будет уничтожена, все королевства сметены, от городов и столиц не останется даже развалин... И что же люди? Одни тупо ждут, как скот, которого ведут на бойню, другие прикидывают, что сейчас им не повезло, они воры, разбойники, нищие... а вот если уцелеют в пещерах, то выберутся наверх и сразу начнут сколачивать шайки, строить из несчастных выживших новые племена и объявлять себя королями.

Я подумал, вздохнул.

— Да, похоже.

— Человек даже из всеобщей беды, — сказал он невесело, — старается получить счастье для себя лично.

Я возразил:

— Не все же такие!

— Подвижников мало, — ответил он трезво. — Мир всегда держался на подвижниках и праведниках. Но когда их становится совсем ничего, мир сползает к краю бездны.

Я чувствовал, что мой череп накаляется от суматошных и горячечных мыслей.

— Когда был наслан потоп, я еще понимаю, — сказал я. — Подвижников не осталось, даже Ной не был ни подвижником, ни даже праведником. Его избрали потому, что единственный, кто не участвовал в содомных оргиях и всеобщем разврате, хотя по слабости духа и не боролся, не проповедовал, не разоблачал, не гневался... За неимением лучшего Всевышний и решил начинать новое человечество с него, ибо Ной хотя бы сам был чист... Однако сейчас в пещеры лезут все, праведные и неправедные! И вылезут, боюсь, неправедные быстрее и захватят больше.

Он тяжело вздохнул, замолчал, только четки сухо постукивают в быстрых пальцах, бусины переходят с одной стороны нити на другую.

— Нет, — сказал я решительно, — здесь что-то другое... Некий замысел, но я пока не могу его постигнуть!

— Неисповедимы пути Создателя, — произнес он нравоучительно.

— Не все, — возразил я, — некоторые исповедимы. Те, которые Он приоткрывает нам. Мы должны напрягать не только руки в труде, но и мозги, стараясь постичь то великое, что Он хочет нам сказать! И вдолбить в наши головы.

Он развел руками.

— Увы...

— Кстати, — сказал я, — почему все так старались остановить меня? Кому повредит, что я доберусь до Храма? И, может быть, в самом деле удастся найти какую-то защиту от Маркуса?

Он покачал головой.

— Кому-то в самом деле повредит...

— Как? — спросил я изумленно.

— Храм Истины, — ответил он спокойно, — уцелеет. Маркус ему ничего не сделает, как не сделал в прошлые разы. Земля сгорит или провалится в тартарары,

но Храм останется на том же месте. Или чуть передвинется, если под ним ничего не останется.

— А я при чем?

Он посмотрел прямо.

— Не понимаете?

— Нет...

— Монахам Храма нет дела до нашего мира, — объяснил он, — а вот вы, сумевший столько наломать дров, успели наделать себе врагов... и кто-то очень не хотел бы, чтобы вы вернулись вдесятеро или стократ более сильным.

— Кто? — спросил я, хотя и сам ощутил, что брякаю глупость.

— Многие, — ответил он тихо. — Было бы проще, если бы кто-то один.

Я спросил тихо:

— А такое возможно?

Он пожал плечами.

— Чего-то подобного все ждут от Храма.

Я сказал:

— Да-а... похоже, уединение способствует правильному пониманию вещей.

Он взглянул на меня остро.

— Но ты, юноша, если такое понимаешь, тоже находишь для себя уединение для размысливания?

Я сказал с тоской:

— Находишь одно, теряешь другое. Чтобы успевать помыслить о высоком, я слишком много работы переложил на помощников. И разом потерял почти все, что у меня есть. Потому даже не знаю... То ли человек должен уделять время тому и другому, нигде не достигая успехов, либо трудом должны заниматься одни, мыслить — другие... Но такое вроде бы нечестно.

Он посмотрел поверх моего плеча, я ощущал теплое дыхание Зайчика, а с другой стороны подошел Бобик

и посмотрел на меня с вопросом в больших серьезных глазах.

— Вот и ответ, — сказал тихо отшельник. — Тебе пора. Доразмышишься, если удастся, в седле.

Я кивнул, молча поднялся в седло и пустил арбогастра в сторону указанной горы. Что не попрощался, так мы оба понимаем, что большинство ритуалов для нас, отшельников, не обязательны.

А я в правильном смысле тоже отшельник.

На небе стремительно появился из ниоткуда и раскинулся на всю половину неба лиловый занавес, как в исполинском театре, колышется медленно и величаво, потрясающе торжественный, обещающий нечто необыкновенное, как только вот раздвинется и откроет сцену...

У меня захватило дух от небесного великолепия. Даже Бобик засмотрелся зачарованно, в глазах заиграли отблески этого дивного северного сияния, только арбогастр, как дитя науки, аристократически ровно и красиво мчится, разбрасывая снег, и не обращает внимания на эту ерунду.

За горой, повторил я, держа ее взглядом. Пожалуй, тот чернобородый прав, надо весьма и даже зело весьма смириТЬ свою гордыню до того момента, как войду в Храм и предстану перед седовласыми старцами с длинными волосами цвета серебра, ниспадающими на плечи и спины, и бородами, опускающимися ниже поясов.

Они там ведут неспешные беседы, время от времени засыпая от старческой немоши, а если я вот так войду, грохочущий и жаркий от внутреннего огня, то сразу все испорчу, нарушу ход их мыслей, и Храм потеряет на какое-то время то ли защиту, то ли право быть источником мудрости для всего человечества.

Бобик унесся далеко вперед, однако там резко затормозил всеми четырьмя, возбужденно гавкнул.

Я крикнул в жадном нетерпении:

— Зайчик, поддай... но будь осторожен!

Он на скорости, закидывая копыта вбок, обогнулся гору, и я замер, ухватившись обеими руками за луку седла, что вообще-то позор для всадника, иначе мог бы рухнуть с седла.

Посреди заснеженной долины черная, как антрацит, гора с резкими гранями, над ней яростные тучи передвигаются со страшной скоростью, сшибаются угольно-черными краями, раздается оглушительный треск, что тяжелыми глыбами падает на землю и прокатывается там, ломая лес и разбивая в песок скалы.

В тучах страшно блещут ветвистые молнии, похожие на корни исполинского Небесного Дерева, свесившего их до самой земли, мертвенно-бледные и горящие страшным пламенем.

Так вот ты каков, Храм Истины... И вряд ли там седовласые старцы.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	158
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	288

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ГРАНДПРИНЦ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *М. Тимофеева*

Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: Info@eksмо.ru

Әндіруш: «ЭКСМО» ЖШК. Баспасы, 127299, Ресей, Москвек, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru.

Қазақстан Республикасындағы Әкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,

Домбровский көшесі, 3-а», Б литер, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92,

факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Қазақстан Республикасының аумағында енімдер бойынша шағымды Қазақстан

Республикасындағы Әкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3-а», Б литері, 1 кеңсе.

Енімдердің жарамылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <http://eksмо.ru/certification/>

Подписано в печать 17.05.2013. Формат 84x108¹/32.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 (1-й завод 33 000 экз.) экз. Заказ 2796.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-65132-0

9 785699 651320 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksмо-sale.ru**

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksмо-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

**Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.**

**В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.**

**В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Ставки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.**

**В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.**

**В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.**

**В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksмо-psk@yandex.ru**

**В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.**

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

**В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.**

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

**В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksмо.kz**

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.**

Звонок по России бесплатный.

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

**Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksмо.ru**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14 . E-mail: imarket@eksмо-sale.ru**

ISBN 978-5-699-65132-0

9 785699 651320 >

